

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

6

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В.Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.

Подписано в печать 30.12.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко
Заведующая редакцией:
А.А. Ведерникова

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов,
Л.Я. Дятченко, С.Г. Ивченков,
Н.Р. Исправникова, П.Ф. Кравчук,
В.А. Кудрявцев, В.Н. Кузнецов,
А.И. Куропятник, А.К. Мамедов,
А.Л. Маршак, И.К. Масалков,
Ф.И. Минюшев, А.П. Михайлов,
Л.Н. Панкова, В.Н. Петров,
Н.Я. Полякова, М.В. Романенко,
В.В. Серебрянников, Г.Г. Силласте,
Н.Г. Скворцов, Н.Л. Смакотина,
И.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин,
М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании	5
<i>Фарахутдинов Ш.Ф.</i> Онлайн фокус-группы: методические особенности и эвристические возможности.....	16
<i>Изотова И.Ю.</i> Общая характеристика ценностно-смысловой сферы зависимой личности	23
<i>Похорюкова М.Ю.</i> Организация профессионального самоопределения в условиях пандемии	31
<i>Субочева О.Н., Овчарук Е.Р.</i> Коммуникативные практики в эристической диалектике А. Шопенгауэра	37
<i>Храмова Н.А.</i> Фаворитизм как ключевая форма развития коррупционных отношений	42
<i>Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И.</i> Мультиагентный подход в анализе образовательной среды	50

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ**

<i>Мещанинова Е.Ю.</i> Идеология и конструирование социальной реальности. Советский проект «общества без денег». Денежная реформа в СССР 1922–1924 гг.	60
<i>Баранова Л.М.</i> Город в глобальном мире: социология о переменах.....	70
<i>Осипенко Э.Б., Сальников А.В., Барановский М.В.</i> Авторитет и доверие в структуре военного управления и военной мысли.....	76
<i>Гарнага А.Ф., Охотникова Ю.В., Громенко И.В., Тюкавкина И.Л., Савкова Н.В.</i> Процессы субурбанизации в России и мире. Причины. Особенности.....	84
<i>Медиков Е.В., Демидова Т.Е.</i> Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: причины и факторы, влияющие на их появление.....	88

<i>Власова О.И., Чебыкина И.В., Заглодина Т.А., Ничипуренко А.В.</i> Институциональные формы пенсионного инвестирования в оценках россиян	94
<i>Сантос А.А.Д., Козырева Л.Д.</i> Институты социальной поддержки населения в современной Анголе	99
<i>Малышев М.А.</i> Изменение уровня социальных стандартов для отражения требований профсоюзов в программе социально-экономического развития России, в планах Правительства и в Генеральном соглашении	104
<i>Погребной Д.Н.</i> Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения	112
<i>Козырева Л.Д., Шкурупей О.В.</i> Социальная поддержка молодежи в России: новый формат социальной реальности.....	117

ЭМПИРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Грудина Т.Н.</i> Установки подростков и родителей на личные сроки жизни и самосохранительное поведение (по результатам социолого-демографических исследований).....	121
<i>Бурцов М.Ю.</i> Пути обеспечения эффективности социального управления доверием в спортивном институте подготовки олимпийского резерва.....	129
<i>Евенко С.Л., Моряков С.В.</i> Социальное благополучие семей военнослужащих: приоритеты обеспечения.....	135
<i>Кочина Е.А., Осипова Д.А.</i> Региональный опыт применения технологии фандрайзинга социально ориентированными некоммерческими организациями (на примере Республики Хакасия).....	142

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Ли Сяочжоу.</i> Культурные креативные кластеры: место и роль в развитии российских регионов	148
<i>Ибрагимов Р.Н., Митрухина С.В.</i> Компетенция как единица измерения человеческого капитала: социологическое измерение.....	156

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Кульжанова Г.Т. Значение системы ценностей в формировании человеческого капитала 166

Латышева Н.А. Символические пространства России и её единство в условиях глобализации 174

Младенов В.И. Становление дискурса религиозной угрозы в российской философской мысли..... 180

Прошкин А.С. Социальная инженерия в 21 веке: проект социального кредитования граждан в КНР 189

Ролдугина О.Ю. Философия социального управления в условиях новой социальной реальности..... 195

Серегина Т.Н. Гендерные процессы в социально-экономическом пространстве города 203

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ.
ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ**

Афанасьев Н.В. Рациональное и иррациональное в современном мифотворчестве народа: политическая мифология 210

Пожарский С.Д., Жанна Бобер. Философские аспекты категорий маргинальности в диалектике развития..... 217

Загирняк М.Ю. Контекст формирования понятия солидарности в учении Сергея Гессена о социальном праве 226

Камалдинов А.В. Становление «Нового атеизма»: предпосылки возникновения..... 232

Коломейцев И.В. Трансформации жизненного мира человека в контексте технологической эволюции..... 240

Кутын И.В., Андропова Е.М., Артемов К.А., Крамаренко Г.В., Лапшин В.В. Специфика организации спортивно-приключенческого мероприятий по Москве для студенческой молодежи 249

Маслова В.А. Культурный капитал и идеи эстетического воспитания в 20 веке..... 257

Афанасьев Н.В., Титова У.В. Роль комедии Н.Д. Неустроева «Тиэтэйбит» в культурную жизнь республики саха (Якутия) 266

Шимельфениг О.В. Эпистемология и стереотипы мышления 270

Субъективное восприятие свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashevrg@bk.ru

В статье рассматриваются субъективные оценки и объективные возможности социально-правового пространства России в аспекте защиты свободы воли и религиозного самоопределения. Выявляются особенности восприятия свободы воли и религиозного самоопределения в общественном сознании.

Ключевые слова: свобода воли, религиозное самоопределение, субъективное восприятие, иррациональность, сознание, общественное сознание, социальные представления

Свобода совести и религии идет в одном направлении со свободой слова. Во времена советского союза в уставе капиталистической партии были установлены правила для участников этого объединения, заключавшихся в беспрекословном сопротивлении религиозным предрассудкам и иным заблуждениям прошлого. В связи с тем, что партийность была приоритетна в советский период, верующие граждане России не могли свободно выражать свои суждения. Переворот отобразился на жизни всего общества и всех человеческих отраслей, больше всего затронув установки идеологии. Складывалась мнимая очевидность того, что права верующих и неверующих равны, как в действительности атеистические взгляды на жизнь претерпевали упреки в реакционности, которые были близки к идеалам коммунизма.

Имея права на свободу воли и веры, человек в одинаковой мере должен соблюдать свои прямые обязанности перед законом и судом своего государства. Государственной религии в России не существует, так как это светская страна, в связи с этим, запрещена любая дискриминация по религиозным убеждениям человека, если это не нарушает закон. Нельзя отделять верующих людей от неверующих, так как все граждане имеют одинаковые права и обязанности, независимо от их религии. Сейчас актуально участие православной церкви на светских сборах, различных праздниках и выпускных, но это является прямым нарушением прав человека, не придерживающегося этой религии или отрекающийся от любой веры.

Институт свободы веры и совести коррелирует с правом на труд. Все еще существуют профессии, в которых проверяется религиозная принадлежность человека. Например, военная служба, где военнообязанные беспрекословно должны выполнять все приказы офицеров, и даже при необходимости отнимать жизнь у человека, что полностью противоречит гуманным и священным правилам многих религий, где убийство является самым большим грехом.

В исследованиях ряда ученых анализируются современные условия развития религиозной ситуации в России (К.В. Акопян [1], А.И. Овчинников [10], П.А. Трескин [11]), работа религиозных институтов рассматривалась в исследованиях А.И. Бобкова [6], О.А. Кармадонова [8], М.О. Шахова [12], отдельные аспекты развития мышления, спровоцировавшего религиозный бум затрагиваются в исследованиях Р.Г. Ардашева [1–5], Р.В. Иванова [7], В.Н. Липкина [9] и других.

В Конституции Российской Федерации отмечено, что гражданин России в связи со своей религиозной принадлежностью, противоречащей несению военной службы, вправе сменить эту деятельность на другую гражданскую профессию. Такой закон действует как на военных призывников, так и на контрактников. В Германии существует закон, где молодые люди с восемнадцати лет могут нести службу в гражданской обороне. Такая служба контролируется законом, и гражданином должно быть предоставлено письменное объяснение причины отказа от военной службы в Федеральное управление службы граждан, где принимаются решения по отказу или соглашению допустить человека до гражданской профессии. Решения принимаются, отталкиваясь от религиозной принадлежности гражданина [1].

Вольность совести и религии переплетается с образованием. Как уже было указано выше, школы в России и в то время и сейчас, отделены от церкви. В государственных школах и детских садах запрещено препода-

вать предметы религиозного характера. Не в детском, не в юношеском возрасте не допускается навязывание определенной религии, человек имеет право самостоятельно сделать выбор, как в вопросах веры, так и в других. Подобный тип образования подтвержден и в Конституции РФ, а обучение религии может осуществляться лишь частным образом, без государственной помощи. Отказ в частном обучении религии, ребенка или взрослого, ссылаясь на законы является правонарушением и неуважением человека к свободе совести и веры.

На практике по законам, частное обучение религии не способно достичь верного исхода и усложняется из-за введения регионального и базового компонента в программы. Прибавленные региональным компонентом часы, в школах расходуются не рационально. Считается, что такие знания расширяют кругозор и повышают грамотность учеников. Часто такие часы отдают на предметы не регионального образования, а для соблюдения, так называемой, образовательной моды. Допускается введение в предмет истории, религиозных справок по всем верам, с целью осведомить подрастающее поколение по различным идеологиям, это будет вносить современный вклад в школьное образование. Неприемлемо вводить в учебные заведения Божий предмет и тем более звать священника, который даже не имеет педагогического образования, с целью преподавать религиозный предмет. Во многих регионах в 2006 году обязательным предметом было православие, что вызвало возмущение в обществе и являлось нарушением законов Конституции РФ.

Особенно накалена свобода совести и веры в образовательной сфере. По закону, религиозные организации вправе создавать собственные школы и проводить в них обучение. Также, по желанию родителей, с одобрения руководства школы и детей, вне образовательной программы можно формировать уроки по обучению религии. Но, православная церковь во многих

моментах продолжает нарушать права человека в сфере обучения. Например, в 2001 году, Московское министерство образования и епархии заключили договор, согласно которому они образуют совет по взаимодействию воспитания и образования детей, их духовному насыщению и совместное написание обучающей книги. Все эти действия противоречат Конституции РФ.

Закон свободы совести и веры существует по принципу Конституции, отделяющий государство от веры, в котором не будет ущемлений со стороны государства в адрес религиозного человека и вторжения в воспитательную деятельность родителей по отношению к своим детям. Религиозные объединения не обязаны функционировать, как органы государственной власти или органы местного самоуправления. Власть государства не будет вмешиваться в такие объединения, если они не будут противоречить законам. Государственные школы имеют светский характер, а для родителей, имеющих желание привить своему ребенку религиозные знания, может водить его в воскресную школу, организаторами которой могут быть монастыри, церкви и так далее.

Вольность в вере заключается правом на отдых. Создают все больше христианских лагерей, для детей и молодежи, где подрастающее поколение может не только улучшить свое здоровье, но и обогатиться знаниями православия. В туризме активно осуществляют путешествие к святым местам. Там осматриваются храмы и другие святыни, а также купаются в священных источниках, поклоняются иконам и многое другое. Такие религиозные методы оказывают хорошее воздействие на мировоззрение неверующих людей, что может стать причиной смены их духовных взглядов на жизнь. Но, чрезмерное вмешательство церкви в общество и личную жизнь человека, является нарушением свободы совести и веры.

Государство России в своем законе о свободе совести указывает на отсутствие религиозной публичности в органах местного самоуправления. Власть

государства, местных органов, военнослужащие и другие чины, не имеют право за счет своих полномочий и положения в обществе навязывать религиозные суждения гражданам. Исходя из Конституции, где прописано отделение государства от религиозных объединений, закон обосновал деятельность последней, которая существует по структуре иерархии; самостоятельно осуществляя персонализацию граждан, не участвуя в выполнении функции власти государства и в выборах в органы этих властей, не вмешиваясь в работу политики и не оказывая им никаких форм помощи.

В некоторых делах государство и религии все идет по правилам, так, как и должно быть, но в некоторых можно обнаружить несоблюдения. Когда президент России вступал на свой пост, кроме государственных властей, туда был приглашен Московский Патриарх, который от всех поздравил главу страны и пожелал ему успехов. Участие священника в такой масштабной церемонии, говорит о авторитете христианской веры в России и о полезных взаимоотношениях властей с церквями. Многие учреждения (школы, вузы, военные корабли и части) были освещены священниками, и в подобных ситуациях необходимо выяснять, являются ли такие действия работников церкви, нарушением законов РФ.

Во времена СССР, на собраниях депутатов были выбраны священники высшей церковной иерархии, они принимали участие в совете, как граждане России. В 1997 году тоже не было запрета таким объединениям на участие в политике страны [9].

В законе прописано, что отделения религиозных объединений от государства, не является ограничением для членов таких групп в участие деятельности страны, политических партий и выборах, наравне с другими гражданами. Выдвигаться в партии и баллотироваться в депутаты является собственным выбором каждого верующего человека. Но, позже на многих собраниях было решено, что священникам

становится депутатами будет не разумно. Ведь мощное противоборство было и остается внутри государственной власти по признакам партии, а священник должен заниматься помощью и духовным обогащением людей.

Предметом для обдумывания является присутствие властей на религиозных праздниках. Глава государства или другие члены правления могут посещать подобные мероприятия, как частные лица, но так как такое случается только по крупным поводам и в главном соборе, где ритуал проводится патриархом, то присутствие Президента выглядит, как политическое движение, показывающее расположение властей к данной вере. Так как глава страны не исповедует иные религии, посещение им других священных мест (Мечеть, храмы буддистов) не осуществляется, что не совсем корректно для демократической страны с равными правами, где внимание со стороны властей должно быть ко всем религиям одинаково. По примеру Президента, руководители регионов появляются только в религиозных храмах собственной веры, такие действия со стороны властей указывают на их предпочтения в религии. Разумеется, они имеют право на свободу веры и выполнение соответствующих религиозных обрядов, но являясь лидерами и медийными личностями, нельзя забывать и про другие религии.

В правовой системе свобода совести и веры занимает главное место и ее продвижение – это основная задача современного государства [9].

Защита прав верующего органами власти в РФ

Защита прав верующего человека осуществляется Конституцией РФ и федеральным законом.

В нескольких статьях Конституции отображается правовая защита гражданина. Тринадцатая статья указывает на многообразии идеологий в России; в стране нет общего государственного мировоззрения, для каждого человека оно индивидуально; религиозным объединениям запрещено разрушать ценно-

сти государства, создавать небезопасную обстановку, нападать на властителей и мирных жителей страны, а также обострять религиозные и национальные конфликты. В четырнадцатой статье указывается светскость РФ, отсутствие единого государственного вероисповедания; все религиозные конфессии отведены от государства и соблюдают его законы.

Пятнадцатая статья говорит о законной силе Конституции и ее беспрекословном соблюдении всеми гражданами РФ, принятие каких-либо законов в стране не могут расходиться с Конституцией; все властители, высшие чины и граждане должны придерживаться конституционных законов; любой закон должен подлежать обязательной публикации, неопубликованные для всех жителей правила не могут соблюдаться; международные нормы и договоры РФ входят в систему ее права, международным договором могут быть прописаны правила, идущие в рознь закону, в таком случае необходимо придерживаться правилами первого.

В семнадцатой статье, исходя из Конституции, в РФ соблюдаются права человека в соответствии с международными нормами; с момента появления человека на свет, он получает права и свободу; полученные им права не могут нарушать свободу других граждан. Девятнадцатая статья подчеркивает паритетность человеческих прав вне зависимости от языка, национальности, положения, вероисповедания и так далее, не ограничивая таких людей в их правах. В двадцать восьмой статье указана свобода вероисповедания, где гражданин может самостоятельно придерживаться и обогащаться своей верой, быть участником религиозных общин, получать религиозные знания и распространять их среди общества или вовсе не исповедовать никакой веры.

Двадцать девятая статья доказывает свободу в мышлении и изложении своих мыслей любым человеком; нельзя призывать население к религиозной и национальной вражде, возвышать

какую-либо религию или национальность, тем самым принижая другие; без собственного согласия ни одному человека не может быть навязано чье-либо мнение; не противоречит закону, каждый в праве искать и распространять какое-либо сведения; вольность в получении массовой информации. В пятьдесят девятой статье указана обязанность гражданина защищать свое государство, но, если вера человека не позволяет ему проходить военную службу, то ее можно заменить другой гражданской профессией.

Федеральным законом РФ гарантируется право на свободу совести и веры каждому человеку, но независимо от религии и собственных умозаключений, обязательство в соблюдении законодательства, понимая, что Россия современное государство. Относясь с почтением к исламу, христианству, буддизму и иным религиям, являющихся составным элементом в истории России, трепетно и с пониманием содействовать в свободе совести и веры, учитывая законы.

В первой статье подчеркивается поддержание прав и религиозных объединений, создаваемых людьми. Вторая статья о свободе веры и ее общинах, регулирующихся Гражданским кодексом, Конституцией, Федеральным законом; права и законы РФ, деятельность религиозных конфессий не могут противоречить федеральному закону. Ни в одном законе РФ, не может быть строк, указывающих на ущемление человеческих прав. В третьей статье отмечается право в свободе самостоятельного или совместного исповедования любой веры, либо отречение от всех религий. Узнавать и пропагандировать свою веру в соответствии с законодательством. Мигранты и граждане другой страны, посетившие Россию, имеют в точности такие же права, как и граждане этой страны и несут ту же ответственность за несоблюдение ее правил. Федеральный закон вправе ограничить права в свободе вероисповедания человека в том случае, если они будут противоречить Конституции и создавать опасную

обстановку в стране. Дискриминация к какой-либо вере неприемлема. В России все граждане едины перед законом во всех сферах человечества; военная служба, противоречащая религии человека, может быть заменена на любую гражданскую. По намерению Президента РФ, в связи с прощением религиозных общин, священникам по закону предоставляется в спокойный жизненный период отсрочка от военных сборов и службы. Ни один человек не должен оглашать о выборе своей религии и быть принужденным к выбору веры, не близкой его идеологии; участие в богослужениях и религиозных обучениях должно быть индивидуальным предпочтением гражданина; дети не могут принимать участие в религиозных общинах, поневоле и без родительского согласия обучаться религии. Публичное оскорбление религиозных чувств верующего (митинги, неприличные картинки и высказывания) карается законом. Тайное покаяние находится под законной охраной, священник имеет право отказаться в даче показаний против человека, выясненных им из его покаяния.

Четвертая статья излагает о светскости РФ, об отсутствии единой государственной веры, разделении государства от религиозных общин и их единство перед законом. Власть не может влиять на религиозный выбор человека и обучать правильному родительскому воспитанию своих детей, вторгаясь в личную жизнь граждан. Не заставляет конфессии выполнять те же обязанности, что возложены на органы государства и не вторгается в их работу, если та не нарушает законы. Поддерживает в учебных заведениях светский характер. Религиозные организации получают льготы от государства, финансирование и помощь в улучшении состоянии здания, охрану памятных культур, предоставляются властями учителя по общим предметам для обучения в религиозных заведениях. Пользуясь своим положением, важные чины государства, не в праве навязывать свою точку зрения по отношению к религии.

В свою очередь, исходя из этой статьи, религиозные общины работают по своей институтской системе, отбирая персонал по собственным соображениям; не реализуют обязанности других органов и систем; не отбирают людей в органы власти; не принимают участие и не оказывают благотворительность движениям партии; религиозные конфессии, не зависимо от их разделения с государством, в полной мере получают все права, полагающихся гражданам России и могут принимать участие в выборах государственного управления и партии; власть государства в РФ, по просьбам религиозных общин, религиозное празднество могут провозгласить нерабочим днем.

Из пятой статьи следует, что человек может получить образование по своей вере самостоятельно или с кем-то в группах. Дети воспитываются и обучаются родителями, соблюдая детские права на свободу. С одобрения ребенка, в результате прошения родителей, руководство школы вне учебной программы могут организовать для детей религиозные группы, для обогащения их знаний.

Шестая статья извещает о возможности организовать по собственному желанию религиозную общину, для совместного изучения и распространения основ веры, проводить богослужения или иные обряды, насыщая себя и своих последователей знаниями. Конфессии нельзя организовывать в местах государственного и военного назначения. В восьмой статье говорится о религиозных организациях, которые делятся на местные и централизованные. В местной будут насчитываться около десяти участников не менее восемнадцати лет и постоянно находящихся в одном городе или деревне. Централизованная же образована тремя местными организациями и может официально применять в своих названиях слово «Россия», если она действовала в течении пятнадцати лет. Религиозная организация должна в полной мере доложить о своей вере. Многочисленное отсутствие предоставлений своих об-

новлений религиозной общиной в государственный реестр юрисдикции, органы зарегистрировавшие эту организацию могут подать в суд для признания этой общины недействительной и убрать ее из общего реестра.

В девятой статье сообщается о местной религиозной общине, владельцами которой имеют право быть около десяти Российских граждан, находящихся в одной группе и организованная не меньше пятнадцати лет, с подтверждением регистрации. Централизованные создаются при существовании трех местных общин одной религии со своими правилами, не противоречащие Конституции. Десятая статья излагает об уставе религиозных общин, устанавливающийся ее владельцами и соответствующий законам России. В уставе религиозной организации отмечается ее название, расположение, вера, задачи, цели, деятельность, структура, управление и материальное обеспечение. Одиннадцатая статья посвящена регистрации религиозных организаций в государстве РФ, в соответствии с законом. Регистрируют такого рода общины, федеральный закон исполнительной власти, а затем судебные учреждения. Оповещение государственного реестра о производстве, закрытии организации или других извещениях выполняется органом регистрации по специально установленным правилам. Регистрация местной и централизованной общины производится федеральным органом судебных учреждений в определенном субъекте [2].

Большое значение в защиту прав верующего внесла Организация Объединенных Наций, акцентирующая свое внимание на уважительном отношении к религиозному и иному выбору человека, независимо от его нации, языка, пола. Для полной защиты ими были созданы декларации по правам гражданина, исключаяющие ущемление по религиозной принадлежности и убеждениям человека.

Существует несколько несоответствий в международных договорах. К примеру, мусульманские страны были

возмущены тем, что можно менять религию и ответили отрицательно на подписание такого рода договоров, так как считают, что граждане их страны, должны исповедовать только религию Ислам. В связи с этим, в некоторых пактах содержится запрет на принятие иной религии в определенных странах. Многие эксперты столкнулись со сложностями в прививании общих стандартов по правам религии некоторым государствам. Например, мусульманские страны, отрекающиеся от любой религии, кроме своей, или социалистических стран, отказываются признавать атеизм.

В определенных субъектах России, свобода совести и веры проявляется не в полной мере и не приведена в порядок законом. Например, такая проблема существовала в Тамбове. С 2003 по 2005 год у них увеличивалось количество религиозных общин, но они нормально не регулировались государством. Законом не были до конца поддержаны права человека в регионе. Некоторые жители Тамбова вовсе не имели смыслового представления о правах на свободу совести и веры. Из чего и вытекает не полнота реализации и осведомленности населения об их правах.

Судебная практика в стране становится все более альтернативной. Согласно Конституции, суды вправе контролировать любые нормативные акты и ликвидировать законы властей, нарушающие человеческие права. Решения, принятые судом, будут рангом выше любых других государственных решений. Все судебные приказы должны подвергаться публикации, после чего они получают права наравне с полноценными нормами. Суды - это источник, решающий споры, объясняющий законы и заполняющий правовые пробелы. Но, на некоторые проблемы, нарушающие права, суды не обращают особого внимания. Откровенно воздействовать на душевные состояния человека (его суждений, идеологий) могут влиятельные государства. При возмущении граждан, на нарушение их прав, в связи с церковными работами, обычно происходила скарификация иных прав

(уважение личной жизни, защита собственности). Суды акцентировали свое внимание именно на этих нарушениях, несмотря на возмущение граждан по иным вопросам.

Частота нарушений человеческих прав наблюдалась в Греции. Люди, идущие против Греции и исповедовавшие веру Свидетелей Иеговы, собирались своими группами в частном помещении, не имея на это разрешения властей. С целью получить разрешение, они целый год обращались за помощью к властям, на что те, не давая точный ответ, указывали на более тщательное исследование данного вопроса. Ответы на их прошения так и не были получены, но люди все равно собирались в этом месте и проводили религиозные обряды. После этого их привлекли к уголовной ответственности. Власти государства отметили ущемление Греческим судом, получение церковного разрешения, лишь проведя с ними беседу. А граждане не пожаловались на длительность ответа властей. Суд объявил о нарочном оттягивании ответа, властями государства, чтобы уменьшить численность религиозных общин не православной веры.

Суд Швейцарии разрешил изымать человеческий волос для экспертизы, не считая это ущемлением прав. В Цюрихе, прокуратура подозревала гражданина в осуществлении сексуального проступка. Для подтверждения о употреблении гражданином запрещенных препаратов, у подозреваемого нужно было вырвать пару волос и отправить в лабораторию. Но, он сказал, что исповедует религию, в которой запрещено обстригать волосы, тем самым ставя под сомнение его право на свободу совести. При обращении в суд с этим вопросом, он постановил, что изъятие пары волос для экспертизы не будет нарушать человеческие права.

Власти государства, Конституция, Федеральный закон, суды: все они стараются оказать поддержку человеческих прав, но многие моменты требуют более тщательного государственного рассмотрения [10].

Деятельность органов власти по решению проблем оскорбления верующего и реализации прав человека

Религия в политике сочетает в себе несколько связанных друг с другом элементов: нормативных, функциональных, ценностно-целевых, институциональных.

В нормативном элементе осуществляется законный контроль в отношении свободы совести и веры. В правовых актах прописаны преимущества, обязанности и запреты властей в религиозных делах. Эти же правила распространяются на общины религиозного характера и их членов, где государство будет предоставлять им защиту и помощь. В ценностно-целевом элементе сочетаются мировые взгляды по вопросам религиозной роли в общественной жизни и по достижению государством своих целей в вопросах свободы сове-

сти. По идеологиям и духовенству можно понять, какие именно задачи государство стремится разрешить, исходя из их ценностей. В религиозной, светской и атеистической стране, власти по-разному осуществляют свою деятельность, в связи с различиями в каждом из государств. В свободных и актуальных государствах, нет обязательных убеждений, но у властей все равно имеются собственные задачи и нравственное достоинство.

В функциональном элементе сочетается работа государства в конфессиях. Некоторые нормы государственной власти являются категоричными и не будут изменены по просьбе адресантов, а в некоторых складывается определенный поведенческий вариант, но оставляя инициативу за самими адресантами этих норм. В институциональном элементе государство осуществляет вероисповедную политику, обладая правовой компетенцией (рис. 1).

Рис. 1. Система взаимосвязи государственно-конфессиональных отношений

В 1998 году, в коммунистической партии советского союза произошли перемены. Безбожные взгляды властей, навязанные всему обществу, сменились свободой совести, где Православной церкви выразили особую признательность в становлении русской культуры. Прекратилось распространение атеистических взглядов, а руководство, регистрирующее религиозные организации стало значительно лояльнее к новым прошениям. В связи с этим, появилось множество конфессий и произошли глобальные изменения в религиозной политике государства.

Российские власти очень долго рассматривали староверие, как небезопасную для государства идеологию и осу-

ществляли против них постоянные репрессии и ограничения. Но, со временем законодательство осознало, что это движение положительно влияет на страну, где члены этой организации являются патриотами, улучшающие экономическое положение и закрепляющие обычаи в обществе.

Во времена советского союза, слово «вера» воспринималась, как архаизм, исчезнувший в идеологиях коммунистов. Власти в полной мере стремились оградить граждан страны от религиозных общин. Государство следило за деятельностью конфессий, блокируя любую активность с их стороны. Власти самовольно высказывались и пропагандировали атеистические убеждения, часто нару-

шая предписанные нормы. Религиозные общины не имели шанса протестовать в суде против властей. Со временем вся структура поменялась, появилась демократия и свобода совести.

Со временем, вероисповедная политика начала осуществлять свободу совести и веры в отношении всех жителей страны, следила и оказывала помощь религиозным общинам и поддерживала мир во всех религиях. Цель такой политики в РФ – это расширение прав человека на свободу совести и создание устойчивости в обществе. Задачами властей является выполнение прав по свободе совести и веры, указанных в Конституции, координирование интересов религиозных и нерелигиозных людей, конфессий. Контроль за всеми религиозными общинами, для сохранения в них мира и хорошего отношения. Равномерное размещение денежных средств для духовного процветания граждан и вручение им льгот. Усиление нравственной составляющей человечества, с помощью положительного раскрытия идеологий, поддержание национальных обычаев в стране, совершенствование самодеятельности, покровительство населения со всех сторон (государственной и личной), запрет на внедрение насильственных норм, опровергающих моральные ценности.

Принципами законодательства в отношении религии является светскость государства, одинаковое отношение ко всем верам и их организациям, соблюдая права человека на свободу. Все конфессии равны перед Конституцией. Почитание государством культурных и национальных обычаев каждого общества. Ущемлять властями одного гражданина или религиозную группу, допустимо, в случаи нарушения ими норм Конституции, нанесение вреда здоровью человека и при создании небезопасной обстановке в стране. Преимущества властей в своем выборе, должны быть подтверждены научно, где необходимо проводить ряд анализов (правовых, экономических, социальных), чтобы предотвратить появление погрешностей в выборе действий.

Государство имеет свои методы в отношении свободы совести и веры, где любой гражданин страны, в независимости от его должности и статуса, обязан соблюдать законы, прописанные Конституцией. Права по свободе совести и веры должны постоянно преобразоваться и расширяться. Образуют действенные методики для продвижения религии в политике любого уровня, с целью выполнения властями своих обязанностей в отношении человеческих прав на свободу. Регулярное повышение квалификации работников государства, реализующих свою службу в политике веры. Содействие в учениях науки, для теоретического обогащения веры в государстве. Совместная работа с конфессиями и учет их интересов в государственных вопросах. Поддержка государством религиозных общин в любой сфере их продвижения, полезное общение и взаимопомощь, где власти будут духовно обогащаться, а общины получать необходимые ресурсы. Создание доброжелательных отношений между представителями разных религий [4].

Оценка мнения жителей Иркутской области по вопросам религиозного характера

Исследование проходило через виртуальную платформу опросов www.google.com в 2020 году, в нем приняло участие 860 жителей Иркутской области, 56% женщин и 44% мужчин в возрасте от 18 до 75 лет, занимающих разные социально-правовые и социально-демографические ниши.

На вопрос, о религиозной принадлежности, среди опрошиваемых было выявлено преобладание православных граждан. Доля православных составила – 45%, буддистов – 20%, мусульман – 15%, католиков и атеистов по 10%.

Большое присутствие буддистов объясняется традиционными распространением данной религии на территории Иркутской области и сопредельной Республики Бурятия, а ислама – высоким уровнем миграции из мусульман-

ских стран СНГ и оседанием мигрантов на изучаемой территории.

Практически две трети участников исследования состоит в национально-культурных (29%), конфессиональных (24%) или общественно-просветительских (18%) организациях, поддерживающих их культурные и религиозные ценности. Только 22% нигде не состоят.

Негативных оценок в отношении представителей других национально-культурных и религиозных традиций было не так много (16%), положительных оценок в два раза больше (32%), но преобладали нейтральные (52%).

При этом, уровень религиозной конфликтности, по мнению респондентов, достаточно высокий (32%), средний (47%), низкий (21%).

Отношение к религиозным сооружениям достаточно положительное (82%), нейтрально их воспринимают 15% и негативно 3%. При этом, у большей части жителей области сохраняется интерес к культурному наследию и готовы посещать религиозные сооружения не принадлежащие к их вере с целью расширения представлений, ознакомления с другой культурой более половины опрошенных (54%).

Интересны были ответы на вопрос о том, что «Считаете ли вы, что государство в полной мере защищает верующих людей», достоверно значимая часть респондентов ответили отрицательно – 75%, утвердительно – 20% и затруднились с ответом – 5%. Иными словами, свобода совести и выбора вероисповедания формально соблюдается, но на быденном повседневном уровне и россиян нет уверенности в безопасности данного выбора.

При этом, респонденты достаточно радикально настроены против тех, кто негативно относится к представителям других религий и готовы привлекать их к уголовной ответственности (68%), решать конфликты путем переговоров готовы только 22% и 10% затруднились с ответом.

Подводя итоги, можно отметить, что во многих странах, включая Россию,

работа государства в плане религии осталась недоработанной, а мир среди представителей различной веры, плохо осущитим и требует корректировок. Сегодня произошло мировое эволюционирование в правах граждан на свободу совести и веры, улучшилось положение в странах, где государство прделало немалую работу для достижения такой эмансипации. Но требуется еще немало доработок в плане веротерпимости, так как межнациональные и межрелигиозные конфликты все еще актуальны.

Литература

1. Аюрян К.В. Некоторые аспекты современной религиозной ситуации в США // Вестник Вологодского Государственного Университета. 2011. № 2 (14). С. 148–154.
2. Ардашев Р.Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины. Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2019. С. 25–27.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 145–154.
5. Ардашев Р.Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 40–48.
6. Бобков А.И., Кармадонов О.А. Религиозный опыт как фундирующее начало этнической субъектности // Социодинамика. 2017. № 3. С. 101–117.
7. Иванов Р.В. Идеологические проблемы современной России // Глобальные вызовы и региональ-

- ное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы научно-практической интернет-конференции. Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. 2016. С. 105–110.
8. Кармадонов О.А. Особенности религиозной среды современной Америки: опыт социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 4. С. 85–99.
  9. Липкин В.Н. Принцип Светского государства как одна из основ конституционного строя РФ // Красноярский Государственный Университет 2015. № 10 (19). С. 135–145.
  10. Овчинников А.И. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Дагестанский государственный институт народного хозяйства. 2014. № 3 (15). С. 7–15.
  11. Трескин П.А. Взрыв «новой религиозности» среди молодежи: причины и следствия // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Иркутск: ИГУ, 2009. С. 139–144.
  12. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в РФ. М.: Сретенский Монастырь, 2013. 528 с.

SUBJECTIVE PERCEPTION OF FREE WILL AND RELIGIOUS SELF-DETERMINATION IN THE PUBLIC MIND

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines subjective assessments and objective possibilities of the social and legal space of Russia in the aspect of protecting free will and religious self-determination. The features of the perception of free will and religious self-determination in public consciousness are revealed.

Keywords: free will, religious self-determination, subjective perception, irrationality, consciousness, public consciousness, social representations

References

1. Akopyan K.V. Some aspects of the modern religious situation in the USA // Bulletin of the Vologda State University. 2011. No. 2 (14). S. 148–154.
2. Ardashev R.G. Irrationalization of truth as an attribute of the era of change // In search of social truth. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Edited by V.A. Reshetnikov, O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2019. S. 25–27.
3. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 76–84.
4. Ardashev R.G. Conspiracy theories in the public opinion of Russians // Mission of confessions. 2020. Vol. 9. No. 1 (42). S. 145–154.
5. Ardashev R.G. Forms of irrationality of public consciousness // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. 2020. S. 40–48.
6. Bobkov A.I., Karmadonov O.A. Religious experience as a fundamental principle of ethnic subjectivity // Sociodynamics. 2017. No. 3. S. 101–117.
7. Ivanov R.V. Ideological problems of modern Russia // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. Materials of scientific and practical Internet conference. Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 2016. S. 105–110.
8. Karmadonov O.A. Features of the religious environment of modern America: the experience of sociological analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2002. T. 5. No. 4. S. 85–99.
9. Lipkin V.N. The principle of the secular state as one of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation // Krasnoyarsk State University 2015. № 10 (19). S. 135–145.
10. Ovchinnikov A.I. Religious security of Russia and the role of law in its provision // Dag-estan State Institute of National Economy. 2014. No. 3 (15). S. 7–15.
11. Treskin P.A. The explosion of “new religiosity” among young people: causes and effects // Culture and explosion: social meanings in a transforming society. Irkutsk: ISU, 2009. S. 139–144.
12. Shakhov M.O. Legal framework for the activities of religious associations in the Russian Federation. Moscow: Sretensky Monastery, 2013. 528 p.

Онлайн фокус-группы: методические особенности и эвристические возможности

Фарахутдинов Шамиль Фаритович,

доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: fshamil@mail.ru

Статья посвящена обзору метода онлайн фокус-групп, получившим широкое распространение в маркетинговых и социологических исследованиях. Показан общий алгоритм проведения традиционной фокус-группы, обработки и анализа полученных данных. Выделены преимущества и недостатки онлайн фокус-групп по сравнению с классическим вариантом метода. Рассмотрены два основных формата онлайн фокус-групп: чат и форум (онлайн дискуссия), применяемых в исследовательской практике. Показаны сферы использования онлайн фокус-групп, а также спектр решаемых при помощи данного метода исследовательских задач.

Ключевые слова: фокус-группы, онлайн фокус-группы, социологические и маркетинговые исследования, модератор, рекрутинг, обработка и анализ данных.

Фокус-группа представляет собой один из самых распространённых методов, применяемый в маркетинговых и социологических исследованиях. Считается, что впервые данный метод был формализован американскими социологами Р. Мертоном и П. Кендалл в 1944 году. В то же время существуют указания на более ранние примеры участия небольших групп людей в исследованиях, проводимых в маркетинговых целях (рис. 1). С тех пор фокус-группы не претерпели каких-либо существенных изменений [1].

Традиционная фокус-группа сочетает в себе интервью, дискуссию и беседу и обычно проводится в специализированном или приспособленном для этого помещении, изолированном на время её проведения от внешней среды. Обсуждение какого-либо предмета, представляющего интерес для исследования, осуществляется в группе из семи-девяти участников. Ход беседы контролируется модератором – исследователем, знакомым с целями и задачами исследования. Также на обсуждении может присутствовать заказчик исследования, который наблюдает за ходом процесса через полупрозрачное и звуконепропускаемое стекло между комнатой наблюдателей и комнатой, где находятся респонденты [3] (рис. 1)¹.

Функция модератора заключается в фокусировке мнений участников дискуссии вокруг объекта исследования, в качестве которого могут выступать актуальные вопросы, социальные проблемы, конкретные вещи, товары, образы, логотипы, идеи и т.д. Для этого он использует различные средства

¹ Сегодня также используются средства передачи видео на монитор заказчика, в том числе в удалённом режиме.

и приёмы, которые позволяют добиться эффекта группового поведения. В ходе фокус-группы происходит выработка коллективных реакций, проявляются типовые мотивации, мнения, аффекты. Фокус-группа позволяет наблюдать работу коллективного бессознательного, манифестацию *архетипов*.

Рис. 1. Групповое исследование вкусовых качеств мясных продуктов методом слепого тестирования, проведённое в 1935 году в Департаменте сельского хозяйства штата Мэриленд, США (фото из архива публичной библиотеки Нью-Йорка)

Метод фокус-групп строится на предположении, что феномены коллективной реакции на определённый стимул (идея, реклама, бренд), спровоцированные и выявленные в ходе групповой дискуссии, являются не случайными, ситуативными реакциями, а проявлениями массового сознания. Из этого следует, что они будут значимы и действительны в качестве мотивов и иных регуляторов поведения для всех групп, принадлежащих той же общности, что и группа респондентов.

В ходе фокус-группы основная часть информации получается в форме ответов респондентов на вопросы или словесных речевых реакций на предъявляемые стимулы. Но значительная часть индивидуальных и коллективных реакций имеет невербальный характер – это кинетика, жесты, мимика. Зачастую заказчика больше интересуют именно эти реакции, нежели рациональные, поэтому невербальный компонент в традиционных фокус-группах очень важен.

Существенную роль при проведении фокус-групп играют личностные качества модератора [2]. Ему необхо-

димы не только теоретические знания о правилах проведения фокус-группы, но и умение корректировать собственные коммуникативные качества, привычки и наклонности. Профессионализм модератора проявляется в хорошей памяти и концентрации внимания, умении задавать вопросы и слушать, умении воспринимать информацию безоценочно, а также управлять групповой динамикой. В стандартный набор средств для проведения дискуссий входят различные способы стимуляции и регулирования реакций респондентов. Сюда можно отнести методы группового образования, способы выявления готовых и формирования новых мнений. Нередко в ходе фокус-групп используются методы ассоциаций, экспрессивные методы, элементы *геймификации* и множество других психологических методов и приёмов работы с респондентами.

В ходе фокус-группы происходит аудио- и видеозапись общения, после чего осуществляется транскрибирование (стенографирование) материала и его последующий анализ. Расшифровка записей сопровождается редакцией текста, в ходе которой убираются незаконченные фразы, слова-«паразиты». В результате текст становится более удобным для чтения. Также транскрипт дополняется пометками, указывающими на невербальные проявления респондентов и другие важные события, имевшие место в ходе фокус-группы (например, если респондент вышел из комнаты или отвлекся на свой смартфон). В ходе транскрибирования очень важно сохранить в тексте точное значение сказанного респондентом [5].

Анализ транскриптов фокус-групп является одним из самых важных, но сложных этапов в исследовании. Трудности, прежде всего, связаны с тем, что фокус-группа подразумевает взаимодействие респондентов по принципу «все со всеми». В результате высказывания респондентов не всегда имеют чёткую адресность. Кроме того, высока вероятность перемены мнения под влиянием других участников дис-

куссии. В ходе анализа важно учитывать контекст ответа, его эмоциональную окрашенность и интенсивность, внутреннюю последовательность. Таким образом, в ходе анализа необходимо принимать во внимание множество различных аспектов [9].

С точки зрения глубины проникновения в беседу респондентов и модератора можно выделить несколько уровней анализа полученного текста:

- уровень сознательных, рациональных факторов;
- уровень личных чувств, эмоций и языка;
- уровень интуитивных ассоциаций;
- уровень бессознательных реакций, желаний и отождествлений.

Метод фокус-групп широко используется как в социологических, так и маркетинговых исследованиях. В маркетинговой сфере фокус-группы являются одним из самых популярных и используемых инструментов. Только в США имеется более 1 тыс. постоянных, специально оборудованных помещений и проводится более 200 тыс. фокус-групп ежегодно. Этот метод используется маркетологами на ранних этапах разработки продукта или концепции, когда компании пытаются создать общее направление маркетинговых действий. В частности, фокус-группы позволяют обсудить, просмотреть и протестировать новый продукт, прежде чем он станет доступен для широкой аудитории [8].

Основным преимуществом традиционных фокус-групп по сравнению с онлайн версией является физическое присутствие и прямая коммуникация модератора и участников между собой. Это проявляется в позитивных для маркетингового исследования возможностях:

1. Часто, участники фокус-групп принимают участие в тестировании различных продуктов. Это происходит прямо во время исследования: респонденты пробуют предлагаемые образцы на вкус, оценивают запах, удобство упаковки и т.п. Все реакции учеников фиксируются, а полученный в результате тестирования опыт обсуждается.

2. Невербальная информация, получаемая в ходе наблюдения за процессом коммуникации между респондентами, может сыграть не меньшую роль для разработки рекомендаций по продвижению товара на рынке, чем то, что респонденты озвучили в ходе группового обсуждения.

3. Заказчик исследования, присутствующий при проведении фокус-группы в смотровой комнате имеет возможность взглянуть на свой продукт глазами потребителей, абстрагировавшись от его маркетинговой составляющей. Наблюдение за “живым” обсуждением даёт более сильный эффект, чем прочтение текста, которое имеет место при обмене мнениями в режиме онлайн.

4. Для традиционных фокус-групп характерно наличие синергетического эффекта, который является следствием прямого взаимодействия группы людей. Эффект проявляется в том, что результаты дискуссии в совокупности представляют собой нечто большее чем простую сумму индивидуальных мнений.

Слабые стороны метода связаны с социально-психологическими эффектами поведения людей в малых группах. Аргументы критиков фокус-групп основываются, в том числе, на работах американского психолога Ирвина Джениса, который ещё в 1970-х годах описал феномен группового мышления и сопутствующие ему риски. Такими рисками, по мнению автора, являются:

1. Иллюзия неуязвимости. Если в начальной стадии фокус-группы у респондентов выработалось единодушное отношение к обсуждаемому продукту, то в дальнейшем группа может предлагать чересчур смелые рекомендации и выдвигать не совсем адекватные идеи по маркетинговой работе с рассматриваемым продуктом.

2. Непоколебимость. Сформированное групповое мнение трудно поколебать даже самыми убедительными аргументами. Если добавить к этому основную идею теории когнитивной последовательности, согласно которой любая непоследовательность людей

в своих словах или действиях приводит их к неприятным ощущениям, то искажение результатов исследования становится очевидным.

3. Отсутствие ответственности. Если учесть, что никаких последствий слова и действия респондентов на фокус-группе не влекут, вполне возможен безответственный подход к работе и формулировке выводов. Это прямо сказывается на качестве исследования.

4. Принцип «кто не с нами, тот против нас». Отдельные респонденты имеют привычку думать о людях, противоречащих группе, в уничижительном ключе.

5. Самоцензура. Проявляется во внутреннем отсеивании идей, которые отклоняются от общегруппового курса. Стремление ко всеобщему согласию может принимать самые разные формы, поэтому, чтобы нарушить общую гармонию, необходимо иметь крайне принципиальную позицию, что встречается среди респондентов редко.

Приведённый неполный перечень преимуществ и недостатков показывает многоаспектность «классической» фокус-группы и позволяет лучше понять особенности онлайн фокус-группы.

Активное развитие онлайн-исследований первым делом затронуло именно массовые исследования. Фокус-группы долгое время оказывались в стороне от этих процессов, однако сегодня можно с уверенностью говорить, что онлайн фокус-группы являются проверенным методом проведения маркетинговых исследований, а получаемые в онлайн фокус-группах данные очень близки по содержанию к результатам традиционных фокус-групп. Имея большой опыт проведения онлайн-групп, модераторы научились понимать особенности формулирования людьми своих ответов в виде текста в онлайн режиме, а также научились определять эмоции людей при общении в сети [6].

Преимущества онлайн фокус-групп связаны с рядом особенностей метода.

1. Онлайн-исследования более удобны с точки зрения привлечения труднодоступных категорий респондентов.

2. Удобство, связанное с возможностью участия в процессе группового обсуждения в удобное для респондента время, прямо влияет на уровень отказов при рекрутировании.

3. При проведении фокус-группы в режиме онлайн, проще контролировать групповую динамику. В условиях удаленного доступа респондентов к дискуссии модератору гораздо легче нивелировать возможность отдельных участников доминировать над другими, или, наоборот, стимулировать к общению наименее активных.

4. Анонимность, которую респонденты ощущают при опосредованном контакте, позволяет выстраивать доверительную среду. Это способствует получению искренних ответов и непринуждённому общению. Реакции участников онлайн фокус-групп в таких условиях не зависят от социально ожидаемых и одобряемых установок, что может быть проблемой на «классических» фокус-группах. Сами модераторы зачастую отмечают, что респонденты, не проявляющие активности в традиционных группах, гораздо более активны в онлайн.

5. Большим плюсом онлайн фокус-групп является возможность тестирования цифровых продуктов, например интернет-магазинов или дистанционных образовательных курсов. В онлайн среде участники имеют возможность оперативно просматривать сайты, видеоконтент, звуковые фрагменты, тексты или графику, что в реальных условиях потребовало бы дополнительной технической организации процесса.

6. Для заказчика исследования преимущество онлайн фокус-групп проявляется в возможности доступа к ходу обсуждения в любое время и в любом удобном для него месте. Кроме того, клиент, в случае необходимости, может внести некоторые коррективы в работу модератора, например, попросить акцентировать внимание на важном для него аспекте обсуждаемой проблемы.

7. Транскрибирование – одна из наиболее рутинных процедур в качественных исследованиях. При проведе-

нии онлайн фокус-групп стенограмма беседы доступна для анализа доступна сразу после её завершения, что существенно экономит время и средства.

8. Удешевление исследований, проводимых в режиме онлайн происходит также за счёт экономии на командировочных расходов сотрудников, аренде помещений, приобретении оборудования и т.д.

Директор компании ОМІ Александр Шашкин приводит следующий пример того, как онлайн фокус-группы позволили решить сложную задачу и выпустить на рынок новый продукт. Компания-производитель имплантантов для людей с нарушениями слуха, разработала новую технологию. Основным препятствием для продвижения продукта на рынке стало то обстоятельство, что его использование требовало хирургического вмешательства. Было важно изучить мнение потенциальных потребителей для того, чтобы разработать правильную маркетинговую стратегию. Использование метода онлайн фокус-групп позволило решить сразу несколько существенных проблем. Во-первых, нарушение слуха затрудняет процесс коммуникации, характерный для традиционных фокус-групп, в то время как онлайн версия подразумевает общение посредством текста. Во-вторых, физический недостаток и связанная с этим необходимость обсуждения чувствительных для респондентов аспектов могли спровоцировать смущение и замкнутость при общении с исследователями. В-третьих, целевая аудитория компании является довольно специфичной, а сами потенциальные респонденты географически локализованы по всей стране. Это могло вызвать существенные трудности при рекрутировании. По результатам исследования компания-заказчик получила необходимую информацию, что позволило доработать продукт и подобрать нужную стратегию его продвижения [7].

В исследовательской практике используется два основных формата онлайн фокус-групп: чат и форум (онлайн дискуссия).

Фокус-группа в формате чата. Чат представляет собой виртуальный аналог “классической” фокус-группы и проводится в режиме реального времени. Участники, в количестве 6–7 человек, после регистрации на специальной площадке, на протяжении нескольких часов под руководством модератора обсуждают какой-либо продукт или актуальную для заказчика тему. Перечень вопросов (топик гайд) формируется заранее, однако по ходу обсуждения модератор может задавать уточняющие и дополняющие вопросы, чтобы более полно раскрыть тему. Стимульный материал в виде видеороликов, изображений и звуковых файлов также загружается в сеть предварительно и демонстрируется участникам по мере необходимости. Заказчик исследования может отслеживать ход обсуждения в режиме реального времени и, при помощи отдельного диалога с модератором (скрытого от респондентов), корректировать его действия. Полный цикл такого исследования: от рекрутинга до анализа полученного материала и написания отчёта, как правило, занимает несколько дней. Такой формат используется при сжатых сроках, когда необходимо принять быстрое решение, например, протестировать готовящуюся к выходу рекламу.

Фокус-группа в формате форума. Основное отличие фокус-группы в формате форума заключается в длительности и количественном составе участников. Такая группа не имеет оффлайн аналога, она продолжается в течение 4–5 дней и состоит из более чем 25 человек. Участники рекрутируются заранее и подключаются к форуму в удобное для них время. Так же как и в случае с чатом, респонденты отвечают на вопросы модератора и комментируют другие высказывания. Плюсом форума является возможность участия тех респондентов, кому время не позволяет долго находиться в чате. Они могут заходить на форум и оставлять свои ответы и комментарии неоднократно в удобное для них время. Модератор также может периодически покидать

форум, не опасаясь потери контроля за ходом группы. Продолжительность дискуссии позволяет участникам коммуникационного процесса более глубоко анализировать вопросы модератора, чужие мнения и оставлять взвешенные комментарии. Кроме того, длительность форума позволяет предлагать респондентам выполнение различных заданий, на которые требуется время. Например, детально изучить и оценить рекламу, сравнить и прокомментировать старый и новый варианты сайта компании и т.д. Длительность является ключевым преимуществом формата форума перед традиционными фокус группами и групповыми обсуждениями в формате чата. Продолжительность полного цикла исследования методом онлайн фокус групп в формате форума составляет 5–7 дней [4].

К квалификации модераторов онлайн фокус-групп предъявляются самые высокие требования. Он должен не только хорошо разбираться и иметь соответствующий опыт в работе с традиционными фокус-группами, но и обладать рядом компетенций, связанных с сетевым общением. В частности, это может быть опыт ведения блогов, дневников или практика участия в сетевых форумах.

Задачи. При помощи онлайн фокус-групп можно оперативно и качественно решить целый спектр различных исследовательских задач. К их неполному списку можно отнести следующие:

- Тестирование цифровых продуктов, сетевых ресурсов, рекламных материалов;
- Оценка имиджа компании или публичной персоны;
- Оценка удовлетворенности клиентов и персонала;
- Тестирование логотипа, бренда, торговой марки;
- Анализ потребностей отдельных целевых аудиторий или рыночных сегментов [10].

Рекрутирование. Как уже было сказано выше, одной из главных сложностей организации «классических» фокус-групп является рекрутинг участ-

ников. Часто потенциальные респонденты набираются среди знакомых, из числа участников массовых опросов или в общественных местах. На это затрачивается много времени, а также существует вероятность формирования однородных с точки зрения социального состава групп. Зачастую проблемы, связанные с рекрутингом, приводят к постоянному участию в различных исследованиях одних и тех же лиц или, что ещё хуже, «профессиональных» респондентов. Это, в свою очередь, отражается на качестве получаемых данных. Рекрутирование участников онлайн фокус-групп происходит, в основном, из онлайн панелей или при помощи таргетированной рекламы в социальных сетях, что в значительной степени решает указанную проблему.

Метод онлайн фокус-групп довольно часто используют компании, работающие в IT и других высокотехнологичных сферах. К их числу можно отнести таких лидеров рынка как Microsoft, Apple, HP, Xerox и многих других.

Литература

1. Белановский С. А. «Глубокое интервью и фокус-группы» (3-е издание) [Электронный ресурс] / С.А. Белановский – URL: <http://www.sbelan.ru/Glubokoe-intervju-i-fokus-gruppy-3-e-izdanie-S-A-Belanovskij.htm>
2. Дмитриева Е.В. Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа [Текст] / Е.В. Дмитриева // Социологические исследования. – 1999. – № 8. – С. 133–138.
3. Левинсон А.Г. Фокус-группы: эволюция метода (обзор дискуссии на конференции ESOMAR) [Текст] / А.Г. Левинсон, О.И. Стучевская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 1 (63). – С. 46–55.
4. Лонго Д. Онлайн фокус-группы в формате форума: эффективность, проверенная международной практикой [Электронный ресурс] / Д. Лонго. – URL: http://www.omirussia.ru/articles/use_the_right_

tool_in_your_toolbox_jim_longo_ru.pdf.

5. Мельникова О.Т. Фокус-группы: Методы, методология, модерирование: учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / О.Т. Мельникова. – Москва: Аспект Пресс, 2007. – 320 с.
6. Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы [Текст] / под ред. А. В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. – Москва: Издательство МИК, 2016. – 555 с.
7. Шашкин А. Фокус-группы он-лайн! Новые технологии маркетинговых исследований (GMI Россия) практикой [Электронный ресурс] / А. Шашкин. URL: http://www.omirussia.ru/articles/article_online_focus_groups.pdf.
8. Фокус-группы: популярны, но весьма опасны [Электронный ресурс]. – URL: http://old.iteam.ru/publications/marketing/section_22/article_2354
9. Фарахутдинов, Ш.Ф. Современные методы социологических и маркетинговых исследований. Часть 1: учебное пособие [Текст] / Ш.Ф. Фарахутдинов. – Тюмень: ТИУ, 2018. – 190 с.
10. Грейвс Ф. Клиентология. Чего на самом деле хотят ваши покупатели [Текст] / Филип Грейвс; перевод с англ. С. Гуляевой. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.

ONLINE FOCUS GROUPS: METHODOLOGICAL FEATURES AND HEURISTIC POSSIBILITIES

Farakhutdinov Sh.F.

Tyumen Industrial University

The article is devoted to an overview of the online focus group method, which has become widespread in marketing and sociological research. A general algorithm for conducting a traditional focus group, processing and analyzing the data obtained is shown. The advantages and disadvantages of online focus groups are highlighted in comparison with the classical version of the method. Two main formats of online focus groups are considered: chat and forum (online discussion), used in research prac-

tice. The areas of use of online focus groups are shown, as well as the range of research tasks solved using this method.

Keywords: focus groups, online focus groups, sociological and marketing research, moderator, recruiting, data processing and analysis.

References

1. Belanovsky S. A. "Deep interview and focus groups" (3rd edition) [Electronic resource] / S.A. Belanovsky – URL: <http://www.sbelan.ru/Glubokoe-intervju-i-fokus-gruppy-3-e-izdanie-S-A-Belanovskij.htm>
2. Dmitrieva E.V. Method of focus groups: problems of preparation, conduct, analysis [Text] / E.V. Dmitrieva // Sociological research. – 1999. – No. 8. – P. 133–138.
3. Levinson A.G. Focus groups: evolution of the method (review of the discussion at the ESOMAR conference) [Text] / A.G. Levinson, O.I. Stuchevskaya // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – 2003. – No. 1 (63). – S. 46–55.
4. Longo D. Online focus groups in the format of a forum: efficiency proven by international practice [Electronic resource] / D. Longo. – URL: http://www.omirussia.ru/articles/use_the_right_tool_in_your_toolbox_jim_longo_ru.pdf.
5. Melnikova O.T. Focus groups: Methods, methodology, moderation: textbook. manual for university students [Text] / O.T. Melnikova. – Moscow: Aspect Press, 2007. – 320 p.
6. Online research in Russia: trends and prospects [Text] / ed. A.V. Shashkina, I.F. Devyatko, S.G. Davydova. – Moscow: MIK Publishing House, 2016. – 555 p.
7. Shashkin A. Focus groups on-line! New technologies of marketing research (GMI Russia) by practice [Electronic resource] / A. Shashkin. URL: http://www.omirussia.ru/articles/article_online_focus_groups.pdf.
8. Focus groups: popular, but very dangerous [Electronic resource]. – URL: http://old.iteam.ru/publications/marketing/section_22/article_2354
9. Farakhutdinov, Sh.F. Modern methods of sociological and marketing research. Part 1: study guide [Text] / Sh.F. Farakhutdinov. – Tyumen: TIU, 2018. – 190 p.
10. Graves F. Clientele. What Your Customers Really Want [Text] / Philip Graves; translation from English. S. Gulyaeva. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. – 256 p.

Общая характеристика ценностно-смысловой сферы зависимой личности

Изотова Ирина Юрьевна,

аспирант, Тихоокеанский государственный
университет
E-mail: izo27@mail.ru

Современный переход от индустриального к информационному обществу, сопровождающийся радикальными изменениями в социальной структуре, ценностно-нормативном компоненте, а также характеризующийся необходимостью индивида неотложно принимать рискованные решения, общество порождает большое количество проблем, связанных с деструктивными формами поведения как реакцией на ситуации неопределенности, фрустрирующие события, стрессогенные факторы в виде ухода от травмирующей реальности. Человек в условиях глобализации, урбанизации, техногенности достаточно часто использует подобное защитное поведение в ситуациях жизненного кризиса. Это порождает целый ряд зависимых форм поведения от абсолютно разных аддиктивных агентов (наркотическое средство, алкоголь, азартные игры, информационная зависимость и т.д.) и соответственно инициирует психологов на работу по психологической коррекции и устранению данного деструктивного поведения.

Ключевые слова: смысл, смысл жизни, ценностно-смысловая сфера, убеждения, структура, ценность, личностные ценности, мотивация.

Смысл в формате многоаспектного феномена изучает не только такая наука, как психология. Также смысл является предметом изучения других дисциплин, например, социологии, философии, логики и т.д.

Первое понимание смысла появилось у древнегреческого философа Аристотеля, и стояло во главе всей его метафизики «мысль о целесообразности природы и всего мирового процесса» [5].

Дальнейшее развитие смысла получило в методологической проекте В. Дильтея, где понимание смысла стало основополагающим методом «наук о духе» в отличие от естественнонаучного «объяснения», характерного для «наук о природе». В философии эмпиризма смысл ассоциировался с содержанием чувственного опыта, в той или иной мере связанного с миром за пределами сознания. Поставленный рядом мыслителей XIX века вопрос о «смысле жизни» конкретного человека, реализующемся в процессе его личного выбора (С. Кьеркегор, Л.Н. Толстой и другие), стал в XX веке одним из центральных мотивов экзистенциальной философии.

В рационализме, в свою очередь, смысл связывался с трансцендентной или трансцендентальной реальностью, что напротив, подчёркивало внеэмпирический характер смыслообразования, которое возводилось к верховной духовной субстанции (Богу) или к глубинам человеческого сознания.

В психологии получивший широкое распространение в начале XX века психоанализ З. Фрейда вводит практику истолкования скрытого смысла содержания сознания и поведенческих проявлений, тем самым открывая доступ

к содержанию бессознательного, служащего источником смыслов. Понятие смысла составляет одну из ключевых категорий в индивидуальной психологии А. Адлера, исходившего из целенаправленности любых поведенческих актов и бессознательных проявлений. Ключом к пониманию личности для Адлера является смысл жизни, складывающийся у индивида уже в раннем детстве.

А. Адлер выделял две подкатегории смысла: внутренний – частичный (индивидуальный) смысл, в его основе лежат индивидуальные представления о мире и личные установки о его функционировании; внешний – истинный (общий) смысл, несущий в себе идеи ответственности, надежности, и других социально одобряемых понятий [4].

В середине XX века распространение получила философско-психологическая концепция В. Франкла, считавшего стремление к смыслу главной потребностью человека и ведущей силой личностного развития. Согласно Франклу, смысл уникален, он находится в мире, в конкретных ситуациях, и каждый раз его нужно отыскивать заново, опираясь на совесть. Он видит реализацию смысла жизни как основную движущую силу человеческого поведения. «Для того, чтобы активно действовать, человек должен верить в смысл, которым наделены его поступки» [19].

Чувство утраты смысла – экзистенциальный вакуум – лежит в основе многих видов личностных нарушений и социальных патологий, и именно экзистенциальному вакууму В. Франкл присваивал возникновения «ноогенных неврозов», именно он проявляется в виде реакции фрустрации во времена падения привычных идеалов.

В итоге можно определить две ведущие характеристики понятия «смысл»:

1. Смысл – это взаимосвязь индивидуального и социального аспекта в личности человека;
2. Смысл – это высшая точка интеграции личности, и является главным признаком степени ее осознанности.

Сторонник метода В. Дильтея «наук о духе» немецкий психолог Э. Шпрангер считал, что основная характеристика личности – это ценностная ориентация, с помощью которой человек познает мир. Главные положения его теории:

1. Психическое развивается из психического;
2. Психологическое сводится к интуитивному пониманию «модулей действительной жизни»; не следует искать каких-либо объективных причин развития личности, необходимо лишь соотнесение структуры отдельной личности с духовными ценностями и культурой общества [20].

В своем труде «Жизненные формы» Э. Шпрангер изложил культурфилософскую интерпретацию, состоящую из шести типов людей, выделяя шесть основных человеческих ценностей, каждой из которых принадлежит своеобразная структура мотивации.

Теоретический человек – тот, для которого все ценности вторичны, кроме познания.

Экономический человек – тот, кто ориентируется на пользу во всех жизненных ситуациях.

Эстетический человек – тот, кто собственные впечатления превращает в выражения, и ориентируется на внешнее проявление событий и вещей.

Социальный человек – тот, для кого смыслом жизни является другой человек, ради которого он живет и находит свою личность через него.

Властный человек – тот, кто может презентовать себя, и ориентируется на приобретение превосходства.

Религиозный человек – тот, чья целостная духовная структура постоянно ориентирована на понимание глобального общечеловеческого смысла [20].

Э. Шпрангер считал, что в человеке может присутствовать ориентации на все типы ценностей, могут быть смешанные типы в разных пропорциях, но при этом всегда будет ведущий. Из чего следует, что смысл тесно связан с гармонией развития личности.

Одним из первых кто обратился к понятию смысла в российской психо-

логии был Л.С. Выготский, исследовавший вопрос смыслового строения сознания. Ф.В. Бассин исследует понятие смысла, как разновидность значащих для человека переживаний. В.В. Налимов в своей трансперсональной теории сознания, смысл излагается, как длительный не проявленный процесс, значимые фрагменты которого сортируются, отбираются и оформляются личностью в смысл.

В работах А.Н. Леонтьева наиболее развернута концепция смысла, автор описывал его, как своеобразный механизм регуляции процессов деятельности и сознания. Так же в его работах раскрыта структура смысла, правила смыслообразования, а также функции и типологии смысла. «Смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения» [11]. По мнению А.Н. Леонтьева смысл для каждого человека индивидуален, «смысл чего-то и для чего-то, – смысл определенных воздействий, фактов, явлений объективной действительности для конкретного, живущего в этой действительности субъекта» [11]. Из чего можно заключить что автор придерживался мнения, что смысл для личности является субъективной позицией для данного объективного значения. Данный взгляд связывал два основных подхода, то о чем писал Л.С. Выготский, что смысл – это проявление индивидуальной особенности человека эмоционально относится к окружающим его событиям и реальности, и подход зарубежных авторов, опиравшихся на принцип социальной природы человека, когда индивидуальное взаимодействует с общественным.

Так же А.Н. Леонтьев считал смысл, ядром личности, который принимает различные формы в той многообразной реальности, окружающей человека. Вместе с тем совершенствование личности представляется им в эволюции устойчивой системы личных смыслов. В итоге А.Н. Леонтьев изложил три уровня смысловой регуляции жизнедеятельности человека, куда входят следующие смысловые структуры:

1. смысловые установки и личностные смыслы;
2. смысловые диспозиции и мотивы;
3. личностные ценности;

Изложенные смысловые структуры, как следствие поддаются следующим видам анализа:

1. генетическому, с его помощью можно проследить, как формируется и преобразовывается смысл;
2. структурному, с его помощью можно какое место смысл занимает в структуре сознания человека, в структуре жизнедеятельности человека, а также какую роль играет в самой личности;
3. функциональному, с его помощью можно определить роль и место смысла в различных видах психической активности, и в принципе в человеческой активности; [11]

Д.А. Леонтьев сформировал факторы происхождения смысла, а также ряд закономерностей:

1. Отношения, которые связывают человека и объективную реальность, могут формировать смысл;
2. Потребности и мотивы человека могут представлять возможности для смыслообразования;
3. Смысл всегда связан с такого рода аспектом, как ответственность;
4. В смысловой сфере личности смысловые образования придерживаются определенной иерархии и не существуют изолировано и обособленно;
5. В процессе жизни смыслы поддаются трансформации, через переоценку реальных жизненных отношений человека [17].

В деятельности существуют и преобразуются реальные жизненные отношения субъектов, в которых и формируются, и поддаются трансформированию смыслы.

В конечном итоге, нельзя интерпретировать смысл, как отдельную личностную характеристику или психическую функцию, он представляет собой непростую смысловую реальность с бесчисленным количеством уровней и факторов.

Б.С. Бартусь помимо динамического развития человеческой личности так же отмечает еще нравственную позицию человека, которая образуется в процессе появления смысловых ориентаций включающие в себя нахождения смысла своей жизни, отношений с социумом и самим собой. Глубина нравственных норм считает автор заключена в уровне осознанности смысловых образований, и тем сложнее они осознаются, когда они трактуются общепринятыми социальными нормами. Из чего можно заключить, что данные смысловые образования относятся к более общим понятиям, и обозначаются личностными ценностями, которые появляются в важных жизненных моментах человека, и тем самым укрепляют нравственный и моральный дух, таким образом определяют единство и самоидентичность человека [7].

Автор определяет две сферы в которых смысловые образования показывают свои функции: 1) движение и деятельность человека, как фактор создания будущих перспектив, в которые можно обнаружить в движущей силе личности; 2) нравственная оценка, как важный механизм, который сопоставляется с ситуацией и является основой для оценки действий;

Б.С. Братусь предлагает следующую иерархию смыслов: 1) уровень прагматических и ситуационных смыслов; 2) уровень эгоцентрических смыслов; 3) уровень группоцентрических смыслов; 4) уровень общечеловеческих смыслов; 5) уровень смыслов, определяющих отношение человека с беспредельным; [7].

В основе данной иерархии заложено понятие связи личности с общностями, в которые он входит.

Е.А. Макарова связывает смысл и смысловые конструкты и называет их схемами, которые образуются в процессе приобретения жизненного опыта и перестраиваются, и пересматриваются в течение всей жизни человека.

Схемы делают возможным проводить оценку и в определенном смысле осознавать информацию о мире, в ко-

тором живет человек, они представлены в формате персональных норм и правил, с которыми соизмеряется все появляющиеся вокруг [13].

Происхождение смысла проявляется в неравномерном без плавных переходов развитии, и при наполнении переходит на другой уровень функционирования, так неопределенный смысл становится определенным. Одновременно с этим возможен и другой вариант, смысл может регрессировать и ослабеть, потому что он становится вытесненным или поглощается другим [2].

И.В. Абакумова считает, что психология смысла на данном этапе развития переполнена исследованиями разных взглядов на смысл, но как таковой целостности теории нет и она находится на стадии формирования [1].

Приблизительно сходная ситуация происходит и с установлением природы и сущности понятия «ценность».

Ценности становятся источником смысла и скапливаются вне личности, таким образом определяют всеобщую норму и поддерживают человека для совершения необходимых действий для стойкой социализации и адаптации к меняющейся действительности.

В представлении Д.А. Леонтьева ценности представляют основные личностными и не насыщают человека личностными образованиями. И от жизненных ситуаций ценности в основном не зависят, их главная функция создавать для личности векторы жизнедеятельности. Автор считает, что ценности занимают значимую часть в структуре личности и называет их «огромными составляющими внутреннего мира человека» [12].

А.И. Донцов рассуждает о том, что ценностные ориентации являются частью ценностно-смысловой сферы, исправляют и продвигают процесс планирования и определение целей и задач человеком [10].

К.А. Абульхановская-Славская и А.В. Брушлинский в своих работах описывают в нескольких функциях принцип образования ценностных ориентаций, а именно: 1) позиция принятия или отрицания конкретных ценностей;

2) усиление или уменьшение степени значимости;

3) трансформация ценностей с течением времени [3,8].

В процессе переработки и осмысления человек проходит путь до воплощения ценности в активные действия, тем самым он берет ответственность за результат и в итоге только тогда ценности приобретают истинностную личностную ценность. В других обстоятельствах, правила которые известны остаются в ранге общедоступных ценностей, и как следствие на действия и поступки оказывают влияние в редких случаях.

Данные рассуждения поддерживают такие авторы как Б.С. Братусь, Г.Л. Будинайте и Т.В. Корнилова [7,9], они считают что ценности есть разные, осознанные и декларируемые – «не обеспеченные «золотым запасом» равного соответствующему эмоционально-переживаемому, смысловому, затрагивающую личность в контексте отношения к жизни, и потому как такого рода ценности не имеют в конечном итоге, какого-либо касательства к смысловой сфере» [13].

Д.Н. Узнадзе отмечает, что функции ценностей кажутся некой призмой, именно через нее человек осуществляет оценку и анализ жизненных событий и ситуаций, в итоге это формирует взаимосвязь между объективной реальностью и внутреннем миром личности [18]. Подобным образом трансформируясь в сознании, полученная информация о происходящих событиях соотносится с системой ценностей субъекта, с его намерениями и мотивами. Суть такого сравнения позволяет личности выбрать правильное для определенно-го события способ реакции.

С.М. Яцышин считает, что, признавая функциональную природу ценностей, мы часто понимаем их, как некое предвзятое явление. Если представить ценности схематично, то можно выделить, что функции изображаются в виде иерархической лестницы, и их динамика зависит от уровня функционирования. Облачим вышесказанное в структуру ценностно-смысловой

и мотивационно-потребительской сферы личности [Рисунок 1].

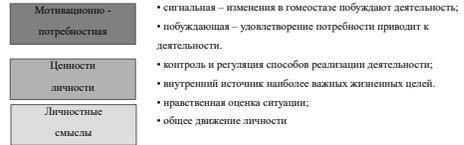

Рис. 1. Структура ценностно-смысловой сферы личности и ее функции

Если рассмотреть некоторые исследования отечественных ученых, то можно выделить два вида ценностно-смысловых трансляций:

- онтологический, при котором ценностно-смысловая сфера, как нечто ригидное и неподвижное, на что идет прямая переадресация личности в своих действиях и поступках;
- методологический, при котором ценностно-смысловая сфера-это меняющаяся система, которая модифицируется в процессе жизни, прорабатываются разные установки и регулируется траектория [16].

Вслед за этим важно исследовать и рассмотреть фундаментальные убеждения, формирующие основу ценностно-смысловой сферы личности. Данная сфера является как таковая источником целей, подталкивающих человека на действия, а также выбирает способ осуществления деятельности.

Д.А. Леонтьев с своих работ представляет ряд уровней ценностно-смысловой сферы личности, каждый уровень этой трехуровневой динамической системы выполняет свои определенные личные функции [Рисунок 2] [12].

Рис. 2. Уровни ценностно-смысловой сферы личности по Д.А. Леонтьева

Используя данную систему можно проанализировать понятие основ-

ных убеждений, как базис смысловых структур высшего уровня в конструкте ценностно-смысловой сферы личности.

В последнее время набирает популярность когнитивно-поведенческая психотерапия, в основе которой есть такое понятие, как «убеждение». Как отмечают некоторые ученые, значение понятий «правила», «когниции», «убеждения» представляются равноценными [9].

Все они демонстрируются в виде конструкта, в основание которого располагается жизненный опыт, и именно эти конструкты определяют чувства, реакции, мышление и поведение.

Большой вклад в когнитивную психологию в 70-х годах внес А. Бек, он представил пять фундаментальных схем разделив их по функциональности [Рисунок 3].

Рис. 3. Фундаментальные схемы А. Бека

Внутри фундаментальных схем заложены базисные убеждения, некоторые при этом могут иметь дисфункциональный характер, и как следствие, приводят к когнитивной уязвимости. Согласно А. Беку любая личность имеет свой набор схем, которые в той или иной степени подвластны дезадаптации или психическому страданию. Впоследствии А. Бек и его последователи выделили приоритетные, ведущие убеждения, которые представляют основу для каждого расстройства личности, и при этом определяют специфичность недуга [6].

Из чего можно заключить, что основные (базисные убеждения) – это стабильные конструкты, которые сложно осознать, но именно они создают фундамент ценностно-смысловой сферы личности, и оказывают мощное влияние на эмоциональное выражение и поведенческие паттерны этой сферы.

Литература

1. Абакумова, И.В. Смыслодидактика: учебник для магистров педагогики и психологии / И.В. Абакумова. – М.: КРЕДО, 2008. – 368 с.
2. Абакумова, И. В., Ермаков, П. Н., Рудакова, И.А. Дидактические методы: структурно-смысловой анализ: учебник для магистров педагогических и психологических специальностей / И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.А. Рудакова. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2007. – 254 с.
3. Абульханова-Славская, К.А. Стратегии жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
4. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2015. – 240 с
5. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1976.
6. Бек, А., Фримен, А., Когнитивная терапия расстройств личности / Издательство: Питер, 2019,– 448 с.
7. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
8. Брушлинский, А.В. Избранные психологические труды / А.В. Брушлинский. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 623 с.
9. Будинайте, Г. Л., Корнилова, Т.В. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта / Г.Л. Будинайте, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – Т. 14. – № 5. – С. 99–105.
10. Донцов, Д. А., Кочетков, Н. В., Молчанова, Е. В., Драчева, Н. Ю., Сухих, Е.В. Социально-психологические методы и методики исследования, диагностики и формирования детских, подростковых и юношеских групп и коллективов. Коллективная монография / Д.А. Донцов, Н.В. Кочетков, Е.В. Молчанова, Н.Ю. Драчева, Е.В. Сухих. – Москва, 2015. – 90 с.
11. Леонтьев, А.Н. Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев // Пси-

- хология эмоций, Тексты. 2-е Изд–е. Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд–во Моск. ун–та, 1993. – С. 171–181.
12. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 286 с.
  13. Макарова Е.А. Схема и фон: интроекция в неоднородном семиотическом пространстве: диссертация ... д-ра. психол. наук. / Е.А. Макарова. – Ростовна-Дону, 2007. – 485 с.
  14. Насиновская, Е.Е. Методы изучения мотивации личности. Опыт исследования личностно–смыслового аспекта мотивации: учебно–методическое пособие / Е.Е. Насиновская. – М.: Изд–во Московского университета, 1988. – 80 с.
  15. Осипова, А.А. Смысловые барьеры в учебном процессе (концепция и технологии преодоления): дис. ... доктора психологических наук / Юж. федер. ун–т. Ростов–на–Дону, 2017. – 264 с.
  16. Перельгина, И.В. Современные тенденции в исследовании ценностно–смысловой реальности человека: единство онтологического и методологического подходов / И.В. Перельгина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. – 2008. – Т. 14. – № 2. – С. 147–151.
  17. Салихова, Н. Р., Lynch, M.F. Представления российских педагогов о целях образования как экзистенциальный вызов для ребёнка / Н.Р. Салихова, М.Ф. Lynch / Шестая Всероссийская научно–практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. – М.: «Смысл», 2016. – С. 93–95
  18. Узнадзе, Д.Н. Установка у человека. Проблема объективации / Д.Н. Узнадзе / Психология личности

- в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 87–91.
19. Франкл, В. Логотерапия и экзистенциальный анализ. Статьи и лекции / В. Франкл. – М.: Альпина нон–фикшн, 2018. – 344 с.
  20. Шпрангер, Э. Формы жизни. Гуманитарная психология и этика личности / Э. Шпрангер. – М.: Изд–во Канон +, 2014. – 400 с.

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE VALUE-SEMANTIC SPHERE OF THE DEPENDENT PERSON

Izotova I. Yu.
Pacific State University

The modern transition from an industrial to an information society, accompanied by radical changes in the social structure, value-normative component, and also characterized by the need for the individual to urgently make risky decisions, society generates a large number of problems associated with destructive forms of behavior as a reaction to situations of uncertainty, frustrating events, stress factors in the form of escape from traumatic reality. Man, the conditions of globalization, urbanization, and technogenicity, a person often uses such defensive behavior in situations of life crisis. This gives rise to a number of dependent forms of behavior from completely different addictive agents (drugs, alcohol, gambling, information addiction, etc.) and accordingly initiates psychologists to work on psychological correction and elimination of this destructive behavior.

Keywords: meaning, meaning of life, value-semantic sphere, beliefs, structure, value, personal values, motivation.

References

1. Abakumova, I.V. Smyslodidaktika: textbook for masters of pedagogy and psychology / I.V. Abakumova. – М.: CREDO, 2008. – 368 p.
2. Abakumova, I. V., Ermakov, P. N., Rudakova, I.A. Didactic methods: structural and semantic analysis: textbook for masters of pedagogical and psychological specialties / I.V. Abakumova, P.N. Ermakov, I.A. Rudakova. Rostov-on-don: SFU publishing house, 2007, 254 p.
3. Abulkhanova-Slavskaya, K.A. Strategies of life / K.A. Abulkhanova-Slavskaya. – Moscow: Mysl, 1991 – – 299 p.

4. Adler, A. *Praktika i teoriya individualnoy psikhologii* [Practice and theory of individual psychology].
5. Aristotle. *Collected works in 4 volumes. Volume 1.* Moscow: Mysl, 1976.
6. Beck, A., Freeman, A., *Cognitive therapy of personality disorders* / Publishing House: Peter, 2019 – – 448 p.
7. Bratus, B.S. *Anomalies of personality* / B.S. Bratus. – M.: Mysl, 1988 – – 301 p
8. . 8. Brushlinsky, A.V. *Selected psychological works* / A.V. Brushlinsky – – M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2006. – 623 p.
9. Bodinya, G. L., Kornilova T.V. *Personal values and personality factors of the subject* / G.L. Bodinya, T.V. Kornilova // questions of psychology. – 1993. – Vol. 14. – No. 5. – S. 99–105.
10. Dontsov, D. A., Kochetkov, N. V., Molchanova, E. V., Drachev, N. Yu, Dry, E.V. *Socio-psychological methods and techniques of research, diagnostic and formative childhood, teenage and youth groups, and collectives. Collective monograph* / D.A. Dontsov, N.V. Kochetkov, E.V. Molchanova, N. Yu. Dracheva, E.V. Sukhoi. – Moscow, 2015. – 90 p.
11. Leontiev, A.N. *Needs, motives and emotions* / A.N. Leontiev // *Psychology of emotions, Texts.* 2nd Ed. Under the editorship of V.K. Vilunas, Y.B. Gippenreiter. – M.: Izdvo Mosk.
12. Leontiev, D.A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality* / D.A. Leontiev. – Moscow: Smysl, 1999 – – 286 p.
13. Makarova E.A. *Scheme and background: introjection in a non-uniform semiotic space: dissertation of ... Dr. the course of studies. Sciences.* / E.A. Makarova. – Rostov-on-Don, 2007. – 485 p.
14. Sasinowska, E.E. *Methods of studying of motivation of the individual. Experience in the study of the personal and semantic aspect of motivation: an educational and methodological guide* / E.E. Nasinovskaya. – M.: Moscow University Publishing House, 1988. – 80 p.
15. Osipov, A.A. *Semantic barriers in the educational process (the concept and technology to overcome): dis. ... doctor of psychological Sciences* / South. Feder. un-t. Rostov-on-Don, 2017. – 264 p.
16. Perelygina, I.V. *Modern trends in the study of value-semantic reality of man: the unity of ontological and methodological approaches* / I.V. Perelygina // *Bulletin of the Kostroma state University named after N.A. Nekrasov. Series Humanities: Pedagogy. Psychology. Social work. Acmeology. Juvenology. Sotsiogenetiki.* – 2008. – Vol. 14. – No. 2. – Pp. 147–151.
17. Salikhova, N. R., Lynch, M.F. *Representations of Russian teachers about the goals of education as an existential challenge for the child* / N.R. Salikhova, M.F. Lynch / *Sixth all-Russian scientific and practical conference on existential psychology. Message materials* / Ed. by D.A. Leontiev, A. H. FAM. – M.: "Sense", 2016. – Pp. 93–95
18. Uznadze, D.N. *Installation in humans. The problem of objectification* / D.N. Uznadze / *psychology of personality in the works of domestic psychologists.* St. Petersburg: Piter, 2000, Pp. 87–91.
19. Frankl, V. *Logotherapy and existential analysis. Articles and lectures* / V. Frankl. – Moscow: Alpina non-fiction, 2018. – 344 p.
20. Spranger, E. *Forms of life. Humanitarian psychology and ethics of personality* / E. Spranger. – Moscow: publishing house Canon +, 2014. – 400 p.

Организация профессионального самоопределения в условиях пандемии

Похорукова Мария Юрьевна,

кандидат технических наук, доцент кафедры «Математика и информатика», Технический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри
E-mail: maria.pokhorukova@gmail.com

В статье проанализированы различные проблемы и сложности, возникшие в условиях пандемии на рынке труда. С одной стороны, значительно изменился характер профессиональных обязанностей большинства сотрудников, и им пришлось быстро осваивать новые технологии и приспосабливаться. С другой стороны, многие предприятия вообще перестали существовать, многие люди потеряли работу. В связи с этим проблема профессионального самоопределения приобретает особую актуальность: очень важно выбрать по-настоящему востребованную профессию, которая не исчезнет в случае какого-то кризиса. В связи с дистанционным режимом работы многих сфер жизни и временными, но уже довольно продолжительными, ограничениями различных организаций дополнительного образования, молодежи очень сложно определиться с выбором профессии. Создание информационной среды для поддержки профессионального самоопределения и повсеместное ее распространение позволит повысить осведомленность населения о востребованных профессиях и снизить вероятность «неправильного» выбора за счет более детального, хоть и дистанционного изучения мира профессий.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, пандемия, проблемы рынка труда, востребованные профессии, дистанционная работа.

Профессиональное самоопределение осуществляется неоднократно в течение жизни человека, а не только при выборе учебного заведения после окончания школы, либо при поиске работы уже после получения профессии. Так, в условиях пандемии многие профессии стали не востребованы, и, наоборот, появился спрос на других специалистов. Разобраться и определить, в какой сфере сейчас могут быть применены личностные знания, умения, способности и т.д., понять, чему нужно учиться, чтобы всегда быть востребованным специалистом довольно сложно.

В рамках данной статьи предлагается для решения данной проблемы создать интернет-портал поддержки профессионального самоопределения с предоставлением инструментов для профориентационного просвещения, диагностики и консультирования, для дистанционного доступа к рейтингу профессий Южно-Якутского региона, для обмена профессиональным опытом специалистов Южно-Якутского региона (проведение мастер-классов, конференций и т.д.).

В рамках поставленной цели планируется решение следующих задач:

1. Проанализировать условия формирования рынка труда в условиях пандемии и особенности организации работы на предприятиях в настоящее время, обозначить существующие трудности, проблемы.
2. Обосновать важность профориентационных мероприятий и актуальность профессионального самоопределения в условиях пандемии.
3. Разработать интернет-портал для поддержки профессионального самоопределения.

4. Организовать мастер-классы, конференции, видео-ролики онлайн для демонстрации профессиональных навыков.
5. Проанализировать предпочтения, пожелания, профессиональные навыки населения Южно-Якутского региона и сформулировать рекомендации по освоению той или иной профессии для удовлетворения потребностей в кадрах.

С одной стороны, принятые ограничительные меры по всей стране и миру диктуют нам новые требования к освоению дистанционных технологий для развития профессиональных навыков. Многие профессии, возможно, уже скоро не будут существовать, но, появятся другие, где главным будет умение работать удаленно, не теряя при этом в качестве оказываемых услуг. Но, с другой стороны, для кого-то открылись новые возможности: дистанционный режим позволяет работать из любой точки мира, где есть интернет, не нужно тратить время на дорогу до места работы и т.д.

В статье [3] подробно рассматриваются новые явления, проблемы, тенденции и перспективы развития рынка труда в результате пандемии. Отмечается, что в будущем будут цениться специалисты, которые способны выполнять целый ряд схожих задач одновременно, а не одну, на которую они учились. Предполагается, что может вырасти спрос на антикризисных менеджеров, экспертов, способных планировать, каких сотрудников увольнять, каких нанимать, чему обучать, что делать в различных кризисных ситуациях.

Проблемы рынка труда в условиях пандемии также подробно изучены Мамонтовой С.В. и выявлены возникающие в связи с переходом на дистанционную работу проблемы. Ведь подстроиться под новые условия труда, да еще и в такие быстрые сроки, очень непросто. Порой характер и сама суть работы стала значительно отличаться от того, как это было раньше, в очном формате.

Так, например, значительно возросла и изменилась нагрузка учителей, преподавателей. Помимо того, что

пришлось быстро научиться и освоить инструменты для связи с учениками, возросла сложность контроля и проверки усвоения знаний. В дистанционном режиме на данный момент практически отсутствуют инструменты для оценки степени вовлеченности и проверки достоверности знаний обучающихся. Ведь существует предостаточно инструментов для того, чтобы решить какую-то задачу, тест, не обладая при этом реальными знаниями. С другой стороны, в процессе дистанционного обучения ученикам зачастую самостоятельно приходится осваивать новые темы. И здесь возникает другая сложность: оценить, насколько добросовестно выполняют педагоги свои профессиональные обязанности.

Поскольку на данный момент еще нет стандарта проведения дистанционных уроков, в соответствии с которым можно определить их качество, всегда будут недовольные родители или слишком большим количеством времени, проводимом детьми за компьютерами для выполнения заданий, или слишком редкими консультациями педагогов онлайн. Ведь на самом деле не понятно, как оптимально организовать учебный процесс. Возросшая нагрузка и давление как на учителей, так и на учеников, безусловно негативно сказывается не только на качестве преподаваемых знаний, но и в целом на всех участниках образовательного процесса. И пока одни будут агитировать и продумывать стратегии и механизмы перехода на дистанционное обучение, другие будут активно возмущаться и приводить аргументированные доводы о негативных последствиях. Данный пример наглядно показывает, что дистанционная работа, которая получила широкое распространение в последнее время, обозначила проблему регулирования таких форм занятости [4].

Пандемия коснулась не только образования, она повлияла на работу многих предприятий: одни не работают, другие испытывают ряд трудностей с организацией работы и большинство теряют прибыль. С точки зрения работ-

ника, необходимо усиление ответственности персонала и контроль над его деятельностью, направленный на повышение производительности труда [1]. В связи с этим необходимы новые подходы к мотивированию сотрудников, способствующие повышению их безопасности. Одно дело, когда напряженная обстановка, какие-то ограничения существуют какой-то небольшой срок, и совсем другое, когда это длится уже довольно продолжительное время и никто не может точно сказать, когда это закончится. И в это время руководителям тем более важно сохранить мотивацию и позитивный настрой сотрудников, предоставив оптимальные и безопасные условия труда и уверенность в будущем, тем самым обеспечив стабильную работу предприятия в целом.

Для решения проблемы управления персоналом авторы статьи [5] предлагают коучинг для сотрудников, ведь по опыту зарубежных компаний коучинг, развивая компанию изнутри, открывает новые направления и средства мотивации персонала и повышает эффективность его работы в любой сфере деятельности компании. Однако, на данный момент, вряд ли при уже имеющихся потерях руководители будут тратить дополнительные средства на обучение персонала, да и ситуация все же новая и трудно прогнозируемая, поэтому пока либо еще совсем нет специалистов, способных реально помочь в таких условиях, либо их очень мало. По сути, как и любой кризис, условия пандемии заставляют нас мобилизовать свои силы, быстро адаптироваться к изменившимся условиям и придумать оптимальный план действий: сменить вид деятельности или пройти дополнительное обучение, либо рискнуть и открыть что-то совершенно новое.

Меняющиеся условия, безусловно, отражаются на профессиональных устремлениях молодежи, ведь они, в первую очередь, стоят перед главным выбором на жизненном пути, поэтому им так важно оказать квалифицированную помощь. Но и люди, уже освоившие профессию, сейчас могут остаться без

работы и даже быть вынуждены проходить процесс профессионального самоопределения заново. Международная организация труда провела масштабное исследование о влиянии пандемии на рабочие места, образование и молодежную политику в целом. Согласно исследованию, проблема безработицы сейчас стоит очень остро: каждый шестой молодой человек потерял работу с начала кризиса, чаще всего из-за прекращения деятельности предприятий [6]. Именно поэтому в настоящее время, возможно, как никогда, возникает необходимость в качественной помощи в выборе профессии. Многие люди сейчас буквально «потерялись» и испытывают тревогу из-за неопределенности своего будущего профессионального становления. При этом в малонаселенных пунктах даже сложнее сориентироваться, так как выбора меньше.

Южно-Якутский регион значительно удален от крупных населенных пунктов. В большинстве случаев, за высшим образованием молодые люди уезжают в другие города, поступают в крупные вузы. К сожалению, редко возвращаются, что естественно неблагоприятно сказывается на экономике региона. Но ведь это происходит еще и потому, что они могут быть недостаточно осведомлены о востребованных профессиях в регионе, об уровне заработных плат, даже о возможности освоить ту или иную профессию, не выезжая за пределы региона знают не все.

В связи с этим встает вопрос о недостаточной эффективности профориентационных мероприятий, так необходимых в условиях усугубленного пандемией экономического кризиса профессий. Авторами [2] выделены аспекты, подтверждающие важность и актуальность профориентации для привлечения абитуриентов в вузы с целью выбора наиболее востребованных профессий. Отмечается, что необходимо организовывать постоянное взаимное участие в различных мероприятиях по ознакомлению потенциальных студентов с кафедрами вузов в период получения среднего профессионального или об-

щего образования. В статье также показаны тенденции выделения бюджетных мест в вузы в 2015/2016 г. и трудоустройство выпускников в перспективе до 2025 г. (с учетом экономического кризиса).

Интернет-портал, рассматриваемый в данной статье, в первую очередь, несет именно информационно-просветительскую роль: предоставить сведения о востребованных в Южно-Якутском регионе профессиях, о возможностях и способах их освоения. Видео-ролики, мастер-классы, онлайн-конференции, проводимые специалистами в той или иной сфере, наглядно продемонстрируют необходимые профессиональные навыки. Причем обмениваться опытом можно со специалистами со всего мира. Профориентационная диагностика, основанная на известных и широко используемых методиках, помогает достоверно определить наиболее соответствующую личностным данным профессию. Также существуют различные программы, предоставляющие возможность проверить наличие некоторых профессиональных навыков в игровой форме [7].

Однако, существующие методики все же несколько устарели и уже не отвечают современным реалиям рынка труда. Необходимо придумать новые подходы не только к определению индивидуальных профессиональных качеств, но и к прогнозированию профессий будущего. В рамках исследования предлагается использовать латентно-семантический анализ для того, чтобы «связать» существующие методики с новыми профессиями. Планируется также использовать технологии виртуальной реальности для того, чтобы попробовать себя в той или иной профессии. Например, парикмахеру – подстричь виртуального пользователя, учителю – объяснить материал в классе виртуальных учеников (имитирующих реальный школьный процесс) и т.д.

В связи с изменениями на рынке труда также стоит спрогнозировать и смоделировать новые профессии, которые могут возникнуть на стыке различных

видов деятельности. «Примерив на себя» те или иные роли, хоть и виртуально, соискатель сможет понять, насколько профессия соответствует его ожиданиям.

Ожидаемые результаты исследования:

1. Повышение уровня осведомленности населения Южно-Якутского региона о востребованных профессиях, необходимых профессиональных навыках.
2. Снижение количества «неправильного» выбора направления подготовки в учебных заведениях (процент отчисленных студентов) для формирования осознанного, адекватного профессионального самоопределения школьниками.
3. Ориентирование молодежи на удовлетворение потребностей Южно-Якутского региона в кадрах.
4. Прогнозирование профессий будущего и формулирование необходимых профессиональных навыков.
5. Снижение уровня тревоги за счет предоставления возможностей для освоения подходящих профессий (мастер-классы, конференции позволят расширить круг работодателей и определить наличие индивидуальных способностей для той или иной сферы деятельности).

Литература

1. Хорев А.И., Овчинникова Т.И., Булгакова И.Н. Особенности обеспечения кадровой экономической безопасности в условиях пандемии COVID-19. / Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. / Юго-Западный государственный университет. – г. Курск. – Т. 10 № 4. – 2020. – с. 163–173.
2. Ланчаков А.Б., Филин С.А., Якушев А.Ж. Профориентационные мероприятия для потенциальных абитуриентов и повышение их эффективности. / Национальные интересы: приоритеты и безопасность. / ООО «Издательский дом «Финансы

- и кредит». – г. Москва. – Т. 16 № 10 (391). – 2020. – с. 1940–1959.
3. Тесленко И.Б., Трофимова Г.А., Савельев И.И. Новые явления на рынке труда в условиях пандемии COVID-19. / Экономика и управление: проблемы, решения. / ООО «Издательский дом «Научная библиотека». – г. Москва. – Т. 2 № 5 (101). – 2020. – с. 120–126.
  4. Мамонтова С.В. Проблемы рынка труда в условиях пандемии / С.В. Мамонтова // Сборник материалов региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики». – 2020. – С. 103–107.
  5. Зарубин С.Д., Шугаева О.В. Адаптация зарубежного опыта коучинга на российских предприятиях. // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Право, экономика и управление: актуальные вопросы». – 2020. – С. 66–70.
  6. Мартиросян О.А. Молодежная занятость и безработица в условиях пандемии COVID-19. / Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – Башкирский институт социальных технологий (филиал) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» (Уфа). – 2020. – № 3 (48). – с. 69–74.
  7. Похорукова М.Ю. Программа поддержки профессионального самоопределения учащихся в условиях непрерывного образования // Современное педагогическое образование. – 2018. – № . 6. – с. 153–155.

THE ORGANIZATION OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION DURING BY PANDEMIC

Pokhorukova M. Yu.

Technical Institute (branch) “North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov” in Neryungri

The article analyzes various problems and difficulties that have arisen in the context of a pandemic in the labor market. On the one hand, the nature of the professional responsibilities of most employees changed significantly, and they had to quickly master new technologies and adapt. On the other hand, many businesses have closed and many people lost their jobs. In this regard, the problem of professional self-determination acquires special relevance: it is very important to choose a truly in-demand profession that will not disappear in the event of a crisis. In connection with the remote mode of work in many spheres of life and the temporary, but already quite long, restrictions of various organizations of additional education, it is very difficult for young people to decide on the choice of a profession. The creation of an information environment to support professional self-determination and its widespread dissemination will increase the awareness of the population about the professions in demand and reduce the likelihood of “wrong” choice due to a more detailed, albeit remote, study of the professions world.

Keywords: professional self-determination, pandemic, labor market problems, professions in demand, teleworking.

References

1. Khorev A.I., Ovchinnikova T.I., Bulgakova I.N. Features of ensuring personnel economic security in the context of the COVID-19 pandemic. / Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. / Southwestern State University. – Kursk. – Т.10 No. 4. – 2020. – p. 163–173.
2. Lanchakov A.B., Filin S.A., Yakushev A. Zh. Career guidance activities for potential applicants and increasing their effectiveness. / National interests: priorities and security. / LLC “Publishing House” Finance and Credit “. – Moscow. – Т. 16 No. 10 (391). – 2020. – pp. 1940–1959.
3. Teslenko I.B., Trofimova G.A., Saveliev I.I. New developments in the labor market amid the COVID-19 pandemic. / Economics and management: problems, solutions. / LLC “Publishing House” Scientific Library. – Moscow. – Т. 2 No. 5 (101). – 2020. – pp. 120–126.
4. Mamontova S.V. Labor market problems in a pandemic / S.V. Mamontova // Collection of materials of the regional scientific and practical conference “Actual problems

- of management in the digital economy.” – 2020. – S. 103–107.
5. Zarubin S.D., Shugaeva O.V. Adaptation of foreign experience of coaching at Russian enterprises. // Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation “Law, Economics and Management: Topical Issues”. – 2020. – S. 66–70.
  6. Martirosyan O.A. Youth employment and unemployment amid the COVID-19 pandemic. / Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Educational Institution of Trade Unions of Higher Education “Academy of Labor and Social Relations” (Ufa). – 2020. – No. 3 (48). – P. 69–74.
  7. Pokhorukova M. Yu. Program of support of professional self-determination of students in the conditions of continuous education // Modern pedagogical education. – 2018. – No. 6. – p. 153–155.

Коммуникативные практики в эристической диалектике А. Шопенгауэра

Субочева Оксана Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, кафедра «Социология и культурология», МГТУ имени Н.Э. Баумана
E-mail: subochevaon@mail.ru

Овчарук Екатерина Романовна,

бакалавр, кафедра «Социология и культурология», МГТУ имени Н.Э. Баумана
E-mail: kataromanova8689@gmail.com

В данной статье рассмотрены основные положения работы А. Шопенгауэра «Эристика или искусство побеждать в спорах» применительно к современному социально-гуманитарному знанию, в частности, социологии, конфликтологии, теории коммуникаций. Проанализированы характерные особенности толкования таких понятий как эристическая диалектика, коммуникация, коммуникативные практики, спор. Выявлена и обоснована необходимость междисциплинарного подхода в анализе эристической диалектики. С точки зрения социологии эристическая диалектика раскрывается как процесс социального взаимодействия индивидов, интенсивно обменивающихся мыслями, эмоциями в процессе спора, предполагающего быструю обратную реакцию оппонентов. Эристическая диалектика А. Шопенгауэра рассматривается как форма коммуникативной практики, под которой понимаются некие устоявшиеся модели коммуникативной деятельности, способы общения индивидов. Здесь присутствует диалогичность, активный и критический обмен мнениями с помощью символов и знаков, наполненными различными смыслами и значениями. Подчеркивается значение уловок, выделенных А. Шопенгауэром, с точки зрения их распространенности в различных сферах жизни общества (экономической, социальной, политической). Делается вывод о том, что эристическая диалектика может быть использована не только с целью защиты тезиса и аргументации собственной позиции, но и распознавания некорректных методов ведения полемики другой стороны.

Ключевые слова: эристическая диалектика, коммуникация, конфликт, спор, коммуникативные практики, уловки

Необходимость развития навыков социальной коммуникации, умение корректно вести полемику являются важными компетенциями современного человека. Эристическая диалектика А. Шопенгауэра раскрывает специфику искусства спора с точки зрения постклассической немецкой философии. Это своеобразная методологическая инструкция возбуждения, проведения и окончания спора, а также победы в нем. А. Шопенгауэр ставит своей целью «выяснение различных искусственных приемов, к которым прибегает в спорах большинство людей, когда замечает, что правота не на их стороне, но в то же время желает во что бы то ни стало ее добиться». Спор в такой интерпретации рассматривается как своеобразный интеллектуальный поединок («умственное фехтование») оппонентов, в котором выяснение истины и стремление к объективной правде не являются приоритетными целями. В процессе столкновения противоположных мнений относительно какого-либо объекта, предмета или явления важно уметь убедить оппонента в своей правоте.

Эристическая диалектика является областью междисциплинарного исследования – не только философия, но и социология, теория коммуникаций, конфликтология, психология могут найти в ней свой аспект. Изначально эристика как искусство спорить, убеждать, полемизировать, разрабатывалась софистами. Однако, по сравнению с софистикой, эристика строится не на ошибках оппонента и подменах тезиса, а на стремлении человека показать, что он всегда бывает прав. Представление о диалектике как «искусстве всегда быть правым, независимо от объективной истины» [5], отличает

позицию А. Шопенгауэра от взглядов Аристотеля, который определяет диалектический спор как «движение познания от правдоподобного к истине» [1]. Таким образом, оба философа описывает проблему определения истины, что ранее уже было продемонстрировано в известном споре Сократа и софистов. Сократ направлял свою философию на поиск истины методом майевтики, софисты, напротив, считали, что для победы в споре истина вовсе не требуется. Шопенгауэр, следуя софистическим воззрениям, рассматривая спор не только как поиск истины, предоставляя читателю возможность пользоваться описанными им «уловками» в различных жизненных ситуациях.

С точки зрения социологии актуально рассматривать эристическую диалектику как процесс социального взаимодействия в рамках таких отраслевых направлений, как социология повседневности и социология коммуникаций. Социальное взаимодействие – это процесс обмена социальными действиями между двумя акторами и более. Социальное действие – это любое проявление социальной активности, ориентированное на других людей. Социальное взаимодействие предполагает, что в процессе целенаправленного действия мы вызываем ответную реакцию социальных объектов, которая, в свою очередь, приводит к новой реакции воздействующего. С этой точки зрения эристическая диалектика является наглядным примером социального взаимодействия индивидов, интенсивно обменивающихся мыслями, эмоциями, и вызывающими быструю обратную связь у каждого оппонента. Спор – это всегда социальное взаимодействие между индивидами, социальными группами, которые, вступая в дискуссию, стремятся убедить оппонента в своей правоте. Изучая сущность спора, можно выделить в нем негативную и позитивную стороны. Негативная сторона спора заключается в его перерастании в ссору, конфликт и даже в открытую агрессию. В данном случае целью обоих оппонентов становятся победа лю-

бой ценой и всеобщее признание собственной правоты. Позитивная сторона, напротив, предоставляет возможность индивидам или группе поддерживать стабильность социальных взаимодействий, учит логично и ясно выражать свое мнение, способствует развитию умственной деятельности и гибкости ума индивидов за счет интенсивного обмена информацией.

Известный социолог постмодернист Юрген Хабермас определяет коммуникативное действие как «взаимодействие двух «говорящих» и дееспособных субъектов» [3], подчеркивая значимость общения и диалога для человеческого существования в условиях искусственной техногенной действительности. Николас Луман считает, что под коммуникацией следует понимать «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие», совокупность действий, которые характерны только для социальных систем, при осуществлении которых происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации, или перенос «семантических» содержаний от одной обладающей ими психической системы к другой [2]. Он подчеркивает различия в осмыслении коммуникации сторонниками семиотического подхода, согласно которому коммуникация понимается как симбиоз непрерывного взаимодействия символов, знаков современного мира и их смыслов и значений. Н. Луман рассматривает коммуникацию как совместную деятельность, в процессе которой стороны вырабатывают общий взгляд на вещи и действия с ними. Он уделяет особое внимание процессам протекания коммуникации на уровне общества в целом, рассматривая ее как разновидность социального действия, в ходе которого осуществляется обмен информацией, позволяющей человеку ориентироваться в социальном пространстве.

Все перечисленные выше подходы в осмыслении коммуникации как социального явления и процесса присутствуют в коммуникативных практиках, под которыми понимаются некие усто-

явшиеся модели коммуникативной деятельности, способы общения индивидов. В эристической диалектике А. Шопенгауэра, как разновидности спора, направленного на победу, наблюдается активное социальное взаимодействие участников, где каждый «пытается создать впечатление наиболее умного и умелого спорщика». Здесь присутствует диалогичность, высокий уровень состязательности, в процессе которого происходит активный и критический обмен мнениями с помощью символов и знаков, наполненными различными смыслами и значениями. Такой спор предполагает признаки, характерные для конфликтного взаимодействия – конфронтация, противостояние, противоборство сторон, идей, мнений. Если в конфликтологии спор рассматривается с процессуальной точки зрения, то в эристике – это целое искусство. Спор способен как ослаблять конфликты, так и создавать новые, потребность в споре возникает и в научной сфере, и в повседневной деятельности, в споре может родиться истина, наиболее ярко проявиться личность. А. Шопенгауэр определяет, выявляет, анализирует сущность спора, а также классифицирует применяемые в процессе дискуссии различные уловки, их виды и способы опровержения. Рассмотрим некоторые из них.

Уловка № 1. Распространение. Шопенгауэр утверждает, что «необходимо вывести утверждение противника за пределы его собственных границ, обсуждать его в самом общем и обширном смысле и расширить его как можно больше; противоядием служит точная и подробная постановка предмета спора или обстоятельств спора». Данная уловка универсальна, так как ее можно использовать в большинстве споров. Например, индивид доказывает своему сопернику, что поп-арт лучше всего изображает образцы массовой культуры. Противник, воспользовавшись уловкой, замечает, что массовая культура плохо отображена и в изобразительном искусстве, и в музыкальном. Для защиты своего тезиса следует воз-

разить своему оппоненту, так как поп-арт – это изобразительное искусство, а не музыкальное.

Уловка № 3. Выбор. Данная уловка предполагает, что «дабы заставить противника согласиться с тем или другим утверждением, надо поставить также и прямо противоположное положение и предоставить ему выбор, причем надо выразить это последнее положение так ясно, чтобы противник, избегая обвинения в парадоксальности, принял наш тезис». Шопенгауэр приводит свой пример: «Следует слушать родителей или нет?». В таком случае, противник оказывается в затруднительном положении, но данная уловка актуальна только при наличии весомого противоположного положения доказываемому тезису.

В уловке № 7 акцентируется внимание на необходимость раздражать оппонента, создать ситуацию выведения собеседника из состояния психологического равновесия, чтобы он был «не в состоянии ни следить за собою и высказывать правильные мнения, ни даже заметить свои преимущества». Этой цели можно добиться упреками, обвинениями, насмешками и т.д. Например, «что можно ожидать от человека, уровень образования которого оставляет желать лучшего».

Уловка № 15. Аргументация к оппоненту или к высказанному им. «При изложении противником какого-либо утверждения необходимо посмотреть, не противоречит ли оно тем или иным образом хотя бы чему-нибудь из того, что он утверждал или с чем он согласился раньше». Так, если оппонент приводит аргументы в пользу эвтаназии, то следует его спросить, пожелал ли он сам быть на месте человека, относительно жизни которого примут такое решение.

Уловка № 17. Чтобы не допустить победы оппонента в споре, А. Шопенгауэр предлагает «прервать спор или перенести его на другое положение, одним словом, устроить *подмену тезиса* или сразу начать с чего-либо совсем другого, как будто оно относится к делу и составляет аргумент против собесед-

ника». В качестве аргументов в этом случае используются недоказанные, или произвольно взятые положения, которые выдают за аргументы, якобы обосновывающие основной тезис.

Суть уловки № 21 «притягивание вывода за уши» заключается в том, что при помощи ложных выводов и искажения понятий выводим из тезиса противника такие утверждения, которых в тезисе совершенно нет и которые совершенно противоречат взглядам противника. Например, на просьбу сотрудника о повышении ему заработной платы, руководитель отвечает: «Если повышать одному, то нужно повышать и остальным, а потом фирма разорится». А. Шопенгауэр предлагает читателю несколько десятков таких «уловок», в каждой из которых описаны различные способы опровержения аргументов и тезиса противника.

Описанные им уловки могут использоваться в различных целях, в том числе для манипулирования сознанием индивида или общественным мнением. Телевидение, радио и социальные сети используют для управления общественным мнением такие уловки, как апелляция к авторитету (известных личностей, различным наукам); предвосхищение основания, подмена или изменение смысла основных понятий; интерпретация тезиса в выгодном для манипулятора значении, суггестивный набор фраз и выражений. В независимости от целей индивида, знание эристической диалектики А. Шопенгауэра может быть актуально в различных сферах жизнедеятельности общества, таких как профессиональные и деловые отношения, брачно-семейные отношения, политическая сфера. Это обусловлено тем, что работа Шопенгауэра направлена исключительно на достижение победы в споре, для желаемого результата оппоненту необходимо убедить соперника в своей правоте. Однако применять на практике «уловки» Шопенгауэра возможно не только с целью аргументации и защиты собственной позиции, а так же для их распознавания у другой стороны. С точки зрения

современной социологии эристическая диалектика может быть востребована для разработки инструментария социологического или маркетингового исследования. Методы эристической диалектики полезны при построении деловой коммуникации или переговоров. Также благодаря работе А. Шопенгауэра можно определить и предотвратить фальсификацию данных.

Литература

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. / ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
2. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал / пер. с нем. Д.В. Озирченко. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
3. Назарчук А.В. Перевод с комментариями и примечаниями главы «Критика инструментального разума» из книги Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия – 1993- № 4. – С. 43–63.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вопросы социальной теории. – 2007- Том I. Вып. 1 – С. 229–245
5. Шопенгауэр Артур. Мир как воля и представление. Афоризмы житейской мудрости. Эристика, или Искусство побеждать в спорах: [перевод с немецкого] – М.: Издательство «Э». 2017. – С. 509–556.

COMMUNICATIVE PRACTICES IN ERISTIC DIALECTICS A. SCHOPENHAUER

Subocheva O.N., Ovcharuk E.R.

Bauman Moscow State Technical University

This article examines the main provisions of A. Schopenhauer's work «Eristics or the Art of Winning Disputes» in relation to modern social and humanitarian knowledge, in particular, sociology, conflict management, and communication theory. The characteristic features of the interpretation of such concepts as eristic dialectics, communication, communicative practices, dispute are analyzed. The necessity of an interdisciplinary approach in the analysis of eristic

dialectics is revealed and substantiated. From the point of view of sociology, eristic dialectics is revealed as a process of social interaction of individuals, intensively exchanging thoughts and emotions in the process of an argument that presupposes a quick feedback from opponents. A. Schopenhauer's eristic dialectics is viewed as a form of communicative practice, which is understood as some established models of communicative activity, ways of communication between individuals. There is a dialogic nature, an active and critical exchange of views using symbols and signs filled with different meanings. The importance of the tricks identified by A. Schopenhauer from the point of view of their prevalence in various spheres of society (economic, social, political) is emphasized. It is concluded that eristic dialectics can be used not only for the purpose of defending the thesis and argumentation of one's own position, but also for recognizing the incorrect methods of conducting polemics of the other side.

Keywords: eristic dialectics, communication, conflict, dispute, communicative practices, tricks.

References

1. Aristotle. Works: in 4 volumes. T. 1. / ed. V.F. Asmus. – M.: Mysl, 1975. – 550 p.
2. Luhmann N. What is communication? // Sociological journal / per. with him. D.V. Ozirchenko. – 1995. – No. 3. – S. 114–125.
3. Nazarchuk A.V. Translation with commentaries and notes of the chapter "Critique of the instrumental mind" from the book by J. Habermas "Theory of communicative action" // Bulletin of Moscow University. Ser. 7: Philosophy – 1993. – No. 4. – P. 43–63.
4. Habermas Yu. Theory of communicative action // Questions of social theory. 2007 – Volume I. Issue. 1 – S. 229–245.
5. Schopenhauer Arthur. The world as will and representation. Aphorisms of worldly wisdom. Eristics, or The Art of Winning Disputes: [translated from German] – M.: E-Publishing House. 2017. S. 509–556.

Фаворитизм как ключевая форма развития коррупционных отношений

Храмова Надежда Андреевна,

преподаватель, Волжский филиал Волгоградского государственного университета
E-mail: nadi3110@mail.ru

Коррупция – универсальное социальное явление международного значения. Проблема коррупции серьезна угрозой национальной безопасности любому государству, всячески препятствуя в ходе своего распространения развитию страны: экономическому, политическому, социальному, культурному и т.д. Коррупция является многогранным социальным явлением, которое включает в себя многие сферы социальных взаимоотношений, участниками которых являются гражданское общество и государство. Усложняется это явление тем, что коррупционными процессами затрагиваются различные блага, как правило, незаконными способами. Коррупция настолько масштабировалась, что охватила собой проблемы правового, социального, психологического, культурного, межличностного характера. С учетом этого условия выявляется актуальность выработки теоретического понятийного аппарата коррупции, выявления отдельных видов, учета их специфики при разработке конкретных мер противодействия этому явлению. Коррупция вышла за рамки понятий «взятничество» и «подкуп» и представилась таким многообразным понятием как фаворитизм, вместе с произрастающими из него видами присвоения вне общепринятых правил морали и закона публичных средств, благ для частного использования. В данной статье рассматривается и актуализируется понятие фаворитизм с позиции его ключевой роли в развитии коррупционных отношений, дается оценка уровню доверия россиян действующим социальным институтам, приводится классификация видов фаворитизма и оценивается их влияние на общество и социальные процессы, проходящие в нем.

Ключевые слова: коррупция, фаворитизм, малое и среднее предпринимательство, девиантное поведение, непотизм.

Коррупция представляется универсальным социальным явлением, имеющим международное значение. Коррупция свойственна всем странам без исключения, вне зависимости от политического устройства и уровня экономического развития. Вероятность коррупционных проявлений присутствует абсолютно в любой стране, разнятся лишь их масштабы. Коррупция является серьезной проблемой национальной безопасности любого государства, основным из препятствий на пути к экономическому развитию страны. Более того, высокий уровень коррупции ухудшает условия развития бизнеса и является серьезным препятствием для эффективного функционирования бизнес системы в целом.

Негативное воздействие коррупции на экономику государства подтверждается многочисленными исследованиями. С позиции экономических и политических последствий Вито Танци выделяет те факты, что коррупция негативно сказывается на способности государства регулировать частный сектор экономики, отрицательно воздействует на стимулы экономических агентов, принуждая нести расходы ресурсов на взятки, делает государство неспособным полноценно функционировать, сокращает доверие общества к рыночной экономике и демократии. Коррупция стимулирует неравенство в распределении доходов и бедность широких слоев населения [6].

Такое социальное явление как коррупция находится в тесной связи с развитием различных институтов общества, в число которых первоочередно попадают экономические, правовые, политические. Именно по их развитию возможно оценить состояние кор-

рупции. Экономические отношения в своем развитии более динамичны, нежели процесс совершенствования нормативно-правовых актов, их регулирующих, соответственно, неизбежно возникновение социального конфликта, который является детерминантом коррупции. Само по себе существование конфликтных ситуаций перманентно, однако их глубина зависит от качества правовых норм, регламентирующих эти отношения. И их исполнение субъектами общественных отношений должно обеспечиваться нравственными моральными нормами. В том обществе, где нравственные нормы основополагающи в поведении людей, коррупция находится на минимальном уровне и не имеет негативного влияния на общественные отношения и их развитие. В этом случае можно вести речь о естественном уровне коррупции, который на определенном уровне может быть допустим в обществе, ввиду своей безвредности и отсутствия последствий, влияющих на различные сферы, отрасли.

Нравственные нормы, в которых индивид ведет себя и принимает решение, опираясь на свое желание, доминируют в сравнении с правовыми нормами и являются более эффективными. Т.к. человек, жизненные взгляды и ценности которого построены не на коррупционных принципах с правовыми нормами в этой области не столкнется, как и с таким понятием как коррупция и, тем более, непосредственного участия в ней. Кроме того, общество, изобилующее законами, говорит о существующих пробелах в нем нравственного и морального характера. Коррупция в нем является угрозой его национальной безопасности и не исключается возможность социального взрыва.

Коррупция является многогранным социальным явлением, которое включает в себя многие сферы социальных взаимоотношений, участниками которых являются гражданское общество и государство. Усложняется это явление тем, что коррупционными процессами затрагиваются различные блага, как

правило, незаконными способами. Коррупция настолько масштабировалась, что охватила собой проблемы правового, социального, психологического, культурного, межличностного характера. С учетом этого условия выявляется актуальность выработки теоретического понятия аппарата коррупции, выявления отдельных видов, учета их специфики при разработке конкретных мер противодействия этому явлению.

С точки зрения социологии, коррупция представляет собой социальный феномен, вид социальных отношений с позиций общесистемных принципов функционирования общества, дисфункцию социальной системы и собой нормативной системы общества, которая проявляется как в целом в стране, так и в отдельных ее регионах.

Согласно Международно-правовым определениям коррупции, использующихся в документах ООН и Совета Европы: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп» [3].

Коррупция вышла за рамки понятий «взятничество» и «подкуп» и представилась таким многообразным понятием как фаворитизм, вместе с производящими из него видами присвоения вне общепринятых правил морали и закона публичных средств, благ для частного использования.

Коррупция опасна во всех своих проявлениях и многообразии видов. Но, тем не менее, в действующей классификации существуют виды коррупции, отношение граждан к которой лояльно. Одним из известных видов такой «мягкой», «белой» коррупции считается фаворитизм. Фаворитизм (от лат. favor милость) – это «несправедливое, пристрастное покровительство любимцам на службе, в ущерб делу» [5].

Фаворитизм представляет собой оказание услуг, предоставление подконтрольных ресурсов, выгодных должностей родственникам, друзьям, знакомым в соответствии с их принадлежностью к определенному сообществу. Фаворитизм существенно сказывается

не в лучшую сторону на качестве выполнения руководителями, чиновниками, должностными лицами своих профессиональных обязанностей, способствует неэффективному, необоснованному и несправедливому распределению общественных ресурсов. Фаворитизм вбирает в себя несколько разновидностей (рис. 1).

Рис. 1. Виды фаворитизма [Составлено автором]

Система власти при непотизме / кумовстве строится на родственных связях. При кронизме опирается на друзей и знакомых.

Под трейбализмом кроется предоставление привилегий представителям из одной этнической группы, дискриминируя притом остальных.

Протекционизм в данном контексте есть подбор кадров, должностных лиц на основании действующей для данного лица протекции, без учета практического опыта и каких-либо профессиональных, деловых качеств, а только лишь при наличии связи с «нужным» человеком, покровительствующим в продвижении по службе. Активно данный вид проявляется в виде землячества и клановости.

Лоббизм представляет собой процесс продвижения интересов частных лиц с целью принятия выгодного в конкретной ситуации решения.

В основе этих видов «мягкой» коррупции лежит осознание принадлежности конкретного лица к определенной отдельной от общества группе, имеющей ярко выраженные специфические интересы, отличающиеся от интересов остальных членов общества.

Фаворитизм относится к бытовой коррупции, порождается которая путем взаимодействия рядовых граждан и чиновников. В неё входят различные подарки от граждан и услуги должност-

ному лицу и членам его семьи с целью предоставления государственных должностей, услуг, привилегий родственникам, друзьям, знакомым независимо от их профессиональных достоинств.

В органах государственной власти и управления взаимодействуют следующие субъекты – лицо, либо принимающее решение о назначении на определенную должность, либо имеющее возможность оказать влияние на кадровую политику, получение определенных услуг, и лицо, имеющее желание получения этого блага.

Данный вид нельзя недооценивать и воспринимать как примитивное взыскание и часть традиции, ведь именно в нем завуалированы опасные для общества и государства проявления коррупции.

В качестве последствий мы можем выделить препятствия адекватной конкуренции, карьерному росту более эффективных, талантливых, квалифицированных сотрудников, что, в свою очередь, становится причиной «утечки мозгов» из страны, рост уровня некомпетентности чиновников, снижение доверия граждан к государственным органам и системе в целом, что является причиной падения авторитета государственной власти. Фаворитизм негативно влияет на организационное и экономическое развитие, всячески способствуя коррупции.

Несмотря на глобальность нанесенного урона фаворитизмом, тем не менее, если оценивать данный вид коррупции по степени общественной опасности, то его можно отнести к коррупционным проступкам, действиям, классифицируются которые согласно этической оценке как безнравственные.

Коррупционные проступки – это те события, которые противоречат морально-нравственным принципам. Сюда же относятся все его проявления – когда благодаря родственным или дружеским связям отдельным лицам предоставляются определенные преференции и хорошее расположение, покрываются коррупционные деяния, приветствуются подарки и подношения.

Таким образом, фаворит – это лицо, пользующееся доверием руководителя, влияющее на принятие им решения и продвигающееся по карьерной лестнице благодаря своему особому положению и расширенным возможностям, по сравнению с остальными.

Внешняя среда в России создает все основания для развития фавори-

тизма и nepoтuзma, т.к. уровень доверия к формальным институтам и уровень межличностного доверия в России очень низкий.

20–26 августа 2020 года Левада Центр провел исследование, результаты которого демонстрируют уровень доверия к основным социальным институтам (рис. 2).

В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия ...?

(данные по позиции «вполне заслуживают»; август 2020)

Рис. 2. Результаты исследования уровня доверия к основным социальным институтам, Левада Центр, август 2020 [2]

Согласно данным графика, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в России только немногочисленные социальные институты имеют положительный баланс доверия: армия, президент и органы госбезопасности. Остальные институты находятся в большинстве своем в зоне негативного отношения. Кроме того, если учесть немалую часть участников опроса, выбравших при ответе вариант «Затрудняюсь ответить» (нам они представляются как люди, негативно настроенные в отношении данных институтов, косвенно не доверяющие им), то репрезентативность данных о социальных и политических институтах нашей страны не вызывает никаких сомнений.

Институциональное доверие предполагает разные основания веры в то, что действующие лица будут вести себя в соответствии с предписанными нормами этого института.

Низкий уровень межличностного доверия во взаимодействиях с должностными лицами говорит о том, что россияне не могут надеяться на исполнение их полномочий в соответствии с формальными и публично декларируемыми нормами. Социальный опыт демонстрирует гражданам, что действовать должностные лица будут, вероятней всего, в соответствии со своими собственными интересами и без нацеленности решить проблему обратившегося к нему гражданина. Все это вынуждает россиян мотивировать должностных лиц на выполнение их служебных обязанностей коррупционными действиями.

Падение межличностного доверия приводит к отчуждению российских граждан от управления во всех сферах и на всех уровнях: государственном, муниципальном, в частном бизнесе

и некоммерческой сфере. Большинство российских граждан выбирают стратегии, не ориентированные на легальное изменение правил взаимодействия с чиновниками или среды собственной жизнедеятельности, а придерживаются коррупционной адаптации к принимаемым чиновниками решениям и процедурам их исполнения. В результате коррупция не только сохраняет свои старые формы, но и постоянно обретает новые. Как следствие, ее общий уровень не только остается на прежнем уровне, но растет в ответ на расширение государственного регулирования во всех сферах.

Низкий уровень социального доверия в современной России, наряду с низким уровнем социальной солидарности, доверия социальным институтам, ограниченным горизонтом будущего, высоким уровнем социальной дифференциации и другими особенностями российского общества, значительно способствует распространению коррупции в социуме.

По представленным данным можно сделать вывод, что формальным институтам, правилам, регулирующим политическую, социальную и экономическую жизнь общества, люди не доверяют. А когда не работают формальные институты, процветают неформальные, порождающие фаворитизм, и, как следствие, коррупцию на всех уровнях власти [4].

Коррупция сдерживает развитие экономики, препятствуя здоровому функционированию малого и среднего предпринимательства, как неотъемлемой части экономической системы государства.

В рамках реализации программы развития малого и среднего предпринимательства было проведено социологическое исследование оценки степени влияния коррупции на развитие малого и среднего бизнеса на территории Волгоградской области. В проведенном исследовании среди предпринимателей демонстрируются подтверждающие общую тенденцию результаты. Так, респондентам был задан вопрос: «Какие

проблемы и угрозы Вашей деятельности играют наиболее существенную роль? Выберите 3 основные проблемы».

Основными проблемами, тормозящими процесс развития предпринимательской деятельности и угрожающие ей, являются такие основные проблемы: чрезмерные налоги – 22,72%, коррупция в органах власти и самоуправления – 12,7%, административные барьеры – 11,64%. В качестве менее значимых проблем предприниматели выделили: давление криминальных структур – 2,36%, неэффективность правоохранительной и судебной системы – 2,52%, кадровые – 4,4%.

Коррупция является не просто доминирующей проблемой в данном рейтинге. Она является глобальным по распространению фактором, т.к. охватывает собой всех участников рынка, экономических отношений, различные сферы и отрасли, размножаясь в своем многообразии видов.

На вопрос «Будете ли Вы обращаться в правоохранительные органы, если столкнетесь с проявлениями коррупции?» только 17,2% предпринимателей заявили о том, что обратятся в правоохранительные органы, 48,6% ответили отрицательно, а 34,2% не дали определенного ответа на данный вопрос (рис. 3).

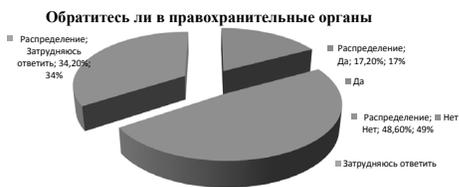

Рис. 3. Обращение в правоохранительные органы в случае столкновения с коррупционными явлениями

Все это подтверждает факт недоверия социальным институтам, коими и являются правоохранительные органы, а также, складывается впечатление о низком уровне гражданской ответственности, добросовестности и активности предпринимателей, которые демонстрируют нежелание выполнять

свой гражданский долг и низком антикоррупционном потенциале бизнесменов (только 1/6 респондентов готовы сообщать в правоохранительные органы о фактах коррупционных правонарушений).

Вопрос «Можете ли Вы рассчитывать на защиту Ваших интересов со стороны органов власти при имеющихся угрозах Вашему бизнесу?» дал следующие ответы (рис. 4).

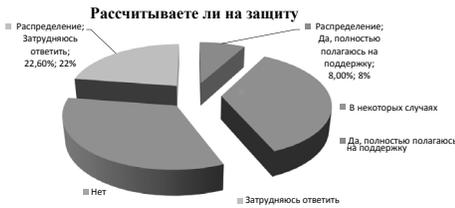

Рис. 4. Защита интересов предпринимателей органами власти

Удельный вес предпринимателей на защиту интересов могут рассчитывать только в некоторых случаях – 35,8%. Не рассчитывают на помощь – 33,6%, не готовыми ответить на данный вопрос оказались 22,6%. И лишь 8% респондентов полностью полагаются на защиту своих интересов со стороны органов власти.

Следующий вопрос позволил получить данные, касающиеся непосредственно свидетельствования фактов незаконного поведения участников рынка. Все ли субъекты рынка, с которыми Вам приходится взаимодействовать в Вашей хозяйственной деятельности, ведут себя законно? (рис. 5).

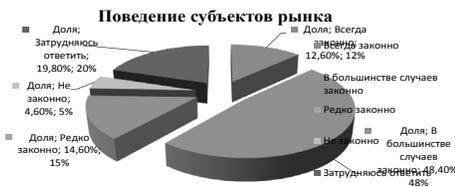

Рис. 5. Законно ли поведение участников рынка

Только 12,6% опрошенных заявили о том, что участники рынка ведут себя всегда законно. Остальные же 67,6% подтвердили, что участники рынка ведут себя в той или иной степени неза-

конно. 19,8% респондентов затруднились ответить на данный вопрос, подтвердив тем самым либо незнание ситуации, либо нежелание ее озвучивать. Препятствует ли коррупция деятельности и развитию Вашей организации? (рис. 6).

Рис. 6. Препятствие коррупции бизнесу

22,09% считают коррупцию препятствием для развития бизнеса. 37,95% ответили, что коррупция не препятствует деятельности организации. 39,96% не дали точного ответа на данный вопрос, что указывает, скорее всего, на замалчивание ситуации в силу специфичности данной темы или отсутствия личной статистики по такому вопросу.

Какой способ неформального решения проблем, по Вашему мнению, самый эффективный? Выберите 2 варианта ответов (рис. 7).

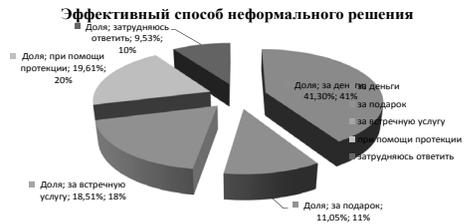

Рис. 7. Наиболее эффективный способ неформального решения проблем

Данные гласят, что взятки в основном предоставляются в виде денег, так ответили – 41,3%. На втором месте набравшее практически одинаковое количество голосов оказались варианты «при помощи протекции» – 19,61% и «за встречную услугу» – 18,51%. На третьем месте предприниматели отмечают, что преподносят подарки в обмен на положительное решение вопро-

са – 11,05%. Затруднились ответить 9,53% респондентов.

Результат говорит о том, что абсолютное большинство – более 90% участников опроса, решали проблемы, встречающиеся на их предпринимательском пути одним из неформальных способов, к числу которых относятся проявления фаворитизма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что распространение фаворитизма ставит под угрозу организационное и экономическое развитие в целом. Он приводит к созданию искусственных руководящих должностей, деятельности непрофессиональных некомпетентных работников, что в свою очередь провоцирует неизбежное нанесение урона самой организации и экономике в целом, нарушая при этом принципы меритократии.

Еще в 2013 году служба исследований HeadHunter проводила опрос, который показал, что фавориты есть в 61% компаний [1].

Организационный фаворитизм достаточно распространен. По данным исследования, проведенного школой бизнеса Джорджтаунского Университета в Вашингтоне, 92% топ-менеджеров за время своей карьеры встречались с проявлениями фаворитизма. Из этого числа большинство – 84% сталкивались с фаворитизмом в собственной компании. Более 25% руководителей признали, что сами придерживаются фаворитических взглядов и методов в работе.

Полностью искоренить фаворитизм невозможно, ввиду того, что во многом он обусловлен самой природой человека, его желанием проявлять заботу о своих близких.

Формы коррупции крайне разнообразны. Среди наиболее известных и «популярных» в настоящее время видов, можно выделить следующие: традиционное взяточничество; вознаграждение за получение выгодных контрактов; получение комиссионных за размещение государственных заказов; оказание государственным служащим разного рода услуг; организация поездок должностных лиц в заграничные коман-

дировки, на отдых и лечение за счет заинтересованных в решении вопросов, находящихся в ведении чиновников, лиц; латентное вымогательство взяток, незаконные вознаграждения, за «ускорение» в решении вопросов; вымогательство взяток у лиц, находящихся в зависимости от должностного лица; получение руководителями от своих подчиненных процента с взяток, которые подчиненные получили и другие.

И фаворитизм среди них является наименьшим по степени опасности. Но это только на первый взгляд. На самом же деле, фаворитизм способен охватить собой абсолютно любую сферу и форму коррупции и быть вхожим в нее.

Именно поэтому, учитывая его двойственность и традиционность, необходимо минимизировать его присутствие в обществе, демонстрируя его негативные последствия, разрушающие общество и внося в его общественную и экономическую жизнь необъективность.

В организациях, учреждениях, бизнес-сообществе фаворитизм препятствует здоровой конкуренции за руководящие должности, снижает мотивацию персонала, минимизирует вероятность карьерного роста высокоэффективных, квалифицированных сотрудников, и, конечно же, является фактором, влияющим и детонирующим такое явление как коррупция.

Именно борьба с коррупцией является генеральным направлением не только в вопросах поддержки малого и среднего предпринимательства, но и при решении важнейших задач вывода экономики страны на инновационный путь развития.

Литература

1. Батенева Т. Фавориты в офисе // Российская бизнес-газета, 2013. № 919. С. 41.
2. Левада Центр. Исследование доверия россиян социальным институтам. [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 07.10.2020).

3. Лунеев В.В. Коррупция, учтённая и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 81.
4. Сафина Д.М. Влияние фаворитизма и nepотизма на организационное и экономическое развитие // Дискуссия. 2013. № 10 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-favoritizma-i-nepotizma-na-organizatsionnoe-i-ekonomicheskoe-razvitiye> (дата обращения: 10.10.2020).
5. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. [Электронный ресурс] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11701/%D0%A4%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения: 03.10.2020).
6. Tanzi V. Corruption around the world. IMF Staff Papers, 1998, vol. 45, no. 4, pp. 559–594

FAVORITISM AS A KEY FORM OF DEVELOPMENT OF CORRUPTION RELATIONS

Khramova N.A.

Volzhsky Branch of Volgograd State University

Corruption is a universal social phenomenon of international importance. The problem of corruption is a serious threat to national security of any state, in every way impeding the development of the country during its spread: economic, political, social, cultural, etc. Corruption is a multifaceted social phenomenon that encompasses many areas of social relations involving civil society and the State. This phenomenon is complicated by the fact that corruption processes affect various benefits, as a rule, in illegal ways. Corruption was so widespread that it covered legal, social, psychological, cultural, interpersonal problems. Taking into account this condition, the relevance of developing a theoretical conceptual apparatus of corruption, identifying certain

types, taking into account their specificity when developing specific measures to counter this phenomenon is revealed.

Corruption was beyond the concepts «bribery» and «graft» and was presented by such diverse concept as favoritism, together with the types of assignment growing from him out of the standard rules of morals and the law of public means, the benefits for private use.

This article considers and updates the concept of favoritism from the point of view of its key role in the development of corruption relations, assesses the level of confidence of Russians in current social institutions, classifies types of favoritism and assesses their impact on society and the social processes taking place in it.

Keywords: corruption, favoritism, small and medium-sized entrepreneurship, deviant behavior, nepotism.

References

1. Bateneva T. Favorites in the office//Russian Business Newspaper, 2013. No. 919. P. 41.
2. Chudinov A.N. Dictionary of foreign words included in the Russian language. [Electronic Resource] URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/11701/%D0%A4%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%A2%D0%98%D0%97%D0%9C (case date: 03.10.2020).
3. Levada Center. A study of the trust of Russians in social institutions. [Electronic Resource] URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (case date: 07.10.2020).
4. Luneev V.V. Corruption, taken into account and actual//State and law. 1996. № 8. P. 81.
5. Safina D.M. Influence of favoritism and nepotism on organizational and economic development//Discussion. 2013. № 10 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-favoritizma-i-nepotizma-na-organizatsionnoe-i-ekonomicheskoe-razvitiye> (case date: 10.10.2020).
6. Tanzi V. Corruption around the world. IMF Staff Papers, 1998, vol. 45, no. 4, pp. 559–594.

Мультиагентный подход в анализе образовательной среды

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор Кафедры общественных наук Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Поздеева Елена Геннадиевна,

кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: elepozdz@mail.ru

Евсеева Лидия Ивановна,

кандидат философских наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: l.evseeva@mail.ru

Статья посвящена проблемам организации образовательной среды, вызванными необходимостью эффективного сопряжения деятельности студентов, преподавателей и администрации вуза в условиях внедрения онлайн обучения. Методология исследования определяется установками мультиагентного подхода. Цель – комплексная оценка мотивационных факторов участников образовательного процесса. Авторы проводят сравнительный анализ оценочных позиций студентов в отношении эффективности информационного обмена в традиционной и в онлайн-модели обучения. На основании методов социологического опроса и сравнительного анализа обобщены субъективные оценки качества образовательной среды вуза по критерию соответствия ожиданиям студентов, преподавателей и администрации в условиях распространения цифровых практик. В качестве критерия предпочтения онлайн-формата выделены свобода выбора и степень индивидуализации образовательного маршрута. Подчеркивается, что рост значимости цифровой компетенции в профессиональной и обучающей среде вызывает трансформации традиционных социальных ролей агентов, а также пересмотр норм и ценностей университетского образования в целом.

Ключевые слова: Образовательная среда, мультиагентная система, информационный обмен, факторы мотивации, модели обучения, критерии оценки.

Введение

Специфику социального развития в ХХI в. характеризует распространение цифровых технологий и пользовательских сетей в информационном киберпространстве. Современный человек уже не может представить свою повседневную жизнь без компьютерных программ и глобальной сети Интернет [1]. Электронная медиакультура, создавая искусственную социальность [2], существенным образом корректирует жизненные ориентиры молодежи, а также представления о профессиональной карьере и стратегиях ее достижения.

Развитие профессиональных поведенческих навыков специалиста до уровня, достаточного для современной культуры информационных технологий, происходит в условиях многоуровневых взаимодействий, активными агентами которых выступают различные социальные институты и виртуальные сети. В профессиональной деятельности и обучении системные продукты и программы играют роль активных участников интеракций. Внеперсональные информационные базы могут обмениваются приобретенными знаниями с использованием некоторого специального языка и «правил общения» (протоколов). Быстрое освоение больших объемов информации наряду с необходимым навыком навигации в компьютерной сети взаимодействий становится показателем профессионализма в любой сфере деятельности. Цифровая грамотность фиксируется как необходимый уровень компетентности [3].

Разнообразная природа взаимодействующих субъектов интеракций, общей основой которых выступает информационный обмен, подчеркивается в представлении о мультиагентной системе [4, 5]. С этой точки зрения, сфера образования в целом и образовательная среда вуза, которая включает

социальные институты, административные образования, информационные комплексы наряду с традиционными субъектами: студентами, преподавателями, менеджерами, – также может рассматриваться как мультиагентная система. Введение онлайн формата в практику обучения сопровождается трансформацией установленных отношений между традиционными агентами системы образования. Выделение социальных и моральных аспектов внедряемых цифровых технологий позволяет учитывать динамический фон возникающих контекстов и социальных ожиданий вокруг цифровых сетей в системе образования. В этой связи актуальность приобретает сравнительный анализ традиционных и цифровых каналов связи, используемые молодыми людьми для проектирования и построения своего профессионального пути на этапе обучения.

Цель нашего исследования – выявление мотивационных факторов и оценочных позиций агентов образовательной среды вуза, которые объединены в систему профессиональной подготовки. Мультиагентный подход позволяет анализировать значимые и целенаправленные позиции агентов, выявлять критерии эффективности цифровизации образовательной среды вуза и проблемные моменты, вызванные конфликтами интересов и идей.

Концепции умного обучения в организации образовательной среды

Развитие цифровой обучающей среды (e-Learning) и цифровых компетенций учащихся – главный тренд в современном образовании [6, 7]. Цифровые технологии позволяют ввести гибкий формат персонального обучения, способствуют развитию самостоятельной навигации в обучающей среде, повышая уровень профессиональной компетенции будущих специалистов.

Для организации эффективной образовательной среды вуза важное значение имеет концепция умного обучения / Smart Learning [8], в которой под-

черкивается роль онлайн-платформ как инструмента, развивающего познавательные способности студента, а также технологий генерирования и передачи знаний с помощью создания виртуальных учебных сред, ориентированных на активизацию фоновых знаний учащихся [9].

В контексте нашего исследования интерес представляет не только технологический аспект использования умных инструментов в информационном обмене внутри мультиагентной образовательной среды вуза, но также характер информационного поведения агентов. В работе [10] авторы с целью выявить особенности информационного поведения студентов, на основании математической модели анализа данных опроса 303 студентов, показывают влияние предшествующего опыта на использование цифровой информации студентами и их поведение в колледже.

Взаимосвязь информационной среды с эмоциональным миром человека, ее влияние на поведение субъекта в цифровом обществе анализируется в теории подталкивания [11], в концепции полимедиа [12], в исследованиях скрытых механизмов манипулирования сознанием и подсознанием субъектов, противостоят друг другу своими собственными целями и средствами в социальном пространстве. Влияние инфосферы на принятие решений субъектом всегда опосредовано семантической структурой и действует по принципу свободного выбора. Информационная среда несет в себе посылку дня, существенно не меняющую пространство выбора действий субъекта, но все же склоняет его к определенному поведению [13]. Под влиянием информационных подсказок человек может совершать импульсивные действия, руководствуясь характером которых он не узнает.

В современной литературе отмечается, что активное участие в социальных сетях и цифровых коммуникациях в киберпространстве стирает границы между образованием и развлечениями, работой и отдыхом, педагогикой

и повседневной жизнью. Это обстоятельство ведет к новым проблемам этического плана в общении студентов, преподавателей и руководителей университетов на платформах и ресурсах, предоставляемых университетом для выполнения образовательных и коммуникативных задач [14].

Материалы и методы анализа образовательной среды вуза

Социологическое исследование взаимодействий агентов образовательного процесса ведется в концептуальных рамках системного топологического подхода, развитого в представлении о социальном пространстве (П. Бурдьё) и медийной реальности (Н. Луман). В данном исследовании общая теоретическая установка конкретизирована познавательной стратегией мультиагентного подхода, которая подчеркивает совмещение разных субъектов в общей среде деятельности. В отношении образовательной системы вуза такое совмещение требует согласования целей и намерений в действиях участников процесса обучения, а также скрытых контекстов их целей и намерений.

В настоящее время приоритетом в организации образовательной среды вуза выступает дистанционное обучение, эффективность обмена информацией в компьютерных интерактивных формах, создание электронной среды обучения и технология e-Learning.

Критерий эффективности (качества) информационного обмена позволяет оценить дистанционное обучение по следующим параметрам:

- 1) Предпочтения в выборе формата обучения: традиционный, онлайн, смешанный
- 2) Мотивация обратиться в формат онлайн-обучения
- 3) Свободный выбор времени и места обучения
- 4) Оценка перспектив внедрения онлайн-формата
- 5) Индивидуальный подход к обучению

Эмпирическая база исследования включает данные онлайн- и офлайн-

опросов, проведенных авторами в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ), а также данные аналогичных исследований из других российских вузов [15].

В 2019 году было проведено исследование динамики отношения студентов СПбПУ к дистанционному обучению, в выборку вошли 140 респондентов для случайной выборки.

В анализе мотивационных факторов использовались эмпирические данные социологических опросов в Санкт-Петербургского электротехнического университета «ЛЭТИ» (2018 г. – анкетный опрос аспирантов технических факультетов, 133 респондента) [16], в Уральском государственном экономическом университете (УрГЭУ) и Уральском федеральном университете (УрФУ), где размер выборки составил 830 респондентов [17].

Данные для анализа факторов мотивации учителей в онлайн-обучении (выборка составила 77 респондентов) были получены в результате онлайн-опроса административного персонала Томского политехнического университета совместно с центром информационных исследований [18].

Результаты социологического исследования мотивационных факторов агентов образовательной системы вуза

Анализ субъективных ожиданий преподавателей в отношении расширения онлайн среды обучения показал, что основным мотивом их активного включения в освоение и развитие дистанционных технологий в образовании выступает материальный фактор (Рис. 1), открывающий перспективу получения дополнительного дохода (77,9%). В обобщенной структуре мотивации преподавателей были выделены также: возможность получения дополнительных знаний и навыков (50,6%), возможность реализовать себя (42,9%) [34].

Позиция студентов СПбПУ по отношению к смешанной модели, включаю-

щей цифровые и традиционные педагогические технологии, выглядит неоднозначной. На контрольный вопрос, требующий сравнительной оценки студентов, более склонными к традиционным формам оказались 23% студентов, а 14% не видят существенных различий между онлайн и офлайн занятиями. Студенты-политехники и магистранты с оптимизмом смотрят в будущее, проявляя готовность к активной работе в цифровой среде. Исследование динамики отношения студентов СПбПУ к дистанционному обучению, которое было проведено в 2019 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (выборка составила 140 человек по случайному отбору), показало, что 59% из опрошенных студентов считают, что цифровое пространство вуза создает условия для более удобной формы обучения. При этом позитивное отношение к смешанной модели образования, которая способствует наиболее эффективному усвоению информации, поддерживают 46,3% студентов (Рис. 2).

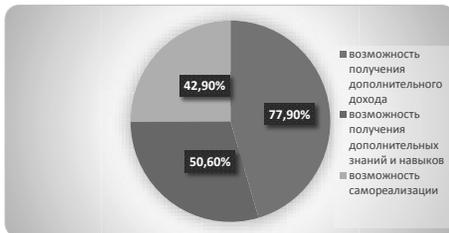

Рис. 1. Доминирующие факторы мотивации преподавателей в распространении онлайн-модели обучения

Результаты исследования позиций студентов некоторых Российских вузов в оценке моделей обучения

Отношение студентов ЛЭТИ к моделям образования показывает явное предпочтение смешанной модели обучения: 11% выбрали традиционную модель, 16% – онлайн модель, а 54% – смешанную. Тем не менее, студенты и магистранты с оптимизмом смотрят в будущее, проявляя готовность к активной работе в цифровой среде. Результаты анкетного опроса магистран-

тов технических факультетов СПбГЭТУ «ЛЭТИ» (число опрошенных респондентов – 133 студента) показали, что информированность студентов о ресурсах электронной среды обучения достаточно высокая: 78% респондентов имеют опыт работы с онлайн-курсами; студенты смогли назвать более 26 образовательных платформ. Различия в выборе студентами СПбПУ и ЛЭТИ приоритетной модели обучения подчеркивает разницу между информированностью о существующих электронных курсах и внутренними установками личности.

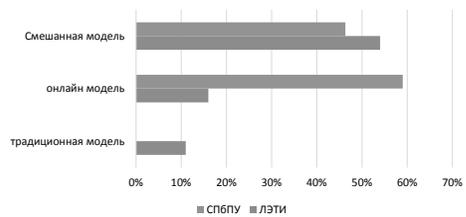

Рис. 2. Предпочтения студентов в отношении моделей обучения (По результатам опросов в СПбПУ, ЛЭТИ)

Средняя оценка студентами эффективности усвоения информации в смешанной модели обучения рассчитывалась по 5 балльной шкале, которая включала следующие оценочные позиции: 1 – абсолютно согласен, 2 – скорее согласен, 3 – скорее не согласен, 4 – не согласен, 5 – не знаю. Как видно из представленной диаграммы (Рис. 3), 50% опрошенных студентов констатируют большую эффективность усвоения информации в смешанном формате обучения. Однако контрольный вопрос о том, способна ли дистанционная форма обучения полностью заменить традиционную отразил скептическую позицию студентов: 55,3% студентов не считают, что дистанционное обучение заменит традиционное, лишь 6,4% респондентов ответили «да» и «скорее да».

Результаты опроса студентов Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ) и Уральского федерального университета (УрФУ) (объем выборки 830 чел.) представлены на рис. 4. Приоритет в выборе онлайн

модели обучения 72% опрошенных связывает с большей свободой и гибким графиком совмещения работы и учебы.

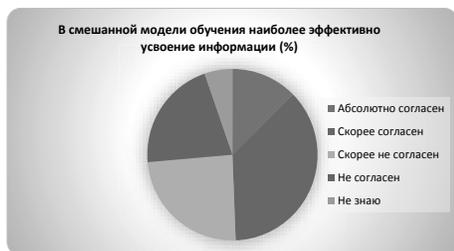

Рис. 3. Оценка студентами СПбГУ смешанной формы обучения по критерию эффективности усвоения информации

Оценка перспектив онлайн модели обучения

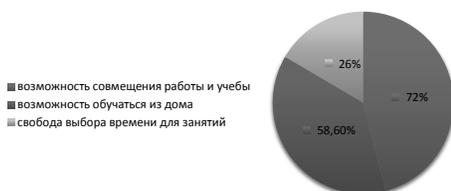

Рис. 4. Оценка студентами онлайн модели обучения по критерию свободы (по результатам опроса в УрГЭУ и УрФУ)

Цифровая оснащенность вуза, предложение современных образовательных технологий и комфортных условий обучения наряду с престижем становятся факторами, заметно влияющими на выбор вуза абитуриентами. В мотивах выбора вуза, определенных целевой жизненной установкой молодого человека доминирует прагматический подход к будущей профессии и ее востребованности на рынке труда. Основными целями получения высшего образования молодежь называет желание владеть хорошей профессией, достичь успеха в жизни и материального благополучия.

Проблема адаптации студентов к цифровой образовательной среде

Проведенное исследование указывают на неоднозначность критериев оценки университетской среды онлайн-обучения различными участниками образовательного процесса и позволяют определить

проблемные области для следующих конкретных исследований.

Одна из проблем связана с процессом адаптации студентов к электронной среде обучения. Влияние цифровых технологий на профессиональную культуру студентов неодинаково по содержанию и интенсивности. Типология личности в этом случае определяет информационное поведение и стратегию адаптации к среде e-Learning. Существует три типа представителей молодежи, различающихся по степени их адаптации: «прагматики», «идеалисты» и «традиционалисты» [19]. «Прагматики» демонстрируют более высокий уровень адаптации к новым условиям, готовность к широкому выбору потенциальных профессий и к работе, не связанной с их специальностью, и приверженность к обучению в течение всей жизни. «Прагматики» нацелены на развитие новых профессиональных компетенций, достаточно умеренны в потреблении Интернета и поэтому успешно управляют интернет-рисками. «Традиционалисты» оказываются наименее адаптивными; они характеризуются такими признаками плохой профессиональной культуры, как бессознательность профессионального выбора, нежелание продолжать обучение наряду с работой, а также отсутствие антидеструктивного иммунитета в цифровой среде. «Идеалисты» характеризуются средней степенью адаптивности, они готовы учиться на протяжении всей жизни, имеют активную стратегию использования цифровых технологий в процессе профессиональной подготовки, но в то же время уделяют мало внимания динамике труда в выбранной профессиональной сфере.

Перспективы цифрового образования связаны с введением новых развивающих методов в обучении, в частности, с использованием лабораторий и центров компетенции. В качестве одного из таких методов можно рассматривать социальную технологию «Колеса развития группы» [20], которая строится на принципах самоорганизации, ротации ролей, взаимодополняемости

в объединении творческих усилий активных и ориентированных на развитие студентов.

Проблема персонализации образовательного процесса

Тенденция к персонализации образовательного маршрута выражена в концепции умного обучения [15], а также в проектировании сервисов, фиксирующих результаты этапов обучения студента и выявляющих его следы в административной и обучающей электронной среде. Так, профиль деятельности и достижений студента в электронной образовательной среде университета отражается в электронном портфолио, способствуя моделированию эффективного образовательного маршрута студента в трех аспектах: исследовательском, профессиональном и предпринимательском.

В онлайн-модели критерии оценки качества образования с точки зрения обмена информацией в этом случае ограничены техникой обеспечения обратной связи между системными агентами. Процесс понимания и получения информации остается без внимания. Технически можно отследить показатели информации, получаемой агентами образовательного процесса по их журналу в сети, но из-за безличного характера электронного контакта нет возможности проверить адекватность восприятия и понимания смысла.

Технологически электронная учебная среда имеет открытую перспективу в контексте персонализации образовательного процесса [18]. Тем не менее, все более широкое внедрение цифровых посредников в практику преподавания снижает эмоциональный контакт между учеником и учителем. Использование метода письменного интервью показало, что студенты частично утратили эффективные коммуникативные навыки из-за того, что при общении в Интернете ответственность корреспондентов за свои действия снижается, а социальные потребности не полностью удовлетворяются. Наряду с этим навыки критического восприятия

информации и аналитического мышления постепенно снижаются.

Заключение

Данные мониторинга субъективных ожиданий и оценок в социологических исследованиях, проводимых в российских университетах, показывают сопряжение целевых установок агентов взаимодействия в образовательном пространстве университета относительно индивидуализации образовательного маршрута, однако критерии оценки качества образования неоднозначны.

Комплексная оценка образовательной среды вуза с точки зрения мультиагентного подхода представляет перспективную, но сложную задачу, поскольку необходимо учитывать фактор времени и текучесть студенческого и преподавательского контингента. В данной работе были представлены оценочные позиции студентов на основании социологических опросов в нескольких российских вузах на ограниченном контингенте.

Состояние и тенденции развития образовательной среды вуза в целом характеризуется интегрированной многофакторной оценкой потребностей и ожиданий всех агентов в отношении результатов обучения. Общие позиции в критериях оценки образовательной среды связаны с областью ожиданий нового уровня условий и технологий онлайн обучения для более успешного выполнения образовательных задач; с мотивацией к освоению новых знаний и навыков в процессе обучения. Расхождения в критериях оценки электронной учебной среды выявляются в конфликте интересов: 1) студенты рассматривают онлайн-технологии, в первую очередь, как коммуникативную практику, а учителя обеспокоены достижением образовательного результата; 2) менеджеры фокусируются на повышении интегрированных показателей качества и рейтингов, а учителя беспокоятся о материально-технической поддержке и оптимальных условиях для внедрения новых технологий. Выявленные тенденции разнообразия и целевого сопряже-

ния в позициях агентов образовательной системы отражают изменения в репертуаре социальных ролей, пересмотр нормативных и ценностных установок в контексте быстрого роста цифровых практик.

Литература

1. Prensky M.H. Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom // *Innovate: Journal of Online Education*. – 2009. – V. 3 (1). – URL: <https://nsuworks.nova.edu/innovate/vol5/iss3/1> (дата обращения 15.07.2020)
2. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 6. – С. 35–47. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring> 2019.6.03.
3. Biggins D., Holley D., Evangelinos G., Zezulkova M. Digital competence and capability frameworks in the context of learning, self-development and HE pedagogy // In Vincenti, G., Bucciero, A., Helfert, M., Glowatz, M. (Eds.). *E-Learning, E-Education, and Online Training*. Lecture Notes of the Institute for Computer Sciences, Social Informatics and Telecommunications Engineering. – 2017. – V. 180. – P. 46–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49625-2_6
4. Jun S., Han S., Kim S., Kim H., Lee W. A context model based on multi-agent in U-Learning environment. / In: Hui K. et al. (eds.). *Technologies for E-Learning and Digital Entertainment*. Edutainment 2007. Lecture Notes in Computer Science. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2007. – V. 4469. – P. 274–282. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-73011-8_28
5. Vidal J.M. Fundamentals of Multiagent Systems. 2010. URL: <http://jmvidal.cse.sc.edu/papers/mas.pdf>
6. Prince Machado M.S., Tenorio Sepúlveda G.C., Ramirez Montoya M.S. Educational innovation and digital competencies: the case of OER in a private Venezuelan university // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. – 2016. – V. 13. – Iss. 10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-016-0006-1>
7. Ilomäki L., Paavola S., Lakkala M., Kantosalo A. Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research // *Education and Information Technologies*. – 2016. – V. 21(3). – P. 655–679. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-014-9346-4>
8. Zhu Z.-T., Yu M.-H., Riezebos Yu.P. A research framework of smart education // *Smart Learning Environments*. – 2016. – V. 3 (4). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40561-016-0026-2>
9. García-Álvarez M. T., Pineiro-Villaverde G., Varela-Candamio L. Proposal for a knowledge management model and virtual educational environment in the degree of law-business // In: Rocha Á., Adeli H., Reis L., Costanzo S. (eds). *Trends and Advances in Information Systems and Technologies*. WorldCIST'18 2018. Advances in Intelligent Systems and Computing. – Springer, Cham, 2018. – Vol. 746. – P. 1275–1286. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77712-2_122
10. Bawack R.E., Kamdjoug J.R.K. The role of digital information use on student performance and collaboration in marginal universities // *International Journal of Information Management*. – 2020. – V. 54, October 2020. – Iss. 102179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102179>
11. Талер П., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / Ричард Талер, Касс Санстейн; пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербakov]. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2017. – URL: <https://neurons.kg/tpl/library/72.pdf> (дата обращения 09.08.2020).

12. Madianou M., Miller D. Polymedia: towards a new theory of digital media in interpersonal communication // *International Journal of Cultural Studies*. – 2013. – V. 16 (2). – P. 169–187. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1367877912452486>
13. Shipunova O., Evseeva L., Pozdeeva E., Evseev V.V., Zhabenko, I. Social and educational environment modelling in a future vision: infosphere tools / *E3S Web of Conferences*. – 2019. – V. 110. – Iss. 02011. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201911002011>
14. Obukhova I., Popov D., Tanova A., V. Fokina V. The evaluation of the university's impact on «human resource potential» of alumni / *E3S Web of Conferences*. – 2020. –V. 164. – Iss. 12010. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412010>
15. Танова А.Г., Евсева Л.И., Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р. Субъектные аспекты мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования (по материалам центра социологических исследований СПбПУ) // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 90–101. DOI: 10.18721/JHSS.9110
16. Строгецкая Е.В., Пашковский Е.А., Казаринова Н.В., Бетигер И.Б., Тимофеев А.В. Опыт обучения студентов в новой цифровой парадигме образования // *ДИСКУРС*. – 2019. –Т. 5. – № 6. – С. 91–107. DOI: 10.32603/2412–8562–2019–5–6–91–107
17. Заборова Е.Н., Глазкова И.Г., Маркова Т.Л. Дистанционное обучение: взгляд студентов // *Социологические исследования*. – 2017. – № 2. – С. 131–139. DOI: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_2/Zaborova.pdf
18. Мнение преподавателей об эффективности организации учебного процесса в ИДО (2013). URL: https://portal.tpu.ru/ido-tpu/monitoring/monitoring_results/Otchet_PPS_IDO_2013.pdf (дата обращения 15.07.2020).
19. Бродовская Е. В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Сиянков А.В., Азаров А.А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 1. – С. 228–251. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>
20. Петрова И.В. Образовательный процесс настоящего как состояние социальной системы будущего // *ДИСКУРС*. – 2019. – Т. 5. – № 3. – С. 48–59. DOI: 10.32603/2412–8562–2019–5–3–48–59

MULTI-AGENT APPROACH IN THE ANALYSIS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the problems of the university educational environment organization. These problems relate to the introduction of online learning systems and the need for effectively coordinated conduct of students, teachers and university administration. The methodology of the study is determined by the multi-agent approach. The goal is a comprehensive assessment of the motivational factors of the participants in the educational process. The authors conduct a comparative analysis of students' assessments regarding the effectiveness of information exchange in traditional and online learning models. Based on the methods of sociological survey and comparative analysis, subjective assessments of the quality of the university's educational environment are summarized on the criterion of compliance with the expectations of students, teachers and administration in the context of the spread of digital practices. Freedom of choice and the degree of individualization of the educational route are highlighted as a criterion for the preference of the online format. It is emphasized that the growing importance of digital competence in the professional and educational environment is causing the transformation of traditional social roles of agents, as well

as the revision of the norms and values of university education in general.

Keywords: the university educational environment, multi-agent system, information exchange, motivation factors, learning models, assessment criteria.

References

1. Prensky M.H. Sapiens Digital: From Digital Immigrants and Digital Natives to Digital Wisdom // *Innovate: Journal of Online Education*. – 2009. – V. 3 (1). – URL: <https://nsuworks.nova.edu/innovate/vol5/iss3/1> (date of treatment 07/15/2020)
2. Rezaev A.V., Tregubova N.D. “Artificial intelligence”, “online culture”, “artificial sociality”: definition of concepts // *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. – 2019. – No. 6. – P. 35–47. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring2019.6.03>.
3. Biggins D., Holley D., Evangelinos G., Zezulikova M. Digital competence and capability frameworks in the context of learning, self-development and HE pedagogy / In Vincenti, G., Bucciero, A., Helfert, M., Glowatz, M. (Eds.). *E-Learning, E-Education, and Online Training. Lecture Notes of the Institute for Computer Sciences, Social Informatics and Telecommunications Engineering*. – 2017. – V. 180. – P. 46–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49625-2_6
4. Jun S., Han S., Kim S., Kim H., Lee W. A context model based on multi-agent in U-Learning environment. / In: Hui K. et al. (eds.). *Technologies for E-Learning and Digital Entertainment. Edutainment 2007. Lecture Notes in Computer Science*. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2007. – V. 4469. – P. 274–282. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-540-73011-8_28
5. Vidal J.M. *Fundamentals of Multiagent Systems*. 2010. url: <http://jmvidal.cse.sc.edu/papers/mas.pdf>
6. Prince Machado M.S., Tenorio Sepúlveda G.C., Ramirez Montoya M.S. Educational innovation and digital competencies: the case of OER in a private Venezuelan university // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. – 2016. – V. 13. – Iss. 10. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41239-016-0006-7>.
7. Ilomäki L., Paavola S., Lakkala M., Kantosalo A. Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research // *Education and Information Technologies*. – 2016. – V. 21 (3). – P. 655–679. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10639-014-9346-4>
8. Zhu Z.-T., Yu M.-H., Riezebos Yu.P. A research framework of smart education // *Smart Learning Environments*. – 2016. – V. 3 (4). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40561-016-0026-2>
9. García-Álvarez MT, Pineiro-Villaverde G., Varela-Candamio L. Proposal for a knowledge management model and virtual educational environment in the degree of law-business / In: Rocha Á., Adeli H., Reis L., Costanzo S. (eds). *Trends and Advances in Information Systems and Technologies. WorldCIST'182018. Advances in Intelligent Systems and Computing*. – Springer, Cham, 2018. – Vol. 746. – P. 1275–1286. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-77712-2_122
10. Bawack R.E., Kamdjoug J.R.K. The role of digital information use on student performance and collaboration in marginal universities // *International Journal of Information Management*. – 2020. – V. 54, October 2020. – Iss. 102179. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2020.102179>
11. Thaler R., Sunstein K. Nudge. Choice architecture. How to improve our decisions about health, well-being and happiness / Richard Thaler, Cass Sunstein; per. from English E. Petrova; [scientific. ed. S. Shcherbakov]. – M.: OOO Mann, Ivanov and Ferber, 2017. – URL: <https://neurons.kg/tpl/library/72.pdf> (date of access 09/08/2020).
12. Madianou M., Miller D. Polymedia: towards a new theory of digital media in interpersonal communication // *International Journal of Cultural Studies*. – 2013. – V. 16 (2). – P. 169–187. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1367877912452486>
13. Shipunova O., Evseeva L., Pozdeeva E., Evseev V.V., Zhabenko, I. Social and educational environment modeling in a future vision: infosphere tools / *E3S Web of Conferences*. – 2019. – V. 110. – Iss. 02011. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/201911002011>
14. Obukhova I., Popov D., Tanova A., V. Fokina V. The evaluation of the university's impact on “human resource potential” of alumni / *E3S Web of Conferences*. – 2020. – V. 164. – Iss. 12010. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016412010>
15. Tanova A.G., Evseeva L.I., Pozdeeva E.G., Trostinskaya I.R. Subject aspects of monitoring student satisfaction with the quality of education (based on materials from the

- Center for Sociological Research of SPb-PU) // Scientific and technical bulletins of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences. – 2018. – T. 9. – No. 1. – S. 90–101. DOI: 10.18721 / JHSS.9110
16. Strogetskaya E.V., Pashkovsky E.A., Kazarina N.V., Betiger I.B., Timofeev A.V. Experience of teaching students in the new digital paradigm of education // DISKURS. – 2019. – T. 5. – No. 6. – P. 91–107. DOI: 10.32603 / 2412–8562–2019–5–6–91–107
  17. Zaborova E.N., Glazkova I.G., Markova T.L. Distance learning: the view of students // Sociological research. – 2017. – No. 2. – S. 131–139. DOI: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_2/Zaborova.pdf
  18. Opinion of teachers on the effectiveness of the organization of the educational process in IDE (2013). URL: https://portal.tpu.ru/ido-tpu/monitoring/monitoring_results/Otchet_PPS_IDO_2013.pdf (date of access 07/15/2020).
  19. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R.V., Sinyakov A.V., Azarov A.A. The influence of digital communications on the formation of the professional culture of Russian youth: the results of a comprehensive applied research // Monitoring of public opinion: Economic and Social Change. – 2019. – No. 1. – P. 228–251. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11>
  20. Petrova IV Educational process of the present as the state of the social system of the future // DISCOURSE. – 2019. – T. 5. – No. 3. – S. 48–59. DOI: 10.32603 / 2412–8562–2019–5–3–48–59

Идеология и конструирование социальной реальности. Советский проект «общества без денег». Денежная реформа в СССР 1922–1924 гг.

Мещанинова Евгения Юрьевна,

тьютор, социологический факультет, МГУ имени

М.В. Ломоносова

E-mail: E. Meshchaninova@yandex.ru

В статье рассматривается опыт социального переустройства на базе идеи ликвидации денег и товарно-денежных отношений, принятая на вооружение советским руководством в первые годы своей власти, а также ряд мер, которые были предприняты для реализации этой идеи. Денежное обращение на территории советского государства было существенно затруднено, в этих условиях идеологи полного уничтожения денежного обращения настаивали на проведении радикальных экономических мер для скорого перехода к коммунистическому строю и системе уравнительного распределения материальных благ, что является ярким примером взаимосвязи идеологии и конструирования реальности. В статье также рассматриваются основные положения денежной реформы 1922–1924 гг., проведенной под руководством Г.Я. Сокольникова. Денежная реформа требовала не только изменений экономической политики советского государства, но и пересмотра всей финансовой идеологии.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности, идеология, марксизм, деньги, товарно-денежные отношения, продуктообмен, денежная реформа, коммунистическое общество, имущественное равенство.

«Мы живем в удивительное время, когда к деньгам изменилось отношение. Мы живем в той стране, в которой прекратилось величественное шествие капитала. Мы живем в том государстве, где люди получают деньги за свой труд, а не за что-нибудь другое. И потому деньги получили другой смысл и другое более благородное значение – на них уже не купишь честь и славу».
(М. Зощенко «Голубая книга»)

В рамках классической теории социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана конструирование социальной реальности рассматривается как неосознаваемый каждым конкретным человеком непрерывный процесс, при котором реальность создается через ее интерпретацию индивидами и формулирование (и поддержание) знаний о ней в процессе социального взаимодействия [3]. Социальное конструирование предполагает, что субъекты и группы людей принимают участие в создании воспринимаемой ими реальности на основе усвоенного знания.

Понятие «конструирование социальной реальности» также можно рассматривать, с одной стороны, как часть более широкого процесса социального проектирования, а с другой, – «как характеристику технологического преобразования мира» [14].

Конструирование реальности представляет собой процесс формирования и воспроизводства определённой модели, теоретического (и идеологического) образца, а также процесс его объективации и материализации.

Для реализации на практике определенных теоретических моделей необходимо наличие значительного количества ресурсов (кадровых, финансовых, технологических, властных, административных и пр.), или определенного

объема капитала, прежде всего политического (по терминологии П. Бурдьё), без которого невозможно сконструировать и поддержать дисциплинарные режимы. Любая попытка достигнуть состояния «идеального государства» требует сильной централизованной власти. Именно централизация власти и концентрация ресурсов обеспечивает присвоение права на проектирование и конструирование реальности.

Ярким примером того, как идеологические положения объективизируются в социальной действительности, служат экономические и политические проекты ранней советской власти. В первые годы советской власти (в самый ранний романтический период), предпринимались попытки быстрой практической реализации марксистского учения: марксистские положения становились пунктами реальной программы действий. Однако вскоре стала понятна утопичность подобной инициативы, и теоретические положения были заменены идеологическими. Другими словами, при создании общественного идеала, вместо теоретических положений в основу была положена идеология.

В рамках более масштабной программы построения коммунистического общества советская власть решила перевести экономические отношения на новую безденежную основу. Однако, если классический марксизм предсказывал постепенное отмирание денег и денежных отношений в процессе постепенного социально-экономического развития обществ, то большевики решили при активной роли государства изменить ход экономического и политического развития и предприняли попытку быстрого директивного перехода к «обществу без денег», к единому безденежному (без рынка капиталов) пространству. Трансформация социально-политической системы государства осуществлялась исходя из идеологических положений, согласно которым производство, распределение и использование различных ресурсов должно осуществляться без использования денег.

Подобные преобразования не были продиктованы государственной целесообразностью, не осуществлялись для укрепления национальной экономики. Они преследовали только одну цель – сконструировать социальную реальность с точки зрения соответствия представлению о правильном, разумном, справедливом общественном устройстве. В основе деятельности по конструированию и изменению социально-экономических отношений лежала уверенность в возможности реализации социальной утопии в рамках целого общества. Раннесоветское общество выступило в качестве объекта и результата социального проектирования. Программа была ориентирована и на изменение поведения и установок людей.

В начале XX века, в первые годы советской власти, государственные деятели предполагали возможность построения экономических (и социальных) отношений без использования денег. В основе подобных убеждений лежала идея К. Маркса о постепенном исчезновении денег в коммунистическом обществе в условиях всеобщего имущественного равенства. Предполагалось, что в коммунистическом обществе все необходимые товары будут производиться в избытке и потому предоставляться бесплатно. Неистовое желание потреблять, накапливать богатство, наживаться за счет других уйдет в прошлое. Организация общества будет базироваться на взаимных трудовых отношениях, а не на деньгах. В коммунистическом будущем люди будут похожи в большей степени на своих древних предков – охотников и собирателей, нежели на людей капиталистического общества.

Теория денег К. Маркса является неотъемлемой частью его авторской концепции формирования и развития стоимости товаров. В связи с этим он указывал, что все товары обладают двумя контрастирующими, но взаимосвязанными друг с другом формами стоимости: потребительской и меновой. Потребительская стоимость имеет нату-

ральную форму, а меновая – денежную (стоимость в денежном проявлении) [10]. К. Маркс рассматривал возникновение денег как результат исторического развития бартерного обмена, в рамках которого произошел постепенный переход от случайной формы ценности (стоимости) до формы универсального эквивалента, т.е. денежной формы. Другими словами, у К. Маркса появление денег объясняется тем, что на определенном этапе общественного развития появилась потребность в универсальном всеобщем товаре (роль эквивалента закрепляется за благородными металлами – золотом и серебром), на который можно обменять различные неоднородные товары. В своем труде «Капитал» ученый использовал два понятия – «деньги» и «денежный товар». Золото является денежным товаром в силу своих свойств (это качественно однородный материал) и способности выступать всеобщим эквивалентом: «Адекватной формой проявления стоимости, или материализацией абстрактного и, следовательно, одинакового человеческого труда, может быть лишь такая материя, все экземпляры которой обладают одинаковым качеством» [Там же, с. 96]. Однако «золото, рассматриваемое только как товар, еще не есть деньги» [Там же, с. 111]. Деньги есть универсальное орудие обмена, они реализуют себя через выполнение конкретных функций.

Перечисление и объяснение функций денег К. Маркс дал в главе «Деньги или обращение товаров» первого тома «Капитала». Во-первых, деньги есть мера стоимости, выражающая качественную и количественную определенность: ценности товаров становятся соотносимыми и находят выражение в качественно одинаковых и количественно сравнимых величинах (стоимостях). Помимо этого, автор «Капитала» добавляет подфункцию денег – масштабирование цен. Масштаб цен соотносит различные количества золота, что позволяет провести процедуру измерения. «Как мера стоимости они [деньги – прим. авт.] служат для того, чтобы

превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота» [Там же, с. 104], – поясняет К. Маркс. Во-вторых, деньги есть средство обращения. В процессе обмена товарами деньги выполняют посредническую функцию. Данная функция проявляется при использовании денег для оплаты приобретаемой продукции. Другими словами, обращение денег существует в силу обращения товаров: «...Форма движения, непосредственно сообщаемая деньгам обращением товаров, представляет собой их постоянное удаление от исходного пункта, их переход из рук одного товаровладельца в руки другого, или их обращение» [Там же, с. 121]. Третья функция денег, выделенная К. Марксом, – образование сокровищ. Изъятые из обращения деньги претерпевают метаморфозу, превращаясь в различные ценности, и тем самым выступают в качестве средства накопления и сбережения: «Чтобы удержать у себя золото как деньги, т.е. как элемент созидания сокровищ, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как покупательного средства в средствах потребления» [Там же, с. 140]. Помимо этого, деньги выполняют функцию средства платежа во взаимоотношениях между субъектами без прямого обмена товарами. И наконец, деньги используются для расчетов на мировом рынке: выходя за пределы сферы внутреннего обращения, деньги становятся мировыми. В мировой торговле деньги функционируют как «всеобщее средство платежа, всеобщее покупательное средство и абсолютно общественная материализация богатства вообще» [Там же, с. 150].

Так как источником формирования стоимости, а соответственно денег, является труд, то с изменением характера труда будут меняться и формы стоимости. В коммунистической формации при общественной собственности на средства производства труд теряет частный и абстрактный характер, становясь непосредственно обществен-

ным. В силу этого место обмена товарами (товарно-денежных отношений) занимает распределение благ и услуг. На одном из этапов процесса общественного развития деньги прекратят свое существование по той простой причине, что перестанут быть функционально необходимыми элементами экономических отношений, т.е. исчезнет необходимость в деньгах как мере стоимости, средстве обращения, платежа и накопления.

Теорию К. Маркса взяли на вооружение большевики, пришедшие к власти после Октябрьской революции 1917 года. Однако очевидно, что в первые годы правления советской власти экономическая политика осуществлялась на базе не столько социально-экономической теории, сколько идеологии, т.е. на базе системы концептуально оформленных представлений и идей, отражающих интересы и идеалы самой власти. Существует принципиальная разница между позициями «деньги рано или поздно исчезнут» и «деньги должны быть ликвидированы». Первая позиция подразумевает, что с развитием социально-экономических отношений и переходом к коммунистической формации, потребность в денежных знаках как средстве платежа, обращения и накопления, исчезнет и деньги станут ненужным архаичным институтом, изживут себя. Вторая позиция связана с первой, но является утверждением более радикального толка. Советские идеологи полагали, что, конечно, исчезновение со временем денег – процесс неотвратимый и неизбежный, но его можно ускорить. По их мнению, нужно принять кардинальные меры и «помочь» деньгам исчезнуть. Большевики взяли за основу вторую позицию и попытались реализовать прямой переход к коммунистическому строю посредством свертывания товарно-денежных отношений. Молодая советская власть сделала борьбу с товарно-денежными отношениями частью своей экономической политики. Когда будут ликвидированы деньги, их нельзя будет накапливать, а значит будет достигнуто реальное материальное

равенство – таков был ход рассуждений советских государственных деятелей. Однако соображения советского руководства были глубоко идеологизированными.

В годы Гражданской войны одной из главных экономических проблем стало быстрое увеличение разрыва между заработной платой и ценами на продукты, который нельзя было преодолеть простым повышением номинальной заработной платы. Для решения данной проблемы планировалось заменить денежные отношения бартером – прямым обменом продуктами. В дальнейшем предполагалось постепенно сокращать сферу действия товарного обращения, расширяя сферу действия продуктообмена.

Идеологами ранней экономической политики в 20-е гг. XX в. и сторонниками полной ликвидации денежного обращения были первый нарком по делам торговли и промышленности В.П. Ногин, революционер и экономист Ю. Ларин, теоретик марксизма Н.И. Бухарин и др. Председатель Совета народных комиссаров РСФСР и создатель первого социалистического государства В.И. Ленин имел более реалистичные взгляды и считал, что страна пока не готова взять курс на полное аннулирование денег.

Так, Н.И. Бухарин настаивал на том, чтобы система торговли была заменена системой распределения. По мере успехов строительства коммунизма деньги должны выходить из употребления, и в определенный момент государству необходимо будет «придушить умирающее денежное обращение». По его словам, люди в коммунистическом обществе не будут знать денег: «Каждый работник будет готовить продукты для общего котла и не будет получать ни свидетельства в том, что он продукт сдал обществу, т.е. не будет получать денег. Точно так же он не будет платить никаких денег обществу, когда ему нужно будет получить что-нибудь из общего котла» [2, с. 265]. Процесс устранения денежных отношений Н.И. Бухарин предвосхищал в следующем виде. Для

начала следует ликвидировать деньги на уровне отдельных хозяйственных единиц – национализированных предприятий – и заменить денежный обмен между людьми прямым продуктообменом. Затем денежное обращение выводится из области расчетов между государством и работниками, т.е. между органами государственной власти и гражданами государства. На третьем этапе деньги выводятся из оборота между малыми предприятиями (кустарное производство, крестьянское хозяйство), на смену товарно-денежному обмену приходит товарообмен. Наконец, финальной стадией процесса является исчезновение денег в товарообмене между людьми внутри мелкого хозяйства [2, с. 267].

Ю. Ларин настаивал на радикальных мерах в решении хозяйственных вопросов, и именно с его именем связаны первые кардинальные хозяйственные сдвиги в молодом советском государстве, включая национализацию промышленности и реорганизацию центральных хозяйственных учреждений. Оценивая дальнейшую перспективу денежного обращения в социалистическом государстве, он писал: «Постоянное умирание денег нарастает по мере роста организованности советского хозяйства... Деньги как единое мерило ценности не существуют вовсе. Деньги как средство обращения могут быть упразднены уже в значительной степени... Деньги как средство платежа окончат свое существование... И то и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение, как сокровище, и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой» [11].

Предлагаемые Ю. Лариным меры были столь радикальными, что в этом можно было усмотреть попытку целиком перекрыть экономическую систему и организовать ее на новых началах. Так, управляющий Главного лесного комитета (данный комитет руководил лесной промышленностью государства) С. Либерман предполагал, что гранди-

озные проекты Ю. Ларина (которого он насмешливо называл «экономическим волшебником») должны были «превратить капиталистический хаос в стройную систему социалистического строя», а пришедшие к власти большевики открыли «широкое поприще для осуществления его утопий и фантазий» [13].

Однако за скобками оставался вопрос о практической значимости и целесообразности тех или иных экономических мер. В первые годы советской власти революционная горячность и преданность делу коммунизма нередко заменяли профессиональные знания и опыт.

Задача упразднения денег как средства платежа и обращения была поставлена в программе, принятой на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.). Параграф 49 раздела «В области денежного и банкового дела» декларировал проведение ряда радикальных мер для перехода к натурализации заработной платы, расширения области безденежного расчета и уничтожения денег на пути к коммунистическому строю. В тексте документа утверждалось: «Не ограничиваясь проведенной уже национализацией банков, РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег и расширяющих область безденежного расчета: в первую очередь установление обязательного держания денег в банках, затем замена денег сберегательными книжками, чеками, краткосрочными билетами на право получения общественных продуктов и т.п.» [12, с. 377]. При этом указывалось, что уничтожение денег представляется невозможным до тех пор, пока коммунистическое производство не будет полностью организовано: «При таком положении буржуазные элементы населения продолжают использовать остающиеся в частной собственности денежные знаки, – эти свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, – в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся» [Там же, с. 377].

В соответствии с программой партии осуществлялась разработка государственного бюджета. Предлагалось заменить деньги трудовыми единицами – «тредами», – так как деньги «потеряли не только свое значение как средство обращения и мерило ценности, но и... как валютно-счетные единицы» [9, с. 126]. Идея перехода на безденежные расчеты имела поддержку у рабочих. На IV Всероссийском съезде профсоюзов, который прошел 17–25 мая 1921 г., многие делегаты высказались за полную замену заработной платы в денежной форме на плату в натуральной. Подобный энтузиазм можно понять. В 1920 г. рабочие в основном приобретали продукты потребления в форме пайков или за счет натурального обмена, и лишь 7% всех потребляемых продуктов приобретались за деньги [4, с. 126].

Однако вскоре обнаружили резкие противоречия между представлениями советских экономистов и реальной действительностью. Попытка прямого перехода к коммунистическому строю посредством упразднения товарно-денежных отношений и развертывания системы распределения материальных благ привела к тяжелому кризису, что усугубило и до того сложную экономическую ситуацию, сложившуюся в военные годы. В период становления советской власти на территории бывшей Российской империи в хождении одновременно было около 20 тыс. видов различных денежных знаков (в феврале–мае 1918 г. Совет народных комиссаров легализовал хождение всех дореволюционных и послереволюционных денежных знаков): в обращении находились старые российские банкноты, денежные знаки Временного правительства, купоны государственных процентных бумаг, разнообразные денежные знаки, которые выпускали временные власти в различных регионах и пр. Объем валовой промышленной продукции в 1917 г. сократился на 29% по сравнению с 1913 г., производство предметов потребления составило в 1917 г. 67,3% от показателей довоенного времени [15, с. 41].

Дальнейшее падение производства промышленной продукции было обусловлено уроном от Гражданской войны. Процесс обесценивания денег имел куда более высокие темпы, чем их эмиссия. Рост эмиссии вызывал постоянное изменение цен на внутреннем рынке. С 1918 г. была запрещена частная торговля. Если в первой половине 1917 г. заработная плата еще выплачивалась населению в денежной форме, то в 1921 г. соотношение между ее натуральной и денежной частями составило 93 к 7. [4, с. 141]. Городское и сельское население объединяли в потребительские общества, через которые осуществлялось распределение продовольственных пайков. Пайки выдавались нерегулярно и зачастую не в полном объеме. К началу 1919 г. золотой запас России составлял менее 450 млн рублей [5]. В 1920 г. объем продукции промышленности на территории Советской России по отношению к уровню 1913 г. составил лишь 13,9%, а по производству предметов потребления и того меньше – 12,3% [8]. Заработная плата рабочих сократилась на 1/3 от уровня 1913 г. К 1921 г. денежные знаки настолько обесценились, что почти не имели какого-либо реального значения. В 1921–1922 гг. население европейской части страны и прилегающих территорий переживало голод.

На X съезде РКП(б) (март 1921 г.) экономист Е.А. Преображенский, стоявший у истоков ранней экономической политики советского государства, вынужденно признал: «Мы поставлены теперь перед необходимостью пересмотреть вопрос о финансовой и тарифной политике во всем объеме» [6, с. 426]. Разработка положений НЭПа (введение элементов рыночной экономики) предполагала пересмотр (пусть и временный) ряда идеологических установок, в том числе тех, которые касались роли денег в общественных отношениях. Постепенно пришло понимание, что призывы упорно трудиться на благо социалистической Родины и оплата труда в натуральной форме являются недостаточными мерами для эффективно-

го мотивирования населения. Чтобы победить голод и восстановить разрушенную экономику страны, советское руководство отступилось от собственных идеалов и легализовало рыночные отношения. Признание денег сначала происходило так же тяжело, как и признание отношений купли-продажи. Требовались стабилизация национальной валюты, создание прочной денежной системы, стимуляция трудовой и предпринимательской активности населения. Решение этой задачи было поручено народному комиссару финансов РСФСР Г.Я. Сокольникову (с июля 1923 г. – народный комиссар финансов СССР), под руководством которого была проведена денежная реформа 1922–1924 гг. (в рамках реформы всей финансовой сферы), в силу чего были стабилизированы цены (была прекращена галопирующая инфляция) и был сокращен дефицит государственного бюджета. Советский Союз смог выбраться из финансовой разрухи.

Основные принципы денежной реформы 1922–1924 гг. были взяты из знаменитой реформы министра финансов Российской Империи С.Ю. Витте, главным положением которой было введение золотого содержания национальной валюты, т.е. привязка стоимости рубля к золоту. 30 июня 1921 г. был издан декрет СНК «Об отмене ограничений денежного обращения и о мерах к развитию вкладной и переводной операций». Для упрощения процедуры учета денежных средств и изъятия из обращения значительного количества купюр, выпущенных в 1918–1921 гг., было проведено несколько деноминаций в период с 1922 по 1923 г. Выпущенные в конце 1922 года новые денежные знаки – червонцы – приравнивались к дореволюционной монете номиналом 10 рублей, т.е. один червонец приравнивался к 7,7 граммам чистого золота. Часть новых денежных знаков обеспечивалась золотом, другая часть – иными драгоценными металлами, иностранной валютой, векселями и легко реализуемыми товарами. Червонец был допущен к котировке на фондовых

биржах, а потому мог свободно обмениваться на иностранную валюту по твердому курсу. В 1924 г. был произведен обязательный обмен всех находящихся в обороте на тот момент денежных знаков на новые рубли (за исключением червонцев). С 1924 г. в свободном хождении оставались лишь казначейские билеты Госбанка СССР.

Помимо этого, в рамках проведения новой экономической политики стали возникать частные предприятия и развиваться товарные отношения. В связи с этим была восстановлена банковская система. Основными задачами Госбанка, учрежденного в 1921 г., стали: мобилизация денежных средств для кредитования промышленных и торговых предприятий (для приема и выдачи денежных вкладов), покупка и продажа иностранных ценных бумаг и драгоценных металлов (ему передавались банковские и кассовые функции). Более того, поначалу, помимо прямых банковских операций, Госбанк выполнял ряд несвойственных ему функций, например, участвовал в хлебозаготовке и сбыте хлеба, т.е. занимался торгово-посредническими операциями, связанными с закупкой хлеба, принимал на комиссию товары государственных и кооперативных предприятий и т.д. В дальнейшем Госбанк получил статус эмиссионного центра и начал регулировать все денежное обращение в стране. С 1922 по 1925 гг. в стране активно формировалась сеть банковских учреждений. В 1923 г. в Советском Союзе работало 169 филиалов Госбанка, а к 1925-му их число выросло до 406. В 1925 г. произошло слияние кассового аппарата Народного комиссариата финансов и Государственного банка, т.е. фактически был создан единый эмиссионный аппарат, на который возлагалось не только осуществление эмиссии денег, но и регулирование денежного обращения в стране.

На базе твердой валюты осуществлялось и формирование новой налоговой системы. Переход от натурального налогообложения, при котором налоги взимались продуктами сельского хо-

зайства или иными товарами, к денежному налогообложению стал первым шагом в этом направлении. К завершению финансовой реформы все налоги уплачивались в денежной форме.

Реабилитация денег (и товарно-денежных отношений в целом) идеологически оформлялась не только через научный и политический дискурсы, но и через культурные сферы, например, через искусство. Можно упомянуть плакат художника М.М. Черемных с лозунгом: «Новые деньги, стоящие твердо, укрепят хозяйство деревни и города. Буржуй, простиись с веселыми деньками – добьем окончательно твердыми деньгами». Фактически денежная реформа 1922–1924 гг. потребовала не только изменения экономической политики советского государства, но и пересмотра всей финансовой идеологии. Благодаря твердой отечественной валюте были обеспечены высокие темпы экономического роста в 1925–1927 гг., а социальным последствием реформы стала выплата заработной платы вместо продовольственного пайка.

И хотя новая денежная система недолго была устойчивой, решить проблему дестабилизации экономики и сокращения госбюджета все же удалось. В дальнейшем реальных политических мер по ликвидации денежного обращения советское руководство не предпринимало, однако эта идея продолжала формально существовать в рамках идеологических программ. Так, в «Ответе товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.» И.В. Сталина говорилось, что перед советской властью стоит задача организации зачатков продуктообмена во всех отраслях хозяйственной системы, для того чтобы его субъекты получали за свою продукцию не только деньги, но главным образом необходимые готовые изделия. «Такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому ее придется вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий. Но вводить ее (систему постепенного отказа от денег) нужно неуклонно, без колебаний, шаг

за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена. Такая система (отказа от денег), сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму» [1; 7, с. 94], – писал И.В. Сталин.

Несмотря на то, что с течением времени становилось все труднее представить себе мир без институтов государства, денег и товарообмена, у западных марксистов даже в конце 70-х гг. встречаются размышления на тему исчезновения данных институтов [16]. Вслед за классиками марксизма они заявляли о неизбежной замене в будущем (после исчезновения капитализма) государственной формы человеческого общежития на бесклассовое безгосударственное и безденежное общество, заработной платы – на натуральный обмен. Деньги, по их мнению, несмотря на их вездесущность, постепенно утрачивают свою историческую необходимость. Будучи не нейтральным инструментом измерения, а универсальным товаром, деньги рано или поздно исчезнут.

Данный вопрос открыт для обсуждения. Но если в возникновении института денег можно выявить определяющую роль государства (теории происхождения денег О.В. Буториной, П. Черневой, Г.Ф. Кнаппа и др.), то предвосхитить исчезновение денег как результат волеизъявления государства уже сложнее, так как отсутствует эмпирический и теоретический материал, с которым можно работать. Советский опыт доказал, что одной государственной воли и наличия административных ресурсов для отмены денежных отношений (из идеологических соображений) недостаточно. Значительную роль играют объективные социально-экономические обстоятельства.

Социально-экономический проект и меры по устранению денег из экономических отношений, предпринятые ранней советской властью, являются ярким примером связи идеологии и конструирования социальной реальности. Стратегические пункты,

призванные направить процесс развития в желательном направлении, носили не столько теоретический, сколько идеологический характер. Несмотря на понимание утопичности некоторых положений классического марксизма и осознание неустраимости государства из процесса реформирования советская власть старалась институционализировать и легитимизировать свою преобразовательную программу по ликвидации денежных отношений посредством ее вписывания в марксистский контекст. Последствия такого социального эксперимента не заставили себя ждать Страна столкнулась с тяжелым социально-экономическим кризисом, сфера финансов была практически парализована. Потребовалась существенная реорганизация финансовой сферы. По причине практической нереализуемости проекта по переходу к прямому продуктообмену (т.е. экономическим отношениям без использования денег) в конце концов он был перемещен из сферы реальных действий в чисто идеологическую сферу. Денежная реформа 1922–1924 гг. требовала не только изменений экономической политики советского государства, но и пересмотра всей финансовой идеологии.

Литература

1. XIX съезд ВКП(б) – КПСС (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы // [Электронный ресурс] // URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (Дата обращения: 18.04.2020).
2. Азбука коммунизма [Текст]. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин, Е. Преображенский; Рос. ком. партия (большевиков). – Петербург: Гос. изд-во, 1920. – 322 с.
3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Бокарев Ю.П. Денежная реформа в Европе и России 20-х гг.// НЭП

в контексте исторического развития России XX века. М., 2001.

5. Гребнев, А.В. Денежно-кредитные отношения в России в первые годы Советской власти / А.В. Гребнев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2010. – № 1–2 (13). – Т. 2. – С. 13–16. – URL: <https://moluch.ru/archive/13/1170/> (дата обращения: 19.03.2020).
6. Десятый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963.
7. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952.
8. История социалистической экономики СССР. Том второй. – Издательство «Наука». М. 1976. – С. 243.
9. История финансов России. В 4-х т. Т. 2. М., 2002.
10. К. Маркс, Капитал. Критика политической экономии, Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. Государственное издательство политической литературы, 1973.
11. Ларин Ю. Деньги // Экономическая жизнь. 1920. 7 ноября. № 250.
12. Протоколы Съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической Партии (б). Восьмой Съезд РКП(б), 18–23 марта 1919 г., Партийной издательство Москва, 560 с.
13. С.И. Либерман, Дела и люди: (На советской стройке) // New demoscasy books, 1944. 306 с.
14. С. П. Дуреев, Н.С. Дуреева, Конструирование социальной реальности в контексте современного мирового развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 3 (385). Философские науки. Вып. 39. С. 21–25.
15. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.// Труды ЦСУ. Т. XXVI. 1924. Вып. 1 и 2.
16. A World without Money, Social Standard (7/1979). Из текста Les Amis de Quatre Millions de Jeune Travailleurs, Un Monde sans Argent: Le Communisme (Paris, 1975–1976).

IDEOLOGY AND CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY. THE SOVIET PROJECT OF THE «SOCIETY WITHOUT MONEY». MONETARY REFORM IN THE USSR 1922–1924

Meshchaninova E. Yu.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article examines the experience of social reconstruction based on the idea of eliminating money and commodity-money relations, adopted by the Soviet leadership in the first years of its power, as well as a number of measures that were taken to implement this idea. Money circulation on the territory of the Soviet state was significantly overstretched, in these conditions, the ideologists of the complete destruction of money circulation insisted on carrying out radical economic measures for the rapid transition to the Communist system and the system of equalizing distribution of material goods, which is a vivid example of the relationship between ideology and the construction of reality. The article also examines the main provisions of the monetary reform of 1922–1924, carried out under the leadership of Sokolnikov. Monetary reform required not only changes in the economic policy of the Soviet state, but also a revision of the entire financial ideology.

Keywords: construction of social reality, ideology, Marxism, money, commodity-money relations, product exchange, monetary reform, communist society, property equality.

References

1. XIX Congress of the CPSU(b) – CPSU (October 5–14, 1952). Documents and materials // [Electronic resource] // URL: http://istmat.info/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf
2. The ABC of communism [Text]. Popular explanation of the program of the Russian Communist party of the Bolsheviks / N. Bukharin, E. Preobrazhensky; <url>. Bolshevik party). – Petersburg: State publishing house, 1920. – 322 p.
3. Berger, P. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman. – M.: Medium, 1995. – 323 p.
4. Bokarev Yu.P. Monetary reform in Europe and Russia of the 20s// NEP in the context of the historical development of Russia of the XX century. Moscow, 2001.
5. Grebnev, A.V. Monetary relations in Russia in the first years of Soviet power / A.V. Grebnev. Text: direct // Young scientist. – 2010. – № 1–2 (13). – Vol. 2. – P. 13–16. – URL: <https://moluch.ru/archive/13/1170/>
6. The tenth Congress of the RCP(b): the verbatim report. M., 1963.
7. Stalin, Economic problems of socialism in the USSR. Gospolitizdat, 1952.
8. History of the socialist economy of the USSR. Volume two. – Nauka publishing house, Moscow, 1976, P. 243.
9. History of Finance in Russia. In 4 vols. 2. M., 2002.
10. K. Marx, Capital. Critique of political economy, Vol. 1. Book I: the process of capital production. State publishing house of political literature, 1973.
11. Larin Yu. Money // Economic life. 1920. November 7. No. 250.
12. Minutes of Congresses and conferences of the all-Union Communist party (b). Eighth Congress of the RCP(b), March 18–23, 1919, party publisher Moscow, 560 p.
13. S. I. Liberman, Affairs and people: (On the Soviet construction site) // New democracy books, 1944. 306 p.
14. S. P. Dureev, N.S. Dureeva, Construction of social reality in the context Of modern world development // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2016. № 3 (385). Philosophical science. Issue 39. Pp. 21–25.
15. Factory industry in the period 1913–1918.// proceedings of the CSU. Vol. XXVI. 1924. Issues 1 and 2.
16. A World without Money, Social Standard (7/1979). Les Amis de Quatre Millions de Jeune Travailleurs, Un Monde sans Argent: Le Communisme (Paris, 1975–1976).

Город в глобальном мире: социология о переменных

Баранова Лариса Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», E-mail: baranovalm@yandex.ru

Город – это центр и творец современного урбанизированного пространства глобальной коммуникации, это отпечаток социального пространства в пространстве физическом, особый культурный знак, носитель множества меняющихся в потоке времени смыслов. От первых цивилизаций и до современности он остается источником динамизма, как регионального, так и глобального, и локомотивом прогресса во всех сферах. Город, ставший объектом изучения еще в середине XIX века, и в XXI веке является таковым. Но это качественно другой город, он прошел эволюцию от «проекции общества на земле» (А. Лефевр) до «информационального города» (М. Кастельс), и он остается ядром социальной жизни, в которую вошло киберпространство, и оно теперь – средство и форма современной социальности и социокультурной коммуникации.

Ключевые слова: город, глобализация, гибкий капитализм, солидарность, пространство потоков, сетевое общество.

Эволюция городов насчитывает более шести тысяч лет, и за это время сформировался огромный массив различных научных знаний, использование которых позволяет исследователям выявить, рассмотреть закономерности социальных процессов в хронотопе городского пространства, то есть изучать закономерную связь пространственно-временных координат в конкретном историческом периоде. Не меньше десяти тысяч лет люди живут в созданных ими поселениях, но города всегда были особыми формами совместного проживания с сознательно обустроенной социальной средой, в которой зарождались и оттачивались социальные процессы.

Непосредственно изучать город как место концентрированного и социально-консолидированного проживания людей, как место централизации важнейших институтов начали около 100 лет назад и, в первую очередь, в рамках социологической науки. Социологи опирались в своих исследованиях на быстро растущие географические, экономические, политические знания, что позволяло видеть город все более сложным социальным организмом, где продолжали складываться новые формы солидарности. Социология города возникла как ответ на вызовы процессов индустриализации во всем мире.

Становление и укоренение капитализма в Европе способствовало расширению границ и численности «старых» городов и строительству новых. Немецкие социологи М. Вебер и Г. Зиммель в начале XX в. первыми начали систематическое изучение города. Такое внимание было естественно, детерминировано новыми потребностями и логично как следствие промышленной революции. Но еще за десятилетия до них

Ф. Энгельс заметил растущую роль городов не только в экономической, но и в политической публичной жизни. В своей работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.) в специальной главе «Большие города», описывая Манчестер, «сердце» промышленной Англии, Ф. Энгельс показал, как сосредоточение рабочих в городских границах формирует особое городское пространство, в котором складывалось классовое сознание и организованные формы классовой борьбы.

Классики социологии М. Вебер, Г. Зиммель, Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт заложили основы понимания города как материальной ойкумены, в которой зарождаются социальные процессы нового индустриального общества, где разрываются привычные традиционные социальные связи и формируются новые формы солидарности и новые коммуникации. Актуальным остается вклад Г. Зиммеля в формирование интереса исследователей (не угасший и на рубеже XX–XXI вв.) к тем качественным социальным переменам, которые появились в больших капиталистических городах и современным чему он был.

Рост численности городского населения, в первую очередь, – за счет притока сельских жителей, обозначил контраст между ритмами жизни в большом городе и того неторопливого ритма повседневности небольших городков и деревень, откуда прибыли недавние селяне (повышенная нервность жизни, по словам Г. Зиммеля). Первоочередным для них, чужаков, стал поиск ответа на вопрос, как включиться в систему новых социальных связей, наладить контакты, да и просто ужиться столь не похожим индивидам, прошедшим разную школу социализации. Приехавшие за лучшей жизнью простые малообразованные вчерашние крестьяне, они занимались на многочисленных строящихся предприятиях, привыкая к новой социальной среде, с трудом адаптируясь в непривычную пока культуру, пытаясь сохранить что-то, как им казалось ценное, из прошлой патриархальной

жизни. Такая рабочая сила была по сути маргинальной массой, первым поколением, пытавшимся приспособиться к новой социокультурной среде. «Чуждость как инаковость», по Г. Зиммелю, стала главной силой в городах периода бурного развития капитализма, но таких чужаков он считал носителями новой свободы. [1. С. 95–96] Этот вывод соотносится с характеристиками, данными М. Вебером при описании средневекового западного города; он акцентировал внимание на сложившийся в этот период принцип: «городской воздух приносит свободу». [2. С. 345–370] Образ жизни и организация (финансовая, торговая, деловая) в городе требуют пунктуальности, рассудочности, точности: «дух» города сильно отличается от «духа» деревни. Г. Зиммель считал, что «денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собой»; а душевную жизнь большого города можно оценить не только как повышенная нервность, но и как «бесчувственное равнодушие». [3.]

В послевоенный период такие влиятельные в научном мире социологические школы, как в Германии в начале XX века и в США (знаменитая «чикагская школа»), ставшие классическими в генезисе социологии города, не сложились. Но это период активного изучения всего комплекса тем и проблем, которые можно объединить: город в глобализирующемся мире – не только пространство социальных структур, складывания новых социальных общностей, но это и специфическая «фабрика» новых форм коммуникации и в то же время локомотив прогресса на пути информационного сетевого общества. Город – центр, сосредоточение структур власти и политики, хозяйственной и финансовой деятельности, командный пункт экономических стратегий и производства инноваций, здесь происходят важные, часто, судьбоносные события (культурные, религиозные, национальные).

Город как предмет изучения в послевоенное время интересует иссле-

дователей разных мировоззренческих установок, идеологических взглядов и направлений. Это социологи и социальные философы, такие, как Л. Мамфорд и Р. Сеннет; неомарксист А. Лефевр и постмарксист М. Кастельс, постмодернист Ж. Бодрийяр, географы, урбанисты Д. Харви и Д. Соия. Для всех город в новом глобальном мире – это креативное «прочтение» открытого пространства новых смыслов: интеллектуальных, информационных, коммуникационных. Город по-прежнему остается центром инноваций и творческих прорывов во всех сферах, а также – социальным полем, где воспроизводится диалектика желаемого и возможного, и потому он неизбежно порождает множество проблем и антагонизмов: иммиграция и межгрупповые конфликты, социальная сегрегация и преступность, дезинтеграция и дезадаптация, статусная поляризация и бедность. Их наличие заставляет искать на эти вызовы адекватные ответы, стимулирующие новые формы творческой реализации.

Отличительная черта описаний и анализа жизни города послевоенного мира – резко негативные характеристики сложившегося там социального пространства и его деструктивного влияния на повседневную жизнь, сознание, культуру и образ жизни. Здесь в противостоянии сущего и должного сталкиваются духовные ценности, в первую очередь моральные, с прагматизмом реальности. Как считал Ж. Бодрийяр, автор классического исследования нового феномена – общества потребления – урбанизация сделала города тем местом, где формировалась иллюзия возможного счастья, причем, для всех, не зависимо от доходов и занимаемой социальной позиции. «Самой поражающей характерной чертой современного города является, конечно, *нагромождение, избытие предметов*». Из-за этого «возникает сильное впечатление, что этого не просто достаточно, но слишком много, и много для всего мира...». [4. С. 11] Ж. Бодрийяр специально не занимался городской социологией, но, изучая культуру, а в постиндустриальном

обществе она приоритетно городская, сделал шокирующий вывод: наша культура превратилась в производство отходов, а центрами производства этих отходов являются города, особенно, мегаполисы, где человек постепенно утрачивает свою социальность. Парадокс: мегаполис соединяет в себе все элементы социальности: пространственная близость, легкость взаимодействия и взаимообмена, доступность информации в любое время. Но все это только разрушает коммуникацию и, в конечном счете, социальность. [5. С. 109]

М. Вебер и Г. Зиммель писали о «свободном духе» средневековых городов, и о «чужаках» в городах индустриального общества, носителях инаковости и новой свободы, характеризуют эти явления как позитивные свидетельства формирующегося нового экономического уклада и образа жизни, стирания сословных различий. Но никакие технологические достижения, открытость границ и культур не сняли «вечную» для социологии тематику: социальное неравенство и социальная справедливость. Французские социологи М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло, пытаясь понять смысл городской сегрегации, на протяжении многих лет изучали социальные группы, живущие в престижных кварталах Парижа и поколениями занимавшие позиции социального господства. [6. С. 194] О росте тенденции к социальной сегрегации писал А. Лефевр, яркими проявлениями которой он считал городские гетто, где концентрируются бедность, несправедливость, невежество и криминал, а их разновидностью называл элитные кварталы, в которых изолированы богатство, благополучие, престиж. Д. Харви, представитель направления «географический марксизм», также, изучал феномен социальной справедливости, исследуя жизнь в городских гетто. Он называет города расколотыми, и в первую очередь, это «глобальные» города, и расколоты они в социальном отношении, и социальная поляризация углубляется, чему способствуют растущие миграционные потоки. В глобализирующемся мире XX ве-

ка оказалось, что право на различие обходится дорого; материализовавшийся «свободный дух» и «инаковость» в современных мегаполисах обнажили очень серьезные проблемы. Как пишет Д. Харви, «...право на различие – это одно из наиболее ценных прав городских жителей. Но различие также может вести к нетерпимости и расколу, маргинализации и исключению, выливаясь иногда в насильственные столкновения». [7. С. 80–81]

Через десятилетия, в конце XX века оценки, схожие с теми, которые давал Г. Зиммель высокоразвитому индустриальному городу, дает Р. Сеннет, считая, что капитализм эпохи глобализации принес в город гибкость, скорее, приспособленчество, и безразличие. В городской жизни прошлого капитализма возрастала отчужденность, эгоизм и неконтактность, детерминированные недоверием и замкнутостью первого поколения горожан. Используя эти выводы, Р. Сеннет считает, что сейчас мир живет в новой стадии капитализма, атрибутами которого являются глобализация потоков капитала и рабочей силы, и «трансформации в производстве, то есть изменения в институтах и бюрократии, создающие более гибкие формы трудовой деятельности». [1. С. 98] Пришло время «гибкого капитализма», в основе которого «гибкая» работа, суть которой – «больше никакой долгосрочной занятости!». Непродолжительная занятость, набирая обороты в послевоенные десятилетия, распространялась вместе с техническим прогрессом, новыми технологиями, информационной интеграцией и нивелированием национальных границ, и все это оказывает существенное влияние на городских жителей. И уже не только вчерашние сельские жители, но и коренные горожане живут и ощущают качественно другое состояние социальных связей, как официальных, так и частных. Глобализация в городах формирует диалектику гибкости и безразличия, и Р. Сеннет охарактеризовал подобную ситуацию: «...гибкий капитализм действует на город точно так же, как и на организацию труда.

Точно так же, как гибкое производство создает более поверхностные, непродолжительные отношения на работе, этот капитализм создает режим поверхностных и отчужденных отношений в городе». [1. С. 101] Диалектика гибкости и безразличия проявляется в трех формах, которые автор подробно описывает: физическая связь с городом, стандартизация городской среды, отношения между семьей и работой в городе. [1. С. 101–103]

Цивилизационные сдвиги и качественные изменения присущи почти каждому веку. В этом смысле XX век уникален, в первую очередь, – масштабами и глубиной перемен, а также – разрушениями и девальвацией традиционных устоев жизни и ценностей. Глобализация и информационные коммуникации трансформировали культуру в целом, города стали информационными, как их назвал испанский социолог М. Кастельс, а мегаполисы – связующие пункты всех видов глобальных связей в новом индустриальном пространстве. Его считают одним из основателей новой теории социологии города. В 70–80-х гг. XX в. вышло несколько книг, посвященных исследованию города, который автор называл новым систематизирующим центром в новом информационном обществе. Развитие данная проблематика получила в его трехтомном труде «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» (1996 г.), где он называет современное общество сетевым. Такое общество функционирует как единый организм, так как его внутренняя структура – информационная сеть; а социальные группы, главные акторы социальных взаимодействий, выступают теперь как сеть межличностных взаимодействий. Средоточием этой сети является мегаполис, центр глобального динамизма, и количество таких городов в индустриально развитых регионах растет.

М. Кастельс ввел понятие «пространство потоков», вошедшее в научную терминологию социальных наук. Пространство потоков – это «материальная организация социальных прак-

тик в разделенном времени, работающих через потоки». [8. С. 386] Это понятие одно из центральных в его концепции современного общества как сетевого, которое построено вокруг этих потоков, и должно заменить диалектически противоположное понятие «пространство мест», устаревшее в современном информационном обществе. Но в настоящее время эти два пространства (мест и потоков), каждое со своей логикой развития, и она противоположна, сосуществуют и формируют современный информациональный город, которому имманентно присуща эта двойственность. Такая двойная система коммуникации – источник возможных проблем и конфликтов в обществе.

М. Кастельс, описывая эти потоки (практики), – технологии, финансы, миграция и другие, анализирует эволюцию городских форм, происходящую в последние десятилетия. Социолог констатирует: «...благодаря природе нового общества, основанного на знании, организованного вокруг сетей и частично созданного из потоков, информациональный город является не формой, а процессом, процессом, который характеризуется структурным доминированием пространства потоков». [8. С. 374]

Специфика социологии как науки – это ее мультипарадигмальный характер. Л. Мамфорд, автор ставшей классической работы «Город в истории», выделил четыре основные формы, из которых состоит город во все времена: стены, дома, улицы, центральная площадь. Но главное, – это социальность и культура, которыми заполнены эти формы. Современное изучение города возможно только как синтез разнообразных идей и концепций, так как сам город есть мультикультурное сообщество индивидов, проживающих вместе, разобщенных, но вынужденных постоянно формировать социальность, основу сегодняшнего и будущего бытия.

Литература

1. Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гиб-

кость и безразличие // Логос. 2008. № 3. С.95–107.

2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 323–468.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.112с.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Москва: Издательство АСТ, 2020. 320 с.
5. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9.С. 107–116.
6. Мишель Пэнсон, Моник Пэнсон-Шарло. Социальная дистанция и специфические условия полужурнализованного интервью. Практики исследования аристократии и крупной буржуазии // Социология 4М. 1995. № 5–6. С. 192–215
7. Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 608 с.
9. Вершинина И.А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
10. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016.
11. Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. С. 130–140.
12. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

THE CITY IN A GLOBAL WORLD: A SOCIOLOGY OF CHANGE

Baranova L.M.

Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov

The city is the center and Creator of the modern urbanized space of global communication, it is an imprint of social space in physical space, a special cultural sign, a carrier of many meanings changing in the flow of time. From the first civilizations to the present, it remains a source of

dynamism, both regional and global, and a locomotive of progress in all spheres. The city, which became an object of study in the middle of the XIX century, and in the XXI century is such. But this is a qualitatively different city, it has evolved from the "projection of society on earth" (a. Lefebvre) to the "information city" (M. Castells), and it remains the core of social life, in which cyberspace has been integrated, and it is now a means and form of modern sociality and socio-cultural communication.

Keywords. City, globalization, flexible capitalism, solidarity, space of flows, network society

References

1. Sennett R. Capitalism in the big city: globalization, flexibility and indifference. // Logos. 2008. № 3. Pp. 95–107.
2. Weber M. The City // Weber M. Selected: the Image of society. St. Petersburg: center for humanitarian initiatives, 2012. Pp. 323–468.
3. Simmel G. Big cities and spiritual life. Moscow: Strelka Press, 2018. 112 p.
4. Baudrillard. J. Consumer Society. Moscow: Publishing House AST, 2020. 320 p.
5. Baudrillard. J. City and hate // Logos. 1997. № 9. Pp. 107–116.
6. Michelle Panson, Monique Panson-Charlot. Social distance and specific conditions of a semi-formalized interview. Research practices of the aristocracy and the big bourgeoisie // Sociology 4M. 1995. № . 5–6. S. 192–215.
7. Harvey D. the Right to the city // Logos. 2008. № . 3. Pp. 80–94.
8. Castells M. the Information age: economy, society and culture. M.: HSE University, 2001. 608 p.
9. Bulletin of the Moscow University. Ser. 18. Sociology and political science. 2018. Vol. 24. № . 2. Pp. 48–60.
10. Sennett R. Flesh and stone. The body and the city in Western civilization, Moscow: Strelka Press, 2016.
11. Soya E. How to write about the city from the point of view of space? // Logos. 2008. № . 3. Pp. 130–140.
12. Lefebvre H. Production of space. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p.

Авторитет и доверие в структуре военного управления и военной мысли

Осипенко Эдуард Борисович,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: ed.osip68@rambler.ru

Сальников Алексей Викторович,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: alexeysalnikov21539@mail.ru

Барановский Максим Витальевич,

кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; доцент Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: m.baranovskij@gmail.com

В статье рассматривается социальная сущность феноменов авторитета и доверия как ключевых элементов структуры военно-социального управления. Проанализированы особенности влияния авторитета и доверия на управленческие взаимодействия в воинских коллективах. Представлены взгляды военных мыслителей на управленческую проблему формирования высокого морального духа военнослужащих. Авторитет и доверие определены как равнозначные и взаимодополняющие компоненты динамической системы военно-социального управления, реализующиеся на формальных и неформальных уровнях военной организации. В заключении сделаны выводы о том, что авторитет командира, рассматриваемый как совокупность профессиональных и моральных качеств является одним из наиболее значимых компонентов легитимности военного управления. В свою очередь, социальные отношения доверия в воинских коллективах способствуют формированию необходимого уровня морально-психологического состояния военнослужащих.

Ключевые слова: доверие, авторитет, военное управление, воинский коллектив, социальный процесс, морально-психологическое состояние.

Введение

Авторитет и доверие – социальные характеристики, тесно связанные как в научной социологической мысли, так и в практике военного управления. Независимо от их трактовки и определения можно выделить два основных подхода к систематизации этих феноменов. Первый говорит нам о том, что доверие является важнейшим элементом структуры авторитета субъекта управления. Второй подход утверждает, что, напротив, доверие является родовым понятием для таких социально-управленческих явлений как авторитет, харизма и лидерство.

Мы не будем занимать позицию одной из сторон, но выскажем свое предположение по данному вопросу. Авторитет и доверие в нашем исследовании рассматриваются как неотъемлемые равнозначные интегрированные и взаимодополняющие компоненты динамической системы военно-социального управления. Оба изучаемых явления проявляются на формальных и неформальных уровнях военной организации. В то же время, мы определяем авторитет как признание права военного руководителя легитимно реализовывать свои властные полномочия, основываясь на социально значимых профессиональных и нравственных качествах. Доверие, в свою очередь, будет представлять собой наиболее эффективный вид социально-управленческих отношений, детерминированных ожиданиями позитивного взаимодействия между командирами (в самом широком смысле слова) и подчиненными.

Критический взгляд на представленные определения может отметить, что мы сознательно выбрали именно управленческий аспект исследуемых

феноменов, однако признаем их значимость на всех уровнях системы взаимодействий в военной организации.

Существует множество работ, посвященных анализу научных подходов к определению сущностей авторитета и доверия. Однако, практическая сторона вопроса освещена в научной литературе несколько реже. Целью нашей статьи является рассмотрение подходов к сущности обозначенных феноменов, а также взглядов военных мыслителей – теоретиков и полководцев, на проблему формирования авторитета и доверия.

Авторитет и доверие в структуре управления воинским коллективом

Авторитет субъекта военно-социального управления как сложное и многогранное явление общественной жизни всегда привлекал внимание военных философов, психологов, педагогов, социологов, т.е. есть тех, кто нацелен на понимание сущности управления воинскими подразделениями, путей и способов завоевания доверия и уважения в коллективе [8; 9; 17; 19; 21]. Причем одни авторы рассматривают авторитет как социально-психологическое влияние руководителя на коллектив, другие – как влияние этическое, как определенный вид отношений руководства и подчинения. Каждый автор прав, поскольку рассматривает какую-либо одну его сторону. Авторитет выступает сложным социально-психологическим явлением, оказывающим ненасильственное воздействие на волю, сознание и чувства людей. Нельзя заставить уважать человека распоряжением, приказом, незаслуженным назначением на руководящую должность.

С точки зрения условий своего существования, т.е. при условии проявления свойств руководителя, авторитет выступает как определенный вид отношений, поскольку проявляется только во взаимодействии. Любое взаимодействие характеризуется прежде всего его содержанием, теми источниками и элементами, которые его составляют. В данном смысле авторитет военного

руководителя проявляется как выражение уважения к той роли в обществе, которую выполняет офицер в воинском подразделении, т.е. его должностному положению, а также к тем качествам, которые характеризуют офицера как личность исполняющую данную роль.

В процессе совместной деятельности между офицерами и подчиненными военнослужащими возникает довольно сложная система управленческих отношений, которые предполагают отношения командования, субординации с одной стороны, подчинения и исполнительности – с другой [2]. Кроме этого, они характеризуются организованностью, отсутствием напряженности, инициативностью и дисциплинированностью [7].

Формирование управленческих отношений в воинских коллективах происходит на тех же основаниях, что и в любой другой сфере общества. В тоже время отношения в армейских коллективах имеют свои отличительные особенности, обусловленными спецификой решаемых Вооруженными Силами задач и самой воинской деятельности. Управленческие отношения в воинских коллективах могут выступать в виде параллельных и линейных связей между офицерами и подчиненными. При линейных отношениях у каждого командира может быть несколько подчиненных, но каждый подчиненный может иметь только одного непосредственного командира. При параллельных отношениях непосредственное руководство осуществляется большим количеством руководителей, осуществляющим руководство по различным направлениям, видам военного вооружения и специальной техники и т.д. Выбор того или иного способа управленческих отношений будет зависеть от характера выполняемых задач и сложности управляемой системы.

Особая роль в управленческих отношениях в армии отводится офицерам, осуществляющим управление воинскими подразделениями. Командир всеми своими действиями призван обеспечить эффективное решение подчинен-

ными поставленных задач, формируя у них необходимый тип служебного поведения [16]. Значительную роль в эффективности функционирования воинского коллектива играет авторитет командиров в подразделении. Какие бы задачи не решал офицер в процессе управленческой деятельности, его авторитет будет выступать универсальным средством, усиливающим силу его влияния на подчиненных.

Роль должностного авторитета руководителя заключается в признании его права на руководство. Характерной особенностью управленческих отношений в воинских коллективах является то, что они существуют при строгом соблюдении принципа единоначалия – сосредоточение основных решающих средств воздействия на управляемый объект в руках командира-единоначальника. Тем самым воинские уставы четко регламентируют взаимоотношения военнослужащих. Военнослужащие выполняют распоряжения командиров в силу занимаемой им должностной позиции.

Однако уставы и приказы не могут заставить подчиненных уважать командира, доверять ему как личности, если он по своим личностным и профессиональным качествам не отвечает характеру занимаемой должности. Подчиненные будут игнорировать таких командиров как личность, постоянно подвергая сомнениям правильность и обоснованность их решений. Т.е. без определенных личных и профессиональных качеств офицера не может сложиться необходимый уровень управленческих отношений между командирами и подчиненными, необходимый для эффективного функционирования воинских коллективов.

Процессы управления, связанные с вооруженной борьбой, значительно отличаются от процессов, протекающих в других сферах. Это объясняется тем, что обстановка в условиях ведения боевых действий содержит большое количество элементов случайности и неизвестных условий, таких как действительные намерения противника, возможности использования им бо-

евых средств, которые в значительной степени усложняют работу командиров по принятию решения. Наличие данных особенностей заставляет каждого военнослужащего четко понимать необходимость повиновения авторитету командира, представленного в нем самой должностью. Все это говорит об особой значимости служебного (должностного) авторитета командира.

В тоже время чем выше должность командира, тем с большей внимательностью подчиненные относятся к его личным и профессиональным способностям. Именно поэтому, чтобы авторитет командира по должности не сводился к обычному администрированию и не вызывал у подчиненных чувство отчуждения, от офицеров требуется проявление высоких профессиональных и личных качеств. Каждый командир действует в конкретной обстановке, организуя выполнение той или иной, характерной для данного подразделения специфической задачи.

Каждый вид профессиональной деятельности в свою очередь подразделяется по специальностям. Так, офицер военно-морского флота может быть «подводником», «надводником» либо проходить службу в береговых частях флота. В соответствии с этим для командира любого из подобных воинских коллективов наиболее важным будет наличие определенных специальных качеств, что будет обуславливать выделение его авторитета как специалиста в этой области. Например, авторитет офицера-подводника будет характеризоваться наличием боевого опыта, точностью торпедных стрельб, количеством боевых служб и т.д.

Специфика управленческих отношений в воинских коллективах наряду с действенностью должностного авторитета, предъявляет повышенные требования к профессиональным и личностным качествам офицеров. Эффективность выполнения приказов и распоряжений командиров будет зависеть от способности командиров гармонично сочетать в себе субъективные (личные качества) и объективные (служеб-

ные характеристики) составляющие авторитета. Следует отметить, что наличие определенных профессиональных и личных качеств у офицеров выступают лишь предпосылкой формирования его авторитета в коллективе. Авторитетом мы их признаем только в том случае, если они проявляются, т.е. функционируют в управленческой деятельности.

Отмечая важность доверия в структуре военно-социального управления, необходимо отметить, что в военной организации хотя бы минимальный уровень доверия необходим в качестве «стартовой площадки» для эффективного выполнения задач по предназначению. Как правило, доверие исследуется в двух измерениях:

- межличностном – изучаются военнослужащие как носители доверия;
- межорганизационном – носителями доверия выступают организации и учреждения (например, вооруженные силы).

Причем доверие оказывает влияние на эффективность военно-социального управления не только на уровне межорганизационном уровне, но и на межличностном.

Доверие снижает временные затраты командиров на контроль деятельности военнослужащих, позволяет перейти из сугубо формализованных отношений к отношениям сотрудничества и уважения. Метафоры «отец-командир» и «воинский коллектив – семья» сполна реализуются в рамках доверительных отношений между военным руководителем и его подчиненными.

Отметим, что если управление рассматривать как субъект-объектный процесс, то доверие в нем будет являться субъект-субъектными отношениями. Одинаково важны и уровень доверия командира к подчиненным и уровень доверия подразделения своему руководителю. Стиль руководства командира, а также выбор им формальной («администратор») или неформальной («лидер») стратегии управленческого воздействия во многом формирует отношения доверия в коллективе

и детерминирует уровень морально-психологического состояния военнослужащих, а также качество выполнения ими обязанностей военной службы.

Классики военной мысли об авторитете и доверии

Отметим, что в каждый определенный период развития общества формируется свой тип офицера и соответствующий ему тип его авторитета. Основания авторитета офицера, его личностные качества обуславливаются окружающей социальной и воинской средой. Данные характеристики подвержены изменению под влиянием социальных характеристик воинского подразделения и занимаемой командной должности, состояния и развития военного дела, а также существующих форм и способов вооруженной борьбы. В разные исторические эпохи для завоевания авторитета офицеру-командиру требовались различные качества.

Так во времена ведения войн, проходивших под командованием таких великих полководцев, как князь Святослав Игоревич, Владимир Святославович, Ярослав Владимирович Мудрый, вооружение воюющих армий состояло в основном из: топора, кинжала, копья, меча, лука и стрел и т.д. Успех боя решался, как правило, в ближнем бою и зависел в основном от физического превосходства воинов над противником. Командиры принимали активное участие в рукопашных схватках наравне со своими воинами, что являлось важным условием завоевания авторитета у своего войска. Имели место быть случаи, когда исход боя решался в поединке командиров¹. Для того, что-

¹ «По древнему обычаю, когда встречались два войска, перед общей битвой могли устроить сражение двух воинов из противоборствующих станов. Наиболее древней формой такого единоборства была рукопашная борьба без оружия. На поединок выходили вожди или избранные лучшие богатыри от каждого войска. Самое первое упоминание такой битвы в русской летописи содержится в описании противостояния великого князя Владимира I Святославича набегам печенегов в 992 году. Знаменитое сражение Кожемяки с печенежским воином описано летописцем как чистая борьба: без оружия и без ударов: «И размерившее

бы одержать победу в поединке и завоевать признание и авторитет у солдат командиры должны были обладать такими качествами, как физическая сила, ловкость, выносливость, смелость, умелое владение оружием.

Позже, с развитием техники использования энергии пороха, произошел переворот в способах ведения боевых действий. Решающим фактором в достижении победы в бою становится применение огнестрельного оружия. На второй план отходят традиционные способы ведения войн, образуется новый вид войск – артиллерия, требующий большого количества подготовленных специалистов. Создаются армии на постоянной основе с централизованной системой управления. Для управления новыми армиями потребовались командиры нового типа, обладающие специальными знаниями для осуществления руководства, воспитания и обучения подчиненных. Изменяется характер отношений между начальником и подчиненным.

Петр I большое внимание значению личных качеств офицеров в управлении войсками. Разработанные им уставы предписывали офицерам быть требовательными по отношению к подчиненным, сочетать строгое наказание нарушителей уставных порядков с одновременной заботой о подчиненных. Если офицер в спокойное время был справедлив и внимателен к подчиненным, то может легко заслужить почтеннейшее для военного человека назва-

межи обема полкама, пушиша я к себе и ястася и почастася крепко держати и оудаи Печенезина в руку до смерти, и удари имь о землю». Другое сообщение (под 1022 г.), где рассказывается о походе сына Владимира I князя Тмутараканского Мстислава на касогов, рисует нам уже несколько иную картину: рукопашную битву князей. Две рати, как обычно, встали друг против друга, но общее сражение заменили поединком вождей. Немало смертельных поединков породила эпоха монголо-татарского нашествия на Русь в XIII веке. Образ погибающего в неравном бою единоробца (Евпатия Коловрата, Меркурия Смоленского) стал важным элементом «мотива героической гибели», характерного для литературы этого периода». [Электронный ресурс – портал История.РФ, <https://histrf.ru/biblioteka/b/poiedinki-v-drievnierusskoi-voinskoi-kul-turiej>].

ние – друг солдата, и будет оправдан ими за излишнюю строгость в бою [20].

А.В. Суворов отмечал значение личного примера командиров. Офицерам он советовал: «будь добрым солдатом, если хочешь быть хорошим фельдмаршалом; тщательно обучай подчиненных тебе солдат и подавай им пример; без добродетели нет ни славы, ни чести» [3]. Большое значение он придавал и авторитету командиров. Чтобы пользоваться авторитетом среди подчиненных офицер должен быть: молодцом в бою; заботиться о подчиненных; быть строгим и справедливым; скромным и тороватым в вознаграждении; внимательным; примером в перенесении всех тягот службы [4].

Суровым испытанием для командиров, проверкой их зрелости и способностей явилась Великая Отечественная война. Советское Правительство предпринимало активные меры по обеспечению Вооруженных Сил командными кадрами. Направлениями подготовки командных кадров в период войны были: увеличение численности слушателей и курсантов в военных учебных заведениях, сокращение программ, создание сети курсов по подготовке командиров, выдвижение лучших старшин, сержантов и солдат на офицерские должности. Руководством страны предпринимались меры по укреплению служебного авторитета командиров. Так, значительно расширились полномочия военных советов фронтов в области присвоения воинских званий и назначения на должности [10].

Для награждения командиров и военачальников были введены новые ордена, названные именами великих русских полководцев: Александра Суворова, Михаила Кутузова и Александра Невского. Ими награждались командиры за выдающиеся заслуги в управлении войсками, отличную организацию боевых операций, проявления при этом решительности и настойчивости в их осуществлении. Учитывалась также и личное мужество, и храбрость командиров в бою. Еще одной мерой по укреплению авторитета и единоначалия команди-

ров стало введение указом Президиума Верховного Совета СССР от 6.01.1943 погон для личного состава РККА, которая также подчеркивала преемственность советской армией боевой славы, доблести и традиций старой русской армии [5].

Все эти предпринятые меры способствовали укреплению авторитета командиров. Авторитет командиров оказывал активное воздействие на формирование высокого морального духа войск и обеспечение победы над врагом. Авторитет командиров во время Великой Отечественной войны основывался на личных качествах офицеров: высокая военная подготовка, организаторские способности, забота о подчиненных, близость к подчиненным в период подготовки и ведения боя, личное мужество, решительность и храбрость в бою, способность к самопожертвованию во имя Родины, товарищеская взаимопомощь в бою и др.

Авторитет командиров оказывал влияние на сплочение воинских коллективов, повышение морального духа личного состава, а также побуждал к активности в бою. За авторитетным командиром солдаты шли, преодолеваю любые трудности войны. Авторитет советских командиров явился одним из важнейших факторов, обусловивших победу Советского народа в Великой Отечественной войне.

Важное место доверия в процессе военного управления также отмечалось классиками военной мысли. Например, К. Клаузевиц считал, что даже если армия потерпела сокрушительное поражение на поле боя, но не потеряла доверия к командирам, то солдаты и офицеры подразделений этой армии способны сохранить «подлинный воинский дух» [11, с. 20, 97, 185; 12, с. 6; 14, с. 75, 486, 742; 15, с. 46–47]. Интересно, что он отмечал также возможность управления социальными отношениями доверия. Воздействие на сознание народа может способствовать созданию доверия «нового рода» [13, с. 110].

А.А. Свечин считал доверие одной из важнейших характеристик не только

военного, но и государственного управления. Он выделил два основных требования к высшим военным руководителям: «наивысшая в государстве политическая компетенция» и «наибольшее техническое и политическое доверие стратега». Критериями обеспечения доверия к командирским кадрам, по его мнению, являются: «безусловная правдивость по отношению к подчиненным и народу и отсутствие искажений истины в сообщениях о деятельности руководства и принимаемых решениях». Воинский коллектив же способен решать боевые задачи только в том случае, если командир безоговорочно доверяет своим воинам [1, с. 21–22; 18, с. 45, 144, 237, 252].

Военный педагог и государственный деятель М.И. Драгомиров в своих трудах анализировал преимущественно групповой уровень доверия. В частности, он подробно изложил свои взгляды по поводу применения военным начальником социального механизма формирования доверия своих подчиненных. Этот механизм должен включать в себя принципы справедливости и заботы о каждом солдате. Доверие является ключевым фактором достижения успеха в боевых действиях. Основывается доверие на всестороннем изучении командиром своего личного состава, а также товарищеских межличностных взаимодействиях в воинском коллективе [6, с. 453, 496].

Выводы

1. Феномены авторитета и доверия занимают важное место в системе военно-социального управления не только как теоретические конструкции, но и как обязательные элементы высокоэффективных управленческих практик.

2. Авторитет командира во всей совокупности его профессиональных и морально-нравственных качеств является наиболее значимым компонентом легитимности управленческого воздействия на подчиненных, а также адекватного восприятия подчиненными этого воздействия.

3. Доверие между командирами и подчиненными, рассматриваемое как совокупность социальных отношений, способствует формированию высокого уровня морально-психологического состояния военнослужащих и повышению качества выполнения обязанностей военной службы.

4. Полководцы, военные руководители и теоретики в своих трудах и управленческой практике показывали (и показывают) актуальность проблем формирования авторитета и отношений доверия. Авторитет и доверия выступают едва ли не важнейшими слагаемыми морального духа воинов.

Литература

1. Барановский М.В. Доверие в воинском коллективе: социолого-управленческий аспект. М.: ВУ. 2018. 141 с.
2. Веремчук В.И., Барановский М.В. Социальные аспекты отношений доверия в процессе руководства воинским подразделением // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. № 1 (24) 2015. С. 94–99.
3. Военная педагогика: Учебник для вузов. Под. ред. О.Ю. Ефремова. 2-е изд., испр. И доп. СПб: Питер, 2017.
4. Гершельман С.К. Нравственный элемент в руках Суворова / Ген. штаба пол. Сергея Гершельмана. 1892 г. 2-е изд. Гродна, 1900, 158 с.
5. Гужва Е.Г. Возрождение нравственных традиций в Красной армии в годы Великой Отечественной войны / Вестник МГИМО Университета. 2015. № 3 (42). С. 21–26.
6. Драгомиров М.И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М.: Военное издательство МО СССР, 1956.
7. Евенко С.Л., Дорофеев Д.В. Детерминанты социальной напряженности в воинских коллективах // Социально-гуманитарные знания. № 22020. С. 257–264.
8. Евенко С.Л., Сальников А.В. Социальные детерминанты, обуславливающие авторитет офицера ВС РФ // Социально-гуманитарные знания. № .52020. С. 310–316
9. Ефремов И.И. Авторитет как феномен общественной жизни и его проявление в Вооруженных Силах: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005.
10. Калинин Л.В. Военные советы фронтов и армий в годы Великой Отечественной войны / Военный академический журнал. 2014. № 2. С. 75–81.
11. Клаузевиц К. 1799 год. М.: Наследие, 2003.
12. Клаузевиц К. 1806 год. М.: Госвоениздат, 1937.
13. Клаузевиц К. 1812 год. М.: Госвоениздат, 1937. С. 110.
14. Клаузевиц К. О Войне. М.: Эксмо, 2007.
15. Клаузевиц К. Принципы ведения войны. М.: Центрполиграф, 2009.
16. Погребной Д.Н. К вопросу о социальном управлении служебным поведением военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. № 22020. С. 339–344.
17. Сальников А.В. Социологический подход к исследованию авторитета офицера российской армии // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 1 (834) 2019. С. 285–295.
18. Свечин А.А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927.
19. Степанова Е.Е., Шевель П.П. Авторитет командира подразделения в современной системе управления войсками // Военный академический журнал. № 4, 2015. С. 128–135.
20. Тарле Е.В., Предтеченский А.В. Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов. М.: Директ-Медиа, 2015.
21. Титова М.Ю. Формирование авторитета офицеров внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: М, 2011. 24 с.

AUTHORITY AND TRUST IN THE STRUCTURE OF MILITARY COMMAND AND MILITARY THOUGHT

Osipenko E.B., Salnikov A.V., Baranovsky M.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the social essence of the phenomena of authority and trust as key elements of the structure of military-social control. The features of the influence of authority and trust on managerial interactions in military collectives are analyzed. The views of military thinkers on the management problem of forming a high morale of servicemen are presented. Authority and trust are defined as equivalent and complementary components of a dynamic system of military-social control, which are implemented at the formal and informal levels of the military organization. In conclusion, it is concluded that the authority of a commander, considered as a combination of professional and moral qualities, is one of the most significant components of the legitimacy of military command. In turn, social relations of trust in military collectives contribute to the formation of the required level of moral and psychological state of servicemen.

Keywords: trust, authority, military command, military collective, social process, moral and psychological state.

References

1. Baranovsky M.V. Trust in the military collective: the sociological and managerial aspect. M.: VU. 2018. 141 p.
2. Veremchuk V.I., Baranovsky M.V. Social aspects of relations of trust in the process of leadership of a military unit // Scientific and educational problem of civil protection. No. 1 (24) 2015.S. 94–99.
3. Military pedagogy: Textbook for universities. Under. ed. O. Yu. Efremova. 2nd ed., Rev. And add. SPb: Peter, 2017.
4. Gershelman S.K. The moral element in the hands of Suvorov / Gen. headquarters floor. Sergey Gershelman. 1892. 2nd ed. Grodna, 1900, 158 p.
5. Guzhva E.G. Revival of moral traditions in the Red Army during the Great Patriotic War / Bulletin of MGIMO University. 2015. No. 3 (42). S. 21–26.
6. Dragomirov M.I. Selected Works. Issues of education and training of troops. Moscow: Military publishing house of the USSR Ministry of Defense, 1956.
7. Evenko S.L., Dorofeev D.V. Determinants of social tension in military teams // Social and humanitarian knowledge. No. 2. 2020. S. 257–264.
8. Evenko S.L., Salnikov A.V. Social determinants that determine the authority of an officer of the RF Armed Forces // Social and humanitarian knowledge. No. 52020. P. 310–316
9. Efremov I.I. Authority as a phenomenon of public life and its manifestation in the Armed Forces: Socio-philosophical analysis: author. dis. ... Dr. Philos. sciences. M., 2005.
10. Kalinchuk L.V. Military councils of fronts and armies during the Great Patriotic War / Military Academic Journal. 2014. No. 2. S. 75–81.
11. Clausewitz K. 1799. Moscow: Heritage, 2003.
12. Clausewitz K. 1806. M.: Gosvoenizdat, 1937.
13. Clausewitz K. 1812. M.: Gosvoenizdat, 1937. S. 110.
14. Clausewitz K. About War. M.: Eksmo, 2007.
15. Clausewitz K. Principles of warfare. M.: Tsentrpoligraf, 2009.
16. Pogrebnoy D.N. On the issue of social management of service behavior of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation // Social and humanitarian knowledge. No. 22020. S. 339–344.
17. Salnikov A.V. Sociological approach to the study of the authority of an officer of the Russian army // Vestnik MGLU. Social Sciences. Issue 1 (834) 2019.S. 285–295.
18. Svechin A.A. Strategy. Moscow: Military Bulletin, 1927.
19. Stepanova E.E., Shevel P.P. The authority of the unit commander in the modern command and control system // Military academic journal. No. 4, 2015. S. 128–135.
20. Tarle E.V., Predtechensky AV Patriotic war of 1812 Collection of documents and materials. M.: Direct-Media, 2015.
21. Titova M. Yu. Formation of the authority of officers of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: author. dis. ... Cand. ped. Sciences: M, 2011. 24 p.

Процессы субурбанизации в России и мире. Причины. Особенности

Гарнага Анастасия Филипповна,

старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: neklyudova.anastasiya.90@mail.ru

Охотникова Юлия Викторовна,

к. арх., доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 004033@pnu.edu.ru

Громенко Ирина Викторовна,

старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 005596@pnu.edu.ru

Тюкавкина Ирина Леонидовна,

старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 004805@pnu.edu.ru

Савкова Наталья Викторовна,

старший преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и дизайна, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 003802@pnu.edu.ru

Процессы глобального развития городских систем в разных странах, несмотря на определённые схожие черты, представленные наличием крупного центра, пригородных областей и сельских зон, имеют очень выраженные различия, определяемые национальными особенностями, спецификой местности и социальными аспектами. В статье рассмотрены современные процессы субурбанизации на примере городов России и Европы. Выделена общая черта, характерная как для субурбий российских, так и европейских крупных городов – массовая автомобилизация. В американских городах процесс субурбанизации начался раньше, чем в европейских и российских и, соответственно, сформировал постоянную маятниковую миграцию населения на рабочие места из мест проживания и в обратном направлении.

Ключевые слова: субурбанизация, мегаполис, развитие территории, Россия, Европа.

Введение

В соответствии с мировой тенденцией, в настоящее время выделяется ряд ключевых этапов развития крупнейших населённых пунктов, к числу которых относятся и субурбанизация, как «противовес» естественной урбанизации. Этот процесс на сегодняшний день заключается в развитии пригородных территорий и переселении в них людей с естественным формированием городской агломерации. Благодаря активно увеличивающемуся благосостоянию жителям крупных городов стало доступным возведение домовладений «сельского типа» в пригородной зоне, способствующее избавлению от характерных для мегаполисов раздражающих факторов: городского шума, загрязнения воздуха и воды, а также недостаточного количества зелёных насаждений. При этом, переселяющиеся в пригород люди не становятся сельскими жителями, а на практике, по-прежнему, продолжают осуществлять свою трудовую деятельность в городе.

1. Субурбанизация в мире

Сегодня субурбанизацию просто невозможно представить себе отдельно от такого понятия, как массовая автомобилизация, потому как в пригородных условиях зачастую отсутствует или малоразвита социальная инфраструктура. Если на территории западноевропейских государств и стран Северной Америки процессы субурбанизации стали наблюдаться в 50-е годы прошлого столетия, то в Российской Федерации активное переселение появилось несколько позже. При этом, в России явные проявления, характерные сейчас для suburb, наблюдаются прежде всего в столичном регионе, очень многие жители которого не в полной мере отказываются от собственных городских квартир, а просто значительную часть времени предпочи-

тают проводить на загородных дачных участках. Кроме всего прочего, в последнее время всё человечество подверглось влиянию процессов компьютеризации, в особенности в непродовственных секторах экономики, поэтому в течение последних нескольких десятилетий сформировался специфический эффект под названием «отрыв от номинального места работы». На смену этому понятию пришло понимание «места для фактического выполнения задач трудовой деятельности» [4, с. 40].

В соответствии с официальными данными, эталоном маятниковой миграции с передвижением значительного количества населения на рабочие места и в обратном направлении из места проживания, а также образцом не уникальной планировки, на сегодняшний день является именно американская субурбия. Яркими представителями заметно субурбанизированных пригородов на территории Европы сегодня стали такие страны, как Франция и Великобритания, где выраженной особенностью крупных городов является завершённость архитектурной постройки и отсутствие изменений облика в результате заселения новых районов. К примеру, развитие окраин Лондона обусловлено сегодня заметным ростом финансового благосостояния городских жителей, поэтому ключевым фактором переезда является «приобретение» душевного комфорта в тишине. Несколько иная ситуация с точки зрения естественной субурбии сейчас наблюдается на территории французских населённых пунктов. Здесь пригородные зоны возникают, а также постоянно увеличиваются в размерах в результате активного роста количества беженцев, а французский пригород «banlieue» формируется социальным малоэтажным жильём для малообеспеченных горожан. Аналогичная ситуация отличает и африканские страны с пригородами, «картонными трущобами» [3].

2. Субурбанизация в России

Специфичность субурбанизации в Российской Федерации определяется тем

фактом, что основные пригородные зоны представлены, чаще всего, деревнями, посёлками или дачными массивами. Таким образом, для российских горожан очевидным является стремление стать обладателями частных домовладений рядом с городами, но без условия полного отказа от жизнедеятельности и недвижимого имущества непосредственно в городской черте. В любом случае, на сегодняшний день цивилизованным вариантом малоэтажной субурбии можно назвать исключительно элитные, как правило, закрытого типа поселения. Наиболее крупными и самыми привлекательными в плане перспективности развития агломераций можно считать Москву и Санкт-Петербург, в которых развивается традиционная субурбия. С этой точки зрения городские границы претерпевают расширение только благодаря естественной и стабильной трансформации бывших пригородных зон в новые и достаточно современные территории, именуемые сегодня спальными районами города. К особенностям можно отнести часовую миграцию жителей пригородов в городские зоны, сопровождающуюся заторами на трассах, загрязнением воздуха, временными потерями и другими проблемами [1].

Как показывает практика, существует несколько важных причин, по которым отмечается очень активная и достаточно быстрая субурбанизация в Российской Федерации и Европейских странах. В первую очередь необходимо отметить перевод многими компаниями собственных офисов и ряда предприятий в пригородные зоны благодаря развитию транспортной инфраструктуры. При этом важно учитывать и тот факт, что активизация естественных процессов в наиболее развитых западных городах поспособствовала активному возведению пригородных посёлков и жилых районов, которые отличает застройка, преимущественно представленная блокированными, а также индивидуальными жилыми домами, удачно дополненными индивидуальными земельными участками. Продолжающиеся в настоящее время

субурбанистские тенденции неразрывно взаимосвязаны с развитием такого понятия, как архитектурная экология, призванной придать местам для проживания экологическую чистоту и максимальную приближенность к природным условиям [5].

На территории Российской Федерации рассматриваемые процессы характеризуют своеобразные качества, так как несмотря на проявление потребности пребывать в непосредственном единении с природой, такое перемещение обусловлено, прежде всего, недостаточно высоким уровнем жизни россиян. Таким образом, сегодня вполне обоснованно отмечается массовость строительства собственными силами «второго жилья» в формате дачного или садово-огородного участка. Специалисты считают, что в РФ такое явление имеет масштабы, «беспрецедентные в условиях мировой практики», что представляется своеобразным признаком специфики российского варианта субурбанизации наряду с волной коттеджного строительства. Коттеджи при этом зачастую используются в качестве основного места жительства состоятельного населения. Субурбанизация в РФ обладает преимущественно сезонным характером, поэтому целесообразно рассматривать специфическую российскую дачную субурбанизацию, взаимосвязанную с размещением жителей и хозяйственной деятельностью в реалиях пригородной зоны, где активно ведётся садоводство, а также огородничество и дачное хозяйство [2].

Следует отметить, что специфика дачной субурбанизации, к примеру, на территории Московской области, бывает различной даже в районах, обладающих похожими экономико-географическими характеристиками, представленными близостью к границам города, основной инфраструктурой, а также общей численностью населения и прочими факторами.

Заключение

Процессам субурбанизации в РФ, помимо чисто экономических препятствий, мешает и недостаточное раз-

витие инфраструктурных элементов. На территории европейских стран, имеющих хорошо развитую дорожную сеть при условии широкой автомобилизации всего населения, загородная жизнь с каждым годом становится всё более предпочтительной по сравнению с центральной частью крупных городов. В России все автодорожные сети имеют меньшее развитие, а качественные скоростные трассы сейчас сгруппированы преимущественно вблизи наиболее крупных городских агломераций. Именно по этой причине постоянная жизнь в загородных условиях не всегда является удобной и экономически целесообразной. Однако, устойчивость в потребности обладать своим собственным основным жилищем в среде природного окружения на сегодняшний день у горожан присутствует, поэтому во всём мире субурбанизация будет продолжаться [6].

Литература

1. Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Серия «География». № 2. С. 19–29.
2. Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015) Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России. Т. 24. № 1. С. 101–135.
3. Мкртчян Н.В. (2013) Внутренняя миграция в России // Зайончковская Ж.А. (ред.) Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М.: Спецкнига. С. 589–601.
4. Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 39–47.
5. Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на за-

паде и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32.

6. Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.

SUBURBANIZATION PROCESSES IN RUSSIA AND WORLD. THE REASONS. FEATURES

Garnaga A.F., Okhotnikova Yu.V., Gromenko I.V., Tyukavkina I.L., Savkova N.V.

Institute of architecture and design, Pacific National University

The processes of global development of urban systems in different countries, despite certain similarities represented by the presence of a large center, suburban areas and rural areas, have very pronounced differences, determined by national characteristics, specific localities and social aspects. The article examines the modern processes of suburbanization on the example of cities in Russia and Europe. Highlighted a common feature characteristic of both the suburbs of Russian and European large cities – mass motorization. In American cities, the process of suburbanization began earlier than in European and Russian cities and, accordingly, formed a constant pendulum migration of the population to jobs from places of residence and in the opposite direction. Suburbanization in Russian cities, on the other hand, has a predominantly seasonal character, in which separate sections or small summer cottages form suburban areas. Traditional suburbs in Russian cities are often

formed within their features and are particularly expensive; plots in such inner-city settlements are often considered “elite”.

Keywords: suburbanization, metropolis, territory development, Russia, Europe.

References

1. Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2013) Features of suburbanization in the Moscow agglomeration in the post-Soviet period // *Izvestiya RAN. Series “Geography”*. No. 2. P. 19–29.
2. Zvyagintsev V.I., Neuvazhaeva M.A. (2015) Migrants from the city to the countryside: the phenomenon of “reverse migration” in modern Russia // *World of Russia*. T. 24. No. 1. S. 101–135.
3. Mkrtychyan N.V. (2013) Internal migration in Russia // *Zayonchkovskaya Zh.A. (ed.) Migration in Russia 2000–2012. Reader in 3 volumes. T. 1: Migration processes and topical issues of migration*. M.: Spetskniga. S. 589–601.
4. Nefedova T.G., Savchuk I.G. (2014) The second suburban housing of townspeople in Russia and Ukraine: the evolution of summer cottages and trends of their modern changes // *Izvestia RAN. Series “Geography”*. No. 4. P. 39–47.
5. Treivish A.I. (2014) “Dachchestvo” as a science about the second house in the West and in Russia // *Izvestia RAN. Series “Geography”*. No. 4. P. 22–32.
6. Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: причины и факторы, влияющие на их появление

Медиков Евгений Викторович

магистрант, Российский государственный социальный университет
E-mail: magikcool@bk.ru,

Демидова Татьяна Евгеньевна,

доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет
E-mail: ted-5@list.ru

Целью статьи является выявление зависимости между принимаемыми государством мерами по обеспечению граждан социальными гарантиями и появлением в обществе социальных иждивенцев и «паразитов». Авторы приходят к выводу, что иждивенчество и социальный паразитизм являются одними из негативных последствий реализации социальной политики государства, а также результатом отсутствия серьезного контроля над злоупотреблениями в данной сфере. Если оказание гражданам социальной поддержки приводит к становлению пассивного и зависимого общества, то отсутствие контроля рождает чувство безнаказанности и желание обогатиться за чужой счет. В связи с тем, что в России отсутствуют четко регламентированные механизмы контроля над исполнением законодательства в области социальной политики, среди определенных групп населения формируется мотивация на постоянное получение государственных мер поддержки, а также материальных благ от организаций, иных лиц. Для того чтобы этого не происходило, необходимо вести системную работу на государственном и общественном уровне, подразумевающую государственный и общественный контроль, индивидуальный подход к каждому получателю услуг, прозрачность в распределении средств, искоренение коррупции и преступности.

Ключевые слова: социальная политика, социальное государство, социальное иждивенчество, социально-экономическая адаптация, социальный паразитизм.

Прежде чем перейти к выявлению зависимости между политикой государства и возникновением социального иждивенчества и паразитизма, определимся с понятийным аппаратом.

В первую очередь оба явления являются негативными формами социально-экономической адаптации, которые носят деструктивный характер для личности и общества, строятся на потреблении и представляют собой использование иных лиц для обеспечения собственных нужд и потребностей.

В словаре русского языка «иждивенчество» представляется как «стремление во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, жить за чужой счет».[10] Некоторые ученые [8] выделяют социальный паразитизм как трансформацию социального иждивенчества вследствие его негативного развития. Иные авторы [7] отмечают, что явления эти принципиально отличны друг от друга как по носителям, так и по способам получения материальных благ, по направленности деструктивного влияния, по возможностям адаптации в современной России (Таблица 1).

Социально-экономическая зависимость выражается в том, что человеку добровольно оказывается помощь со стороны другого человека, организации, государства, что влияет на возникновение экономической и социальной зависимости одного субъекта от другого. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм являются, как это ни парадоксально, порождением государственной социальной политики. Согласно ст. 7 Конституции Российская Федерация – социальное государство, это государство, в котором обеспечива-

ется «государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1]. Примером иждивенчества трудоспособного населения являются получатели пособий, которые и являются проявлением государственного патернализма. Стоит отметить, что зависимые субъекты осознают свое положение, отказываются от личной свободы, чтобы не нести ответственность за собственное жизнеобеспечение. Интересный факт, в материалах слушаний Комитета Сената США по проблемам старения отмечено, что привычка трудиться может быть атрофирована за шесть месяцев. Человек может стать настолько зависимым, что никогда не захочет работать снова.[12]

Таблица 1

Критерий	Социальное иждивенчество	Социальный паразитизм
Носители	Лица, склонные перекладывать ответственность на других (слабые)	Лица, склонные брать ответственность на себя (сильные)
Способ получения материальных благ	Добровольное предоставление помощи иждивенцам	Насильственный отъем материальных благ «паразитами»
Направленность действия влияния	Зависимые приспосабливаются к условиям или страдают сами	Обладает разрушительной силой, наносит вред обществу
Адаптационные возможности в современной России	Взаимосвязь зависимости и адаптации наблюдается только у домохозяек	Высокие показатели адаптации к условиям.

Субъектами социального паразитизма являются в основном предприниматели и представители криминальной сферы. Это связано с тем, что паразитизм представляет собой существование субъекта и удовлетворение его потребностей за счет других, имея при этом собственные ресурсы. Если социальное иждивенчество сопровождается

отношениями зависимости, то социальный паразитизм заключается в сохранении независимости объекта от субъекта, которого он использует в своих целях. Примерами социального паразитизма являются участие в противоправных деяниях, таких как коррупция, мошенничество, воровство, грабеж и пр.

С одной стороны, социальное иждивенчество и социальный паразитизм подрывают экономическую стабильность государства и на государственном уровне принимаются меры по искоренению негативных форм социально-экономической адаптации. Социальный паразитизм порождает одну из угроз государственной безопасности за счет осуществления возможных преступных посягательств[5]¹. Социальное иждивенчество, в свою очередь, не способствует развитию человеческого потенциала, которое является стратегической целью обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан согласно Стратегии национальной безопасности [5].

С другой стороны, государство создает такую среду, которая способствует проявлению подобных явлений в современной России. Об этом свидетельствует следующие факты. В соответствии с опросом, проведенным Карпиковой И.С., Нефедьевой Е.И., Седых О.Г. [9] среди специалистов в области социальной работы, были выявлены категории населения, которые с наибольшей вероятностью подвержены социальному иждивенчеству. К наиболее популярным категориям были отнесены: дети, оставшиеся без попечения родителей (23,8%), инвалиды (22,1%), безработные (15,6%), пожилые и престарелые люди (13,9%). В связи с тем, что в России отсутствуют четко регламентированные механизмы контроля над исполнением законодательства в области социальной политики, среди указанных групп населения формируется

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212

мотивация на дальнейшее получение государственных мер поддержки, а также материальных благ от организаций, иных лиц. При отсутствии должного контроля, это может привести к социальному паразитизму, когда субъектом совершаются мошеннические действия для сохранения или незаконного получения социальных гарантий. Опрос [9, с. 170]², также выявил, что опека и попечительство над детьми позволяет порой приемным родителям не работать, а жить за счет социальных выплат и пособий. Анализ подобных семей с родителями трудоспособного возраста показал, что в каждой третьей такой семье получатель выплат не имеет иного источника дохода. То же самое можно сказать насчет статуса матери-одиночки, когда ребенок формально растет в неполной семье, что позволяет получать социальную поддержку. При этом супруги фактически продолжают проживать вместе без оформления брака. Злоупотребление социальными гарантиями может развиваться и при назначении мер социальной поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. В соответствии со Ст. 34.1 Закона «О занятости населения в Российской Федерации» [4] таким лицам при поиске работы впервые, и впервые признанными безработными выплачивается пособие по безработице в размере среднемесячной заработной платы по региону в течение шести месяцев со дня признания безработным. В соответствии с информацией, опубликованной на сайте Росстата средняя среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации в 2019 г. (за период с январь по август) составила 46053 руб. Способствует ли данная мера тому, чтобы дети-сироты или дети, оставшиеся без попечения родителей, более охотно искали работу в первые месяцы выплаты такого пособия. В случае если лицо устраивается на работу впервые, рынок труда не будет готов предложить ему равноценную пособию заработную

² См. там же. С. 170.

плату, в связи с чем возникает умышленная краткосрочная (пособие не может предоставляться на срок более 6 месяцев), но социально-экономическая зависимость от государства. Данный пример не является причиной того, что подобные льготы необходимо отменять. Это доказывает тот факт, что государству необходимо осуществлять более тщательный контроль над исполнительской дисциплиной и наличием злоупотреблений в социальной сфере.

В некоторых случаях стремление обогатиться за счет других может перерасти в социальный паразитизм. Продолжая рассматривать социальное обеспечение, присвоение материальных благ, используя незаконные схемы, например, противоправное использование средств материнского капитала на цели, не определенные Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [3], и есть проявление социального паразитизма. Рассматривая вопрос более глубоко, мы придем к понятию «теневая экономика». Социальный паразитизм в предпринимательстве приводит к тому, что пока одни предприниматели ищут возможность найти выгодные для себя условия на рынке, используя законные механизмы, другие используют любые противоправные методы и средства, чтобы получить как можно больше прибыли. Паразитизм распространяется и на взаимодействие государственного и частного секторов, порождающее коррупцию и вымогательство. Такое явление позволяет жить за чужой счет взамен на безопасность, гарантируемую экономическому субъекту в определенной сфере. При этом такая гарантия является мнимой, позволяя, однако на постоянной основе получать незаконный доход от деятельности других.

Возвращаясь к социальным гарантиям, приведем пример социального паразитизма на основании анализа уголовно-правовой нормы, содержащейся в Ст. 159.2 УК РФ [2] – мошенничество при получении выплат. Согласно диспозиции нормы лицо совершает

хищение при получении социальных льгот путем определенных действий: предоставления заведомо ложных и/или недостоверных сведений, а также путем бездействия: умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат. Таким образом, лицо имеет цель получить собственную выгоду за счет государства при отсутствии достаточных оснований для законного получения соответствующих преференций. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда к социальным выплатам относятся: «пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т.п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания» [6]. Также отмечено, что субъектом преступления, может быть лицо, как обладающее правом на социальные выплаты, так и не имеющее соответствующего права. Таким образом, социальный паразитизм – это не только порождение социального иждивенчества, но и умышленное желание человека обогатиться за чужой счет. Наличие указанной нормы в Уголовном Кодексе еще раз подтверждает, что, несмотря на наличие закрепленных в законодательстве мер ответственности, социальное иждивенчество перерастает в паразитизм и представляет собой общественную и государственную угрозу.

Социально-экономическая зависимость (иждивенчество) и социальный паразитизм являются одними из негативных последствий реализации социальной политики государства, а также результатом отсутствия серьезного контроля над злоупотреблениями в данной сфере. Если оказание гражданам социальной поддержки приводит к становлению пассивного и зависимого общества, то отсутствие контроля рождает чувство безнаказанности и желание

обогатиться за чужой счет. В одном из исследований иностранных политологов конца XX века было отмечено, что излишняя социальная поддержка граждан формирует зависимость от государства, подрывает мотивацию обеспечивать себя и свою семью самостоятельно. Она изолирует получателей социальных льгот, акцентируя внимание на их положении как низшего класса «как по мировоззрению, так и по условиям жизни» [11].

Таким образом, такие формы социально-экономической адаптации как иждивенчество и паразитизм имеют прямую связь с реализацией государством соответствующей политики. Не всегда получение льгот формирует зависимость быть реципиентом у государства, общества, другого гражданина, но вероятность переложить ответственность на других возрастает по мере того, как получатель льгот привыкает к отношению созависимости.

Несмотря на принимаемые государством меры, чтобы избежать подобной ситуации, отсутствие должного контроля, определенные пробелы в российском законодательстве позволяют появляться новым социальным иждивенцам и социальным паразитам. Для того чтобы этого не произошло, необходимо вести системную работу на государственном и общественном уровне, подразумевающую государственный и общественный контроль, индивидуальный подход к каждому получателю услуг, прозрачность в распределении средств, искоренение коррупции и преступности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ

- (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Российская газета, № 297, 31.12.2006.
  4. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032–1 (ред. от 11.12.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ, № 17, 22.04.1996, ст. 1915
  5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.
  6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2018, С. 7–13
  7. Балабанова К.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как формы адаптации к социально-экономическим условиям [Электронный ресурс //URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/690/692/1219/001.BALABANOVA.pdf> (дата обращения: 13.11.2019).
  8. Карпикова И.С., Зимица Е.В., Соломеин А.А. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования // Известия БГУ. 2018. № 1. С. 124 (с. 123–130)
  9. Карпикова И.С., Нефедьева Е.И., Седых О.Г. Социальное иждивенчество и паразитизм в производстве противоправного поведения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 165–177.
  10. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. С. 232.
  11. Fraser N., Gordon L. A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // Signs. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 309–336
  12. Retirement Income of the Aging, Hearings, Eighty-seventh Congress, First Session (United States. Congress. Senate. Special Committee on Aging. Subcommittee on Retirement Income) // U.S. Government Printing Office, 1961, p.485.

SOCIAL DEPENDENCY AND SOCIAL PARASITISM IN MODERN RUSSIA: CAUSES AND FACTORS INFLUENCING THEIR APPEARANCE

Medikov E.V., Demidova T.E.
Russian State Social University

The purpose of the article is to identify the relationship between the measures taken by the state to provide citizens with social guarantees and the appearance of social dependents and “parasites” in society. The authors conclude that dependency and social parasitism are one of the negative consequences of the implementation of the state’s social policy, as well as the result of the lack of serious control over abuse in this area. If the provision of social support to citizens leads to the formation of a passive and dependent society, the lack of control creates a sense of impunity and a desire to get rich at someone else’s expense.

Due to the fact that in Russia there are no clearly regulated mechanisms for monitoring the implementation of legislation in the field of social policy, certain groups of the population are motivated to constantly receive state support measures, as well as material benefits from organizations and other persons. In the absence of proper control, this can lead to social parasitism, when the subject commits fraudulent actions to preserve or illegally obtain social guarantees. To prevent this it is necessary to conduct systematic work at the state and public level, which implies state and public control, an individual approach to each recipient of services, transparency in the distribution of funds, and the elimination of corruption and crime.

Keywords: social policy, social state, social dependency, socio-economic adaptation, social parasitism.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 N6-FKZ, of 30.12.2008 N7-FKZ, of 05.02.2014 N2-FKZ, dated 21.07.2014 N11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 04.08.2014, No. 31, art. 4398.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 04.11.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954
3. Federal Law of December 29, 2006 No. 256-FZ (as amended on August 2, 2019) "On additional measures of state support for families with children" // Rossiyskaya Gazeta, No. 297, December 31, 2006.
4. Law of the Russian Federation of 19.04.1991 No. 1032-1 (as amended on 11.12.2018) "On employment of the population in the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2019) // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 17, 22.04.1996, Art. 1915
5. Decree of the President of the Russian Federation of 31.12.2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 04.01.2016, No. 1 (Part II), Art. 212.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2018, pp. 7–13
7. Balabanova K.S. Socio-economic dependence and social parasitism as forms of adaptation to socio-economic conditions [Electronic resource // URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/690/692/1219/001.BALABANOVA.pdf> (date accessed: 13.11.2019).
8. Karpikova I.S., Zimina E.V., Solomein A.A. Social dependency and social parasitism in modern Russia: an expert assessment of the causes and factors of existence // Izvestia BSU. 2018. No. 1. P. 124 (p.123–130)
9. Karpikova I.S., Nefedieva E.I., Sedykh O.G. Social dependency and parasitism in the production of illegal behavior // All-Russian criminological journal. 2018. Vol. 12, No. 2. P. 165–177.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Az, 1995. S. 232.
11. Fraser N., Gordon L. A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // Signs. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 309–336
12. Retirement Income of the Aging, Hearings, Eighty-seventh Congress, First Session (United States. Congress. Senate. Special Committee on Aging. Subcommittee on Retirement Income) // U.S. Government Printing Office, 1961, p. 485.

Институциональные формы пенсионного инвестирования в оценках россиян

Власова Ольга Ивановна,

кандидат социологических наук, кафедра социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: vlasovaolga@list.ru

Чебыкина Ирина Витальевна,

кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: irinach@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна,

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедра социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: Tz1708@yandex.ru

Ничипуренко Анастасия Витальевна,

студент, кафедра социологии и социальной работы, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
E-mail: nnichipurenko98@mail.ru

Статья посвящена проблемам формирования социальных институтов пенсионного обеспечения. Авторы, опираясь на основы институциональной теории, обозначают необходимые социальные условия формирования институтов пенсионного инвестирования в качестве ключевой проблемы. На основе всероссийского эмпирического исследования (N=1050) выявлена потребность населения на институциональные формы пенсионных накоплений, выявлены ключевые цели формирования пенсионных накоплений. Результаты исследования проиллюстрировали достаточно высокий уровень социального запроса на повышение пенсионной инвестиционной компетентности населения. Начался процесс формирования социально-демографических групп, ориентированных на развитие институциональных форм пенсионного инвестирования в будущем.

Ключевые слова: пенсионное инвестирование, пенсионный капитал, социальные институты, каналы пенсионного инвестирования, пенсионные планы.

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-011-00874А «Пенсионное инвестирование и формирование пенсионного капитала россиян: детерминанты институционализации».

Вопросы, связанные с пенсионным обеспечением старшего поколения, являются актуальными для любого цивилизованного общества. Современная российская пенсионная система обладает рядом особенностей. Во-первых, отечественное устройство системы пенсионного обеспечения относительно молодо, основанное на составных частях уравнительной советской традиции. Во-вторых, в отличие от накопительных пенсионных систем западных стран, отечественная модель не имеет традиций и преемственности. В-третьих, «пенсионный вопрос» россиян находится в стадии постоянного реформирования и трансформации. Подобное состояние социальной действительности, с социологического ракурса изучения, находит отражение в рассмотрении проблематики формирования будущей пенсии в фокусе институциональной теории.

Стоит констатировать, что в настоящее время вопрос о наличии социальных институтов инвестирования в будущую пенсию имеет дискуссионный характер. Анализ институциональных и неинституциональных теорий показывает, что основными условиями для формирования социального института пенсионного инвестирования являются следующие: постепенный характер становления института, исторический характер формирования, наличие действующих субъектов, несущих закрепленные социальные практики. Остановимся на некоторых аспектах функционирования институтов социальной сферы более подробно.

С.Г. Кирдина, в русле теории институциональных матриц делает акцент на необходимости пристального рассмотрения базовых социальных институтов, под которыми понимаются институты, складывающиеся исторически [3, с. 58–29]. Таким образом, с одной стороны, опора процесса пенсионно-

го обеспечение старших социальных групп, пока не является сформированной, в виду отсутствия исторической подоплеки; с другой – пока не состоялось формирование базовых институтов, связанных с пенсионным инвестированием.

В.А. Ядов, опираясь на идеи неинституционалистов, придерживающихся мнения, что центральным звеном институтов являются действия субъектов, указывает на необходимость переноса внимания с института как структур на процесс их формирования [5, с. 7]. Идеи институциональной теории Э. Гидденса указывают на то, что существенные изменения институциональной основы не находят быстрого отражения в ценностно-смысловых структурах групп, соответственно, перманентное реформирование сферы не может привести к позитивным изменениям [1]. Отсюда реформирование «пенсионного вопроса» должно иметь крайне продуманный, поступательный, размеренный характер. В российской действительности, в связи с постоянными попытками изменить действующий порядок, возникает важная проблема отклонения от ожидаемых моделей реформ и деформация ожидаемых социальных эффектов [2] и нарушение устойчивости институциональных практик в контексте их постоянного изменения [4]. Устойчивые социальные практики пенсионного инвестирования не успевают закрепиться, когда уже вновь, происходит их нивелирование.

Проведенное социологическое исследование показало, каким образом россияне относятся к различным формам пенсионного инвестирования, как способам вложения финансового и социального капитала в будущую пенсию. Исследовательский коллектив в 2020 году провел прикладное, всероссийское социологическое исследование методом стандартизированного опроса. В исследовании использован квотный отбор (N-1050), в качестве квотных признаков выступили пол и возраст, объект социологического опроса – трудоспособное население.

Анализ результатов исследования показывает, что почти каждый третий россиянин положительно относится к идее собственного пенсионного капитала путем пенсионного инвестирования (38% от числа опрошенных), однако, не имеющих сформированного мнения по данному вопросу тоже оказалось достаточно много – 40%. Почти половина неопределившихся сконцентрирована в средней возрастной группе 26–45 лет. Формирование пенсионного капитала коррелирует с возрастом респондентов, чем он моложе, тем идея накоплений представляется более привлекательной. Одновременно, именно люди в возрасте от 46 лет и старше, опасаются за свои вложенные в пенсионные инвестиции средства (таких 70%), что объясняется наличием у данной возрастной группы как больших социальных и финансовых опасений и наличием негативного опыта инвестирования.

По критерию конкретных способов инвестирования в пенсионный капитал мы сформировали три группы респондентов. Первая, самая многочисленная группа (каждый четвертый россиянин) – это группа «корпоративных инвесторов», это население, которое формирует «индивидуальные пенсионные накопления» посредством корпоративных программ, работе на условиях «белой зарплаты» или в социально выгодных сферах (государственная служба, военная служба и пр). Вторая группа – это «самостоятельные инвесторы» (каждый шестой россиянин), вкладывающие средства индивидуально в негосударственные пенсионные фонды, имеющие банковские вклады и прочие инвестиционные пакеты. Третья группа – «неопределившиеся» инвесторы (каждый третий опрошенный), пока не инвестирующие средства ни в какие ресурсы. Показательно, что формы пенсионного инвестирования, несомненно, понимаются исключительно как финансовые механизмы. Такие формы инвестирования, как развитие себя как профессионала, вложения в собственные компетенции, повышение уровня обра-

зования – не рассматриваются как ресурсы, которые помогут в будущем заниматься пенсионными накоплениями.

Самыми популярными способами вложения пенсионных средств среди россиян в будущем выступают: сберегательный счет, пополняемый самостоятельно (33% опрошенных), формирование корпоративной пенсии (25%), официальная занятость (25%). Обращает на себя внимание факт, что самостоятельной формой инвестирования, иницируемой самим субъектом является только первая форма – сберегательный счет, а две последние – это обязанности (обязательные отчисления) и социальная ответственность работодателя. Подобное понимание будущего инвестирования представляется в несколько размытом ключе, стоит констатировать, что среди трудоспособного населения России не пользуются популярностью институциональные, широко применяемые на западе, формы пенсионных накоплений: негосударственные пенсионные фонды, паевые инвестиционные фонды, приобретение ценных бумаг и пр. Отсутствие популярности в инвестировании по модели «активных», самостоятельных пенсионных вложений объясняется нераспространенностью инвестиционных механизмов среди широких социальных групп и отсутствием доверия к незастрахованным государством любым финансовым вложениям.

Респондентам, которые формируют пенсионный капитал или планируют его в будущем, мы задали вопрос о целях его формирования. На первом месте оказались цели, связанные с возможностью гедонистического проведения времени на пенсии (ни в чем себе не отзывать, путешествовать, интересно проводить время), такой установки придерживается 32% опрошенных. Вторая, по популярности группа целей – это возможность комфортного продолжения жизни на пенсии «как до пенсии» (оплачивать коммунальные услуги, помогать близким, покупать медикаменты и пр), подобные цели ставит перед собой половина опрошенных. Стоит отметить,

что среди ориентированных инвесторов формулирование цели инвестирования не вызвало у опрошенных затруднений.

Понимая важность развития в современном обществе институциональных основ пенсионного инвестирования, мы поинтересовались в опрошенных, каких институциональных образований в настоящий момент особенно не хватает (см. табл. 1). Полученные данные показывают, что в большей степени россиянам не хватает институтов, связанных с осуществлением контроля за функционированием и сохранением инвестиционного капитала. Подобный запрос, с одной стороны, обусловлен низким уровнем доверия финансовым государственным и негосударственным институтам (Пенсионному фонду России, негосударственным пенсионным фондам), с другой – потребностью в контроле, прозрачности и гласности инвестиционных механизмов. Весьма позитивно, что россияне демонстрируют и высокий запрос на институциональную образовательную деятельность, ориентацию на получение специальных компетенций в области пенсионной грамотности. К сожалению, активное формирование образовательных структур пока не имеет развития, однако, подобный запрос можно рассматривать, как некий социальный посыл на формирование подобных институтов.

Таблица 1. Мнение россиян о дефицитных институтах пенсионного инвестирования (в % от числа опрошенных)

Институты	% от
Контролирующей организации, проверяющей правильность деятельности пенсионного фонда России	47,5
Юридических компании, помогающих восстановить справедливость в случае пропавшей или низкой эффективности пенсионных вкладов	37,9
Образовательных организаций, обучающих людей создавать пенсионные накопления	33,0
Института государственной экспертизы деятельности организаций по пенсионным накоплениям	29,1

Окончание

Институты	% от
Самоорганизованных сообществ людей, заинтересованных в объединении и совместном отстаивании интересов тех, кто заинтересован в создании пенсионного капитала (группы в социальных сетях, общественные организации, советы и т.д.)	19,8
Институтов/организаций, необходимых россиянам для осуществления пенсионных накоплений, достаточно	17,2
Итого:	184,5

* Здесь и далее количество процентов превышает 100%, так как респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов.

Организованные каналы помощи в обучении, консультировании в части формирования пенсионного капитала необходимы каждому второму опрошенному. Каков социальный портрет респондентов, ориентированных на каналы институциональной поддержки? В большей степени в подобной информации нуждаются женщины старше 46 лет с образованием не ниже среднего профессионального. Формирование особого институционального запроса со стороны подобной группы россиян обуславливается следующими причинами: женщины более старшего возраста, в отличие от молодых, ответственно относятся к формированию семейного бюджета; возможно, имеют опыт неудачных вложений 90-х годов; активнее задумываются о своем пенсионном будущем и будущем супругов. Данную группу можно рассматривать как некий ресурс активного включения в институциональные формы инвестирования. Одновременно, негативным моментом можно считать отсутствие подобного запроса со стороны молодежных групп, которые в настоящее время, с точки зрения включения в институциональные практики, рассматриваются как самый перспективный ресурс.

Среди видов институциональной помощи россиян интересует юридическое разъяснение действующего пенсионного законодательства, сопровождение инвестиционных рисков, защита прав инвесторов.

Можно констатировать, что в настоящее время в российском обществе начинается активное формирование институционального запроса на некоторые формы пенсионного инвестирования. При этом определенные возможности инвестирования, по своей сущности, являются внешними, индивидуально неформируемыми механизмами (обязательные отчисления в пенсионный фонд). Наиболее популярными инвестиционными практиками представляются россиянам формы банковского пенсионного инвестирования, соответственно, финансовые институты должны предоставить более широкую палитру подобных возможностей. Позитивно, что имеет место институциональная потребность на организованные способы формирования образовательных компетенций в области пенсионного инвестирования. Подобный запрос должен быть удовлетворен созданием соответствующих образовательных курсов, коммуникативных и экспертных площадок.

Главным барьером на пути формирования базовых институтов пенсионного обеспечения выступает неустойчивость пенсионной системы, отсутствие сформированных пенсионных практик, отсутствие интереса к пенсионному инвестированию со стороны широких социальных групп.

Литература

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
2. Данилова Е.Н. Институциональные нововведения в социальной сфере: поход к изучению // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 18–28.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
4. Козырева О.В. Феномен социального института и его теоретическое определение // Экономические и социальные перемены: факты,

тенденции, прогноз. 2015. № 6(42). С. 214–223.

5. Ядов В.А. Социальные институты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 4–13.

INSTITUTIONAL FORMS OF PENSION INVESTMENT IN THE ESTIMATES OF RUSSIANS

Vlasova O.I., Chebykina I.V., Zaglodina T.A.,
Nichipurenko A.V.

Russian state vocational pedagogical university

The article is devoted to the problems of formation of social institutions of pension provision. The authors, based on the fundamentals of institutional theory, outline the necessary social conditions for the formation of pension investment institutions as a key problem. Based on an all-Russian empirical study (N=1050), the needs of the population for institutional forms of pension savings were identified and the key objectives of the formation of pension savings were identified. The results of the study illustrated a fairly high level of social demand for improving the pension investment competence of the population. The process of forming socio-demographic groups focused on the development of institutional forms of pension investment in the future

has begun. Among the barriers to the formation of basic institutions of pension provision, the authors single out the instability of the pension system, the lack of formed pension practices, and the low interest of broad social groups in pension investment.

Keywords: pension investment, pension capital, social institutions, pension investment channels, pension plans.

References

1. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Moscow: Academic project, 2005.
2. Danilova E. Institutional innovations in the social sphere: methodological assumptions for studies // Sociological research. 2019. № 11. P. 18–28.
3. Kirdina S.G. Institutional matrices and development in russia: an introduction to X&Y theory. Saint Petersburg: Nestor historia, 2014.
4. Kozyreva O.V. The phenomenon of social institution and its theoretical definition // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2015. № 6. P. 214–223.
5. Yadov V.A. Social institutions // Human. Community. Management. 2006. № 1. P. 4–13.

Институты социальной поддержки населения в современной Анголе

Сантос Адилсон Андре Дос,

аспирант, Северо-Западный институт управления (СЗИУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)
E-mail: otdeiproekt@outlook.com

Козырева Лариса Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления (СЗИУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)
E-mail: ldkozyreva@gmail.com

В статье анализируется современное состояние системы социальной поддержки населения в Республике Ангола. Показаны факторы, обусловившие ее кризисное состояние: продолжительные войны, разруха, затяжной экономический кризис, коррупция во всех властных эшелонах и т.д. Отмечается, что на современном этапе государство как основной институт социальной поддержки не способно полностью решить сложнейшие проблемы бедности, высокой смертности, заболеваемости и оказать социальную помощь населению в условиях экономического кризиса. В сложившихся условиях возрастает роль негосударственных институтов социальной поддержки (церковь, благотворительные и общественные организации). Показано, какие функции выполняют эти институты, защищая социальные права ангольцев. Подчеркнута необходимость формирования *системы* социальной поддержки населения, разработки стратегии ее развития.

Ключевые слова: государство, экономический кризис, социальная поддержка, институты социальной поддержки, система социальной поддержки, стратегия социальной поддержки.

Республика Ангола – государство, находящееся на юго-западе африканского континента и являющееся одной из беднейших стран мира. Ангола занимает 149 место по рейтингу развития человеческого потенциала. Продолжительность жизни 60,8 лет, продолжительность здоровой жизни – 57,7 лет [1]. Нищета, малограмотность и высокая смертность населения – делают проблему социальной поддержки весьма актуальной социальной и политико-экономической проблемой.

Под социальной поддержкой мы понимаем деятельность социальных субъектов (институтов) и систему различного рода ресурсов, направленных на формирование благоприятной среды существования индивида (социальных групп) и его благополучие [2, с. 46]. Теоретический анализ данной проблемы и разработка стратегии социальной поддержки является важнейшей задачей социальной науки. Ее значимость возрастает, когда мы говорим о проблеме выстраивания *системы* социальной поддержки, предполагающей координацию деятельности всех ее институтов. Немаловажной проблемой является разработка стратегии социальной поддержки, ключевой целью которой является благополучие человека.

В системе социальной поддержки ключевую роль играет государство. Но сегодня приходится признать, что сегодня этот институт не справляется с выполнением данной функции. Дело в том, что в последние десятилетия в стране велись постоянные войны и борьба за власть. Положение несколько изменилось в 2017 г., когда Президентом Анголы стал Жоау Мануэл Гонсалвеш Лоуренсу (Ангола – Президентская республика).

Но социально-экономическое положение Анголы по-прежнему остается очень сложным. Около 60% населения живет в условиях крайней нищеты. Во многом это объясняется тем, что главная статья доходов в госбюджет – нефть (более 90% поступлений в национальный бюджет) – сокращается ввиду уменьшения добычи углеводородов в 2019 г. на 10%. На 11% уменьшилась добыча алмазов – второго по значению источника поступлений в госбюджет. В 2019 г. наблюдался отрицательный рост ВВП (–1,1%), госдолг (внутренний и внешний) составил 111% ВВП. Инфляция по итогам 2019 г. – 17,7%. [3].

Следует отметить, что экономическое положение страны в значительной степени зависит от цен на нефть на мировых рынках. В последнее десятилетие этот фактор, а также недостаточный уровень модернизации нефтяной инфраструктуры, в некоторых случаях – разрушающейся, привели к существенным проблемам в развитии нефтедобывающей и перерабатывающей отрасли. Сельское хозяйство находится в весьма плачевном состоянии из-за войн, разрухи и эпидемий. Ситуация характеризуется тем, что аграрная страна не может обеспечить себя продовольствием. Поэтому голод – нередкое явление в жизни простых ангольцев. Положение усложняется еще и тем, что в стране довольно много беженцев, точное число которых трудно определить. Для этой группы населения социальная помощь – вопрос их выживания.

В стране постепенно растет социальная напряженность. К примеру, в октябре 2020 г. протесты затронули столицу страны. Демонстранты требовали назначения даты выборов в местные органы власти, которые должны были состояться в этом году, но были отложены из-за пандемии коронавируса, а также требовали предоставления рабочих мест и улучшения условий жизни [4].

Государственные органы социальной поддержки тоже были ослаблены. К примеру, затяжной вооруженный кон-

фликт, в результате которого была разрушена большая часть базовой инфраструктуры системы здравоохранения, самым негативным образом сказался на состоянии системы социальной поддержки населения. Возникли серьезные проблемы в плане доступа к медицинским услугам, и этот факт заставил правительство инвестировать средства в сектор здравоохранения, притом, что 95% финансовых средств в основном поступали из Китая и Европы, с тем, чтобы возродить и восстановить мощности во всех сферах.

В статье пойдет речь о таком виде социальной поддержки, которую К. Данст и К. Триветт назвали «формальной», идущей от государственных и социальных организаций [5]. В первую очередь нас интересует формальная поддержка со стороны церкви (религиозной общины) и негосударственных (неправительственных) организаций [6].

Во всех странах мира церковь является одним из ведущих институтов социальной поддержки. Причем, поддержка оказывается во всех ее видах: материальная, духовная, эмоциональная, а некоторых случаях – и медицинская.

Католическая церковь Анголы также принимает активное участие в социальной поддержке населения Анголы, организовав федерацию благотворительных и общественных организаций, которая называется Каритас де Ангола. Этот орган был организован Епископальной конференцией Анголы и Сан-Томе и Принсипи (CEAST).

Организация является благотворительной и своей целью ставит работу по поддержке и социальному продвижению групп и сообществ в ситуациях нестабильности или социальной изоляции, стремясь к их физическому, материальному и духовному благополучию, помогая им строить свою собственную историю и собственное развитие. Следует отметить, что Каритас де Ангола выполняет свою работу, предоставляя свои услуги всем, кто в них нуждается, без какой-либо дискриминации по национальности, расе, цвету кожи, полу,

религиозным или политическим убеждениям.

Помимо оказания экстренной помощи Каритас де Ангола в настоящее время осуществляет поддержку по нескольким направлениям, а именно в сельском хозяйстве и развитии сельских районов, грамотности, образовании и профессиональном обучении, здравоохранении и социальной защите.

Социальная поддержка сельского населения имеет особо важное значение для развития страны. Дело в том, что уровень бедности в сельской местности в три раза выше, чем в городской. Каритас разработала программу, направленную на развитие сельских районов и устойчивого сельского хозяйства, которая внесла значительный вклад в улучшение условий жизни в сельских районах.

Социальную поддержку населению Анголы в различных видах оказывают частные благотворительные организации.

1. Организация ангольских женщин (ОМА, основана в 1999 г.), предлагает ангольским женщинам возможность реализовывать свои проекты и играть важную роль не только как матерям, но и как главным действующим лицам в прогрессе общества. Эта организация очень активна в кампаниях против насилия в отношении женщин, а также во всех мероприятиях, связанных с информированием населения и сельских служб о правах женщин.

2. Hands Free – неправительственная организация, занимающаяся защитой прав человека. Она расположена в восьми различных регионах страны и насчитывает около 80 сотрудников.

3. Ассоциация демократии справедливости и мира (AJPD). Очень активная организация по защите прав человека. Она играет важную роль в распространении информации о правах человека и способствует повышению правовой культуры в Анголе.

4. SOS-Habitat – местная организация по защите права на жилище, основанная в 2003 г.. Эта организация работает в основном в столице страны

Луанде, защищает гражданские права жертв, которые были принудительно выселены.

5. Национальный союз фермерских ассоциаций (UNAC), организация основана в 1990 г. и реформирована в 1992 г. Эта организация действует почти во всех регионах страны и предлагает фермерам возможность стать членом кооператива, при этом расходы распределяются между членами в виде регистрационной карты, что позволяет легкий доступ к сельскохозяйственным рынкам для продажи продуктов и микрокредитного финансирования. Женщины и мужчины имеют равный доступ к кооперативам без каких-либо различий. Однако стоимость регистрации, часто дискриминируют женщин в разных деревнях, представляя собой ограничения для получения действительно равноправного участия.

6. Комитет поддержки сельских женщин (CAMUR), основанный в 1992 г. после Женевской декларации об экономическом прогрессе крестьянских женщин. Комитет разрабатывает проекты по обеспечению продовольственной безопасности, программ микрокредитования, здравоохранения, грамотности и профессионального обучения.

7. Действия по развитию сельских районов и окружающей среде (ADRA), организация основана в 1990 г. Ее основная деятельность направлена на обеспечение устойчивого развития общества и окружающей среды. ADRA также активно занимается подготовкой реестра информации по тематическим исследованиям гендерных проблем и землепользованию. Цель этого проекта – создать обновленный веб-сайт, посвященный всем проблемам страны, связанным с вопросами землевладения и равного доступа к земле.

8. Lwini Fund – это благотворительная организация, которая мобилизует необходимые средства для лечения мужчин и женщин, пострадавших от мин, и женщин-инвалидов в сельской местности.

Сеть благотворительных организаций, оказывающих социальную под-

держку населению Анголы по различным направлениям и в различных видах, постоянно развивается, появляются новые организации, трансформируются ранее существующие.

Преобразования в политической, экономической и социальной областях, осуществляемые в Республике Ангола, предусматривают проведение активной социальной политики, которая должна основываться на правильно выстроенной системе приоритетов, поэтапном решении круга социальных проблем, выработке механизмов эффективного использования ресурсов, выделяемых на социальные цели, согласования обязательств государства и реальных возможностей для их финансирования. Важнейшим направлением государственной социальной политики является социальная поддержка населения. В современных условиях принят ряд законов, декларирующих предоставление равных с другими гражданами прав и свобод, предусмотренных Конституцией Республики Ангола. Однако, из-за тяжелого экономического положения страны их реализация часто ограничена.

Литература

1. Республика Ангола / Гуманитарная энциклопедия: Государства [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020. URL: <https://gtmarket.ru/countries/angola>
2. Козырева Л.Д. Социальные связи в системе социальной поддержки // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 1(13). С. 45–49.
3. Консульский информационный портал https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B0.aspx
4. В столице Анголы арестовали более 100 протестующих <https://regnum.ru/news/3099783>
5. Dunst C., Trivette C. (1990). Assessment of social support in early

intervention programs. In: S. Meisels e J. Shonkoff (Edts.) Handbook of early childhood intervention. (pp. 326–349). New York: Cambridge University Press

6. Cramer D., Henderson S., & Scott R. (1997). Mental health and desired social support: a four-wave panel study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 14 (6), 761–775

INSTITUTIONS OF SOCIAL SUPPORT FOR THE POPULATION IN MODERN ANGOLA

Santos Adilson Andre Dos, Kozyreva L.D.

North-West Institute of Management of RANEPА

The article analyzes the current state of the system of social support for the population in the Republic of Angola. The factors that caused its crisis state are shown: prolonged wars, devastation, protracted economic crisis, corruption in all power echelons, etc. It is noted that at the present stage, the state, as the main institution of social support, is not able to completely solve the most complex problems of poverty, high mortality, morbidity and provide social assistance to the population in the context of the economic crisis. In the current conditions, the role of non-state institutions of social support (church, charitable and public organizations) is increasing. It is shown what functions these institutions perform in protecting the social rights of Angolans. The need to form a system of social support for the population, to develop a strategy for its development is emphasized.

Keywords: state, economic crisis, social support, social support institutions, social support system, social support strategy.

References

1. Republic of Angola / Humanitarian Encyclopedia: States [Electronic resource] // Center for Humanitarian Technologies, 2006–2020. URL: <https://gtmarket.ru/countries/angola>
2. Kozyreva L.D. Social ties in the system of social support // Scientific works of the North-West Institute of Management RANEPА. 2014. T.5. No. 1 (13). S.45–49.
3. Consular information portal https://www.kdmid.ru/docs.aspx?lst=country_wiki&it=/%D0%90%D0%BD%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%B0.aspx

4. More than 100 protesters were arrested in the capital of Angola <https://regnum.ru/news/3099783>
5. Dunst C., Trivette C. (1990). Assessment of social support in early intervention programs. In: S. Meisels, J. Shonkoff (Edts.) Handbook of early childhood intervention. New York: Cambridge University Press, pp. 326–349.
6. Cramer D., Henderson S. & Scott R. (1997). Mental health and desired social support: a four-wave panel study. *Journal of Social and Personal Relationships*, 14 (6), pp. 761–775.

Изменение уровня социальных стандартов для отражения требований профсоюзов в программе социально-экономического развития России, в планах Правительства и в Генеральном соглашении

Мальшев Максим Алексеевич,

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социологии управления, МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: Malishev@spa.msu.ru

В статье показывается, что количественная и качественная оценка социальных гарантий государства, а также их состав, должны были бы регулироваться федеральным законом о государственных социальных стандартах. Однако в настоящее время нормы социального характера рассредоточены во множестве законодательных актов, а их количественная оценка, как правило, отнесена к компетенции исполнительной власти. В процессе осуществленных административных реформ произошло перераспределение полномочий между уровнями государственной власти и органами местного самоуправления. Перераспределение полномочий должно было сопровождаться закреплением доходных источников, адекватных расходным полномочиям муниципалитетов. Однако этого не произошло. Бюджетный процесс для муниципальных образований носит формальный характер. При этом более двух третей субъектов Российской Федерации сами нуждаются в финансовой поддержке из федерального бюджета для исполнения возложенных на них функций и не имеют возможности оказать финансовую поддержку органам местного самоуправления. Пользуясь отсутствием в законодательстве четких формулировок социальных гарантий, а, иногда игнорируя их, исполнительная власть ставит свои обязательства в зависимость от состояния бюджетов.

Ключевые слова: государство, органы местного самоуправления, заработная плата, бюджетная сфера, социальные стандарты.

Низкая бюджетная обеспеченность большинства субъектов федерации [1] и абсолютного большинства муниципальных образований [2] не является следствием объективных причин. Финансовая недостаточность территорий сложилось в результате перераспределения доходной базы бюджетной системы в пользу федерального центра, а искусственно созданный бюджетный дефицит территорий выдвигается в качестве препятствия повышения зарплаты.

Все это требует концентрации усилий профсоюзов на противодействии попыткам исполнительной власти проводить реформы за счет снижения уровня жизни наемных работников и членов их семей. Для этого представляется необходимой разработка системы целевых ориентиров для общероссийских объединений профсоюзов, территориальных и отраслевых профсоюзных объединений в виде количественных значений основных социальных стандартов.

1. Стандарты в области оплаты труда

Если судить по макроэкономическим показателям, то последствия глубокого экономического кризиса не преодолены. За чертой бедности (к категории бедных относятся люди с доходом ниже прожиточного минимума) даже по официальным данным находится около 20 млн человек [3]. Более того, наличие постоянной работы не является гарантией преодоления бедности. Специальные исследования проблемы бедности показали, что значительную часть бедных

составляют работающие и члены их семей [4. С. 102].

Результаты выборочного обследования заработной платы на крупных и средних предприятиях за II квартал 2020 года, проведенного федеральной службой государственной статистики, позволяет проводить анализ величины заработной платы работников по категориям персонала, профессиональным группам, а также по социально-демографическим характеристикам работников (пол, возраст, образование, стаж работы). Однако по ним нельзя определить численность и удельный вес низкооплачиваемых. К тому же они не дают объективной оценки дифференциации заработной платы в зависимости от статуса работника. Чтобы не бросалась в глаза огромная (по российским меркам) зарплата руководителей высокого уровня (руководители организаций, структурных подразделений и их заместители), эта категория работников разбавлена заведующими столовыми, прачечными, камерами хранения и т.п.

В распределении доходов в целом и в дифференциации зарплаты в зависимости от статуса работника нарушен принцип справедливости распределения, представляющий для общества большую социальную угрозу.

В связи с этим стандарты в области оплаты труда должны оценивать ее, по крайней мере, по двум направлениям – уровню (применительно к сложившемуся в стране общему уровню доходов населения) и дифференциации в зависимости от социально-демографических характеристик, квалификации, напряженности и условий труда.

Традиционно уровень заработной платы оценивается отношением к прожиточному минимуму. В Трудовом кодексе прожиточный минимум применяется в качестве критерия минимального уровня заработной платы (МПОТ). Однако и в этом качестве применение его вряд ли можно считать оправданным из-за того, что нормы потребления товаров и услуг в потребительской

корзине для исчисления прожиточного минимума занижены. Доходы на уровне прожиточного минимума дают возможность «перебиться» какое-то время и то лишь при наличии сбережений и накопленного имущества. Для молодежи, вступающей в самостоятельную жизнь, МПОТ на уровне прожиточного минимума совершенно неприемлем. Прожиточный минимум в нынешнем виде может применяться лишь в качестве критерия нищеты.

Сложившаяся в стране ситуация создает благоприятные возможности для повышения заработной платы. В этой связи следует выделить три обстоятельства. Во-первых, начался процесс сокращения численности занятых в экономике из-за обвального спада рождаемости, начиная с 1991 г. Во-вторых, обостряется дефицит квалифицированных рабочих кадров. В-третьих, необходимо учитывать начало очередного большого избирательного цикла.

Эти возможности следует использовать с максимальным эффектом. Вопросы оплаты труда, участия работодателя в решении социальных проблем, составляют важнейшую часть периодически уточняемых генеральных соглашений и аналогичных документов, принимаемых на региональном и отраслевом уровне, а также на уровне каждого предприятия и организации. В основе требований профсоюзов проведение социально справедливой и экономически эффективной политики в области распределения доходов с учетом экономического развития страны на соответствующем отрезке времени и объективно оцениваемых возможностей удовлетворения этих требований государством и работодателями. В то же время необходимо учитывать долговременные тенденции и экономические условия воспроизводства рабочей силы. Нарушение этих условий в стартовый период реформ привело к резкому спаду рождаемости.

Общероссийским объединениям профсоюзов необходимо ужесточить позицию в вопросе о размерах повышения заработной платы в отраслях бюд-

жетной сферы в рамках работы Российской трехсторонней комиссии. Кроме того, представляется необходимым вопрос об уровне МРОТ решать отдельно для бюджетной сферы и рыночного сектора экономики. Размер прожиточного минимума (официального) и воспроизводственного минимума заработной платы существенно отличается по территории страны из-за значительной разницы в ценах на товары и услуги. В связи с этим рекомендуемые для переговорного процесса значения заработной платы необходимо корректировать пропорционально соотношению прожиточного минимума по стране в целом и в конкретном субъекте федерации.

В связи с тем, что потребительская корзина для расчета воспроизводственного минимума заработной платы по номенклатуре и товарной структуре имеет существенные отличия от используемой органами государственной статистики для расчета прожиточного минимума, назрел вопрос об организации сбора и обработки информации о ценах на товары и услуги силами профсоюзов. Необходимость организации такого наблюдения за стоимостью жизни обуславливается и тем, что в структуре расходов населения все больший удельный вес будут занимать «местные» налоги, к которым относятся налог на имущество физических лиц и налог на землю (6 соток в садовых кооперативах, и земля под жилыми домами и примыкающая к ним территория). Эти налоги, исчисляемые от «рыночной» стоимости приватизированного жилья и земли, по мнению Министерства финансов России должны решить проблемы бюджетов муниципалитетов. В официальную потребительскую корзину «местные» налоги не входят, а информация об их размерах не публикуется. Важное значение имеет то, что с появлением альтернативного показателя инфляции органы государственной статистики вынуждены будут повысить достоверность официальных показателей и критически отнестись к очевидным недостаткам официальной потре-

бительской корзины, а профсоюзные организации получают веские аргументы для обоснования своих требований в области заработной платы.

2. Задачи в области занятости

Безработица, как правило, рассматривается как неизбежный спутник рынка труда. С этим нельзя не согласиться, но и нельзя рассматривать общие масштабы безработицы в стране и ее высокий уровень в отдельных регионах, как нормальное явление [5]. Низкий уровень оплаты труда ограничивает платежеспособный спрос на товары и услуги, превращая проблему оплаты труда и низкую занятость в заколдованный круг. Предприятия сокращают производство из-за отсутствия спроса и выбрасывают на улицу часть рабочих. Из-за этого падает объем доходов населения, что приводит к новому снижению производства. Если вспомнить стартовый период реформ, то именно в такой последовательности произошел обвал производства, из которого многие регионы до сих пор не могут выбраться.

Высокий уровень безработицы отражает слабость, а вернее отсутствие, государственной политики в области рационального использования трудовых ресурсов. Российский бизнес не несет ответственность за сохранение рабочих мест, и не поощряется за создание эффективных рабочих мест, которые бы повышали конкурентоспособность производства и обеспечивали бы достойную жизнь наемным работникам и их семьям. В связи с этим необходимо предпринять активные усилия по восстановлению страхования от безработицы.

К недостаткам проводимой политики в области рационального использования трудовых ресурсов следует отнести также и то, что обостряющиеся демографические проблемы пытались решать за счет облегчения режима привлечения в страну мигрантов, тогда как никакие усилия не предпринимаются для использования 4,7 млн безработных российских граждан [6].

Низкий уровень заработной платы не позволяет наемному работнику ре-

шать проблему жилья там, где есть работа, и он оказывается привязан к месту постоянного проживания. Относительно мобильными являются только молодые люди, пока они не обременены семьей. Однако в дальнейшем «осесть» молодежь в месте найденной работы не может из-за непомерной при их доходах стоимости жилья. Пока предприниматели и государство совместными усилиями не смогут решить проблему жилья для этой категории рабочих значительные резервы рабочей силы окажутся «запертыми» в трудоизбыточных районах. К этому необходимо добавить, что «временные» рабочие, среди которых преобладает молодежь, зачастую резко осложняют криминальную обстановку, вынуждая государственные органы тратить значительные средства на укрепление правопорядка.

Необходимо добиться повышения ответственности работодателя за использование нелегальных рабочих и извлечения прибыли из ущемления их трудовых и социальных прав. В качестве одной из мер в этом направлении представляется целесообразным ограничить лимиты привлечения иностранных рабочих при наличии на данной территории зарегистрированных безработных.

3. Задачи в области социального страхования

Система социального страхования включает **пенсионное страхование, страхование временной нетрудоспособности по болезни и в связи с родами, страхование от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний, а также обязательное медицинское страхование.** Средства системы образуются за счет страховых взносов, являющихся неотъемлемой частью цены рабочей силы. Вопреки этому страховые взносы приобрели статус налога, а поскольку их размер определялся в процентах от заработной платы, то, естественно, работодатели стали рассматривать отчисления в систему социального страхования, как налог на зарплату.

Замена страховых взносов Единым социальным налогом (ЕЧН) с последу-

ющим превращением его в обычный налог (налог общего покрытия) привела к попытке использовать его для несвоей цели – выводу из тени скрываемой части заработной платы путем снижения его ставки. Естественно, что эта цель не была достигнута, но система социального страхования оказалась разрушенной. С 2017 года налоговая служба вновь контролирует страховые платежи, что означает фактический возврат ЕЧН [7]. В настоящее время специализированные «внебюджетные» фонды превратились в организации, занимающиеся обслуживанием определенных направлений бюджетного финансирования.

Анализ принятых решений и практики их реализации позволяет говорить о том, что цель начатой в 2019 году пенсионной реформы – повышение уровня пенсионного обеспечения граждан на основе обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы не может быть достигнута при существующих нормативах отчислений в Пенсионный фонд. Уровень замещения утраченного заработка при назначении пенсии по возрасту снизился. Образовался устойчивый дефицит бюджета Пенсионного фонда, который в настоящее время составляет примерно 209,2 млрд руб., а в среднесрочной перспективе превысит 295 млрд руб. [8].

Вместо того, чтобы отменить, очевидно, ошибочные решения по фактическому возвращению ЕЧН в 2017 году [7], экономические ведомства стремятся залатать прорехи увеличив пенсионный возраст, задерживая сроки и размеры индексации пенсий и страховых выплат. Подконтрольные им исследователи стремятся представить сложившуюся ситуацию, как следствие «старения» населения. Однако в их оценках много от лукавого.

Во-первых, процесс старения России если и грозит, то в отдаленной перспективе, так как пока средний возраст мужчин ниже пенсионного рубежа и не позволяет им дожить до пенсии.

Во-вторых, рост удельного веса пенсионеров в общей численности насе-

ления приводит к трудностям в обеспечении оборота пенсионных ресурсов, а не к их абсолютному дефициту.

Следует остановиться еще на одном принципиальном недостатке социального страхования как страховой системы. Ее бюджетно-распределительный характер проявляется в стремлении за счет уравниловки восполнить дефицит средств системы и максимально сократить число бедных среди пенсионеров. Из-за этого, чем выше размер получаемой заработной платы, тем ниже коэффициент замещения. Это в равной степени относится и к пенсиям и к страховым выплатам. Индексация пенсий производится путем повышения базовой части пенсии. Был короткий период, когда базовая пенсия даже превышала МРОТ. Увеличение доли базовой пенсии в общем объеме трудовой пенсии по старости происходит за счет перераспределения пенсионных ресурсов в ущерб условно-накопительной и накопительной частям, с 2014 года отчисления в накопительную часть пенсии направляются в страховую часть на выплаты пенсии, это правило действует до 2022 года [9]. Как следствие снижение коэффициента замещения и установление всем пенсионерам с полным трудовым стажем примерно одинакового размера пенсий, ориентированного на прожиточный минимум пенсионера.

Несмотря на сопротивление экономических ведомств, новой реформы социального страхования избежать не удастся. При этом профсоюзам необходимо добиваться достаточного пенсионного обеспечения и других страховых выплат путем установления гарантированного коэффициента замещения заработной платы на уровне не ниже, рекомендуемого МОТ, т.е. в размере 40 процентов. Однако из этого не следует, что уровень пенсий при этом позволит пенсионерам жить нормально. В связи с этим работа должна вестись одновременно по двум направлениям – существенному повышению заработной платы и по повышению коэффициента замещения.

Для понимания проблемы пенсий следует иметь в виду, что нормальный

уровень жизни пенсионера определяется накопленным за период работы имуществом и денежными сбережениями, а пенсия предназначена для покрытия текущих расходов человека. Накопить за трудовой период можно только при достойной оплате труда, которая не может ориентироваться на расходы для выживания. Если не отказаться от прожиточного минимума как критерия уровня заработной платы, то после бедности в период работы человека ждет полуголодное существование на пенсии, даже если коэффициент замещения заработной платы будет 40% или даже более.

4. Задачи в связи с реформированием отраслей жизнеобеспечения

Перевод отраслей жизнеобеспечения на условия рыночного хозяйства необходим, но он не может осуществляться формально. Если на рынке социальных услуг нет покупателя, а при нынешнем уровне доходов покупателями не может выступать более 80% населения страны, то ни к чему хорошему завершение рыночных преобразований ударными темпами не привело.

В наиболее радикальной форме переход к рынку осуществлялся **в области жилья и услуг коммунального хозяйства**. Нормы нового Жилищного кодекса (далее ЖК), скопированные из западного опыта, применяться не могли, а попытки их насильственной реализации резко обострили социальную обстановку. ЖК ликвидировал бесплатность предоставления жилья и предусматривает обеспечение услугами систем жизнеобеспечения на условиях самоокупаемости организаций, предоставляющих эти услуги.

Экономические и социальные последствия реформы в жилищной сфере не были просчитаны. При сопоставлении жизненного уровня населения до и после проведенных реформ критерием выступает уровень заработной платы, а точнее, ее покупательная способность в условиях планового хозяйства и в условиях рынка. Унаследованный от старой системы жилищный фонд

снижал остроту проблемы платности и бесплатности жилья. Однако ликвидация бесплатности происходило в условиях, когда жилищно-коммунальное хозяйство находилось в положении близком к критическому. ЖК возлагает заботу о замене аварийного и ветхого жилья на плечи населения. Организации ЖКХ имеют огромные убытки и долги при предельно высоком уровне износа инженерных коммуникаций. Все это неизбежно привело к многократному росту расходов населения, на что у населения просто не хватает денег.

Обоснованность роста расходов по многим направлениям вызывает сомнение. Возьмем капитальный ремонт домов. Потребность в таком ремонте очень высока, а условия его проведения сложны (как правило необходимо отселение из ремонтируемого дома и т.д.) Никто не считал можно ли осуществить (есть ли для этого материальные и людские ресурсы в необходимых объемах) капитальный ремонт в объемах затрат на капитальный ремонт, но его стоимость уже включается в стоимость услуг ЖКХ. Не решены вопросы централизации ремонтной составляющей платежей, хотя очевидно, что дзсы или управляющие компании не в состоянии осуществлять ремонт за счет собственных средств, а городское звено в системе управления ЖКХ ликвидируется.

Угрожающие последствия реформы ЖКХ для населения формируются по двум направлениям.

Во-первых, рост текущих расходов на оплату жилья и коммунальных услуг при ужесточении ответственности за долги по их оплате вплоть до выселения (переселения).

Во-вторых, оплата улучшения жилищных условий по ценам, несопоставимым с уровнем заработной платы даже специалистов в экспортных отраслях. На таких же условиях будет осуществляться замена приватизированного жилья в ветхих и аварийных домах.

Реализация государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммуналь-

ми услугами граждан Российской Федерации» на 2013–2020 годы [10] ничего не дала наемным работникам, так как ее основное направление – развитие ипотеки, недоступно даже для высокооплачиваемых работников. В этой части ситуация в обозримом будущем не изменится. В связи с этим необходимо добиваться, как минимум, восстановления программ ликвидации ветхого и аварийного жилья за счет бюджетных средств, то есть переселения жителей из такого жилья в новое бесплатно или за приемлемую плату.

В части текущей оплаты жилья и коммунальных услуг задача может быть сформулирована следующим образом. Ликвидация муниципальных организаций жилищно-коммунального хозяйства и замена их управляющими организациями, привела к тому, что внедрение посредника между жителями и коммунальными службами не может способствовать развитию конкуренции, поскольку системы водоснабжения, теплоснабжения и т.п. являются локальными монополиями, а конкуренция между самими управленцами не может удешевить коммунальные услуги. По этой же причине (монополизм поставщиков) должно сохраниться регулирование тарифов при жесточеснии контроля за уровнем затрат ЖКХ. Заслуживает внимания вопрос об установлении доплаты, не облагаемой подоходным налогом, в размере 100% оплаты услуг ЖКХ на данной территории из расчета социальной нормы на работника и на каждого его иждивенца, если заработная плата ниже прожиточного минимума. Поскольку самой массовой категорией таких работников являются «бюджетники», такая мера побудило правительство ускорить рост МРОТ относительно прожиточного минимума [11, 12].

Литература

1. «Нет иллюзий, что до конца года мы наверстаем упущенное». Первый замминистра финансов Леонид Горнин – о дефиците региональных бюджетов и ограни-

- чениях по госдолгу. URL: <https://iz.ru/1072721/dmitrii-grinkevich/net-illiuizii-cto-do-kontca-goda-my-naverstaem-upushchennoe> (дата обращения: 20.10.2020).
2. Томский сенатор Владимир Кравченко предложил увеличить финансирование сельских территорий. URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/62803-senator-vladimir-kravchenko-predlozhit-uvelichit-finansirovanie-selskih-territorij.html> (дата обращения: 20.10.2020).
  3. Росстат рассчитал численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, установленного приказом Минтруда России для II квартала 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/99486> (дата обращения: 30.10.2020).
  4. Беглова Е.И. Бедность в России: структура и формы проявления // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 98–111.
  5. Занятость и безработица в Российской Федерации в сентябре 2020 года (по итогам обследования рабочей силы). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/200.htm (дата обращения: 30.10.2020).
  6. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России – 2020 г. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm (дата обращения: 15.10.2020).
  7. Подписан закон, предусматривающий передачу ФНС России полномочий по администрированию страховых взносов. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/52339> (дата обращения: 29.10.2020).
  8. Аналитический отчет о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации за январь – декабрь 2019 года. URL: <https://ach.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html> (дата обращения: 29.10.2020).
  9. О внесении изменений в статью 33–3 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статью 6–1 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/802512-7> (дата обращения: 25.10.2020).
  10. Государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильём и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/870/events/> (дата обращения: 01.11.2020).
  11. Власти предлагают считать МРОТ и прожиточный минимум по-новому. Как именно? URL: <https://tass.ru/ekonomika/9604959> (дата обращения: 01.11.2020).
  12. МРОТ с 2021 года будет расти быстрее прожиточного минимума. URL: <https://rg.ru/2020/10/06/mrots-2021-goda-budet-rasti-bystree-prozhitchnogo-minimuma.html> (дата обращения: 01.11.2020).

CHANGING THE LEVEL OF SOCIAL STANDARDS TO REFLECT THE REQUIREMENTS OF TRADE UNIONS IN THE PROGRAM OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA, IN THE PLANS OF THE GOVERNMENT AND IN THE GENERAL AGREEMENT

Malyshev M.A.
Lomonosov Moscow State University

The article shows that the quantitative and qualitative assessment of the state social guarantees, as well as their composition, should have been regulated by the federal law on state social standards. However, at present, norms of a social nature are dispersed in many legislative acts, and their quantitative assessment, as a rule, is attributed to the competence of the executive branch.

In the process of the implemented administrative reforms, there was a redistribution of powers between the levels of state power and local self-government bodies. The redistribution of powers was to be accompanied by the consolidation of income sources, adequate to the expenditure powers of municipalities. However, this did not happen. The budgetary process for municipalities is formal. At the same time, more than two-thirds of the constituent entities of the Russian Federation themselves need financial support from the federal budget to fulfill the functions assigned to them and are unable to provide financial support to local governments.

The situation in this area is critical, since the majority of employees in the public sector are employed in municipal budgetary organizations. The article shows that the financial insufficiency of the territories causes: on the one hand, the limiting limitation of the level of salaries of public sector employees, the costs of which occupy a significant share in the volume of budgetary funding of schools, medical institutions, etc., on the other hand, to the establishment of the standards of provision population with free social services and to expand the range of services provided on a paid basis.

Taking advantage of the absence of clear formulations of social guarantees in legislation, and sometimes ignoring them, the executive branch makes its obligations dependent on the state of budgets.

Keywords: state, local governments, wages, budgetary sphere, social standards.

References

1. «There is no illusion that we will catch up by the end of the year». First Deputy Finance Minister Leonid Gornin – on the regional budget deficit and restrictions on the state debt. URL: <https://iz.ru/1072721/dmitrii-grinkevich/net-illuzii-chto-do-kontca-godamy-naverstaem-upushchennoe>
2. Tomsk Senator Vladimir Kravchenko proposed to increase funding for rural areas. URL: <https://www.tvtomsk.ru/news/62803-senator-vladimir-kravchenko-predlozhit-velichit-finansirovanie-selskih-territorij.html>
3. Rosstat calculated the population with incomes below the subsistence level established by order of the Ministry of Labor of Russia for the II quarter of 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/99486>
4. Beglova E.I. Poverty in Russia: structure and forms of manifestation // Living standards of the population of Russian regions. 2016. № 3 (201). С. 98–111.
5. Employment and unemployment in the Russian Federation in September 2020 (based on the labor force survey). URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d05/200.htm
6. Federal State Statistics Service. Information on the socio-economic situation in Russia – 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm
7. A law was signed providing for the transfer of powers to the Federal Tax Service of Russia to administer insurance premiums. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/52339>
8. Analytical report on the implementation of the federal budget and the budgets of state extra-budgetary funds of the Russian Federation for January – December 2019. URL: <https://ach.gov.ru/promo/analytical-report-federal-budget-2019-4/index.html>
9. On Amending Article 33–3 of the Federal Law «On Compulsory Pension Insurance in the Russian Federation» and Article 6–1 of the Federal Law «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Compulsory Pension Insurance regarding the right of insured persons to choose the option of pension provision». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/802512-7>
10. State program «Provision of affordable and comfortable housing and utilities for citizens of the Russian Federation». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/870/events/>
11. The authorities propose to calculate the minimum wage and the cost of living in a new way. How exactly? URL: <https://tass.ru/ekonomika/9604959>
12. The minimum wage from 2021 will grow faster than the cost of living. URL: <https://rg.ru/2020/10/06/mrot-s-2021-goda-budetrasti-bytree-prozhitochno-g-minimuma.html>

Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения

Погребной Дмитрий Николаевич,

адъюнкт кафедры социологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: d.pogrebnoi@list.ru

В статье приводится аналитический обзор сущности и специфики социальной активности военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и ее влияние на их служебное поведение. Объясняется социальная активность через ее положительное влияние на улучшение структуры распорядка дня, улучшение качества окружающей среды сплочение коллектива и состоятельность. Анализируется социальная активность коллектива и личности в вопросах добровольного возложения дополнительных обязанностей, не входящих в перечень служебных. Таким образом, с помощью описываемого социального явления, задается новая норма к творческому и нестандартному решению при выполнении поставленных задач в повседневной жизнедеятельности. Рассмотрены различные аспекты социальной активности и ее противоположности (пассивности, равнодушия) с точки зрения индивидуальных особенностей личности и воздействия окружающей среды.

Ключевые слова: инициативность, интерес, исполнительность, социальная активность, социальная ответственность, служебное поведение военнослужащих.

Преодолевая противоречия между нарастающим объемом новых, необходимых военнослужащему для овладения знаний, навыков, умений и количеством отведенного для этого времени, социальная активность является одним из главных средств интенсификации обучения, воспитания и самовоспитания. Социально-активные действия личности активизируют ее познавательную деятельность и процессы развития личности. Наибольшее внимание изучению данной проблемы уделяли Е.А. Ануфриев, Н.Н. Белякович, И.С. Кон, сторонники социокультурного подхода М.А. Ариарский, П.С. Гуревич, Н.С. Злобин, Н.И. Иванов и другие представители социологической мысли. Более полно определение приводится в энциклопедической литературе, где социальная активность понимается как «сознательная, целенаправленная деятельность человека, ориентированная как на преобразование социальных условий, так и на формирование социальных качеств собственной личности (активной жизненной позиции); характеристика деятельности, отражающая степень реализации и развития социальных потенциалов, возможностей человека (его способностей, знаний, навыков, стремлений, целей, задач)» [2].

Динамика развития Вооруженных Сил, изменение характера ведения боевых действий, рост масштабов и усложнение задач, стоящих перед Вооруженными Силами, придают этой проблеме особую актуальность.

Социальная активность не существует вне ее носителей. Она особенность их состояния, выражение уровня включенности субъектов активности в общественные и профессиональные отношения, а также выступает и как ре-

зультат их взаимодействия. Взаимосвязь воинского коллектива и личности военнослужащего в научной литературе рассматривается в рамках научной школы «Социология личности военнослужащего» [1] в форме раскрытия военно-функциональной, социально-интегративной, управленческо-воспитательной функции коллектива по отношению к военнослужащему. При этом, роль воинского коллектива в процессе формирования и развития социальной активности военнослужащих подвергалась анализу преимущественно с социально-психологической точки зрения с использованием научного аппарата социальной психологии.

Проблема воздействия на повышение социальной активности военнослужащих связана с использованием данных различных наук, таких как: философия, социология, социальная психология, педагогика и психология. Коллектив формирует личность военнослужащего, превращая его в активный субъект воинского труда. В то же время личность не только продукт, но и активный субъект общественных отношений. Во время социальной активности человек изменяет окружающую его социальную реальность. Деятельность индивида выступает как предметная деятельность, включающая в себя и усвоение социального опыта и проявление им своих профессиональных возможностей. Социальная же деятельность является не только средством самореализации, но и причиной развития у военнослужащих, интересов, потребностей, устойчивости, социальных и ценностных ориентаций, мотивов поведения, накопление знаний и навыков, формирование убеждений, способностей и т.д.

В этом смысле социальная активность является атрибутом общества, способом его существования и развития. Она отражает взаимосвязи и взаимодействия элементов той или иной конкретной системы по воспроизводству условий существования общества. Социальная активность индивидов и социальных групп обеспечивает поддержание связей между элементами соци-

альной системы и тем самым функционирование социального организма, как целостного образования. Она является основой для воспроизводства материальных и духовных ценностей.

Морально-нравственные аспекты социальной активности рассматриваются с позиции внутренней нравственной структуры личности.

С точки зрения психологии источником социальной активности определяется внутренняя направленность личности или тип ее жизненной ориентации.

Социальная активность, с социологической точки зрения, рассматривается как определенная форма деятельности, самовыражения и самореализации личности, социальной группы, общества. На передний план выдвигают качественную характеристику социальной активности личности по объему деятельности. Главным ее признаком является высокий уровень инициативности, творчества, высокая социальная значимость, социальная и функциональная роль деятельности. Каждый сам добровольно определяет меру социальной ответственности за возложение на себя обязанностей, превышающих необходимые для выполнения поставленных задач [3].

Социальная активность, как деятельность сверх нормы, играет важную роль в развитии общества. Повышение роли индивида в любой из сфер общественной жизни происходит сначала стихийно и находит свое отражение в актах деятельности, которые перекрывают существующую норму, уходят за формальные рамки, установленные группой. Постепенно в подобную деятельность включается все большее количество индивидов и их сверхнормодеятельность, синтезируясь со старой нормой, снимает ее и образует новую.

Социальная активность таким образом является одновременно и важнейшим элементом механизма реализации объективных законов поступательного развития общества и проявлении роли личности в изменении окружающей действительности. При этом, сведение социальной активности к сверхнормо-

деятельности делает бессмысленным тезис о степени активности (высокая, средняя, низкая) у военнослужащих.

Объективная детерминированность субъективного отношения активной личности к социальной деятельности имеет общественное значение и реализуется в социальных фактах. Готовность к активному социальному действию связана с определенной структурой социальных потребностей субъекта и основанных на их совокупности установок, ценностно-нормативных ориентаций и социально-психологических механизмов.

В социологии, в отличие от психологии, таким понятиям как активность, цель, потребность придается другое значение, и они выступают как элемент условий деятельности личности. Именно степень их усвоения и переплетения с личными интересами и другими внутренними побуждениями образуют общую потребность, которая является основной движущей силой социальной деятельности личности.

Социальная активность военнослужащих свойственна лишь одной целевой социальной группе, которая отличается от других групп своей общественной функцией, спецификой труда, всех форм жизнедеятельности и других элементов образа жизни и военно-профессиональной направленностью. Она выступает, как правило, как военно-служебная активность, обеспечивающая социальную мобильность военной организации государства, ее высокую боевую подготовку и проявляется как в повседневной жизни, так и в процессе воинской и общественно-политической деятельности.

Военнослужащие, как социальная группа, глубоко интегрированы во все сферы жизни общества, в которых также проявляется их социальная активность. Описываемый феномен напрямую связан со свободой, творческой и инициативной деятельностью, способствующей поиску новых путей решения служебно-боевых задач, управления (эффективного управления) подразделениями, использование оружия

и боевой техники, «...над собственно профессиональной – технологической подготовкой вырастает огромная вне-профессиональная надстройка требований к специалисту...» [4].

Социальная активность, как социальное явление, представляет собой единство внутренней и внешней активности. С одной стороны, она включает в себя потребности, интересы, цели, мотивы и др. С другой выражается в творческой, инициативной и самоотверженной деятельности.

Об уровне социальной активности военнослужащих можно судить по степени усвоения ими общественных интересов и интересов по защите Родины, по направленности и содержанию личностных установок, ценностных ориентаций, по мотивации самоопределения и выбора типа служебного поведения и дальнейших действий в стремительно меняющейся окружающей обстановке. В процессе самореализации личности эти внутренние побудители воплотятся в активную социальную позицию, а их результаты дадут возможность сделать вывод о степени активности.

Данное обстоятельство возможно лишь в идеальном варианте. Не абстрагируясь от не всегда и не во всех аспектах положительного влияния объективных факторов (уровень подготовки командного состава, стиль его управленческой деятельности, уровень его авторитета в воинском подразделении[5], эффективность военно-политической работы, характер межличностных отношений, уровень духовной жизни в коллективе, психологический климат и др.) необходимо обратить внимание на один из способов регуляции активного служебного поведения – отношение к профессиональной деятельности. Внутренний комплекс побудительных сил активности воспринимается как потенциальное явление, обязательное к реализации. Внешняя активность выступает как результат социальной деятельности и как результат реализации внутренней активности.

Каждый член воинского коллектива является и продуктом общественных

отношений, и воздействующим на них элементом. Уровень материальных и духовных потребностей военнослужащего, осознанием в форме интересов, стремлений, целей, формирование на этой основе убеждений, ценностных ориентаций, социальных установок – все это является результатом воздействия окружающей действительности, которые в обязательном порядке преломляется через самосознание человека и его индивидуально-личностные особенности.

Предрасположенность к определенному отношению в процессе выполнения социальных ролей и взаимодействия с окружающей средой переходит в устойчивое состояние субъекта, имеющее конкретную качественную характеристику.

Служебная деятельность военнослужащих носит открытый или скрытый коллективный характер. В процессе воинской деятельности военнослужащий руководствуется внутренними побуждениями силами, испытывая как положительное, так и отрицательное воздействие внешних факторов. К таким факторам можно отнести качество организации воинского труда, морально-нравственный климат в коллективе, стиль управления и качество взаимоотношений «командир-подчиненный». Результатом такого взаимодействия и взаимовлияния является приобретенный социальный опыт, который закрепляется в отношении к различным видам служебной деятельности. В силу этого несовпадение уровней внутренней и внешней активности является нормой. Несовпадение этих уровней можно определить по отношению военнослужащего к исполнению служебных обязанностей, к коллективу, дисциплине, технике и т.д. Таким образом отношение опосредует превращение внутренней активности во внешнюю, но это опосредование осуществляется в виде трансформации, характер которой зависит от личности, от имеющегося у нее опыта деятельности, от микросреды, макросреды, а также от постоянно изменяющейся окружающей обстановки.

Социальная активность является детерминантой непосредственного влияния на развитие служебного поведения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. Она представляет собой один из наиболее существенных структурных элементов, оказывающих свое воздействие на формирование необходимого типа служебного поведения.

Литература

1. Веремчук, В.И., Барановский, М.В. Социальные характеристики и особенности процесса социализации личности офицера в условиях модернизации вооружённых сил российской федерации // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 104–110.
2. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М Коржева, Н.Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1989. – С. 7–8.
3. Кузьмин, Е.С. Руководитель и коллектив: Социально-психол. очерк / Е.С. Кузьмин, И.П. Волков, Ю. Н Емельянов. – Ленинград: Лениздат, 1974. – С. 69.
4. Осипенко, Э.Б. Социальная стабильность экипажа корабля и пути ее оптимизации в современных условиях. – М, ВУ, 2005. – С. 26.
5. Сальников, А.В. Социологический подход к исследованию авторитета офицера российской армии: постановка проблемы // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 1 (834). С. 285–296.

SOCIAL ENGAGEMENT OF ARMED FORCES PERSONNEL AS A COMPONENT OF SERVICE BEHAVIOUR

Pogrebnoi D.N.

Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

The article provides an analytical review of the essence and specifics of social activity of the Armed Forces of the Russian Federation and its impact on their service behavior. Social activity

is explained through its positive influence on improving the structure of daily routines, improving the quality of the environment team building and competitiveness. The social activity of the team and the individual in the matter of voluntary assignment of additional duties outside the list of official duties is analysed. Thus, with the help of described social phenomenon, a new norm to creative and unconventional decision in fulfilment of tasks in everyday life is set. Various aspects of social activity and its opposite (passivity, indifference) are considered in terms of individual personality traits and environmental influences.

Keywords: initiative, interest, diligence, social activity, social responsibility, service behavior of servicemen.

Reference

1. Veremchuk, V.I., Baranovskij, M.V. Social'nye harakteristiki i osobennosti processa socializacii lichnosti oficera v usloviyah modernizacii vooruzhyonnyh sil rossijskoj federacii // Voennyj akademicheskij zhurnal. 2015. № 3 (7). S. 104–110.
2. Kratkij slovar' po sociologii / pod obshch. red. D.M. Gvishiani, N.I. Lapina; sost. E.M. Korzheva, N.F. Naumova. – M.: Politizdat, 1989. – S. 7–8.
3. Kuz'min, E.S. Rukovoditel' i kollektiv: Social'no-psihol. ocherk / E.S. Kuz'min, I.P. Volkov, YU. N Emel'yanov. – Leningrad: Lenizdat, 1974. – S. 69.
4. Osipenko, E.B. Social'naya stabil'nost' ekipazha korablya i puti ee optimizacii v sovremennyh usloviyah. – M, VU, 2005. – S. 26.
5. Sal'nikov, A.V. Sociologicheskij podhod k issledovaniyu avtoriteta oficera rossijskoj armii: postanovka problemy // Vestnik MG-LU. Obshchestvennye nauki. 2019. Vyp. 1 (834). S. 285–296.

Социальная поддержка молодежи в России: новый формат социальной реальности

Козырева Лариса Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: ldkozyreva@gmail.com

Шкурупей Ольга Викторовна,

аспирант, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: olga.shkurupei@yandex.ru

Актуальность исследования обосновывается тем, что в современном обществе происходят существенные социальные изменения. Особую актуальность подобным исследованиям придает тот факт, что в настоящее время происходят не только качественные изменения политических подходов к проблеме социальной поддержки, но и интенсивный процесс трансформации ее институтов, которые обеспечивают реализацию социальной политики.

В представленной статье особое внимание уделяется необходимости формирования *системы* социальной поддержки, основными элементами которой были бы: государство и его институты (макроуровень); институты местного самоуправления, региональные органы социальной защиты, коммерческие и некоммерческие организации, трудовые коллективы (мезоуровень), семья, родственники, близкие люди (микроуровень). Каждый институт данной системы обладает своими специфическими ресурсами поддержки, и их интеграция только усилит поддерживающий потенциал.

Новая социальная реальность весьма противоречиво воздействует на молодежь. В кризисных ситуациях обостряются все молодежные проблемы и, в таких условиях, социальная поддержка молодежи приобретает чрезвычайную практическую значимость. Дальнейшие исследования по необходимости формирования системы социальной поддержки молодежи послужат продолжением изучения трансформации молодежной политики от компенсаторной к инвестиционной политике.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, социальная поддержка, трансформация молодежной политики, социальная политика, социальная поддержка молодежи

Социальная поддержка различных социальных групп населения – важная социально-политическая проблема, требующая постоянного исследовательского внимания. Особую актуальность подобным исследованиям придает тот факт, что в настоящее время происходят не только качественные изменения политических подходов к проблеме социальной поддержки, но и интенсивный процесс трансформации ее институтов, которые обеспечивают реализацию социальной политики.

Социальная поддержка определяется нами как деятельность социальных субъектов (институтов) и система различного рода ресурсов, направленных на формирование благоприятной среды существования индивида (социальных групп) и его благополучие [1, с. 46]. Учитывая многоуровневую и разнородную систему институтов, осуществляющих социальную поддержку, можно говорить о насущной необходимости формирования *системы* социальной поддержки, основными элементами которой были бы: государство и его институты (макроуровень); институты местного самоуправления, региональные органы социальной защиты, коммерческие и некоммерческие организации, трудовые коллективы и пр. (мезоуровень), семья, родственники, близкие люди (микроуровень). Совершенно очевидно, что каждый институт данной системы обладает своими специфическими ресурсами поддержки и их интеграция только усилит поддерживающий потенциал.

К сожалению, подобной *системы* социальной поддержки в нашей стране не существует. Есть программы поддержки отдельных категорий (социальных групп), разработаны и реализуются программы поддержки на определенном уровне (региональном, муниципальном и т.д.), но они не являются ско-

ординированными, что безусловно снижает эффективность их деятельности и результатов.

Особенно четко это «слабое звено» российской социальной политики проявилось сегодня, когда новая социальная реальность цифро-сетевого общества вызвала к жизни новую политическую стратегию, с ключевым приоритетом – благосостояние народа. Успешная реализация этой стратегии невозможна без кардинального обновления социальной политики.

Новая социальная политика, находящаяся в стадии формирования, основывается на концепции «активного общества». В рамках данной концепции предполагается переформатировать основной институт социальной поддержки – социальное государство, сделав его более компактным, менее затратным и более эффективным, более мотивирующим [2, с. 146].

Подобная стратегическая цель предполагает ряд последовательных шагов, направленных на преодоление тех преград, которые обусловлены низким уровнем социально-экономического развития, неэффективными управленческими решениями, коррупцией и т.д.

По мнению ученых, социально-защитная функция государства в настоящее время, недостаточна эффективна, как на уровне региона, так и на федеральном уровне, о чем свидетельствует социально-экономическое и имущественное расслоение внутри страны (разница в доходах богатых и бедных достигает в отдельных регионах более 15 раз). Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН на основе проведенного в 2017–2019 гг. исследования по теме «Проблемы формирования и эволюции социального государства в России» показано, что численность людей, которые имеют доход ниже черты относительной бедности составляет более четверти населения России [3, с. 123, 170]. Совершенно очевидно, что эти люди никак не обойдутся без социальной поддержки государства и других институтов.

Как показывает практика, население с низким уровнем дохода, относящиеся к категории бедных и абсолютно бедных, не имеет возможности самостоятельно улучшить свое социальное положение. Бедность имеет очень серьезные социальные последствия. Исследования в странах ЕС свидетельствуют о том, что бедные имеют вдвое меньшую вероятность общения с друзьями или семьей, 11,6% бедных никогда не видят друзей (8% в других категориях). Около 8% бедных никогда не поддерживают связи с родственниками (4% в других категориях). [2, с. 149] Происходит обострение социальных проблем, увеличиваются имущественные разрывы, растет уровень бедности, неравенства, несправедливости, ухудшается положение занятого населения. Одной из наиболее подверженной социальным рискам и угрозам категорией населения является молодежь.

Новая социальная реальность весьма противоречиво воздействует на молодежь. С одной стороны, сетевизация и цифровизация предполагают расширение возможностей для самоопределения и самореализации молодого поколения; с другой – «вынужденная удаленка», «самоизоляция», обострение социальных проблем, в том числе бытового характера, проблемы выживания и адаптации в условиях «вынужденных ограничений» – являются серьезными ограничениями, ведущими к ощущению утраты гарантий стабильного финансового и социального положения.

По мере становления и продвижения идеи «человеческого капитала» в обществе появилась концепция инвестиций в человеческий капитал. Она, в свою очередь, привела к формированию нового подхода к государственной молодежной политике. Если до этого государственная молодежная политика в большей степени носила компенсаторный характер и ставила в качестве цели облегчение молодежи вхождения в общественную жизнь и институты общества, компенсировать недостаточность социального статуса, который есть у каждого молодого человека да-

же при наличии юридического равноправия. То, по мере развития теории инвестиций в человеческий капитал государственная молодежная политика стала приобретать вектор инвестиций в молодежь.

Можно выдвинуть концепцию трансформации молодежной политики от компенсаторной к инвестиционной политике путем постепенного перехода от системы социальной защиты к системе социальной поддержке и затем, к системе социальных инвестиций в молодежь как неотъемлемую часть поступательного, прогрессивного развития современного общества.

В кризисной ситуации обостряются все молодежные проблемы: финансовая зависимость от родителей; увеличение продолжительности периода получения образования и позднее начало трудовой деятельности; слабая гарантия трудоустройства по профессии и низкий размер заработной платы впервые приступивших к труду; крайне низкая стипендия; недоступность приобретения собственного жилья, невозможность ответственного родительства и т.д.

В таких условиях социальная поддержка молодежи приобретает чрезвычайную значимость. В данном отношении показателен пример разработки и реализации молодежной политики в США, где существует ряд стратегий (у штатов, политических партий, общественных и государственных организаций, бизнеса и т.д.), чтобы в явном виде отразить потребности, права и обязанности молодых людей [4, с. 145].

Совершенно очевидно, что для совершенствования механизмов социальной поддержки молодежи в России назрела необходимость в выработке и реализации новых подходов, ориентированных на реализацию как краткосрочного, так и долгосрочного программно-целевого планирования. В связи с тем, что экстраполяция прошлого неадекватно отражает будущее, отклонения от прошлых прогнозов и новые тенденции требуют стратегических корректировок. Инновационной стратегией раз-

вития системы молодежной политики в современной России следует рассматривать разработку комплексной программы социальной поддержки молодежи; общую стратегию преобразования молодежной политики в гуманистически развивающуюся, реализующую принцип свободного развития человека в качестве приоритета социальной политики Российской Федерации.

По мнению экспертного сообщества по молодежной политике, главными задачами долгосрочного программно-целевого планирования являются:

- модернизация управленческого сектора федерального, регионального, муниципального уровней реализации молодежной политики;
- осуществление ребрендинга учреждений по делам молодежи;
- совершенствование нормативно-правовой базы государственной молодежной политики;
- создание условий и стимулов для развития молодежных общественных объединений и т.д. [5, с. 663–665].

Совершенно очевидно, что современная молодежная политика нуждается в коренном реформировании, суть которого можно выразить словами: от социальной защиты – к социальной поддержке молодежи. В перестройке, обновлении нуждаются механизмы и институты социальной поддержки, для того, чтобы соответствовать потребностям молодых людей, их эффективной социализации.

Литература

1. Козырева Л.Д. Социальные связи в системе социальной поддержки // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 1(13). С. 45–49.
2. Люблинский В.В. Социальная политика в цифровом обществе: проблемы и перспективы / Политические отношения в эпоху цифровых технологий и сетевого общества. Сборник научных статей. Сер. «Согласие в обществе как условие развития России». Отв. редактор

- О.М. Михайленок. М., 2020. С. 130–150.
3. Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. – СПб.: Реноме, 2019. – 232 с.
  4. Самохвалов Н.А. Сравнительный анализ практик реализации государственной молодежной политики в современном мире // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 143–150.
  5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги – М: ФНИСЦ РАН, 2020. – 688 с.

SOCIAL SUPPORT FOR YOUTH IN RUSSIA: A NEW FORMAT OF SOCIAL REALITY

Kozyreva L.D., Shkurupei O.V.

North-West Institute of Management of RANEPА

The relevance of the research is justified by the fact that significant social changes are taking place in modern society. Such research is particularly relevant due to the fact that at present there are not only qualitative changes in political approaches to the problem of social support, but also an intensive process of transformation of its institutions that ensure the implementation of social policy.

In this article, special attention is paid to the need to form a social support system, the main elements of which would be: the state and its institutions (macro level); local government institutions, regional social protection bodies, commercial and non-profit organizations, labor collectives (meso level), family, relatives, close people (micro level). Each institution in this sys-

tem has its own specific support resources, and their integration will only strengthen the support capacity.

The new social reality has a very contradictory effect on young people. In crisis situations, all youth problems become more acute and, in such circumstances, social support for young people becomes extremely practical. Further research on the need to create a system of social support for young people will serve as a continuation of the study of the transformation of youth policy from compensatory to investment policy.

Keywords: youth, state youth policy, social support, transformation of youth policy, social policy, social support of youth

References

1. Kozyreva L.D. Social relations in the social support system // Scientific papers of the North-Western Institute of management of the Ranepa. 2014. Vol. 5. No. 1 (13). Pp. 45–49.
2. Lyublinsky V.V. Social policy in digital society: problems and prospects /Political relations in the era of digital technologies and network society. Collection of scientific articles. Ser. "Consent in society as a condition for the development of Russia". editor-in-Chief O.M. Mikhaylenok. M., 2020. Pp. 130–150.
3. formation of the welfare state and prospects of the social state in Russia. Realities and projects under the General editorship of N. And. Lapin. – SPb.: Renome, 2019 – – 232 p.
4. Samokhvalov N.A. Comparative analysis of the implementation of state youth policy in the modern world // Comparative politics. 2016. Vol. 7. No. 4. Pp. 143–150.
5. Gorshkov M. K., sheregi F.E. Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research: [monograph] / M.K. Gorshkov, F. E. sheregi-M: FNISTC RAS, 2020 – – 688 p.

Установки подростков и родителей на личные сроки жизни и самосохранительное поведение (по результатам социолого-демографических исследований)

Грудина Т.Н.

к.соц.н., ст. преп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: tngrudina@gmail.com

Статья посвящена проблеме изучения установок и личных ориентаций на продолжительность жизни и здоровый образ жизни у подростков и родителей. В разных возрастных группах рассматриваются ценностные ориентации и поведенческие особенности, которые непосредственно влияют на личные сроки жизни, их продление или сокращение. Раскрываются вопросы укрепления взаимоотношений в семье между поколениями, преодоления маргинализации в детско-подростковой среде, отчуждения молодых людей от родителей, ослабления семейной социализации.

Ключевые слова: семья, ценности, установки, родители, продолжительность жизни, ценностные ориентации, здоровый образ жизни, самосохранительное поведение, ориентации подростков.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976–2020 гг.)» № 18–011–01037.

Формирование жизненных ориентаций и установок индивида происходит как под влиянием семьи и семейного воспитания, так и в силу воздействия окружения: друзей и знакомых, различных социальных групп и институтов, социокультурных норм и ценностей, существующих в конкретно-исторических условиях. В принятии своих жизненных решений, а также при совершении тех или иных жизненных поступков индивиды зачастую руководствуются существующими в обществе социальными нормами и ценностными ориентациями. [1, 14]. Их выполнение, в свою очередь, может повлиять на то, как и чем человек живет, к чему стремиться в своей повседневной жизни. Упомянем, что «ценностные ориентации это есть конкретизация ценностей, воплощенные в достаточно конкретные четкие показатели, и представляют собой сложное образование, в котором можно выделить три основных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий» [15, С. 105].

Случившаяся пандемия коронавируса изменила привычный для нас образ жизни, наделила его новыми социальными чертами и особенностями [7,10]. Изменяя политическую, экономическую, семейно-демографическую картину, подвергается изменениям образ жизни в целом, и в частности семейно-детный образ жизни большинства населения, как в нашей страны, так и всего мира. Вопросам, касающимся сохранения и поддержания здорового образа жизни среди различных групп населе-

ния, уделяется все больше и больше внимания. Их актуальность выносятся на повестку дня. Негативные черты пандемические условия вносят и в демографическую структуру населения. Тогда как и раньше перспективам рождаемости не самые оптимистичные характеристики были присущи, в нынешнее время этот аспект приобретает определенные негативные перспективы. В последнее время также и новые репродуктивные технологии начинают все больше заявлять о себе, ставя под угрозу традиционную семью, ее функционирование. В данных условиях возрастающий уровень социальной напряженности, несомненно, повлечет за собой демографическую неопределенность. В этом отношении весьма значимым является для социологического обозрения в настоящем и будущем изучение установок у населения на семейно-детный образ и поддержание здорового образа жизни, самосохранительного поведения. Возникает неотложная необходимость в рамках жизнедеятельности большинства населения по формированию определенного стиля жизни, когда каждодневные социальные практики будут ориентированы на поддержание и укрепление здорового образа жизни. Здесь важным является разработка комплекса мероприятий, здоровьесберегающей модели общества, которую необходимо наполнять соответствующими ценностными ориентациями и установками. Подобного рода мероприятия требуют определенные «материальные, медико-профилактические, культурно-массовые, духовные и пр. условия» [2, С. 447].

Следует отметить, что проблема формирования и ведения здорового образа жизни как у подрастающего поколения (молодежи и подростков), так и представителей более старшего поколения, в последнее время активно обсуждается как в научном сообществе [9,10], так и в кругу различных социальных организаций, СМИ и т.д. Данные вопросы являются центральным в силу демографического кризи-

са, который испытывает и наша страна, и большинство стран мира. Наряду с подходом, где демографический кризис рассматривается сквозь призму сверхнизкой рождаемости, существует и другой подход, на основании которого под демографическим кризисом в России понимается, прежде всего, неадекватно высокая смертность населения от предотвратимых причин. Поскольку именно отношение к своему здоровью выступает ключевым элементом самосохранительного поведения, необходимо в нынешних условиях создавать условия и мотивировать население на соответствующее самосохранительное поведение. И в первую очередь здесь важным является формирование ориентации на здоровый образ у подрастающего поколения, которые возможно актуализировать, в том числе, и в рамках семьи, с помощью родителей и детей, их активного взаимодействия в этом направлении [5,8].

Обратим внимание, что «первые измерения установок на срок жизни возникают в рамках танатологии – науки о смерти и умирании. Однако, основным импульсом к данному роду исследований было сокращение смертности и рост средней продолжительности жизни» [2].

С точки зрения научного подхода, самосохранительное поведение индивида в рамках семьи имеет определенные особенности и характерные черты. В данном контексте можно привести пример, когда родительское поведение, ориентированное на заботу по отношению поддержания здорового образа жизни детей, и обратно, когда дети проявляют заботу о здоровье своих родителей, а также, когда медицинский персонал проявляет заботу о своих пациентах и пр. Такое поведение не входит в структуру самосохранительного поведения (ССП). В этой связи, следует добавить некоторое уточнение, связанное с поведенческими особенностями родителей и детей по отношению друг к другу, а именно: к родительскому, а не к самосохранительному, поведению относится забота родителей о де-

тях, а уже забота детей по отношению к своим родителям считается разновидностью родственного поведения [2, С. 446].

Следует добавить, что под социальной установкой понимается «ориентация индивида в качестве члена группы относительно ценностей группы. Дж.Г. Мид считал, что «установки порождаются и поддерживаются социальными факторами, среди которых центральное положение занимают опыт общения с людьми и способность видеть себя и мир таким образом, которым это определено социальными символами. Мид выдвинул гипотезу, согласно которой индивиды развивают свои установки посредством принятия установок других индивидов» [15, С. 108–109]. Согласно концепции А.Н. Леонтьева, «его деятельностного подхода, сутью установки является предрасположенность к действию. И также важно отметить, что Леонтьев считал – установка является регулятором социальных отношений» [15, С. 109]. Таким образом, именно благодаря изучению установок, в том числе на здоровый образ жизни, среди населения остается крайне важной задачей современной социологической науки [2]. Вместе с тем, важно и необходимо развивать исследования в области изучения ориентационных характеристик и поведенческих установок как семьи в целом, так и ее отдельных участников, каким образом родительских установок и ценности влияют и формируют ценностей детей. Важным видится также изучить, каким образом формируются ценностные ориентации как общие, так и семейные, среди подростков, учитывая влияние на них семьи, а также различных внешних фактор воспитательного воздействия [6,11].

Несомненно, особый интерес представляет воспитательное воздействие семьи на формирование у детей ценностных ориентаций и поведенческих установок, в том числе на личные сроки жизни и самосохранительное поведение (желание жить дольше, вести здоровый образ жизни и пр.). Существует социологический опыт, с помощью ко-

торого осуществляется изучение в рамках выборочных исследований среди населения такого фактора как условия жизни или судьба, каким образом они с точки зрения субъективного мнения респондентов влияют на жизни человека в целом. В этой связи большинство ответов на вопрос «Что в большей степени влияет на то, как складывается человеческая жизнь?» можно отнести к социальным условиям[1]. Именно социальные условия являются наиболее значимыми для подавляющего большинства опрошенных. Далее по своей значимости следует «усилия самого человека». В завершении данного списка внешних факторов воздействия значится «судьба» – как бы по-разному не понимали и интерпретировали ее люди. Согласно социологическим данным, «у отцов наиболее значимыми оказались «усилия самого человека» – 56,1%, затем «воздействие обстоятельств» – 29% и затем судьба 14,9%. У матерей соответственно 49,5% – 31,4% – 19%, у детей 61,1%- 24,5% – 14,4%» [1, С. 93]. Установки отцов в сравнении с материнскими показывают, что мужчины больше возлагают надежд в своих моделях поведения на собственные усилия. «Судьба» для них не играет такой значимой роли, как для женщин. В свою очередь, дети и подростки, в рамках их ценностной матрицы и поведенческих установок, ориентируются на свои собственные усилия и даже завышают их при ответах, меньшее значение придают внешним обстоятельствам, что свойственно им в силу отсутствия жизненного опыта и возрастных особенностей. В этой связи, через интерпретацию жизненной направленности личности на индивидуальную активность или на пассивное подчинение обстоятельствам или судьбе поможет спрогнозировать установки населения на личные сроки жизни и на образ жизни (активный или пассивный, приспособленческий), в том числе и на поддержание здоровья [1, С. 93].

Таким образом, с помощью самооценок собственного состояния здоровья в первую очередь можно охарак-

теризовать самосохранительное поведение личности (основные характеристики данной категории уже были даны выше). Необходимо отметить, что с «одной стороны, с помощью самооценки фиксируется самоощущения человека, его жизненный настрой, она может не отражать фактического состояния здоровья и даже противоречить ему. Однако, с другой стороны, мнение о своем здоровье выражает ценностно-устойчивый компонент самосохранительного поведения» [1].

Не высокая осведомленность по необходимым для индивида знаниям и навыкам в отношении поддержания здоровья и здорового образа жизни, а вместе с тем и нежелание, низкая мотивация соблюдать установленные правила и нормы здорового образа жизни, обуславливает также и низкий уровень культуры, снижения личных сроков жизни. Все это как следствие будет способствовать негативным видам поведения: курению, злоупотреблению алкоголем, неправильному питанию, отказу от заботы о своем здоровье, чрезмерному использованию различных цифровых технологий (компьютер, телефон и пр.), особенно популярных в подростковом возрасте [5].

По данным исследований, распространенность потребления алкоголя и наркотиков среди подростков растет [1, 11]. Так, систематическому потреблению алкоголя подвержен каждый второй молодой человек и каждая шестая девушка. Исследователями отмечено, что более 33% молодых людей и 24% девушек подвержены частым употреблением алкоголя. Вместе с тем, по мнению большинства родителей, их ребенку лучше попробовать алкоголь дома, чем где-то на улице. Таким образом, исследователи считают, что «наше общество запрограммировано на то, что пить все равно придется и лучше попробовать раньше, чем позже. Родители знакомят детей с алкогольной продукцией в возрасте до 10 лет в 62% случаев. 92% алкозависимых детей выходят из неблагополучных семей. Заболеваемость алкоголизмом среди

подростков выросла с 18,1% до 25,3% на 1000000 населения» [9].

Согласно статистическим данным, «за короткий период – с 2002 до 2014 г. – доля населения в возрасте до 19 лет сократилась в общей структуре населения с 27% до 22%, а доля непосредственно подростков 10–19 лет уменьшилась с 23,2 млн до 13,8 млн, т.е. примерно в 1,7 раза» [5]. С точки зрения международных критериев под старым подразумевают то население, где «доля людей в возрастах 65 лет и старше превышает 7% населения. На начало 2020 года эта «доля в населении России составляла 15,5%, увеличившись за год на 0,5 процентного пункта (15,0% на начало 2019 года). В женском населении она составила 19,2%, в мужском населении – 11,1%» [16]. В данной связи, мы видим, что в нашей стране достаточно остро стоит вопрос старения населения, и уменьшения численности молодого поколения.

Анализируя рейтинг проблем детей и подростков, специалисты исследовательского центра «ФОМ» выделяют в качестве главных: алкоголизация, зависимость от наркотиков, низкий уровень жизни российских семей, имеющих детей; подростковую и детскую преступность [4]. На пятом месте в этом списке значатся самоубийства, попытки самоубийства. Для уточнения причин суицидов, задавался респондентам закрытый вопрос «Что, по Вашему мнению, чаще всего приводит детей и подростков к самоубийству?». К самым распространенным ответам относятся следующие: злоупотребление алкоголем и наркотиками (35%), проявление компьютерной зависимости (25%), конфликтные ситуации между детьми с родителями (21%), психические заболевания (17%), неразделенная любовь (17%), одиночество, недостаток общения (17%). Респонденты в качестве предотвращения суицидов в подростковом возрасте рекомендуют проявлять больше внимание и заботу к своим детям, а также больше с ними общаться; осуществлять контроль за ними; формировать доброжелательную среду, ха-

рактизирующуюся близкими и доверительными отношениями между подростками и родителями. Государственные органы здесь могут помочь и поспособствовать, создавая бесплатные кружки и обеспечивая здоровый досуг у подрастающего поколения: спортивные секции (14%), воспитательное воздействие через семью и школу (10%), осуществление психологической поддержки (7%), через контроль агрессивного контента, введения цензуры в сети интернет (5%) и т.д. Вместе с тем, подавляющее большинство участников (73%) опроса полагают, что при освещении подобного рода происшествий СМИ необходимо весьма осторожно быть в своей деятельности, действовать без поспешности, избегая чрезмерных подробностей и эмоций [4]. Таким образом, исследователи пришли к следующим основным выводам, почему возникают суициды в молодежно-подростковой среде: современные условия формируют весьма завышенные ожидания у детей и подростков как со стороны семейного, школьного окружения, так и в системе образования, критерии успешности является главными при осуществлении оценок и жизненных установок. Молодые люди в своих личных желаниях и устремлениях стремятся к хорошим взаимоотношениям в семье, но зачастую не находят тепла и понимания, эмпатии со стороны родителей и родных, и таким образом попадаю в определенную зону риска, лишая себя жизни по пустяковым житейским причинам. Жизнь в таких случаях не рассматривается как главная ценность, и потому ей с легкостью пренебрегают. В подростковом возрасте часто фиксируется исследователями преобладание в поведении такой модели как эскапизм, а родители не всегда готовы и имеют возможность оказать поддержку своим детям в таких условиях[3].

Укажем результаты опросов мнения населения, согласно которым, что касается здорового образа жизни, для молодежной среды можно отнести такие часто звучащие призывы, как не пить и не курить, не употреблять наркоти-

ки, заниматься спортом и пр. [6, 11]. Однако эти принципы не являются ориентирами для большинства молодых, им следовать подростки и молодежь не особенно стараются, поскольку они звучат весьма назидательно и преподносятся достаточно категорично и навязчиво. Вместе с тем, молодые люди, наблюдая за взрослыми, часто видят нарушение указных выше принципов и правил повседневной жизнедеятельности. Кроме того, и СМИ часто рекламируют нездоровый образ жизни, где престижным является курение, употребление спиртного и т.д. [5]. В данной связи, влияние родителей, практикующих вредные привычки, может оказать крайне негативную роль. Как отмечает зав. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор А.И. Антонов, «отцам дозволяется многое, но это не значит, что детям следует копировать их. Социокультурные нормы, за соблюдение которых ответственны отцы, запрещают детям, в особенности дочерям, следовать их негативному примеру. Двойной стандарт как бы продолжает действовать, но как только матери – современные лидеры семьи – присоединяются к негативным паттернам поведения, тут же резко взлетает вверх практика негативного поведения подростков» [1, С. 93]. Вместе с тем, «семья, и прежде всего, семья сплоченная является мощным фактором защиты от девиации подрастающего поколения. Кризис семьи, рост разводов, сожительство и неполных семей создает питательную среду для социальных патологий, в том числе для приобщения к вредным привычкам подростков и ухудшения их здоровья» [1, С. 52].

Исследования кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова показывают, что в рамках прочих приоритетов заботу о своем здоровье на постоянной основе проявляют лишь 40% респондентов [13,14]. Здесь также следует отметить, что декларируемые установки у населения на здоровый

образ жизни массово не практикуются. Так, больше трети участников опроса не занимаются спортом, а 9% опрошенных раз в месяц и реже прибегают к спортивным занятиям и тренировкам. Степень выраженности самосохранительного поведения во многом зависит от того, желают ли люди прожить как можно дольше. При ответе на вопрос «Для чего, по вашему мнению, необходимо вести здоровый образ жизни?», среди значимых установок на увеличение личных сроков жизни наиболее популярными оказались «чтобы не болеть», а также «чтобы прожить долгую жизнь», «родить и вырастить здоровых детей». К обстоятельствам, которые могли бы побудить изменить образ жизни, респонденты отнесли в первую очередь «собственные болезни», «болезни близких», «пример какого – то из членов семьи» (СеДОЖ-2019) [13].

Несмотря на активное распространение в обществе культуры потребления, результаты еще одного проведенного кафедрой социологии семьи и демографии показало, что поведение населения в этом отношении носит умеренный характер [14]. Рассуждая на тему личных сроков жизни, как у подростков, так и у родителей необходимо обратить внимание на отношение к такой ценности как «здоровье». По результатам вышеуказанных исследований ориентация на хорошую физическую форму и здоровье среди разных возрастных групп достаточно высока и значима. Следует отметить, что результаты осуществленного одновременного опроса семей, включающих отцов, матерей и подростков, показали, что «самым семейным видами досуга являются, по мнению отцов и матерей, просмотр телевизора, хождение в гости, настольные игры, посещение театров и т.п. К сожалению, занятия физкультурой находятся в конце этого списка» [1, С. 61]. Таким образом, при изучении проблем формирования здорового образа, как у родителей, так и у подростков, мы сталкиваемся с определенными парадоксами и противоречиями, которые проявляются

в декларируемых намерениях на здоровый образ жизни и крайне неоднозначно проявляются в реальном поведении, повседневной жизни.

На основании всего изложенного отметим, что для современного общества в условиях пандемии, массовых ограничений и напряженного образа жизни, трансформации ценностных установок (в том числе на рождение и воспитание детей) необходимо формировать стиль жизни с позитивной направленностью на самосохранительное поведение. Повышенное внимание к здоровому образу жизни, через отказ от вредных привычек, вовлеченность в занятия спортом, через высокий уровень осведомленности о возможных заболеваниях, а также за счет своевременного обращения за советом и консультациями в медицинские учреждения, профилактике заболеваний весьма велика вероятность увеличения продолжительности жизни как у женщин, так и у мужчин. В этой связи, на наш взгляд, особенное значение необходимо уделять в рамках научных исследований мотивационно-ценностному компоненту в процессе формирования самосохранительного поведения населения. Наряду с этим, проводимым социологическим исследованиям необходимо уделять пристальное внимание, прислушиваться к их результатам и рекомендациям, «снабжать массовое общественное мнение эмпирическими данными о происходящих в обществе процессах» [1], в том числе связанных с формированием и поддержанием социально приемлемых ориентаций у подрастающих поколений и их родителей.

Литература

1. Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. Результаты социально-педагогического опроса родителей и детей). – М.: Ключ-С, 2006. – 236 с.
2. Антонов А.И. Социология семьи. – М. ИНФРА-М, 2007. – 640 с.
3. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жиз-

- ненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 31–38.
4. Детские самоубийства: кто виноват и что делать? Источник: Всероссийский опрос ВЦИОМ 21–22 мая 2016 г. http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-06-08-deti.pdf (дата обращения: 27.11.2020).
  5. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Здоровье детей и подростков в России: социально-политические и социологические аспекты // Социологический ежегодник. 2016. С. 293–307.
  6. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Роль семьи в формировании отношения к здоровью и окружающей среде // Социология медицины. 2020. Т. 19. № 1. С. 32–42.
  7. Зубок Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 41–57.
  8. Иванова А.Е. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Ivanova.pdf (дата обращения: 27.11.2020).
  9. Игошев М.В. Проблемы формирования самосохранительного и ценностно-адаптационного отношения студенческой молодежи к своему здоровью / М.В. Игошев, А.И. Кузьмин // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. – Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. – Екатеринбург, 2016. – С. 191–196.
  10. Новая социальная реальность: системообразующие факторы, безопасность и перспективы развития. Россия в техносциальном пространстве (Коллективная монография). – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 208 с.
  11. Новоселова Е.Н. Роль семьи в формировании здорового образа жизни и смягчении факторов риска, угрожающих здоровью детей и подростков // Анализ риска здоровью. – 2019. – № 4. – С. 175–185.
  12. Новоселова Е.Н. Борьба с курением как фактор формирования здорового образа жизни // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2019. – № 4. – С. 309–324.
  13. Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования / А.И. Антонов, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова и др. – Москва: Москва, 2018. – 540 с.
  14. Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионе России / Е.Н. Новоселова, А.И. Антонов, Т.Н. Грудина и др. – Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 2015. – 244 с.
  15. Тощенко Ж.Т. (ред.) Тезаурус социологии. Тематический словарь-справочник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 487 с.
  16. Щербак Е.М. Демографические итоги I полугодия 2020 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2020. № 867–868. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0867/barom01.php> (дата обращения 27.11.2020).
  17. Zhuravleva I., Lakomova N. Social aspects of adolescent health. *Osterreichisches Multiscience Journal*, 2019, Vol. 1, Issue 19, pp. 51–54.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ATTITUDES OF ADOLESCENTS AND PARENTS ON PERSONAL LIFE SPAN AND SELF-PRESERVATION BEHAVIOR

Grudina T.N.

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the problem of studying attitudes and personal orientations towards life expectancy and a healthy lifestyle in adoles-

cents and parents. In different age groups, value orientations and behavioral features are considered that directly affect personal life spans, their extension or reduction. The article reveals the issues of strengthening family relationships between generations, overcoming marginalization in children and adolescents, alienating young people from their parents, weakening family socialization

Keywords: family, values, attitudes, parents, life expectancy, value orientations, healthy lifestyle, self-preservation behavior, adolescents' orientations

References

1. Antonov A.I. Family lifestyle in rural Russia. The results of a socio-pedagogical survey of parents and children). – M.: Klyuch-S, 2006. – 236 p.
2. Antonov A.I. Sociology of the family. – M. INFRA-M, 2007. – 640 p.
3. Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlovov K.D. Prospects for modern adolescents in the context of a life trajectory [Electronic resource] // Modern foreign psychology. 2016. Volume 5. No. 2. P. 31–38.
4. Child suicide: who is to blame and what to do? Source: All-Russian poll by VTsIOM on May 21–22, 2016 http://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2016/2016-06-08-deti.pdf (date accessed: 11/27/2020).
5. Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. Health of children and adolescents in Russia: sociopolitical and sociological aspects // Sociological Yearbook. 2016.S. 293–307.
6. Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. The role of the family in the formation of attitudes towards health and the environment // Sociology of Medicine. 2020.Vol. 19.No. 1. S. 32–42.
7. Zubok Yu.A. Changing social reality in a crisis Russian society / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2017. – T. 10. – No. 1. – S. 41–57.
8. Ivanova A.E. The population's need for longevity and the degree of its implementation. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_2/Ivanova.pdf (date accessed: 11/27/2020).
9. Igoshev M.V. forum with international participation: collection of articles. – T. 1: Sociology and the history of the reproduction of the population of Russia. – Yekaterinburg, 2016. – S. 191–196.
10. New social reality: system-forming factors, security and development prospects. Russia in technosocial space (Collective monograph). – M.; SPb.: Nestor-History, 2020. – 208 p.
11. Novoselova EN The role of the family in the formation of a healthy lifestyle and mitigation of risk factors that threaten the health of children and adolescents // Health risk analysis. – 2019. – No. 4. – P. 175–185.
12. Novoselova EN Struggle against smoking as a factor in the formation of a healthy lifestyle // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. – 2019. – No. 4. – P. 309–324.
13. Family and children's lifestyle: results of sociological and demographic research / A.I. Antonov, A.B. Sinelnikov, E.N. Novoselova et al. – Moscow: Moscow, 2018. – 540 p.
14. Family, children, life values and attitudes: the results of a sociological survey of the population in the regions of Russia / E.N. Novoselova, A.I. Antonov, T.N. Grudina et al. – Andrew the First-Called Foundation and the Center of National Glory Moscow, 2015. – 244 p.
15. Toshchenko Zh.T. (ed.) Sociology Thesaurus. Thematic dictionary-reference. M.: UNITY-DANA, 2009. – 487 p.
16. Shcherbakova E.M. Demographic results of the first half of 2020 in Russia (part I) // Demoscope Weekly. 2020. No. 867–868. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2020/0867/barom01.php> (date of treatment November 27, 2020).
17. Zhuravleva I., Lakomova N. Social aspects of adolescent health. Osterreichisches Multiscience Journal, 2019, Vol. 1, Issue 19, pp. 51–54.

Пути обеспечения эффективности социального управления доверием в спортивном институте подготовки олимпийского резерва

Бурцов Максим Юрьевич,

аспирант ГБОУ ВО Московской области
«Технологический университет имени дважды
Героя Советского Союза, летчика-космонавта
А.А. Леонова»
E-mail: maksim_burcov@mail.ru

В статье раскрываются условия и факторы обеспечения эффективности социального управления доверием в сфере подготовки спортивных кадров. Обоснована система показателей эффективности этого вида социального управления применительно к институту подготовки олимпийского резерва. На основе системного и структурно-функционального подхода обоснованы меры по поддержанию нормы, уточнению целеполагания, интеграции института подготовки спортсменов в общей системе спортивной политики, а также адаптации его основных компонентов к конкретно-историческим условиям. Раскрыта роль и место социологического обеспечения социального управления доверием в спортивном институте подготовки олимпийского резерва. Приведены результаты авторского социологического исследования перспектив развития системы управления доверием, как механизма социального контроля и поддержания социального порядка на основе гуманистических подходов и солидарности субъектов совместной социально значимой спортивной деятельности.

Ключевые слова: доверие, спортивный институт, олимпийский резерв, социальная диагностика, социальное проектирование, социальное планирование, эффективность, показатели результативности, социологическое обеспечение, социальные технологии.

Введение (Introduction)

Развитие социума при всех противоречиях, рисках и проблемах трансформации социальных отношений под воздействием глобализации, цифровизации и становления новых норм социального порядка, нормальности и межцивилизационного взаимодействия продолжает включать в себя существенную основу гуманистического понимания миссии человечества. В связи с этим вполне закономерно внимание социологов к проблемам доверия как механизма установления новой солидарности и решения глобальных проблем выживания, безопасности, устойчивого развития. Одновременно сложность и противоречивость социальных процессов заставляют особое внимание в научных исследованиях обратить на управленческий аспект установления и поддержания отношений доверия.

Учитывая глобальность институтов спорта, практики международных соревнований и культивируемых в спорте гуманистических принципов, весьма важным представляется изучение феномена доверия в системе спортивных институтов, субъектов спортивной деятельности, механизмов управления доверием, условий обеспечения его эффективности с возможной последующей экстраполяцией на другие сферы общественной жизни.

Литературный обзор (Literature review)

В связи с большим значением института спорта в поддержании положительных социальных практик здорового образа жизни граждан, использованием спор-

та больших достижений для повышения международного авторитета и позитивного имиджа страны закономерным является наличие множества работ, раскрывающих социальную значимость спортивных практик [7]. Имеются научные публикации, раскрывающие различные аспекты функционирования системы олимпийского резерва в Российской Федерации [6].

Некоторые научные работы посвящены феномену доверия в спорте [1]. Тесно связаны с этой проблематикой статьи, которые содержат характеристику процессу управления доверием в целом [2; 5], а также в отдельных сферах [4].

Результаты исследования проблем обеспечения эффективности социального управления в различных сферах общественной жизни, а также некоторые выводы из полученных результатов нашли свое отражение в ряде публикаций отечественных авторов [3].

В целом обобщение литературы показывает, что заявленная тема статьи находится в общем тренде исследовательского поля социологии.

Теория и методы (Theory and methods)

Понимая под *доверием* особую форму социальных отношений, предполагающих открытость установок, мыслей, оценок, поведения и деятельности, намерений и планов, положительный характер обмена информацией, эмоциями, чувствами, имеющие в своем содержании уверенность в порядочности, следовании нормам морали и нравственности, доброжелательности, добросовестности другого человека, группы, социальной страты, организации, с которым субъект взаимодействия находится в социально значимых отношениях, необходимо обратить внимание на его субъективный характер, наличие риска ошибки и связанных с ними негативных последствий для человека, его социального окружения, профессиональной деятельности, связанным с ним институтов и организаций, трудностей обеспечения эффективности гарантированности положительных

ожидаемых результатов доверительных отношений.

Сложность феномена доверия тем самым объективно предполагает наличие социальной системы контроля и регулирования самим управлением, так и отношениями доверия в ситуациях конкретно-социального и институционально-организационного взаимодействия. В связи с этим доверие в сфере физической культуры и спорта в целом, и в области подготовки спортивных кадров имеет свою особую предметную область, состав участников, нормы социального порядка и, соответственно особого управления.

Под *управлением доверием* в спортивном институте подготовки олимпийского резерва понимается направленное воздействие субъектов организации спортивной деятельности в области формирования олимпийского резерва на доверительные отношения между субъектами институционального профессионального взаимодействия в структурах системы отбора, тренировок, обучения и воспитания кадров для участия в состязаниях спорта больших достижений с целью достижения их содержания, отвечающие требованиям образовательной молодежной политики в нашей стране, и соответствующие целям, стратегиям, программам тренировок молодых спортсменов по различным видам спорта.

Эффективность управления доверием представляет собой характеристику достигаемых им результатов в соотношении с использованными для них организационными, финансовыми, информационными, кадровыми, социально-психологическими ресурсами.

Существенные для проблематики повышения эффективности управления доверием в системе подготовки олимпийского резерва данные получены в ходе реализации авторского социологического исследовательского проекта «Доверие.Спорт.Молодежь» (январь – март 2020 года). В ходе исследования опрошено 126 экспертов из числа должностных лиц, специалистов и практиков системы подготовки олимпийского ре-

зерва, достоверность выводов обеспечена высоким уровнем согласованности экспертных оценок ($W=0,63$).

Анализ результатов, Основные результаты (Results and discussion)

Изучение проблематики управления доверием в спорте, его результирующие аспекты позволяет указать на такие его характеристики, как: а) недостаточное использование отношений доверия в обосновании и реализации тренерских программ в современных условиях, преимущественная ориентация не на гуманистическую, а функциональную модель подготовки молодых спортсменов; б) недостаточная развитость концептуальных подходов к адаптации современных взглядов на роль и место доверия в системе профессиональных коммуникаций в управленческих процессах в системе подготовки олимпийского резерва; в) слабая согласованность мероприятий по установлению, развитию и поддержанию доверия между спортсменами, тренерским составом, администрацией и клубами болельщиков с общей моделью и программами спортивных тренировок, развития индивидуальных и групповых спортивных качеств; г) амбивалентность и рискологичность использования доверительных форм отношений, которые должны сопровождаться управленческими воздействиями по гарантированию выполнения взаимных обязательств, которые взяты с учетом доверия; д) трудности учета интересов всех субъектов спортивной подготовки молодых спортсменов, а также лиц, представляющих их интересы (родителей) в процессе управления доверительными отношениями, опосредованных специфической спортивной состязательной деятельностью и подготовке к ней в школах олимпийского резерва; е) затруднения использования категории «доверия» в спортивных отношениях, как четко определенного понятия, редуцирование его к различным смысловым конструктам – эмпатийному, этическому, рациональному, рисковому, функционально-организационному и иным, что затрудняет определение результатов управленческого воздействия;

ж) незавершенность нормативного определения целевых установок и нормативов достижений в подготовке молодых спортсменов, которые в этих условиях могут в определенной степени противоречить в качестве «цели» и «средства» (формирование личности гражданина как более общий континуум «социального заказа» к спортивным институтам не должен замещаться на уровне непосредственных организаторов спортивной подготовки такой целью, как «спортивные достижения любой ценой»).

Проведенное изучение управленческих аспектов феномена доверия в спорте позволяет сформулировать ряд выводов оптимизации социальных отношений и достижения эффективности социального взаимодействия в работе с молодыми спортсменами.

Пути повышения эффективности процесса управления доверием в процессе подготовки спортивного резерва могут быть структурированы на основе системного подхода в рамках обеспечения функциональности института спорта в общей системе общественных отношений социума, устойчивости связей между людьми и устойчивого развития.

Во-первых, – это определение места и роли отношений доверия в российском социуме и его институтах, в том числе спортивных, которое все более рассматривается в качестве необходимого компонента гуманистического вектора развития человечества, безальтернативности совместного существования, что объективно предполагает доверительные институциональные связи.

Во-вторых, – регулирование процессов взаимосвязи спортивных институтов массового спорта, спорта больших достижений, института тренерского наставничества, подготовки кадров, рынка спортивных кадров и спортивных услуг, института спортивного судейства, антидопинговой системы, как механизма достижения оптимальности управленческих усилий со стороны субъектов государственной политики в области физической культуры и спорта.

В-третьих, – целесообразно продолжить совершенствование админи-

стративных регламентов спортивной деятельности, спортивных состязаний, судейства, планирования календаря спортивных состязаний с максимальным учетом интересов команд, федераций и иных субъектов спортивной деятельности; тем самым будет реализован один из концептуальных подходов к управлению доверием, который предполагает достижение его эффективности в рамках установленных норм поведения и деятельности, которые в силу их многократного повторения приобретают форму традиций, ритуала, «опривыченной социальной практики», что формирует доверие к институционально организованной, сбалансированной и привычной среде;

В-четвертых, – важно обеспечить подготовку управленческих кадров в сфере физической культуры и спорта для достижения необходимых спортивных результатов в форме успеха в соревновательной практике на основе отношений доверия, либо при учете их специфики, потенциала, механизмов формирования и поддержания.

В-пятых, – эффективность управления доверия в спорте зависит от наличия у субъектов управления концепций, методических средств, технологий установления доверительных отношений между спортсменами, членами одной команды, между спортсменами и тренерами, между спортсменами и судьями; не менее важны и современная методология разработки и реализации государственной политики в области физической культуры и спорта, как процессов согласования интересов органов государственного управления и спортивных институтов в нахождении сбалансированного подхода к распределению государственных средств в придании институту спорта важного фактора социально-политического и социально-экономического развития; это требует постановки задач разработки этих методологических и методических средств обеспечения управления доверием в спорте с учетом достижений современных социально-гуманитарных наук, цифровизации си-

стемы управления, тенденций развития медико-биологических практик сохранения здоровья населения и спорта больших достижений.

Социологическое обеспечение управления доверием в спортивном институте подготовки олимпийского резерва должно занять свое место в общей системе функционирования организаций и институтов в спортивной сфере, стать важным элементом насыщения субъектов спортивной деятельности информацией об актуальных и латентных социальных явлениях и процессах, социальной динамики под воздействием управленческих воздействий.

Центральным звеном социологического обеспечения структур управления является способность руководителей четко формулировать задачи по содержанию, степени достоверности, периодичности и формы представления мониторинговых данных. Применительно к сфере управления доверием в системе подготовки олимпийского резерва целесообразно обосновать и установить:

- группы подлежащих выявлению показателей в ходе исследования, которые включают индивидуальные социально-психологические характеристики (установки на установление отношений доверия) молодых спортсменов и групповые показатели доверительных отношений;
- детерминационные характеристики корреляционных и регрессионных показателей связи доверия с результатами спортивных достижений;
- алгоритмы экстраполяции социологических данных на перспективы изменения социальных отношений, а также прогнозируемые результаты спортивной карьеры молодых спортсменов.

Материалы статьи могут быть *использованы*:

- для рассмотрения на инструкторско-методических занятиях с организаторами спортивной деятельности, тренерским составом, психологами и административными работниками школ олимпийского спортивного резерва в качестве дискуссионной

- основы обсуждения возможностей совершенствования воспитательно-тренировочного процесса с молодыми спортсменами на основе развития отношений доверия;
- в целях формирования перспективных работ развития методик, социально-психологических технологий установления отношений доверия, а также регулирования конфликтных ситуаций в спортивных молодежных коллективах, обеспечив при этом их связь с достижением высокой функциональности спортивных институтов подготовки кадров в интересах спорта больших достижений;
  - при развитии системы социологического мониторинга сформированности мотивационно-ценностной структуры личности молодых спортсменов, динамики их установок и навыков установления и поддержания отношений доверия, которая может значительно усилить информационную базу управления доверием и, соответственно, повысить эффективность управленческой деятельности в системе подготовки олимпийского резерва;
  - в условиях расширения социальной практики привлечения родителей молодых спортсменов для формирования у детей установок на установление отношений доверия в коллективах школ олимпийского резерва, разъяснения необходимости полагаться на рекомендации тренера в режим питания, образе жизни, выполнения упражнений, которые дадут положительный эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективе, воспитания уважения к системе судейства и судьям, как субъектам социального контроля, обеспечивающих социальных порядок проведения состязаний.

Заключение/Выводы (Conclusion)

Таким образом, процесс социального управления отношениями доверия в спортивном институте подготовки олимпийского резерва нуждается в постоян-

ной поддержке и регулировании в части достижения необходимого уровня эффективности в оптимизации социальных связей в спортивных микрогруппах, коллективах, как фактора достижения лучших результатов в состязаниях, а также формирования качественного кадрового потенциала спорта больших достижений.

Литература

1. Алёшин, С.В. Доверие в спорте – успешное решение спортивных споров и проблем / В сборнике: В мире научных открытий. материалы XVI Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. Центр научной мысли; научный редактор И.А. Рудакова. 2015. С. 127–131.
2. Бекетова, О.С., Вервейко, О.И. Доверие как ресурс социального управления / В сборнике: Научные технологии и инновации (XXI научные чтения). Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. 2014. С. 52–56.
3. Беленцов, В.Н. Понятие результативности и эффективности в контексте управления социально-экономическими системами // Вестник Института экономических исследований. 2020. № 1 (17). С. 32–39.
4. Кобакин, М.В. Использование интернет-технологий в целях социальной диагностики доверия населения к деятельности полиции // Социально-гуманитарные технологии. 2019. № 2 (10). С. 18–24.
5. Макарова, Т.Ю., Москвина Ю.Н. Доверие как фактор управления // Вестник Тверского государственного технического университета. 2004. № 4. С. 141–145.
6. Манжелей, И.В., Колунин, Е.Т., Куценко Г.А. Воспитательный потенциал спортивной среды школы олимпийского резерва // Теория и практика физической культуры. 2019. № 1. С. 94–96.
7. Тищенко, В.В., Ключкина, Г.О. Социология спорта в контексте обще-

ственных перемен / В книге: Наука и образование в социокультурном пространстве современного общества. Сборник научных трудов по материалам II-ой Международной научно-практической конференции. 2017. С. 76–77.

WAYS TO ENSURE THE EFFECTIVENESS OF SOCIAL TRUST MANAGEMENT IN THE SPORTS INSTITUTE OF OLYMPIC RESERVE TRAINING

Burtsov M. Yu.

Technological University named after twice Hero of the Soviet Union, pilot-cosmonaut A.A. Leonov

The article reveals the conditions and factors of ensuring the effectiveness of social trust management in the field of training sports personnel. The system of performance indicators of this type of social management in relation to the institute of training of the Olympic reserve is justified. On the basis of a systematic and structural-functional approach, measures are justified to maintain the norm, clarify the goal setting, integrate the institute of training athletes in the general system of sports policy, as well as adapt its main components to specific historical conditions. The role and place of sociological support of social trust management in the Sports Institute of Olympic Reserve training is revealed. The results of the author's sociological study of the prospects for the development of the trust management system as a mechanism of social control and maintenance of social order on the basis of humanistic approaches and solidarity of subjects of joint socially significant sports activities are presented.

Keywords: trust, sports institute, Olympic reserve, social diagnostics, social design, social

planning, efficiency, performance indicators, sociological support, social technologies.

References

1. Aleshin, S.V. Trust in sports-successful solution of sports disputes and problems / in the collection: In the world of scientific discovery. proceedings of the XVI International scientific and practical conference: collection of scientific papers. Center for scientific thought; scientific editor I.A. Rudakova. 2015. Pp. 127–131.
2. Beketova, O. S., verveiko, O.I. Trust as a social management resource / In the collection: science-Intensive technologies and innovations (XXI scientific readings). Belgorod state technological University named after V.G. Shukhov. 2014. Pp. 52–56.
3. Belentsov, V. N. the Concept of efficiency and efficiency in the context of management of socio-economic systems // Bulletin of the Institute of economic research. 2020. No. 1 (17). Pp. 32–39.
4. Kibakin, M. V. the Use of Internet technologies for the purpose of social diagnostics of public confidence in the activities of the police. 2019. No. 2 (10). Pp. 18–24.
5. Makarova, T. Yu., Moskvina Yu.N. Trust as a management factor // Bulletin of the Tver state technical University. 2004. No. 4. Pp. 141–145.
6. Manzhelei, I. V., Kolunin, E. T., Kutsenko G.A. Educational potential of the sports environment of the Olympic reserve school // Theory and practice of physical culture. 2019. No. 1. Pp. 94–96.
7. Tishchenko, V. V., Klyuchkina, G.O. Sociology of sport in the context of social changes / In the book: Science and education in the socio-cultural space of modern society. Collection of scientific papers on the materials of the II-th International scientific and practical conference. 2017. Pp. 76–77.

Социальное благополучие семей военнослужащих: приоритеты обеспечения

Евенко Сергей Леонидович,

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, ФГКВОВ
«Военный университет» Министерства обороны РФ
E-mail: slevenko@yandex.ru

Моряков Сергей Владимирович,

военнослужащий Вооруженных Сил Российской
Федерации
E-mail: Gemor.2017@yandex.ru

Статья посвящена важной проблеме современной социальной политики и поддержания престижа военной службы в части создания достойных условий жизни и удовлетворенности членов семей военнослужащих своим социально-экономическим положением, уважением со стороны населения, поддержания органами государственной позитивного имиджа военной организации. Определено содержание социального благополучия семей военнослужащих в рамках социологии управления, военной социологии и социологии семьи. Обоснована необходимость выделения объективных и субъективных компонентов в социальном благополучии характеризуемой категории граждан, определен их перечень в целях социологического анализа. Приведены авторские выводы из современного состояния социального благополучия семей военнослужащих, проблем и противоречий объективных показателей и их субъективной оценки, а также экспертные предложения приоритетности мер его повышения. Даны рекомендации по использованию материалов раскрытия темы в военно-социальном управлении и социальной политике российского государства.

Ключевые слова: военная социология, социология семьи, социальное благополучие, военно-социальное управление, социальная поддержка, социальная защита, социальное обеспечение, военно-социальные группы, семьи военнослужащих, семейное благополучие.

Введение (Introduction)

Субъекты военно-социальной деятельности существенно отличаются от представителей других социально-профессиональных групп в части родственных отношений приданием особой ценности социального благополучия семьи. В силу загруженности при выполнении служебных обязанностей, у военнослужащего особую значимость имеет возможность отдыха, погружения в обстановку спокойствия, уважения к воинскому труду со стороны жены и детей, признания его высокого статуса, выражающегося в способности обеспечить благоприятные условия семейной жизни. При этом сама мотивационно-ценностная структура личности военнослужащего опирается на традиционные ценности российского общества с приданием особого смысла институту семьи, заботы о ней.

Одновременно необходимо отметить, что большая служебная загруженность военнослужащего, ограничения дополнительного заработка военнослужащими в форме научной, педагогической и творческой деятельности [11, статья 10], требуют особого внимания со стороны органов военно-социального управления к обеспечению социального благополучия семей военнослужащего.

Литературный обзор (Literature review)

Семейная политика, как институциональный механизм поддержания стабильности социальной структуры общества и демографического развития, включает в себя государственно установленные критерии ее эффективности, в частности социального благополучия семей различных кате-

горий граждан, что нашло свое отражение в ряде научных теоретических и прикладных исследований [2; 12]. В некоторых работах рассматривается связь семейного благополучия и трудовой деятельности, профессиональной карьеры [6; 9], а также детерминации его уровня [4].

В научной литературе социальное благополучие семей военнослужащих чаще всего рассматривается в контексте их социальной защиты [3; 5; 7]. При этом ряд работ посвящены раскрытию институциональных механизмов ее обеспечения [10] и управления социальной защитой [8]. Отдельный интерес вызывают публикации, посвященные методическим вопросам изучения социального благополучия и социальной защиты военнослужащих и членов их семей [1].

Теория и методы (Theory and methods)

Концептуализация основных понятий, используемых в характеристике социального благополучия семей военнослужащих, может быть проведена в рамках научных разработок в области социального государства, социальной защиты и социальной поддержки населения, социальной политики, а также социального самочувствия. При этом социальное благополучие, как спокойное и счастливое состояние человека, его жизнь в довольствии, полная обеспеченность является важным показателем эффективности социальной политики.

В силу широты понятия «социального благополучия» характеристика его содержания может быть проведена по разным основаниям:

- этот социальный феномен – одно- временно объективная и субъективная характеристика социально-экономического положения личности, социальной группы, так как включает в себя оценку этого положения; в частности исследования социальных психологов показывают, что не всегда проявляется прямая связь между уровнем богатства и удовлетворенности им;
- в оценке социального благополучия важную роль играют государ-

ственные стандарты, статические показатели, которые являются критериями отнесения отдельных людей и групп населения к благополучной или неблагополучной по своим доходам страте; это связывается с социально-экономическими условиями в конкретно-исторических условиях;

- этот показатель носит динамичный характер и имеет существенные темпоральные аспекты, когда человек сравнивает свое социальное благополучие в ретроспективе и в перспективе; это вводит личностные рамки своих личных возможностей и способности эти возможности реализовать;
- важно отметить сравнительный характер оценки социального благополучия, при котором стабильность финансово-экономического положения военнослужащих может быть соотнесена с относительно высоким, но рискованным характером предпринимательства;
- социальное благополучие в условиях социума носит ценностный характер, когда характер этого благополучия должен быть социально одобряем, не противоречит основам правопорядка и нравственности, что особенно важно для военнослужащих, как военно-профессиональной группы с ярко выраженной государственной, социально значимой функцией деятельности и соответствующего ей образа жизни.

В соответствии с этим подходом *социальное благополучие семей военнослужащих* – это совокупность: а) объективных показателей полной материальной обеспеченности, позволяющей удовлетворить основные социально-экономические и духовные потребности членов семей в соответствии с возрастными и статусно-ролевыми позициями, а также б) субъективных показателей их спокойного и счастливого состояния, жизни в довольствии, которые являются результатом социальной защиты военнослужащих, как субъектов особой военно-профессиональной деятельно-

сти, связанной с ограничениями обеспечения материального благополучия, а также реализации некоторых прав в области передвижения, социальной и экономической активности.

Модель социального благополучия членов семей военнослужащих отражена в рисунке 1.

Рис. 1. Модель социального благополучия семей военнослужащих, как объект военно-социологического изучения (по материалам исследования)

В модели отражены такие компоненты социального благополучия, как правовой, финансовых, компонент льгот, имиджевый компонент, духовный компонент, которые имеют как объективные, так и субъективные аспекты, а также находятся в сложной взаимосвязи.

На основе проведенного социологического исследования «Благополучие», проведенного в июне-августе 2020 года (научный руководитель д.п.н., профессор Евенко С.Л.), которое включала в себе совокупность методов экспертного опроса (экспертная группа – 59 человек, согласованность мнений экспертов $W=0,71$), а также фокус-группы (проведены 4 сессии), получены актуальные показатели социального благополучия семей военнослужащих, латентные субъективные социально-психологические характеристики этого феномена.

Анализ результатов, Основные результаты (Results and discussion)

Социальное благополучие семей военнослужащих опирается в нашей стране

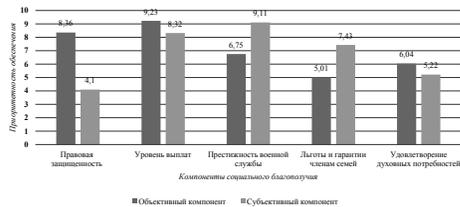
на солидную законодательную базу. В ней особое значение имеют правовые меры поддержки семей военнослужащих, в частности учета непрерывного трудового стажа членам семей, которые не могли быть трудоустроены в военных гарнизонах. Уровень социального благополучия этой категории населения изучается в рамках ежегодного мониторинга социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей [11, статья 29].

Уровень финансово-экономического обеспечения военной организации изменяется в соответствии с социально-экономическим положением страны. Изменяются размеры денежных выплаты военнослужащим, совершенствуется система материального и морального стимулирования.

В последний период развития российской государственности значительно повышен престиж военной службы, что, в частности связано с эффективными действиями российских войск в Сирии, в Крыму, выполнении миротворческих миссий, появлением перспективных систем вооружения.

Это объективные характеристики социального благополучия семей военнослужащих.

Одновременно, экспертное исследование показывает приоритетные направления обеспечения уровня социального благополучия семей военнослужащих, которые включают как меры по развитию его объективных компонентов, так и придания большей обоснованности его субъективной оценке со стороны военнослужащего и его ближайших родственников, что отражено на рисунке 2.

Рис. 2. Сравнительный анализ приоритетов обеспечения социального благополучия семей военнослужащих (по материалам исследования)

Как свидетельствуют экспертные оценки, в настоящее время *правовой компонент* социального благополучия в настоящее время имеет важное значение и предполагает дальнейшее развитие законодательной базы социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Одновременно на бытовом уровне правовые вопросы не имеют столь существенной роли в обеспечении социального самочувствия людей, которые обращаются к правовым нормам преимущественно при нарушении их законных прав. Эксперты определяют приоритетность мер по развитию этого компонента в 8,36 балла по десятибалльной шкале (от «0» – минимальное значение, до «10» – максимальное значение).

В связи с тем, что в настоящее время вопросы правового регулирования социальной защиты членов семей военнослужащих решены, а правоприменительная практика сосредоточена на реализационных, а не правозащитных механизмах, актуальность глубокого знания социального законодательства не столь велика и составляет 4,1 балла.

Соответственно, объективное развитие правовой основы социальной защиты не всегда может быть полностью оценено на уровне сознания членов семей военнослужащих, что не отрицает необходимость принятия мер к совершенствованию законодательства в этой сфере.

Гораздо большее значение для обеспечения социального благополучия имеет размер *финансовых выплат*, денежного довольствия военнослужащих. Этот параметр носит объективный характер, соотносится в условиях повседневной жизнедеятельности с субъективными оценками возможностей удовлетворения и имеет по мнению экспертов высокую статусность как в объективном, так и субъективном аспекте (9,23 и 8,32 баллов соответственно). Это связано с тем, что в современных рыночных условиях наличие финансовых ресурсов у семьи способно создать условия для приобретения необходимых товаров и услуг, и, соответственно,

позитивно повлиять на удовлетворенность членов семей военнослужащих своим положением, обеспечить ее социальное благополучие.

Несколько иная картина наблюдается при определении приоритетности мер развития *духовного компонента* социального благополучия, который выражается в повышении престижа военной службы, уважения к военнослужащим, позитивного общественного мнения в отношении семей военнослужащих. Действие этого компонента носит преимущественно субъективный характер, что требует принятия соответствующих мер (9,11 баллов приоритетности по мнению экспертов). Объектные аспекты обеспечения этого компонента, его значения в социальном благополучии семей военнослужащих носит по мнению экспертов менее важное значение (6,75 баллов приоритетности).

Исходя из приоритетности финансово-денежных механизмов обеспечения социального благополучия населения в условиях рыночной экономики, вполне закономерными выглядят относительно менее выраженные оценки приоритетности мер *обеспечения льгот и гарантий* членам семей военнослужащих. При этом эксперты преимущественно отдадут также мерам формирования субъективной оценки выраженности этого компонента по сравнению с его объективным состоянием (7,43 и 5,01 соответственно). Представляется, что это связано с необходимостью овладения членами семей военнослужащих информацией о своих правах, гарантиях, выплатах и компенсациях, что на субъективном уровне повысит их уверенность в своей социальной защищенности, а значит и позитивно повлияет на социальное благополучие.

Удовлетворение *духовных потребностей*, как компонент социального благополучия семей военнослужащих, не входит по мнению экспертов в число наиболее приоритетных компонентов, нуждающихся в развитии. При этом меры по объективному расширению условий для получения услуг социокультурного характера (6,04 баллов экспертной

оценки), а также субъективной удовлетворенности потребностей в духовной сфере (5,22 балла экспертной оценки) должны быть увязаны с другими мероприятиями по обеспечению социального благополучия членов семей военнослужащих.

Результаты теоретико-прикладного изучения приоритетов повышения социального благополучия семей военнослужащих могут быть использованы:

- субъектами военно-социального управления – при обосновании предложений по развитию законодательных основ социальной защиты военнослужащих и членов их семей, совершенствованию системы материального и морального стимулирования военнослужащих, повышения эффективности военно-социальной работы;
- должностными лицами военно-социальной работы – для совершенствования практики определения адресных потребностей семей военнослужащих, в том числе находящихся в тяжелой жизненной ситуации, а также оказания им мер социальной поддержки;
- общественными объединениями, реализующими задачи содействия социальной защите военнослужащих и членов их семей для участия в совместных с органами военно-социального управления мероприятиях по развитию всех компонентов социального благополучия в рамках своих уставных задач;
- субъектами информационной работы, СМИ, администрацией интернет-ресурсов при формировании взвешенной редакционной политики по освещению вопросов обеспечения военной безопасности, важности и престижности воинского труда, уважительности к членам семей военнослужащих.

Заключение/Выводы (Conclusion)

Таким образом, в настоящее время в основном обеспечен необходимый уровень социального благополучия семей военнослужащих, относящихся к различным

должностным категориям, что однако предполагает развитие институциональных условий для его поддержания и повышения, среди которых приоритетное значение имеют: механизмы повышения денежного довольствия военнослужащих и стимулирования за особые условия воинского труда; создания условий для приоритетного трудоустройства членов семей военнослужащих; развития социальной инфраструктуры для детей военнослужащих, поддержки в получении высшего образования; укрепление положительного имиджа военной службы, повышение авторитета военной организации; использования возможностей общественных организаций в решении семейно-бытовых проблем.

Литература

1. Баландина, Т.М., Девлетов, Р.Н. Параметры оценки социальной защиты военнослужащих // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 211–215.
2. Гафуров, Д. Семейное благополучие – основа общества // Universum: общественные науки. 2020. № 1–2 (62). С. 4–6.
3. Иванов, В.А., Каменский, Е.Г., Кручинина, В.В. Социальная защита военнослужащих и их семей. Курск, 2017.
4. Карцева, Л.В. О социальных факторах семейного благополучия / В книге: Семья в социально-культурном пространстве России. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 44–48.
5. Кобакин, М.В. Социальная защищенность офицеров внутренних войск и ее обеспечение в современных условиях: социологический анализ. Автореф. дисс... канд. социол. наук. М., 1995.
6. Кожевникова, И.А. Семейное благополучие и карьерные устремления, как результат осознанного выбора // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 281–286.

7. Колоколина, Е.В. Особенности социальной защиты военнослужащих и их семей: проблемы на современном этапе / В сборнике: Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. Сборник статей по материалам LXXXV студенческой международной научно-практической конференции. 2020. С. 34–37.
8. Перемибеда, П.А. Управление социальной защитой военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (социологический анализ). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010.
9. Рахимов, А.Р. Семейное благополучие как фактор повышения личной конкурентоспособности / В сборнике: Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики. Сборник научных трудов. Курск, 2019. С. 240–243.
10. Судаков, А.Ю. Военно-социальная работа в системе социальной защиты военнослужащих // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 1 (18). С. 147–152.
11. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» / Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 22 ст. 2331.
12. Черемных, В.Ю. Семейное благополучие как принцип семейной политики / В сборнике: Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах. Саратов, 2019. С. 79–84.

SOCIAL WELFARE OF MILITARY FAMILIES: SECURITY PRIORITIES

Evenko S.L., Moryakov S.V.

Military University Ministry of defense of the Russian Federation

The article is devoted to an important problem of modern social policy and maintaining the prestige of military service in terms of creating decent living conditions and satisfaction of family members of military personnel with their socio-economic status, respect from the popu-

lation, and maintaining a positive image of the military organization by state bodies. The content of social well-being of military families in the framework of management sociology, military sociology and family sociology is determined. The necessity of identifying objective and subjective components in the social well-being of the characterized category of citizens is justified, and their list is determined for the purposes of sociological analysis. The author's conclusions from the current state of social well-being of military families, problems and contradictions of objective indicators and their subjective assessment, as well as expert proposals on the priority of measures to improve it are presented. Recommendations are given on the use of materials for the disclosure of the topic in the military-social management and social policy of the Russian state.

Keywords: military sociology, family sociology, social welfare, military and social management, social support, social protection, social security, military and social groups, military families, family welfare.

References

1. Balandina, T. M., Devletov, R.N. Parameters of evaluation of social protection of military personnel // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 3. pp. 211–215.
2. Gafurov, D. Family well-being-the basis of society // Universum: social sciences. 2020. No. 1–2 (62). pp. 4–6.
3. Ivanov, V. A., Kamensky, E. G., Kruchinina, V.V. Social protection of military personnel and their families. Kursk, 2017.
4. Kartseva, L.V. About social factors of family well-being / In the book: Family in the socio-cultural space of Russia. Materials of the international scientific and practical conference. 2018. P. 44–48.
5. Kibakin, M.V. Social security of officers of internal troops and its provision in modern conditions: sociological analysis. Abstract. diss... cand. Sotsol. nauk. M., 1995.
6. Kozhevnikova, I.A. Family well-being and career aspirations, as a result of conscious choice // Bulletin of the Pacific State University. 2014. No. 3 (34). pp. 281–286.
7. Kolokolina, E.V. Features of social protection of military personnel and their families: problems at the present stage / in the collection: scientific community of students of the xxi century. Social sciences. Collection of articles based on the materials of the

- LXXXV Student International Scientific and Practical Conference. 2020. pp. 34–37.
8. Peremibeda, P.A. Management of social protection of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation (sociological analysis). Author's abstract of the dissertation ... cand. sociology. Sciences. M., 2010.
  9. Rakhimov, A.R. Family well-being as a factor of increasing personal competitiveness / In the collection: Modern family: changing meanings and practices. collection of scientific papers. kursk, 2019. pp. 240–243.
  10. Sudakov, a. yu. military-social work in the system of social protection of servicemen // bulletin of the volga academy of public service. 2009. no. 1 (18). pp. 147–152.
  11. Federal law no. 76-fz of may 27, 1998 "on the status of military personnel" / collection of legislation of the russian federation of june 1, 1998 no. 22, article 2331.
  12. Cheremnykh, V. Yu Family well-being as a principle of family policy / in the collection: man. History. Culture. Historical and philosophical almanac. Saratov, 2019. S. 79–84.

Региональный опыт применения технологии фандрайзинга социально ориентированными некоммерческими организациями (на примере Республики Хакасия)

Кочина Елена Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, социальной работы, Медико-психолого-социальный институт, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

E-mail: vereschaginaea@mail.ru

Осипова Дарья Андреевна,

магистрант, кафедра психологии, социальной работы, Медико-психолого-социальный институт, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

E-mail: osipova-dasha-1997-21@mail.ru

В статье анализируются ранее не изучавшиеся аспекты применения фандрайзинговой деятельности в социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) сибирского региона. Соответственно, цель статьи – изучить и проанализировать региональные особенности применения фандрайзинга в СОНКО на примере Республики Хакасия. Авторами представлен анализ теоретических источников с целью выявления современных тенденций развития фандрайзинга. Статья основана на материалах эмпирического исследования, которое проводилось с октября по ноябрь 2020 гг., в качестве метода сбора информации использовался целевой онлайн-опрос посредством сервиса Google Forms. Респондентами являлись руководители СОНКО. Разработан и реализован проект фандрайзинга «эспрессо помощь», в результате которого часть собранных денежных средств переданы СОНКО «Талаан» г. Абакана, с целью приобретения новогодних подарков детям, находящимся в центре для несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей в силу разных жизненных обстоятельств.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, каналы коммуникации, технологии фандрайзинга, социальные категории населения, социальные институты.

Применение технологий фандрайзинга в отечественной нише социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) представляется довольно новым явлением для России, и его приоритетное значение обусловлено необходимостью решения широкого спектра социальных проблем в обществе. С учётом того, что СОНКО нацелены на смягчение социальных проблем, соответственно, данные организации зависят от общественных, правовых, культурных, экономических и социальных условий. Как показывает ряд социологических исследований, проведённых исследовательскими коллективами в Пермском крае, Республике Калмыкия, г. Москве, Республике Адыгея, Воронежской области и др. [2;4;8;10], финансовая и ресурсная обеспеченность является одной из ключевых проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время СОНКО. В данном контексте трудно не согласиться с мнением, Крайновой О.С., о том, что фандрайзинг является одним из наиболее перспективных методов финансового менеджмента в условиях современной России, направленному на развитие третьего сектора [5].

Таким образом, поиск разноплановых ресурсов поддержки – это одна из первостепенных задач решения проблемы финансирования социальных проектов реализуемых СОНКО. Как показывает анализ теоретических источников, определений фандрайзинга существует немало, в общем смысле фандрайзинг представляет привлечение денежных, человеческих, информационных и других ресурсов ор-

ганизацией с целью реализации определённого социально-направленного проекта. В данном контексте как верно подчёркивает, А.В. Локалов: «... фандрайзинг это убеждение людей в необходимости, социальной значимости той или иной деятельности. Это то же самое, что формирование уникального торгового предложения. Только социальный проект будет не продаваться, а подаваться. Фандрайзинг с полным правом можно назвать творчеством, потому что некоммерческих организаций и проектов много, а денег всегда мало. Поэтому чем оригинальнее будет обращение за помощью, тем выше шансы эту помощь получить...» [6; С. 2]. Как верно отмечает Немгирова С.Н., актуальность фандрайзинга подчёркивается красным пунктиром в период роста негосударственного сектора в решении социальных проблем [8]. Наиболее точно понятие фандрайзинг на наш взгляд определяет И.Ф. Алгеброва, фандрайзинг это наука и искусство систематической работы с многообразными источниками финансирования по сбору средств и привлечению ресурсов для обеспечения финансирования некоммерческих организаций, выполнению благотворительных акций, поддержки иной некоммерческой деятельности или финансированию деятельности индивидуальных лиц, ведущих значимые исследования или обучающихся по социально значимым специальностям [1]. В настоящее время как показывает анализ теоретических источников проблема фандрайзинговой деятельности в исследованиях носит больше практикоориентированный характер. Следовательно, динамичные исследования особо актуальны, и представляется оправданным и актуальным опыт осмысления и анализа применение технологии фандрайзинга в СОНКО в Республике Хакасия.

Данная цель обусловила задачи: на региональном уровне определение основных ресурсов, с помощью которых социально-ориентированные некоммерческие организации осуществляют поиск и привлечение средств;

выявление роли фандрайзинга в СОНКО; разработать и реализовать акцию «Эспрессо помощь»; изучение применения фандрайзинга как способа привлечения внимания к социальной проблеме; определение перспектив развития фандрайзинга в СОНКО на региональном уровне.

В качестве методов исследования использованы были: анализ научной, периодической литературы и нормативно-правовых документов, анкетирование руководителей СОНКО, беседа с руководителем сети кофеин «My coffee cup» реализация акции.

При формировании выборки исследования при проведении анкетирования мы учитывали включение социально ориентированных некоммерческих организаций в Реестр СОНКО Республики Хакасия в 2020 году [7], так как включение в единый реестр является необходимым условием для получения разного рода государственной поддержки, которая также является одной из технологий фандрайзинга, СОНКО могли подтвердить свой статус, подав заявление и пакет необходимых документов, подтверждающих соответствие критериям, в Управление министерства юстиции России по Республике Хакасия. Следовательно, целевой группой нашего исследования стали руководители (заместители руководителей) СОНКО Республики Хакасия по данным единого реестра на 01 октября 2020 года по Республике Хакасия. Анкетирование проводилось с октября по ноябрь 2020гг, в качестве метода сбора информации использовался целевой онлайн-опрос посредством сервиса Google Forms (https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSd0BvRpp_v_QZN6JFedufZdljOC9__TrsczWd2EwxP6iNYR3Q/viewform?usp=sf_link), руководству СОНКО на электронный адрес было направлено письмо с обращением принять участие в опросе исходя из цели нашего исследования. Всего в исследовании приняло участие восемь респондентов, все респонденты женского пола, возраст от 35 до 52 лет. Анкета

для проведения опроса включала в себя несколько блоков вопросов, необходимых для оценки регионального опыта применения технологий фандрайзинга. Прежде всего, мы постарались выявить какие методы фандрайзинга использовались СО НКО в течение последних двух лет, большая часть опрошенных, использовали в качестве методов фандрайзинга разработку и подачу на различные конкурсы с последующей реализацией социальные проекты, гранты российских организаций. Менее используемые технологии были указаны краудфандинг, сбор средств через ящики для пожертвований, сбор средств через sms, электронная рассылка, личные переговоры. С точки зрения руководителей СО НКО более охотно «отзываются» доноры на такие социальные категории населения как дети с ограниченными возможностями здоровья, одарённые дети с детьми с ограниченными возможностями здоровья, семьи пострадавшие от стихийных бедствий, многодетные семьи, дети находящиеся в социально-опасном положении; менее привлекательные категории: лица без определенного места жительства и занятый, вынужденные переселенцы и др. Все опрошенные считают, что у населения низкий уровень информированности о деятельности СО НКО, и как следствие настороженное отношение к подобному виду организаций. По мнению опрошенных, основными проблемами, с которыми приходится сталкиваться СО НКО это проблема с кадрами, отсутствие профессионально подготовленных специалистов в области фандрайзинга, недостаточное финансирование, низкая информированность населения о деятельности СО НКО. При этом, на вопрос: выделите факторы, способствующие развитию фандрайзинговой деятельности в регионе, респонденты ответили: активное развитие сегмента массовых частных пожертвований, увеличение количества НКО, привлекающих частные пожертвования, рост числа частных жертвователей. Руководители СО НКО также высказали пожелание поучаство-

вать в формате онлайн-конференции по тематикам: фандрайзинг (привлечение финансовых средств), социальное проектирование (как писать проекты), маркетинг в фандрайзинговой деятельности. Полученные нами данные лишь подтверждают исследование, проведенное А.А. Клециной [3], о том, что отсутствие подготовки кадров по профессии фандрайзер, слишком тормозит развитие данное направление.

Итак, как показал целевой опрос руководителей СО НКО чаще всего доноры откликаются на социальную категорию дети. Следовательно, последующий этап нашего исследования: реализация конкретного проекта фандрайзинга «эспрессо помощь». Перед реализацией нами были последовательно и поэтапно решены задачи: поиск подходящей кофейни для реализации проекта; заключение договора между кофейней и со нко «Талаан», определение каналов коммуникации распространения об акции, составление бюджета (наклейки на стаканчики с указанием хэштегов, стоимость услуги блогера который ежедневно у себя на странице в социальных сетях будет оповещать об акции и.т.д.). Выбор именно кофейни был обоснован в связи с пандемией, так как многие заведения либо работали в сокращённом режиме, либо были закрыты, а кофейни продолжали работать (продавая напитки и десерты на вынос), предварительно перед началом акции в личной беседе с директором кофейни, был обозначен самый продаваемый вид кофейного напитка в утренние часы (эспрессо), также из личной беседы было уточнено утреннее время активных продаж до 11–00. Проект осуществлялся в одной из сети кофеин города Абакана находящейся в самом центре города, в течение пяти дней с восьми до одиннадцати утра, 3% от продажи кофейного напитка эспрессо были переданы в СО НКО (с которой был заключён договор на передачу денежных средств с целью приобретения новогодних подарков детям, находящимся в ГКУ РХ центр для несовершеннолетних, оставшихся без

попечения родителей в силу разных жизненных обстоятельств). На стаканчиках были наклеены наклейки «экспрессо помощь, я учувствую в акции», в них с восьми до одиннадцати утра, подавался кофейный напиток. Покупая кофе, люди выкладывали фото или «сториз» в социальных сетях с хэштегом # я участвую в акции # поможем вместе# твори добро#помогать легко#и.т.д., тем самым привлекая внимание к акции и к кофейне. После завершения акции на протяжении ещё некоторого времени, гости заведения просили продлить акцию, так как не успели к ней присоединиться. Следовательно, можно сделать вывод, что пять дней очень маленький срок для проведения подобного рода акции, и было бы целесообразнее проводить подобные акции в течение месяца в определённые дни. Тем самым для заведения благодаря распространению хэштегов, упоминание на своих аккаунтах о данной акции и следовательно кофейне, появляется возможность повысить степень узнаваемости, формирование позитивного имиджа репутации на рынке, привлечение потребителей. В случае получения более активной и распространённой возможности сотрудничества с представителями СМИ, блогерами, применение каналов коммуникаций, тенденция применения фандрайзинга в СО НКО могла бы не только повышать грамотность населения в этом вопросе, но и задавать общественную тенденцию по стремлению к участию в подобных проектах с целью решения социальных проблем.

Таким образом, одной из важнейших проблем СО НКО является дефицит ресурсного обеспечения, следовательно, СО НКО необходимо заниматься поиском и привлечением дополнительных источников финансирования под определённые социальные проекты. Как верно отмечает в своем исследовании Вахтина А.О., Российская практика развития фандрайзинга отличается от западной тем, что в России привыкли получать средства от государства, поэтому у нас достаточно низкий процент уча-

стия населения, доноров, общественных (государственных) социальных институтов в формировании бюджета СО НКО [2]. Именно поэтому становится актуальным становление фандрайзинга как системы привлечения средств в деятельность СО НКО. Как показали результаты анкетирования, с учетом того, что у населения очень низкий уровень знаний о деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, считаем необходимо повышать уровень экономической грамотности населения, что впоследствии возможно повлечёт за собой формирование благоприятных условий для дальнейшего развития общественно полезной деятельности, участие населения в некоммерческих инициативах, повышению духовно-нравственного уровня общества в целом; также необходимо разработать с последующей реализацией программы профессиональной подготовки/переподготовки фандрайзеров для СО НКО.

Литература

1. Албегова И.Ф. Фандрайзинг для некоммерческих организаций как технология успеха: учеб. –метод. пособие. – Ярославль, 2019. – 106 с.
2. Вахтина Анна Олеговна Система фандрайзинга на арене российских НКО //Региональное развитие. – 2015. № 6(10).URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-fandrayzinga-na-arene-rossijskih-nko> (дата обращения: 13.11.2020).
3. Клецина А. А., Гусева Е.Г. Привлечение частных пожертвований в НКО БОО «Центр развития некоммерческих организаций»- СПб. – 2013. –233с.
4. Корнеева И.Е. Фандрайзинг в российских некоммерческих организациях: результаты эмпирического исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 4. С. 48–66.
5. Крайнова О. С., Ширяева И.С. Фандрайзинг как инструмент финансового менеджмента в современной

- России // Концепт. – № 5. – 2018. – С. 144–150.
6. Локалов А.В. Ключевая роль фандрайзинга и спонсоринга в социально значимых PR-кампаниях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук 2010. – № 9 с. 1–4 <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevaya-rol-fandrayzinga-i-sponsoringa-v-sotsialno-znachimyh-pr-kampaniyah> (дата обращения: 10.09.2020.)
  7. Министерство труда и социальной защиты Республики Хакасия // <https://msz19.ru/>
  8. Немгирова С.Н. Актуальные проблемы деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций // Вестник института комплексных исследований аридных территорий. – 2016. – № 1(32)-С.70–75
  9. Постановление Правительства РФ от 23.08.2011 № 713 (ред. от 25.05.2016) «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям». – <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2020.)
  10. Преображенский Б.Г., Трещевский Ю.И. Региональный рейтинг третьего сектора «РЕГИОН-НКО» (рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню и качеству развития некоммерческого сектора) Результаты специального пилотного проекта Общественной палаты Российской Федерации в партнерстве с рейтинговым агентством РАЭКС-Аналитика. – Москва. –2020. –51с.

REGIONAL EXPERIENCE OF USING FUNDRAISING TECHNOLOGY BY SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

Kochina E.A., Osipova D.A.

Khakass State University N.F. Katanova

The article analyzes the previously unexplored aspects of the use of fundraising activities in socially oriented non-profit organizations

(SONKO) of the Siberian region. Accordingly, the purpose of the article is to study and analyze the regional features of the use of fundraising in SO NPOs using the example of the Republic of Khakassia. The authors present an analysis of theoretical sources in order to identify modern trends in fundraising development. The article is based on empirical research conducted from October to November 2020, using a targeted online survey through the Google Forms service as a method of collecting information. The respondents were heads of SO NPOs. As a result of the study, the article identifies the problems that the leaders of SO NPOs face in their activities (insufficient resource provision, qualified personnel, etc.), identifies social categories that find the greatest response from potential donors, etc. A fundraising project “espresso help” was developed and implemented, as a result of which part of the collected funds were transferred to the NGO Taalan in Abakan, with the aim of purchasing New Year gifts for children in the center for minors left without parental care due to various life circumstances.

Keywords: socially oriented non-profit organizations, communication channels, fundraising technologies, social categories of the population, social institutions.

References

1. Albegova I.F. Fundraising for non-profit organizations as a technology of success: study guide. allowance. – Yaroslavl, 2019. – 106 p.
2. Vakhtina Anna Olegovna Fundraising system in the arena of Russian NGOs // Regional development. –2015.№ 6 (10).URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-fandrayzinga-na-arene-rossiyskih-nko> (date of access: 13.11.2020).
3. Kletsina A. A., Guseva E.G. Attraction of private donations to the NGO “Center for the Development of Non-Profit Organizations” – St. Petersburg. – 2013. –233s.
4. Korneeva IE Fundraising in Russian non-profit organizations: the results of empirical research // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2016. No. 4. P. 48–66.
5. Krainova OS, Shiryayeva IS Fundraising as an instrument of financial management in modern Russia // Concept. – No. 5. – 2018. – P. 144–150.
6. Lokalov A.V. The key role of fundraising and sponsoring in socially significant PR campaigns // Actual problems of the hu-

- manities and natural sciences 2010. – № 9 p.1–4 <https://cyberleninka.ru/article/n/klyuchevaya-rol-fandrayzinga-i-sponsorin-ga-v-sotsialno-znachimyh-pr-kampaniyah> (date accessed: 09/10/2020.)
7. Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Khakassia // <https://msz19.ru/>
  8. Nemgirova S.N. Actual problems of the activities of socially oriented non-profit organizations // Bulletin of the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories. – 2016. – No. 1 (32) – P. 70–75.
  9. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.08.2011 No. 713 (as amended on 25.05.2016) “On providing support to socially oriented non-profit organizations.”
  10. Preobrazhensky BG, Treshchevsky Yu.I. Regional rating of the third sector “REGION-NCO” (rating of the constituent entities of the Russian Federation by the level and quality of development of the non-profit sector) Results of a special pilot project of the Public Chamber of the Russian Federation In partnership with the rating agency RAEX-Analytica. – Moscow. –2020. – 51 p.

Культурные креативные кластеры: место и роль в развитии российских регионов

Ли Сяочжоу,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: 453410849@qq.com

Статья посвящена исследованию основных детерминант успешной кластеризации культурных креативных индустрий.

Объектом исследования в данной статье выступают культурные креативные индустрии (на примере культурной отрасли в регионах). Методология исследования основана на изучении зарубежного опыта развития культурных креативных индустрий, оценке их эффективности и возможности адаптации успешного опыта для российских регионов. Выявлено, что кластеризация культурных креативных индустрий привлекает внимание большое количество ученых, государственных деятелей и предпринимателей, поскольку несет в себе потенциал решения важных социально-экономических проблем регионов и стран мира. Среди динамичных секторов мировой экономики появились креативные и наукоемкие отрасли, в основе которых лежит креативность – неограниченный ресурс, призванный обеспечить динамичное социально-экономическое развитие отдельных социальных систем мира, – креативные отрасли (в том числе и в сфере культуры). Раскрыты признаки, присущие культурным креативным кластерам. Определено и осуществлено оценивание детерминант кластеризации культурных креативных индустрий. Проанализирован международный опыт формирования культурных кластеров, который выступает в роли дорожной карты для дальнейшего социально-экономического развития российских регионов.

Ключевые слова: креативность, культура, социологические аспекты, творчество, кластеризация, креативные индустрии, культурный креативный кластер, детерминанты кластеризации.

В конце XX века мировая экономика испытала существенные потрясения: финансовые кризисы, рост безработицы, недостаток ресурсов, в связи с этим традиционные отрасли перестают быть элементами национального благополучия. Именно поэтому на рубеже последних веков в мировой экономике выделились новые динамично растущие отрасли, которые призваны преодолеть социально-экономические проблемы регионов и стран мира – культурные креативные индустрии (далее – ККИ).

ККИ в меру своих эксплуатационных и организационных особенностей имеют склонность к кластеризации, то есть пространственному объединению. Кластеризация ККИ представляет собой среду широкого взаимодействия культурных и креативных профессионалов, построенное на комплементарном и оппортунистическом поведении всех его участников. Многие страны мира демонстрируют как успешные, так и неудачные примеры формирования кластеров ККИ. Международный опыт дает возможность определить основные детерминанты прогрессирующих ККИ кластеров, на основе которых можно преодолеть локальные, и, как следствие, глобальные неурядицы мировой экономики. Следовательно, среда функционирования и ключевые факторы кластеризационных процессов в культурном секторе сегодня является актуальным вопросом для исследования.

Усиленный интерес зарубежных и отечественных ученых к теме бизнес-кластеризации еще не ответил на вопрос относительно формирования ККИ кластеров и факторов влияния на пространственную концентрацию образовательно-развлекательной де-

тельности. Начало XXI века характеризуется трансформационными изменениями мирового хозяйства в результате развития цифровых технологий, нормативно-правовых изменений экономической деятельности, а также вследствие экономических кризисов и нехватки ресурсов [14; 11]. В этих условиях формируется новая глобальная экономическая среда, где на первое место выходит экономика, базирующаяся на продуцировании и распространении знаний, вместо производства и продажи материальных товаров.

Инновационные технологии и идеи становятся едва ли не главным продуктом новых экономических систем, где особое место играет креативная составляющая, которая переносит на задний план такие факторы производства, как земля и капитал, преодолевая тем самым проблему нехватки ресурсов.

Как указано в отчете конференции организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) «Creative Economy Report 2010», креативность может быть определена как процесс, с помощью которого генерируются идеи и превращаются в вещи, имеющие определенную ценность. Другими словами, это использование идей для создания новых идей [8]. Успех креативных индустрий в большей мере зависит от локального развития творческого потенциала, ведь глобализация и конвергенция мультимедийных и телекоммуникационных технологий превратили потребителей из пассивных получателей культурных сообщений в активных создателей креативного контента.

Концепция креативных индустрий была разработана в Великобритании в 1998 г., согласно которой креативные индустрии – это виды деятельности, которые имеют свое происхождение в индивидуальном творчестве, мастерстве и таланте, и которые являются источником богатства и создания новых рабочих мест путем генерирования и использования интеллектуальной собственности [9].

Креативный сектор сегодня является наиболее растущим в глобальной экономике, особенно в сфере культурного потенциала. Международная торговля креативных товаров показывает устойчивый рост, что стимулировало ее значительное расширение в последнее десятилетие. Совокупный экспорт креативных товаров вырос в стоимостном выражении почти в 2,5 раза до 509 млрд долл. США в 2015 г. по сравнению с 2002 г. соответственно, что составило 3,1% от мирового экспорта товаров, а импортный рост составил 200% до 454 млрд долл. США за тот же период, то есть 2,8% от совокупного импорта товаров [10], а на конец 2019 г. показатели показали прирост еще в 2,5 раза соответственно [3]. Эти данные свидетельствуют о растущей роли ККИ в национальных экономических стратегиях развития.

Креативность часто характеризуется агломерационными процессами, поэтому ККИ концентрируются в определенных местах, а не равномерно распределены по всей территории. Организационные и эксплуатационные особенности креативности определяют локальный характерный признак креативной деятельности – кластеризацию. Креативные кластеры является одним из основных элементов развития креативных индустрий, поскольку их основу составляют малые экономические агенты.

Кластеризация интересовала многих ученых в различных отраслях экономики. Значимый вклад в раскрытие сущности понятия «культурный кластер» внесли В.Э. Гордин и М.В. Матецкая, определившие его как сообщество фирм, которые тесно связаны с различными отраслями, взаимно дополняют друг друга и способствуют росту своего конкурентоспособного преимущества [4]. В трудах современных исследователей [5; 15], изучающих развитие территорий, указываются наличие двух основных групп рисков кластерного развития, которые необходимо учесть, на наш взгляд, при составлении программы развития ККИ в российских регионах [7; 12; 13]:

1) риски, возникающие на уровне территориального управления при реализации политики на основе кластерного подхода и кластерного развития;

2) риски, которые специфичны для музеев, не входящих в культурный кластер.

Можно говорить о том, что отрасль культуры должна рассматриваться как одна из его главных конкурентоспособных преимуществ, как важная часть позитивного имиджа региона. Как отмечают В.А. Шатиринов и Е.В. Беляев, «культура рассматривается как сфера деятельности людей – работников этой сферы, принимающих непосредственное участие в производстве общественного продукта и национального дохода, ... культура стала рассматриваться в современном обществе как один из базовых регуляторов, определяющих социально-экономическое развитие региона» [6].

Кластеры формируются на базе ключевых ресурсов региона. Их участниками, помимо организаций, обеспечивающих реализацию продуктов и услуг в сфере культуры, могут стать администрации муниципалитетов, научно-исследовательские и образовательные учреждения, профессиональные и общественные объединения и т.д. Кластеры могут формироваться как на локальном (городском или районном), так и на региональном уровнях [1].

На основе проведенного анализа мы определили признаки, присущие креативным кластерам:

1) локальный характер: субъекты кластера сосредотачиваются на ограниченной территории;

2) ресурсозависимость: основным ресурсом креативных кластеров являются знания, информация и творческий талант, которые находятся в постоянной интерактивной циркуляции;

3) узкая специализация: креативная кластеризация происходит в пределах одной или нескольких родственных сферах деятельности, но это не влияет на культурное и творческое многообразие участников кластера;

4) конкурентное сотрудничество: широкое и активное взаимодействие

участников на основе множественности прямых, обратных локальных отношений и добросовестная конкуренция;

5) экстернальное взаимодействие: межличностные контакты, сотрудничество между поставщиком и клиентом, взаимодействие между научными центрами и экономическими единицами, а также межотраслевая кооперация и интеграция;

6) инновационность: кластеры являются носителями и создателями креативных и интеллектуальных новаций;

7) органичность: они не поддаются искусственному созданию или планированию;

8) креативный класс: в креативных кластерах задействованы высокоспециализированные креативные профессионалы, чья экономическая функция заключается в создании новых идей, новых технологий и/или творческого контента;

9) большое количество экономических агентов: развитая сеть многочисленных креативных предпринимателей, некоммерческих организаций, культурных центров, театров наряду с научными парками и медиа-центрами;

10) внутреннее потребление: избыточное производство можно реализовать или же выгодно применить в пределах кластера.

11) высокие социальные и культурные ценности: сохранение культурного наследия, здоровый социум и тесные отношения в середине кластера, построенные на открытости и доверии;

12) гибкость: эффективно и своевременно реагировать на макроэкономические изменения.

13) урбанизм: культурные креативные кластеры характерны для городских и пригородных зон.

Кластеризация креативных индустрий стимулирует процветание региональной экономики. Креативные кластеры являются значительным источником бюджетных поступлений и роста ВВП, создают новые рабочие места, которые привлекают квалифицированную рабочую силу из других регионов, а на основе ребрендинга формируют

привлекательный имидж региона как для туристов, так и инвестиций. Кластерная форма организации ККИ проявляет положительное влияние на другие сектора экономики и на социальное благополучие, а циркуляция знаний в кластере является основой для роста инновационной составляющей в регионе и ускоряет темпы НТП.

Потенциал кластеров креативных индустрий используют сегодня как страны Европы и Северной Америки, так и территориальные единицы Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки. Именно их опыт позволяет определить детерминанты развития креативных кластеров. Примером являются азиатские страны, где креативный сектор очень могуч. Китайские креативные кластеры действуют в рамках социалистической идеологии, работают вокруг общих проблем и общих целей, часто они иницируются государством. В последнее время активно на культурные креативные индустрии переориентируются города Китая, создавая сеть культурных креативных кластеров. Отдельно, промышленный гигант Шанхай привлекает инвестиции в креативное развитие районов города. Здесь предусмотрено формирование тысячи креативных парков, кластеров, особых культурных зон, а культурные индустрии акцентируют свое внимание на рекламе и продуктах мультимедийной деятельности. Основным инвестором китайского процесса кластеризации выступают местные власти.

Впрочем, самыми мощными креативными кластерами являются европейские кластеры, поскольку страны Европы рассматривают их как средство укрепления региональной конкурентоспособности. Большое значение здесь играет разработка теоретических основ креативных индустрий в конце прошлого века и ранняя переориентация экономики региона на креативный вектор развития. Региональные институты развития в Европе также имеют большой потенциал. В частности, в Великобритании действует сеть региональных агентств развития, местных предпринимательских объединений [16].

Например, в Лондоне функционирует Лондонское агентство по развитию и является органом муниципальной власти. Данное учреждение разрабатывает стратегию и политику развития креативного сектора и предоставляет финансовую помощь независимым организациям, которые работают в разных регионах города.

Значительное развитие претерпели креативные кластеры и на территории Северной Америки. По состоянию на 2018 г. прибыль в сфере креативных индустрий перешла деление 600 млрд долл. США, а занятых в креативных индустриях здесь насчитывается около 5 млн человек [2]. В США креативные кластеры поддерживаются как на локальном, так и на государственном уровнях.

Центр искусств и культуры, фонд из Новой Англии по развитию искусств и другие агентства облегчают доступ креативных товаров и услуг на национальный и международный рынки, обеспечивающие финансирование, налаживают формальные и неформальные связи в регионах. Кроме того, есть немало программ развития, которые поддерживаются частными компаниями или организациями. В Сан-Франциско при поддержке частных партнеров действует программа «Bridge», которая направлена на налаживание связи между опытными дизайнерами продукции, коммуникаций или интерфейсов в многообещающих стартапах. Поддержку проекта предоставляют такие партнеры, как Pinterest, Dropbox, Flipboard, Coursera, Khan Academy.

На основе изучения многогранного международного опыта становления креативных кластеров, выполним сводный анализ детерминант кластеризации ККИ (табл. 1).

К основным положительным детерминантам кластера ККИ относятся: историко-культурное наследие, социальный капитал, высокий уровень взаимодействия с внутренней и внешней средой, высокая концентрация талантливых высококвалифицированных людей и наличие устойчивой научно-исследовательской базы, развиты инно-

вационная инфраструктура и сеть формальных и неформальных связей, значительные финансовые ресурсы и государственное содействие (может быть в форме нормативно-правовой либерализации креативной деятельности, инвестирования, предоставления грантов и рабочего пространства), эффективность которого демонстрируют на своем примере Великобритания и Китай.

Таблица 1. Сводный анализ детерминант развития культурных креативных кластеров в странах мира

Страна / регион	Особенности развития культурных креативных кластеров
Европейский союз	Высокое культурное развитие; Развитие институтов и программ кластерного развития экономики и креативных индустрий; Большое количество источников финансирования; Высокий уровень социального доверия; Акцент на локальное развитие; Политика регенерации городов.
Великобритания	Теоретические разработки развития креативного сектора; Развитие культурной сферы и значительное культурно-историческое наследие; Развитая взаимосвязанная система научно-исследовательских институтов; Тесная кооперация правительственных институтов и создателей креативного контента; Сеть институтов развития, в частности региональных агентств; Высокая доля креативного класса.
Россия	Кластеры креативных индустрий представляют наукоемкие секторы; Боязнь развития инновационных сфер; Нормативно-правовые преграды; Много кластерных инициатив асоциальной направленности
США	Формальные и неформальные локальные сети связи; Развитие креативного потенциала; Масштабная сеть научно-исследовательских институтов; Большое количество инвестиционных поступлений.
Китай	Формируются под влиянием социализма; Значительный государственный контроль; Переориентация городской среды с промышленности; Финансируется местными властями.

Источник: составлено автором

Однако, в Китае прослеживается слишком усиленный контроль государства за развитием сектора, имеющего несколько негативную окраску. Так же отрицательными детерминантами кластеризации ККИ являются боязнь развития инновационных сфер и инициирование креативных кластеров с асоциальными целями, как это происходит в России.

Анализ исторических истоков, теоретических основ и мировой практики кластеризации культурных креативных индустрий позволил выявить положительное влияние креативных кластеров на локальные и национальные экономики и выделить основные детерминанты кластеризации креативного сектора, которые несут в себе потенциал успешного изменения вектора социально-экономического развития.

Детерминантами кластеризации креативных индустрий являются: наличие культурного, археологического и творческого наследия; развитая функциональная сеть и партнерство (культурные креативные кластеры формируются на поле взаимодействия креативных предпринимателей, научно-исследовательских институтов, поставщиков, органов муниципалитета, общественных организаций и других участников регионального развития); высокий уровень социального взаимодействия и взаимодоверия (здоровый социум способствует налаживанию внутренних и внешних тесных связей и кооперации); инновационная база (креативный сектор требует новых идей, решений и видов деятельности); большая доля высококвалифицированных талантов и инструментов их развития (креативный класс является двигателем кластеризации культурных креативных индустрий); научно-исследовательская база, которая способствует циркуляции знаний, опыта и имеет потенциал к инновациям; финансовые ресурсы (гранты, государственные и частные инвестиции, материальная помощь, членские взносы являются основными источниками жизнеспособности креативных кластеров);

свободное рабочее пространство (который проявляется в законодательной либерализации формирования и функционирования креативных кластеров и в предоставлении рабочего пространства под кластерную форму организации); осторожное государственное вмешательство (правительство страны может влиять на кластеризацию путем развития инфраструктуры, научной базы и человеческого ресурса, финансирования, предоставления пространства для функционирования кластеров). Именно совокупность этих факторов обеспечивает удачную кластеризацию креативных индустрий, позволяет избежать проблем на пути формирования локальных единиц взаимодействия креативных предпринимателей и в долгосрочной перспективе проявить положительный эффект в дальнейшем воздействии на национальное благополучие в целом и в отдельности на российские регионы, в которых такие кластеры только начинают формироваться.

Литература

1. Басалаева О.Г., Волкова Т.А., Паничкина Е.В. 2019. Основы государственной культурной политики Российской Федерации: учеб.-метод. пособие для студентов, обучающихся по всем направлениям подготовки бакалавриата и специалитета. Кемерово: КемГИК. 170 с.
2. Вклад креативных индустрий в экономику ЕС и США с точки зрения ВВП и рабочих мест. 2018. Tera Consultants. URL: <http://www.teraconsultants.fr/en/issues/The-Economic-Contribution-of-the-CreativeIndustries-to-EU-in-GDP-and-Employment> (accessed 25.08.2020).
3. Востряков Л.Е., Кавера В.А. 2019. Творческие индустрии как фактор государственной культурной политики // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. № 2 (33).
4. Гордин В.Э., Матецкая М.В. 2011. Культурные кластеры как генераторы инноваций в развитии туризма в дестинации // Роль туризма в модернизации экономики российских регионов: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск. С. 195–199.
5. Подкопаев О.А. 2019. К вопросу о формировании новой культурной среды и культурной инфраструктуры в регионах России // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. С. 160–165.
6. Шатилов В.А., Беляев Е.В. 2015. Использование потенциала сферы культуры для социальноэкономического развития региона // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. № 2. С. 118–123.
7. Шунков А.В., Пономарев В.Д. 2018. Кемеровский государственный институт культуры в сибирском кластере искусств: интеграция науки, образования и творчества для развития человеческого потенциала в регионе // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. № 45 (Т. 2). С. 13–20.
8. Creative Economy Report 2010. UNCTAD.
9. Mapping Document. Department for Culture Media and Sport, United Kingdom. 1998. DCMS.
10. Unctadstat.unctad.org. 2016. UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 22.08.2020).
11. Comunian R. 2011. Rethinking the creative city. Urban Studies 48(6): 1157–1179.
12. Currid E. 2009. Bohemia as subculture; 'Bohemia' as industry. Journal of Planning Literature 23(4): 368–382.
13. Currid E., Williams S. 2010. The geography of buzz: art, culture and the social milieu in Los Angeles and New York. Journal of Economic Geography 10(3): 423–451.
14. Karlsson C. 2010. Clusters, Networks and Creativity. CESIS Electronic Working Paper Series n.235, 28 October 2010. Stockholm: Centre of Excellence for Science and Innovation Studies.

15. Balfour B., Fortunato M.W.P., Alter T.R. 2018. The creative fire: An interactional framework for rural arts-based development. *Journal of Rural Studies* 63, 229–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.11.002>
16. Gregory J.J., Rogerson C.M. 2018. Suburban creativity: The geography of creative industries in Johannesburg. *Bulletin of Geography: Socio-Economic Series* 39(39), 31–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2018-0003>.

CULTURAL CREATIVE CLUSTERS: PLACE AND ROLE IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Li Xiaozhou

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the study of the main determinants of successful clustering of cultural creative industries. The object of research in this article is cultural creative industries (on the example of the cultural industry in the regions). The research methodology is based on the study of foreign experience in the development of cultural creative industries, assessing their effectiveness and the possibility of adapting successful experience for Russian regions. It is revealed that the clustering of cultural and creative industries attracts the attention of a large number of scientists, statesmen and entrepreneurs, since it has the potential to solve important socio-economic problems of regions and countries of the world. Among the dynamic sectors of the world economy, creative and knowledge-intensive industries have emerged that are based on creativity – an unlimited resource that is designed to ensure the dynamic socio-economic development of individual social systems of the world – creative industries (including in the field of culture). The features inherent in a cultural creative cluster are revealed. Defined and implemented the assessment of the determinants of clustering of creative and cultural industries. The article analyzes the international experience of forming cultural clusters, which acts as a road map for the further socio-economic development of Russian regions.

Keywords: creativity, culture, arts, sociological aspects, clustering, creative industries, cultural creative cluster, determinants of clustering.

References

1. Basalaeva O. G., Volkova T.A., Panichkina E.V. 2019. Fundamentals of the state cultural policy of the Russian Federation: textbook-method. manual for students studying in all areas of bachelor's and specialty training. Kemerovo: Kemguki. 170 p.
2. Contribution of creative industries to the EU and US economies in terms of GDP and jobs. 2018. Tera Consultants. URL: <http://www.teraconsultants.fr/en/issues/The-Economic-Contribution-of-the-CreativeIndustries-to-EU-in-GDP-and-Employment> (accessed 25.08.2020).
3. Vostryakov L. E., Kavera V.A. 2019. Creative industries as a factor of state cultural policy // Culture and education: scientific and informational journal of higher education institutions of culture and arts. № 2 (33).
4. Gordin V. E., Matetskaya M.V. 2011. Cultural clusters as generators of innovation in the development of tourism in the destination // Role of tourism in modernization of economy in Russian regions: collection of scientific articles on materials of International scientific-practical conference. Petrozavodsk, Pp. 195–199.
5. Podkopaev O. A. 2019. On the issue of forming a new cultural environment and cultural infrastructure in the regions of Russia // National cultural heritage of Russia: regional aspect. Pp. 160–165.
6. Shatirov V. A., Belyaev E.V. 2015. Using the potential of the cultural sphere for the socio-economic development of the region // Modern high-tech technologies. Regional Appendix. no. 2. Pp. 118–123.
7. Shunkov A.V., Ponomarev V.D. 2018. Kemerovo state Institute of culture in the Siberian cluster of arts: integration of science, education and creativity for the development of human potential in the region // Bulletin of the Kemerovo state University of culture and arts. No. 45 (Vol. 2). Pp. 13–20.
8. Creative Economy Report 2010. UNCTAD.
9. Mapping Document. Department for Culture Media and Sport, United Kingdom. 1998. DCMS.
10. Unctadstat.unctad.org. 2016. UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 22.08.2020).
11. Comunian R. 2011. Rethinking the creative city. *Urban Studies* 48(6): 1157–1179.
12. Currid E. 2009. Bohemia as subculture; 'Bohemia' as industry. *Journal of Planning Literature* 23(4): 368–382.

13. Currid E., Williams S. 2010. The geography of buzz: art, culture and the social milieu in Los Angeles and New York. *Journal of Economic Geography* 10(3): 423–451.
14. Karlsson C. 2010. Clusters, Networks and Creativity. CESIS Electronic Working Paper Series n.235, 28 October 2010. Stockholm: Centre of Excellence for Science and Innovation Studies.
15. Balfour B. Fortunato M.W.P., Alter T.R. 2018. The creative fire: An interaction-al framework for rural arts-based development. *Journal of Rural Studies* 63, 229–239. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jrurstud.2016.11.002>
16. Gregory J.J. Rogerson C.M. 2018. Suburban creativity: The geography of creative industries in Johannesburg. *Bulletin of Geography: Socio-Economic Series* 39(39), 31–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.2478/bog-2018-0003>.

Компетенция как единица измерения человеческого капитала: социологическое измерение

Ибрагимов Радий Назибович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
E-mail: dison1@mail.ru

Митрухина Светлана Владимировна,

аспирант кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»
E-mail: mitruhina_lana80@mail.ru

Исследование таких объектов как «человеческий капитал» или «типическая модель выпускника», как правило, осуществляется от общего к частному. В первом случае отправной точкой служат макросоциальные общестрановые показатели; во втором – коллективные творческие инициативы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее Министерства). В первом случае используемые для расчета человеческого потенциала в качестве переменных данные заслуживают доверия, но diskutabelна формула расчета. Анализу подвергается специфический материал, допускающий довольно широкий спектр интерпретаций – нормативная документация, формулировки федеральных образовательных стандартов, экспертные оценки по проблеме. Поэтому содержание статьи построено по принципу маятника, движущегося между двумя антагонистическими парадигмами – «скептической» и «оптимистической». Основной проблемой, которая рассматривается в статье, является концептуальная совместимость компетентностного подхода, реализуемого нынешней реформой высшего образования, и формирования человеческого капитала как декларируемой цели этой реформы. Раскрываются вопросы организационности проблематики человеческого капитала для советской и российской систем образования, онтологической природы социальных инстанций, участвующих в реформируемом высшем образовании на примере провинциального российского вуза.

Ключевые слова: человеческий капитал, высшее образование, компетентностный подход.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00365.

Введение

Для социолога, работающего в вузе, особенно – в провинциальном, на уровне очевидной данности федеральный государственный образовательный стандарт (далее – ФГОС) в его многочисленных вариантах является, прежде всего, средством административного принуждения; тогда как его призвание, в том, чтобы регулировать и направлять образовательный процесс в вузе, относится скорее к области гипотез, чем к области очевидности.

В то же время гипотетичность эффективности и пользы навязываемого вузу ФГОСа – это также вполне очевидное обстоятельство. Она, гипотетичность, проистекает даже не из будущей пользы будущих выпускников, а из назойливой периодичности введения в действие многочисленных редакций образовательных стандартов: ГОС, ГОС-2, ФГОС-3, ФГОС-3+, ФГОС-3++. Понятие «стандарт» обычно используется в отношении чего-то стабильного, установившегося, инвариантного, российские образовательные стандарты меняются с периодичностью 1 раз в 3 года.

Не бывает науки вне парадигм. Тема, которая сейчас подвергается анализу, помимо прочих, существует также в плоскости парадигмальной дихотомии «скепсис / оптимизм». С одной стороны, как отмечал Р. Мертон, наука есть организованный скепсис; как завещал великий У. Оккам, самым верным объяснением происходящего окажется самое прозаическое. Нетрудно убедиться, что сама жизнь склоняет провинциального вузовского социолога, пытающегося понять институциональную природу ФГОС-реформы, к парадигме скептической.

С другой стороны, социально-гуманитарная наука эпохи постмодер-

на немислима без прогностической функции; она обязана намечать цель развития и вырабатывать алгоритм ее достижения. В этом смысле наука – это организованный оптимизм. Эта парадигмальная установка функционально автоматически выпадает тем, кто принимает управленческие решения.

Если перейти на точку зрения руководящего звена системы образования, вуз, особенно – провинциальный, действительно нуждается в некоторой организационной встряске, в некоторой выбраковке. Лишившись функциональной нагрузки, свойственной советской модели, высшее образование – особенно провинциальное, слишком медленно, неуклюже, неохотно перекраивается на новый лад. Направление реформы, призванной компенсировать и дезавуировать морфологические перекосы трансформирующегося высшего образования, было в определенной степени предопределено.

Единственное, на наш взгляд, концептуальное построение, способное сформулировать оптимистический взгляд на содержательное компетентностное наполнение ФГОС с институциональных позиций провинциального вуза, является формула «компетенции выпускника в сумме есть его человеческий капитал». Вуз работает не столько для ретрансляции знаний, не столько для обеспечения работой преподавательского корпуса, не столько для отчетности перед аккредитационной комиссией, сколько для формирования нужного для региона человеческого капитала (далее – ЧК).

Для этого необходимо будет углубиться в суть теории ЧК и специфики ее приложения к России в целом и её провинции – в частности.

Методология вопроса

Разветвление скептической и оптимистической парадигм, обозначенное выше, имеет своё продолжение и в генетическом аспекте исследования. Здесь уместно будет условно обозначить эволюцию развития проблематики ЧК как официальную и неофициальную. Нач-

нем с общеизвестной официально-оптимистической.

Теория ЧК в современной науке появилась относительно недавно. Её основателями принято считать следующих исследователей, лауреатов Нобелевской премии в области экономики: Т. Шульц, Г. Беккер С. Кузнец. Т. Шульц рассматривал ЧК как «приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями» [13]. Он сыграл большую роль в закреплении и популяризации понятия в сознании научной общественности. ЧК как социально-экономический феномен может накапливаться и рассматриваться как результат инвестиций человека в своё будущее, в эффективную созидательную деятельность в обществе, в поддержание здоровья и т.д.

Г. Беккер определяет человеческий капитал: «как имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций, а инвестициями в него могут быть образование, накопление производственного опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации» [10].

С. Кузнец также рассматривал ЧК в структуре производственных отношений, отмечал его решающую роль в повышении производительности труда [11].

Э. Денисон одни из причин качественного экономического роста в США в послевоенные годы связывает с ЧК, а именно с влиянием образования работающего на рост производительности его труда. Так, прирост душевого дохода в США в послевоенные годы он объясняет повышением уровня образования рабочих [2].

П. Бурдые выделяет ЧК как сконцентрированные ресурсы человека (компетенции), дающие преимущества в получении социальных благ и власти, рассматривал разные человеческие капиталы: экономический, политический, социальный, культурный. ЧК это не только знания; приобретенные способности, навыки и опыт, но и умение их применить в нужный момент и в нужном месте [12].

В трактовке Э. Долан и Дж. Линдсей ЧК определяется как капитал умственных способностей, приобретенный через формальное обучение или образование, либо через практический опыт [3].

Развитие человека А. Маршалл связывает с накоплением ЧК, рассматривает его как средство поддержания жизни человека, удовлетворения его физических, умственных, имплицитных (скрытых) потребностей, а сам человек является главным средством производства богатства и его конечной целью [6].

По мнению П. Хейне ЧК – это приобретенные через образование, профессиональную подготовку или практический опыт знания и умения, которые позволяют им представлять другим людям ценные производительные услуги [9].

Российский исследователь теории ЧК М.М. Критский основой ЧК определяет движение экономического субъекта, новую силу общественного прогресса и интеллектуальной деятельности [5]. Л.Г. Симкина, развивая взгляды М.М. Критского, рассматривает ЧК как основанное на экономии времени обогащение жизнедеятельности и как основу современной инновационной экономической системы [8].

Еще один из отечественных исследователей С.А. Дятлов формулирует ЧК как накопленный человеком через инвестиции запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, используемых в сфере общественного воспроизводства, содействующих росту производительности труда, производства, и влияющих на рост доходов [4].

Теперь всё то же самое, но с позиций скептической парадигмы. Приведенный выше обзор показывает удивительное единодушие западного и современного российского экспертного сообщества по поводу содержательного наполнения концепта «человеческий капитал». Идея, казалось бы, просто витала в воздухе, и разные ученые в разное время и в разных местах про-

сто, по-платоновски, узрели её «третьим глазом».

Но достаточно включить чуть более широкий содержательный контекст, чуть более широкую совокупность экономических, социально-философских теорий и идеологических доктрин, как тезис принципиальной новизны теории ЧК тут же «проседает». Действительно, могли ли отцы-основатели этой теории быть не в курсе изысканий западных неомарксистов, особенно представителей Франкфуртской школы? Не был ли теория ЧК своего рода ответом теории «одномерного человека» Г. Маркузе?

Не секрет, что, начиная с конца XIX века происходила более или менее интенсивная конвергенция марксистской и либералистской теоретических платформ. В марксистской теории теоретическим стержнем является идея отчуждения человека и капитала. Человеческое в человеке – это его родовая сущность, которая выдвигается и закабалена экономическими условиями, руководит которым движение капитала. Измените условия – и высвобождается творческая энергия работника. Но во времена Маркса работник был нищ, оборван и грязен; а к середине XX века он умылся, приоделся, обогатился наличностью и даже акциями. Начиная с Хоторна стала завоевывать авторитет теория «человеческих отношений». Иными словами, то, что радикальные марксисты мыслили результатом кровавой революции, стало претворяться в жизнь мирно и постепенно. И настолько незаметно, что стало возможным скрыть очевидную генетическую связь марксистского понятия «родовая сущность» и либералистского понятия «человеческий капитал». Хотя даже сквозь маскировку просвечивает элементарный понятийный симбиоз «человек + капитал».

Скептическая парадигма скептически отвечает на вопрос, почему был скрыт приоритет Маркса. Потому что приоритет. Другое дело, какое отношение к человеческому капиталу имеет образование?

Обсуждение

Длительное время образовательная составляющая человеческого капитала считалась только социальным, то есть затратным фактором развития. Считалось, что инвестиции в воспитание, в образование являются непроизводительными, затратными.

Для экономики либертарного типа такая характеристика – сродни обвинению. Образование в такого рода общественной системе – это не предмет насущной необходимости и, тем более, не средство производства вроде станка. Это – предмет роскоши, объект престижного потребления или средство создания престижа. Революционный характер теории ЧК обусловлен, по всей видимости, еще и скрытыми причинами: перспективой привлечения инвестиций в образование со стороны государства, считающего образование лишь способом повышения социального статуса.

Отсюда следует довод в пользу скептической парадигмы: дело не только в том, что образование действительно дает возможность извлекать из его плодов прибавочную стоимость, но и в том, чтобы внушить эту идею государству, побудить его усилению финансировать ту сферу, которая прежде вынуждена была существовать в некомфортных условиях самофинансирования.

Г. Беккер утверждал, что образование является фундаментом увеличения доходов и наёмных работников, и работодателей, и государства в целом. В результате политики, финансисты и предприниматели стали рассматривать вложения в образование как перспективные капиталовложения, приносящие доход. Что и требовалось доказать: ажиотаж вокруг человеческого капитала привел к усиленному финансированию системы образования.

Реформируемое образование согласно «оптимистической концепции» должно ориентироваться в первую очередь на практическую применимость своей «продукции». Знания, начитанность, общая культура долж-

ны потесниться и уступить место реальной компетентности. Социально-институциональная позиция Работодателя коренным образом изменилась: Он теперь не обязан трудоустроить выпускника, но при этом а) имеет прямое отношение к конструированию образовательного стандарта и б) может непосредственно участвовать в учебном процессе.

Теперь опять скепсис. Начнем с конца. Участие Работодателя в учебном процессе, которое должно было гипотетически усилить практическую ориентированность вузовского образования, эмпирически достоверно привело к очередному сокращению преподавательского корпуса, вследствие того, что одним из требований ФГОС является привлечение к преподаванию (а следовательно, трудоустройство в вузе) специалистов-представителей работодателей.

При этом на практике можно редко встретить работодателя-совместителя, который, участвуя в учебном процессе, занимается разработкой учебно-методического комплекса дисциплин.

При этом вопрос о соответствии представителей работодателя квалификационным требованиям и профессиональным стандартам преподавателя не рассматривается. Вероятно, преподающий работодатель соответствует требованиям в наивысшей степени – самим фактом своего статуса.

Содержание ФГОС должно отражать интересы Работодателя, причем каждый последующий ФГОС должен отражает их всё сильнее и сильнее. Означает ли это, что этот трансцендентный Работодатель (именно так – с заглавной) лично сформулировал положения ФГОС?

Анализ того, что и в какой степени отражает компетентностное содержание ФГОС, будет произведен ниже. А пока – промежуточный вывод. В системе высшего образования применительно к проблематике ЧК следует выделить три основные социальные инстанции: Министерство, Вуз и Работодателя. Последнего следует разделить

на реального работодателя и трансцендентного. Для удобства первого обозначаем с прописной буквы, а второго – с заглавной: Работодатель. Он не проводит учебных занятий, как реальный работодатель, не принимает экзаменов, не руководит практикой. Работодателя есть тот, кто озвучивает нужды народного хозяйства. Поэтому о нуждах поподробнее.

Принято считать, что современная система образования должна способствовать развитию общекультурных компетенций, фундаментальных знаний и личностных компетенций, так современный рынок труда предъявляет достаточно высокие требования к уровню подготовки специалистов.

Запросы рынка труда, предъявляющего всё более высокие требования к компетенциям работника, опять надо разделить по парадигмальному критерию «оптимизм / скепсис». Оптимистическая парадигма устами Работодателя твердит о прогрессе технологий и изменении спектра профессий, которым должен соответствовать специалист нового типа. Скепсис возражает: реструктуризация рынка труда в связи с технологическим прогрессом, даже если таковое действительно предстоит – это дело будущего. А из очевидного имеются признаки экономического кризиса – явная и скрытая безработица. И в этих условиях реально помочь человеку могут те компетенции, которые позволят ему успешно конкурировать на рынке труда, иметь возможность наиболее широкого профессионального маневра.

Да, кризис в экономике создает сложные условия для формирования ЧК и определяет зависимость между уровнем дохода индивида и стремлением к развитию его ЧК. Рост дохода расширяет возможности формирования человеческого капитала, а его снижение вызывает уменьшение вклада в свой ЧК. Однако, с другой стороны, человек в сложившейся ситуации желает увеличить свой доход, поэтому стремиться к повышению своего ЧК с целью быть более востребованным на рынке труда.

Казалось бы, именно роль высшего образования в формировании ЧК должна возрасти, ведь оно обеспечивает занятость населения, является одним из условий вертикальной и горизонтальной мобильности. Аргументом здесь служит то, что согласно статистическим данным лишь небольшая часть выпускников вузов устраивается работать по специальности или по направлению подготовки, в то время как наличие высшего образования становится основным требованием при устройстве на работу. В настоящее время, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, больше половины работающего населения занято работой не по своей специальности[1]. В депрессивном регионе, откуда смотрит на жизнь провинциальный вузовский социолог, эта цифра еще выше.

Вдумаемся: больше 50% работников проявили расторопность и компетентную гибкость, более или менее успешно работают не по «дипломной» специальности. Проявленные ими качества, использованные ими компетенции почти точно совпадают с концептуальными формулировками человеческого капитала.

Тогда вопрос: почему такая ситуация не устраивает Министерство? Работники проявили творческий подход, энергию, подстроились под ситуацию, прошли переквалификацию, устроились на новую работу, т.е. проявили качества, которые и были декларативно провозглашены реформаторами высшего образования как цель. Ответ только один: Министерство хотело бы, чтобы эти качества были проявлены в пределах «дипломной» специальности. То есть Министерство, которое никакого влияния на рынок труда отныне не оказывает.

Теперь о социологическом смысле самих компетенций. Современное высшее образование призвано формировать следующие ключевые компетенции: межкультурные – уважать представителей других культур, традиций и религий; компетенции в рамках непрерыв-

ного образования – то есть способность учиться в течение личной, профессиональной, социальной жизни; социальные – способность принимать решения, брать на себя ответственность, разрешать конфликты; коммуникативные – владение собственным и иностранным языком; информационно-коммуникационными технологиями. В последней редакции ФГОС выделяют универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции.

Эти ключевые (основные) компетенции следует рассматривать как инструменты ЧК, позволяющие выпускнику на рынке труда повысить его конкурентоспособность, быть востребованным. Причем в компетентностной модели выпускника вуза важны не только или не столько параметры, задаваемые «на входе» (содержание учебных программ, объем зачетных единиц, методика преподавания), сколько ожидаемые результаты, которые необходимо получить на «выходе» (знания и умения, личностные качества, то есть компетенции студентов).

Почти все упомянутые здесь компетенции развиваются комплексом гуманитарных и социально-экономических дисциплин как компонентом учебных планов практически всех направлений бакалавриата и магистратуры. Здесь человеческий капитал тесно смыкается с понятием культурного капитала: чем шире воспринятый в ходе обучения мировоззренческий кругозор, чем более органична эрудиция, тем шире спектр возможностей профессиональной самореализации носителя человеческого капитала.

Если говорить о типической модели выпускника, готового совершать максимально широкие маневры на рынке труда, то капитализировать его, казалось бы, следовало знаниями и умениями широкого общекультурного охвата. Компетентностная модель в том виде, в каком она сейчас воплощается, концептуально несовместима с человеческим капиталом.

Здесь административно-педагогический оптимизм выдвигает очерде-

ной схоластический аргумент: прежняя система вузовского образования давала лишь формальную квалификацию, тогда как речь идет о компетентности, имеющей конкретный и практический смысл.

Различия в понятиях «квалификация» и «компетенция» заключаются в том, что в компетенцию помимо характеризующих квалификацию таких качеств как знания и умения, включены стремления и готовность применять знания, умения и личные качества для успешной деятельности в определенной области.

Знания и умения уже вырабатывались предыдущими версиями образовательных стандартов. Ключевая формула здесь «стремление и готовность». Это значит, что на экзамене по предмету, «закрывающему» конкретную компетенцию, студент должен показать вышеупомянутые «стремление и готовность». Крайне интересно было бы посмотреть на формулировку экзаменационного билета, детализирующую такую компетенцию. Видимо так: «Продемонстрируйте, пожалуйста, стремление применить знание в такой-то практической ситуации», или «Изобразите готовность применить навык в решении такой-то проблемы». Следовательно, успешность имитации готовности и стремления – это главный критерий усвоения компетенции.

Развитие высшего образования от квалификационной модели к компетентностной предполагает смену образовательных парадигм, такая модернизация должна затронуть трёх сторон:

- содержания самого знания;
- роли преподавателя, который из носителя знания, становится организатором/тьютором/консультантом студента;
- роли студента, активно развивающего свой ЧК, реализующего свои интересы и цели.

Парадигмальный характер происходящих изменений означает принципиальное изменение самих понятий «высшее образование» и «высшее учебное заведение». Это наиболее отчетливо

видно по второму и третьему из перечисленных пунктов. Преподаватель, который теперь «не столько носитель знания», постепенно превращается в психолога-манипулятора с необязательной эрудицией.

Что касается изменяющейся «позиции студента», то в этой формуле нашли своё концентрическое выражение умозрительные модели студента и выпускника, выработанные коллективным административным интеллектом и заложенные им в стратегию (если таковая имеется) реформы образования. Спекулятивность этих конструктов особенно заметна «с земли», когда наблюдаешь взглядом социолога жизнь провинциального вуза.

Социология начинается с аксиомы «все люди – разные», в том числе студенты. Среди них были (в эпоху «квалификационного» образования) и будут (в эпоху «компетентностного») активные и инертные, умные и не очень, полагающиеся на собственный интеллект и на собственный смартфон. Прежде, пока в вузовской системе действовала функция социального фильтра, овны худо-бедно отделялись от козлиц, а зёрна – от плевел. Теперь, даже если селективная функция будет работать, неясным становится критерий отделения. Современным вузам нужен студент с плачевными знаниями, но с блестящей способностью изображать «стремление и готовность»?

Судя по тому, что сохранность контингента – один из важнейших и страшнейших аккредитационных показателей, реформатор вообще не видит в будущем никаких козлиц и плевел. Активными интеллектуалами будут объявлены поголовно 100% студентов. Логично предположить, что селективная функция сменит свою мишень и будет фильтровать (собственно, уже фильтрует) не студентов, а преподавателей, виновных в несоблюдении принципа «студентосбережения». Таким образом происходит противоестественный отбор: выживают преподаватели, согласные принимать имитацию «стремления и готовности» студента за настоящую ком-

петентность, а выбраковываются носители «гена принципиальности».

Чтобы российским вузам успешно интегрироваться в европейское образовательное пространство необходимо менять образовательные технологии и цели. Ценными становятся не профессиональные знаниями и умения сами по себе, а как ступень для достижения более важной задачи формирования деятельной, активной творческой личности, умеющей применять полученные знания в практической деятельности, то есть ЧК. То есть ЧК – это и сами знания, умения и навыки выпускников вузов, а также способность их применить в профессиональной деятельности.

Понимание ЧК как совокупности знаний, умений, способностей, мотивов, действий, позволяет выделить показатели вклада высшего образования в развитие человеческого капитала, такие как уровень знаний, умений и навыков, полученных специалистами в процессе обучения, личностная направленность, мобильность специалистов, уровень дохода и качество жизни.

Но интеграция куда-либо, в т.ч. в «единое европейское образовательное пространство», это обоюдный процесс, требующий трансформаций от обеих сторон. В противном случае необходимо использовать термины «адаптация», «приспособление», «микрия» и т.п. При этом сама необходимость в приспособлении, о чем мы неоднократно говорили выше и о чем постоянно твердит экспертное сообщество, весьма сомнительна. Аргументов по этому поводу было высказано множество, добавим только один: в советские времена 1970–1980-е гг. европейские и американские университеты, не говоря уже о вузах третьего мира, довольно часто приглашали советскую профессуру читать свои курсы. Без всякого «Болонского процесса». Если это не признание, то что тогда признание? Если это не интеграция, то что тогда интеграция?

Если вспомнить, чем отличается бакалавриат от специалитета, скепсис только усиливается. Убираем за скоб-

ки «проболонского» дискурса весь административный восторг, и остаётся только бухгалтерия: 4 года обучения, дешевле чем 5.

На этом фоне сравнение магистратуры и бакалавриата по критерию «человекоориентированности» представляется ещё более странным. Строим силлогизм: магистр как капитал-капиталист оснащён обильнее бакалавра; магистр, в отличие от практика-бакалавра, в большей степени теоретик. Следовательно, человеческий капитал как результат образования зависит от теоретической ориентированности.

Моделирование личности выпускника с помощью туманно сформулированных компетенций в итоге делает столь же туманным будущее вуза как социальной организации. Вероятно, именно это имеется в виду, когда заявляется о парадигмальном характере реформенных изменений.

Заключение

В оптимистическом прореформаторском дискурсе удельный вес нормативных высказываний заметно превосходит удельный вес высказываний рефлексивных. Нормативное высказывание обращено в будущее, оно это будущее предопределяет. А рефлексивное, научное – в прошлое, которое уже принесло свои плоды.

Но есть еще одно объяснение: нормативность – это атрибут приказа, который надо выполнять. Без всяких аналитических рефлексий. Не может – потому что нормативный дискурс не может быть ни истинным, ни ложным – не та модальность.

И когда преподаватель всё-таки пытается рассуждать на тему смысла действий чиновничьей корпорации, он должен отдавать себе отчет, насколько факультативным является его анализ. Другое дело, что эмпирически преподаватель компетентнее и Министра, и трансцендентного Работодателя, и даже реальных работодателей. Только преподаватель доподлинно и практически знает, какие компетенции были заложены в каждого выпускника именно.

Не компетенция как текст ФГОСа, а компетенция как интерпретация, как конструкт – это то, что позволит реальному выпускнику стать состоятельным и успешным в условиях конкретных ситуаций. Но формулировку, конкретизацию и реализацию компетенции в предметном наполнении учебных планов и программ осложняет ряд обстоятельств.

Первое. Проблема фундаментальности. Лозунгом реформы высшего образования является его практическая ориентированность. Но наполнение профессиональной деятельности и требования к ней меняются всё быстрее. Человек, еще вполне профессионально состоятельный вчера, завтра уже рискует не подтвердить свою состоятельность. И тогда вопрос: какая из форм выработки специалиста оперативнее – вуз или месячный курс повышения квалификации?

Вуз как форма организации нацелен на фундаментальное образование. И что ценного в глазах работодателя добавляет инженеру, врачу или бухгалтеру знание аристотелевой энтелехии? Фундаментальность с экономической точки зрения – это обуза. Объективная социальная реальность состоит в том, что мысль об избыточности, ненужности вуза как социального балласта неизбежно придет в коллективную административную голову.

Фундаментальность не является обузой только для тех социальных институтов, которым реально, а не декларативно, студент (выпускник) интересен именно в качестве особого капитала. Подчеркнём: реально, а не декларативно. Только в этом случае общекультурные и коммуникативные компетенции не только повышают конкурентноспособность выпускника, но параллельно выполняют роль поплавка, не дающего утонуть вузу как социальному институту и организации.

Второе. Определенность компетенций. Месячный курс повышения квалификации выгодно отличается конкретностью декларируемых и достигаемых результатов.

В вуз человек приходит на 4 и 6 лет. Неясно, какой будет модель специалиста на излёте этих сроков, поэтому неясно, что из него должно получиться.

Третье. Перспектива отчетности. Проверка эффективности курсов повышения квалификации также намного проще аналогичной процедуры в отношении вуза.

Наиболее одиозными с социально-функциональной точки зрения представляются такие показатели как «трудоустройство выпускников» и «сохранность контингента». Провинциальный вуз, не имеющий никаких рычагов воздействия на работодателей, может «козырять» только качеством «продукции», то есть – человеческим капиталом. Но такой вуз никогда не сравняется с работодателем своей лабораторно-производственной базой. Поэтому профессиональные компетенции эффективнее всех может формировать только сам реальный работодатель.

Таким образом, логика «компетентностной революции» неминуемо приводит к тому, что вуз превращается в разновидность курса повышения квалификации. В этом качестве не работодатель должен влиться в структуру вуза, а наоборот.

Единственная концептуальная модель, дающая вузу шансы на социальное выживание – это та, где вуз является базой для формирования ЧК. Но со всеми вытекающими отсюда структурными и административными последствиями – приданием вузу функции общего высшего образования.

Литература

1. Большая зарплата или работа по специальности? Аналитический обзор Всероссийского центра изучения общественного мнения, апрель 2019// (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] // URL <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9655> (дата обращения: 25.09.2019).
2. Денисон Э. Исследование различий в темпах экономического роста/Э. Денисон. М., 1971. С. 14–16.

3. Долан Э., Линдсей Дж. Рынок: микрoэкономическая модель. – СПб., 1992. 477 с.
4. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала/С.А. Дятлов. СПб.,1994.
5. Критский М.М. Человеческий капитал/М.М. Критский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
6. Маршалл А. Принципы политической экономии/А. Маршалл. Т. 1. М.: Прогресс, 1983.
7. Седова Т.В. Интеллектуальный капитал, как основа формирования организации в экономике знаний-/Т.В. Седова // Креативная экономика, 2012. № 2. С. 3–10.
8. Симкина Л.Г. Человеческий капитал в инновационной экономике [Текст] / Л.Г. Симкина. Санкт-Петербург: СПбГИЭА, 2000. – 151 с.
9. Хейне П. Экономический образ мышления. – М.: Дело, 1992. – с. 360
10. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.
11. Kuznets S. Capital and American Economy [Электронный ресурс]. London, 1961/ S. Kuznets// URL: https://books.google.ru/books?id=TVTWCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.09.2019).
12. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
13. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 6.

COMPETENCE AS A UNIT OF MEASUREMENT OF HUMAN CAPITAL: SOCIOLOGICAL DIMENSION

Ibragimov R.N., Mitrukhnina S.V.

Khakass State University N.F. Katanova

The study of such objects as “human capital” or “typical model of a graduate”, as a rule, is carried out from the general to the particular. In the first case, the macrosocial country-wide indica-

tors are the starting point; in the second, collective creative initiatives of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Ministry). In the first case, the data used to calculate human potential as variables are reliable, but the calculation formula is debatable.

The analysis is carried out on specific material that allows for a fairly wide range of interpretations – normative documentation, formulations of federal educational standards, expert assessments on the problem. Therefore, the content of the article is built on the principle of a pendulum moving between two antagonistic paradigms – “skeptical” and “optimistic”.

The main problem, which is considered in the article, is the conceptual compatibility of the competence approach, implemented by the current reform of higher education, and the formation of human capital as the declared goal of this reform. The article reveals the issues of the organic nature of the problem of human capital for the Soviet and Russian educational systems, the ontological nature of social institutions participating in the reformed higher education on the example of a provincial Russian university.

Keywords: human capital, higher education, competence-based approach.

References

1. Big salary or work in your specialty? Analytical review of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, April 2019 // (VTsl-OM) [Electronic resource] // URL <https://wci-om.ru/index.php?id=236&uid=9655> (date of access: 09/25/2019).
2. Denison E. Research of differences in the rates of economic growth / E. Denison. M., 1971. P. 14–16.
3. Dolan E., Lindsay J. Market: a microeconomic model. – SPb., 1992. 477 p.
4. Dyatlov S.A. Fundamentals of the theory of human capital / S.A. Dyatlov. SPb., 1994.
5. Cretan M.M. Human capital / M.M. Cretan. L.: Publishing house Leningrad. un-that, 1991.
6. Marshall A. Principles of Political Economy / A. Marshall. T. 1. M.: Progress, 1983.
7. Sedova T.V. Intellectual capital as the basis for the formation of an organization in the knowledge economy / T.V. Sedova // *Creative Economy*, 2012. № 2. S. 3–10.
8. Simkina L.G. Human capital in an innovative economy [Text] / L.G. Simkina. St. Petersburg: SPbGIEA, 2000. – 151 p.
9. Heine P. Economic way of thinking. – M.: Delo, 1992. – p. 360.
10. Becker G.S. Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964, 264 pp.
11. Kuznets S. Capital and American Economy [Electronic resource]. London, 1961 / S. Kuznets // URL: https://books.google.ru/books?id=TVTWCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (date of access: 25.09.2019).
12. Richardson, John (ed.) Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N.Y., Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
13. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y. 1968. Vol. 6.

Значение системы ценностей в формировании человеческого капитала

Кужьянова Гульбарам Тимеркановна,

кандидат философских наук, доцент, заместитель
начальника учебно-методического центра
Костанайской академии МВД РК имени Шракбека
Кабылбаева
E-mail: gulbaram2012@mail.ru

В статье рассматриваются ценности как детерминант общественных и социальных процессов, которые влияют на формирование человеческого капитала. Применение философских, общенаучных и специальных научных методов позволило раскрыть концептуальные подходы к исследованию религиозных и культурных ценностей, установить достижения и проблемы в изучении человеческого капитала в социально-философском аспекте, выяснить перспективы новейших исследований. Совокупность применяемых методов способствовала открытию логической последовательности, множественности направлений развития человеческого капитала. Практическая ценность данного исследования заключается в том, что его результаты могут использоваться в процессе преподавания социально-философских дисциплин, при проведении дальнейших исследований о влиянии религии и культуры на развитие человеческого капитала с преодолением сугубо экономического подхода к этому сложному многоаспектному явлению.

Ключевые слова: человеческий капитал, ценности, религия, культура, человек, общество, мировоззрение.

Введение

Парадигма человеческого капитала в настоящее время рассматривается как главное условие создания экономики нового типа, т.е. инновационной экономики. Однако достижение данной цели невозможно без понимания того, что уровень развития человеческого капитала во многом зависит от особенностей менталитета, базирующегося на системе ценностей.

В современных условиях глобального переосмысления и пересмотра ценностей изучение их роли в жизнедеятельности отдельного человека и общества в целом приобретает особую актуальность. Поскольку ценности, находясь на пересечении областей мотивации и мировоззренческих структур сознания, выполняют регулятивную функцию, определяя решения и формируя жизненную траекторию отдельных людей, стран и более крупных обществ. Ценности возникают на основе общественной практики в пределах определённых общественных отношений и имеют ярко выраженный социальный характер. Усвоение человеком ценностей общества и их дальнейшая трансляция детерминировано многими факторами, в том числе религиозными верованиями, культурой, традициями. Понимание важности ценностей как детерминант общественных и социальных процессов актуализируют проблему данной статьи.

Религиозные и культурные ценности как философская категория

Важными элементами в аксиологии являются религиозные и культурные ценности. Основной функцией религиозных и культурных ценностей является регули-

рование человеческого поведения и всех аспектов деятельности. Они же ценности составляют основу мировоззрения, даже в современных реалиях секуляризованного общества.

Начало XXI в. характеризуется в науке актуализацией гуманитарной парадигмы. Исследователи говорят о «культурологическом повороте» современного научного познания, суть которого заключается в усилении внимания к культуре [12, с. 31; 17, с. 243].

Одним из исследователей вопросов касательно культуры являлся Л. Харрисон, который в своих научных трудах её определяет как «совокупность ценностей, представлений и установок, разделяемых членами общества; это ценности, представления и установки, которые сформированы преимущественно окружающей средой, религией и превратностями истории и которые передаются от поколения к поколению посредством воспитания детей, религиозных практик, системы образования, средств массовой информации и отношений между сверстниками» [11, с. 20]. Из дефиниции следует, что одним из важных факторов формирования культуры является религия. В свою очередь, религиозные верования представляют собой одну из составляющих культуры.

Религия и культура имеют особое значение в аспекте аксиологии, поскольку именно они формируют ценности. В обществе «ценности выступают в качестве лекал, позволяющих сверять реальное положение дел, а также поведение индивидов и групп, с абстрактными установками, «привязанными» к условно-образцовому разбору какой-либо конкретной ситуации. Таким образом, нормативность – в виде закрепленных за «базовой» ситуацией оценочных суждений – вытесняет иные трактовки ценности как феномена культуры» [8, с. 77].

Культура и религия через систему ценностей влияют на человеческий капитал конкретного общества, как бы определяя его качество. В авторском сериале культурологических трудов

о феномене культуры, её роли и миссии в эпоху трансформации современной цивилизации учёный Ф. Мамедов отмечает «человеческий капитал – это социально-культурный ресурс общества, без которого невозможна продуктивная производственная и инновационная деятельность, обеспечивающая социально-культурный прогресс. Он рассматривается как движущая сила развития современной инновационной экономики, или «экономики знаний», способной отвечать на вызовы, обусловленные диалектическими изменениями в пространстве и во времени мировой цивилизации» [6, с. 1].

Длительное время существующее в науке явление человеческого капитала изучается и рассматривается с различных позиций философского метода. «Обращение к культуре при возникновении общих вопросов, соединение науки и мировоззрения в подходе к исследованию человеческого капитала диктует требование нового подхода к его изучению – философско-культурологического» [3, с. 78]. Свидетельством этого служит то, что человеческий капитал является объектом исследований отечественных и зарубежных учёных: он рассматривается как фактор экономического и социального [2, с. 5; 5, с. 62; 10, с. 632], инновационного [4, с. 57] развития общества; изучается в культурологическом [3, с. 78], [6, с. 5]; [7, с. 249] и философском [1, с. 36; 13, с. 2664] аспектах. Ценности как базовая категория культуры исследуются в работах культурологов [8, с. 76] социальных психологов [18, с. 19; 19, с. 231]. Интерес учёных привлекают религиозные ценности как философская категория [16, с. 134], роль религии в формировании ценностей [14, с. 1355], современные трансформации религии в странах ЕС [9, с. 122], влияние религии посредством формирования ценностей на экономику [15, с. 49].

Исследователи заостряют внимание на терминологических вопросах. К примеру, в своей статье авторы А. Джиоева и З. Тавасиева предлагают разделять понятия человеческого потенциа-

ла и человеческого капитала: «в роли синонимом термина «человеческий потенциал» зачастую выступает «человеческий капитал», однако, несмотря на определенные сходства выражающиеся, прежде всего в том, что в них включаются такие понятия, как образование, здоровье, интеллект, качество жизни и т.д. – человеческий потенциал и человеческий капитал вовсе не тождественны друг другу. Понятие человеческого капитала можно представить как денежные инвестиции в различные профессиональные качества индивида, в то время как человеческий потенциал отражает возможности человека в его самореализации и максимальной продуктивности. Иными словами, понятие человеческого потенциала более многогранно и его невозможно выразить лишь в стоимостных затратах на приобретение полезных навыков и умений» [4, с. 58].

Творческий потенциал общества, формируемый культурой, является одним из ключевых факторов глобальной конкурентоспособности на современном этапе. Однако, «хотя культурные ресурсы являются ядром современных индексов развития городов, показатели сферы культуры прямо не входят в расчет индексов как человеческого капитала и человеческого потенциала», на что указывается в докладе «Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития», подготовленном учёными российской Высшей школы экономики [5, с. 62]. Авторы доклада выражают мнение о том, что отставание России по экономическим показателям и индексу развития человеческого потенциала во многом связано с недостаточным вниманием государства к культурной сфере.

В этой связи С. Гертнер и Ю. Китов полагают, что «обращение к культуре при возникновении общих вопросов, соединение науки и мировоззрения в подходе к исследованию человеческого капитала диктует требование нового подхода к его изучению – философско-культурологического».

Культура, по мнению исследователей, оказывается «важным признаком и даже формой существования человеческого капитала» [3, с. 78].

Роль ценностей для формирования человеческого капитала

Категория ценностей находится в центре внимания различных отраслей социально-гуманитарного знания: философии, культурологии, психологии, социологии, педагогики. Ценности также входят в структуру личности, поскольку отражают жизненный опыт, накопленный личностью в индивидуальном развитии, и представляет собой базовую основу сознания, определяющую решения, принимаемые человеком по важным жизненным вопросам, то есть его жизненную траекторию. В ценностях проявляется детерминированное социумом отношение человека к общественным благам и идеалам.

Ценности выполняют широкий спектр функций, в первую очередь, нормативную: они приписывают личности нормы, правила, принципы поведения, соответствующие конкретному социальному окружению, исполняя роль регуляторов поведения и любой человеческой деятельности. Они определяют мировоззрение человека, представляющее собой аксиоматическую систему сложного и многоуровневого характера. Важно иметь в виду, что ценности имеют культурную природу, их система представляет собой действующую сторону коллективного (общественного) сознания.

Религиозные и культурные ценности детерминируют развитие, как отдельного человека, так и общества в целом. В первую очередь, это касается таких сфер, как наука (религия и культура формируют отношение к интеллектуальному развитию и возможностям человека постичь тайны мироздания) и образование (ценности формируются в процессе социализации и транслируются образованием). Именно с этим связана значимость ценностей для формирования человеческого капитала общества. Логика воздействия религиозных и культурных ценностей на челове-

ческий капитал представлена на рис. 1. Необходимо отметить, что такая система взаимоотношений характерна для современных секуляризированных моделей общественного устройства.

Рис. 1. Логика воздействия религии и культуры на формирование человеческого капитала

Теоретической основой рассматриваемой статьи стала типология ценностей, разработанная американским социальным психологом М. Рокичем. В определении ценностей М. Рокича центральным элементом является убеждение. По его мнению, ценности – это стойкие убеждения в том, что определенный вид деятельности или способ существования более лично или социально приемлемым, чем противоположный ему. М. Рокич различает два основных типа ценностей – терминальные и инструментальные. Среди них терминальные он определяет как наиболее важные, транс-ситуационные человеческие цели или желаемый способ существования. В то время как инструментальные – это наиболее приемлемые модели поведения [20, с. 154].

В понимании ценностей также основываемся на теории базовых ценностей Ш. Шварца. На сегодня подход Ш. Шварца считается одним из самых авторитетных, предложенными им методиками пользуются как в общенациональных, так и в международных сравнительных исследованиях. В теории базовых жизненных ценностей, разработанной им же, под ценностями понимаются желаемые цели, которые выходят за рамки конкретных ситуаций, отличаются друг от друга по своей значимости и являются руководящими принципами в жизни человека. Учёный настаивает на морально-этических признаках цен-

ностей, любая из которых может носить альтруистический или эгоистический характер [19, с. 93].

В аспекте исследования религиозных и культурных ценностей как факторов, влияющих на человеческий капитал, разделяем точку зрения Ф. Мамедова, полагающего, что «воплощенный в работнике человеческий капитал – его знания, умения, организованность, нравственность и созидательная деятельность – это главный источник доходов, основа национального богатства каждой страны» [6, с. 2]. Можно согласиться с тезисом С. Бирюковой о том, что культура непосредственным образом связана с человеческим капиталом, поскольку последний «даёт как прямой вклад в ВВП, так и косвенный – через рост совокупной факторной производительности, т.е. способности производить больше и дешевле на единицу затрат труда и капитала. Другое дело, что величина этого вклада определяется не только самим человеческим капиталом, но и действиями тех, кто его использует. Среди экстерналий человеческого капитала – более высокое качество социальных связей, гражданской активности и культуры общества» [2, с. 7].

Разделяем мнение авторов статьи В. Ефимовой, А. Лаптевой и Е. Михайловой о том, что необходимо продвигаться к системным представлениям о человеческом капитале, преодолевая разделение и противопоставление человеческого и социального капитала, в том числе представления об условиях (институциональных и экологических) человеческой капитализации [13, с. 2666].

Интересное и продуктивное направление в современной науке о человеческом капитале видим в исследованиях, посвящённых роли религии в формировании ценностей [14, с. 1355]. В течение долгого времени, как указывают исследователи, дискурс ценностей и человеческого капитала изучался преимущественно в светском интеллектуальном контексте. Тем не менее, в настоящее время повышается внимание науки

к роли религии и духовности в определении и понимании социальных ценностей, поскольку все религии связаны с трансцендентными ценностями. Религиозные взгляды могут способствовать практической реализации теорий системных изменений [14, с. 1361].

Солидарны с мыслями исследователя И. Бинюковой, что «человеческий капитал, введенный в научный оборот во второй половине XX века, к настоящему времени расширил свое содержание. Если первоначально учёные оценивали его с точки зрения набора знаний, умений и навыков, способных принести прибыль, то в дальнейшем оценку получает сам человек во всем многообразии своих жизненных проявлений. Человеческий капитал стал своеобразным индикатором оценки жизни человека, его моральных качеств и общественно значимых деяний» [1, с. 36]. В то же время несколько дискуссионным полагаем утверждение о том, что «человеческий капитал заменил в настоящее время в культуре самого человека» [1, с. 36]. На наш взгляд, безусловная активизация исследований человеческого капитала в культурологической парадигме, наблюдаемая в настоящее время, всё-таки недостаточна для такого обобщения.

Полагаем не совсем оправданным рассмотрение человеческого капитала вне культуры. Соглашаясь с М. Снурницей в том, что на формирование и развитие человеческого капитала влияют системы образования и здравоохранения, социальная защита и т.д., считаем целесообразным отметить необходимость актуализации гуманитарной повестки в анализе динамики развития человеческого капитала. [10, с. 633].

Заключение

В условиях глобализации, сопровождающейся сокращением природных ресурсов развития, конфликтами культур и интересов, социально-экономическими кризисами, неопределенностями в международных отношениях и климатическими изменениями, трудно переоценить роль

человеческого капитала как судьбоносного фактора исторического прогресса.

Ценности являются важным элементом структуры личности, определяющим жизненную траекторию, как отдельного индивидуума, так и общества в целом. Они отражают отношение человека к общественным благам и идеалам. Одной из основных функций ценностей является нормативная, суть которой заключается в том, что они являются регулятором поведения и жизнедеятельности. Отсюда следует, что ценности определяют основу мировоззрения человека и менталитет общества.

Человеческий капитал был и остается важным условием устойчивого развития и гуманитарной безопасности человечества. Он служит основой жизнеспособности и развития человека, общества и мировой цивилизации. А также гуманистическим ключом к диалогу, взаимопониманию и согласию, к преодолению политических, экономических и социально-культурных разногласий и конфликтов. Им определяют ценности и идеологические установки общества, способы удовлетворения естественных потребностей человеческой жизнедеятельности и стремления людей к сохранению и улучшению своей жизни. Каждый народ и каждый человек, проявляя политическую и социальную ответственность, должен стремиться быть не пассивным созерцателем и потребителем достижений мировой культуры. Вносить активный вклад в национальное и мировое развитие, в качестве равноправного участника глобального творческого процесса народов, поставленного на службу устойчивого развития мира. Чем больше будут сознательно и целенаправленно распространяться ценности высокой культуры во всем мире, тем шире будет открыт путь к реальной гармонии и солидарности человечества [7, с. 453].

Литература

1. Бинюкова И.С. Человек и человеческий капитал в культуре: морально-правовой аспект. Международный

- научно-исследовательский журнал. // Культурология – 2016. № 9 (51) часть 4. С. 36–37.
2. Бирюкова С.С. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тезисы докладов. Изд. дом «Высшей школы экономики». Москва, 2018–64 с.
  3. Гертнер С.Л., Китов Ю.В. Человеческий капитал как культурфилософская проблема. // Вестник культуры и искусств – 2017. № 2(50). С. 78–86.
  4. Джиева А.В., Тавасиева З.Р. Современные проблемы развития человеческого потенциала в России. // Сборник статей Международной научно-практической конференции: Человеческий капитал как фактор инновационного развития общества. 3 апреля 2018 г. «ОМЕГА САЙНС», Уфа. С. 57–61.
  5. Кузьминов Я.И., Овчарова Л.Н., Якобсон Л.И. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада. Ежегодный доклад о социальной политике. К XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 19–22 апреля 2016 г. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Москва, 2016–76 с.
  6. Мамедов Ф. Человеческий капитал: возможности культурологического похода к анализу и оценке. // Культурологический журнал – 2012. № 1(7). С. 1–7 http://www.cr-journal.ru/rus/journals/111.html&j_id=9
  7. Мамедов Ф.Т. Культурология: ответы на вызовы XXI века. Центр инновационных технологий. Казань, 2019–480 с.
  8. Силантьева М.В. Ценностные лекала современной культуры: религия, право, мораль. // Вестник ВГУ. Серия: Философия. № 2, С 76–81.
  9. Смирнов М.Ю., Мирошников Е.М. Трансформации религии в странах европейского союза как предмет академических исследований // Современная Европа, 2019. С 122–131.
  10. Снурницына М.А. Человеческий капитал как фактор роста эффективности региона (на примере Ярославской области). // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие), 2018. Т. 9 № 4. С. 632–642.
  11. Харрисон Л. Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. Москва. Новое издательство, 2008–282 с.
  12. Bachmann-Medick D. (2017). «Cultural Turns: A Matter of Management?», In book: Ed.W. Küpers, S. Sonnenburg, M. Zierold, ReThinking Management. Perspectives and Impacts of Cultural Turns and Beyond, Springer Fachmedien Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2017. P. 31–55.
  13. Efimova V.S., Lapteva A.V. and Mikhailova E.I. (2016). The Concept of Human Capital – the Need for an Interdisciplinary Synthesis. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 2016. № 11(9). P. 2664–2680.
  14. Ives C.D., Kidwell J. Religion and social values for sustainability. // Sustainability Science. 2019. № 14. P. 1355–1362.
  15. McCleary R.C. and Barro R.J. (2006). Religion and economy. // Journal of Economic Perspectives. 2006. № 20(2). P. 49–72.
  16. Pottenger J.R. Philosophical Foundations of the Religious Axis: Religion, Politics, and American Political Architecture, Palgrave Macmillan, London, 2020. P. 205.
  17. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. European // Journal of Social Theory. 2002. № 5. P. 243–263.
  18. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. № 50. P.19–45.
  19. Schwartz S.H., Cieciuch J. Values. // The ITC International Handbook of

- Testing and Assessment, Oxford university press. Oxford. 2016. P. 496.
20. Tuulik K., Õunapuu T., Kuimet K. and Titov E. Rokeach's instrumental and terminal values as descriptors of modern organization values. // *International Journal of Organizational Leadership*. 2016. № 5. P.151–161.

THE IMPORTANCE OF VALUE SYSTEM IN SHAPING HUMAN CAPITAL

Kulzhanova G.T.

Kostanay academy of the MIA

The article considers values as a determinant of social processes that affect the formation of human capital. The use of philosophical, General scientific and special scientific methods allowed us to reveal conceptual approaches to the study of religious and cultural values, to identify achievements and problems in the study of human capital in the socio-philosophical aspect, and to find out the prospects for the latest research. The combination of applied methods contributed to the discovery of a logical sequence, a multiplicity of directions for the development of human capital.

The practical value of this research is that its results can be used in the process of teaching social and philosophical disciplines, in conducting further research on the influence of religion and culture on the development of human capital, while overcoming a purely economic approach to this complex multidimensional phenomenon.

Keywords: human capital, values, religion, culture, human, society, worldview.

References

1. Binyukova I.S. Man and human capital in culture: moral and legal aspect. *International research journal*. // *Culturology* – 2016. № 9 (51) part 4.S. 36–37.
2. Biryukova S.S. How to increase human capital and its contribution to economic and social development: abstracts. Ed. house of the Higher School of Economics. Moscow, 2018–64 p.
3. Gertner S.L., Kitov Yu.V. Human capital as a cultural-philosophical problem. // *Bulletin of Culture and Arts* – 2017. № 2 (50). S. 78–86.
4. Dzhioeva AV, Tavasieva ZR Modern problems of human development in Russia. // *Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference: Human capital*

- as a factor in the innovative development of society. April 3, 2018 OMEGA SINCE, Ufa. S. 57–61.
5. Kuzminov Ya. I., Ovcharova LN, Yakobson LI Human capital as a factor of socio-economic development. Short version of the report. Annual report on social policy. For the XVII International Scientific Conference on the Development of Economy and Society, April 19–22, 2016 Nat. issled. Univ “Higher School of Economics”, Moscow, 2016. – 76 p.
6. Mamedov F. Human capital: the possibilities of a culturological approach to analysis and assessment. // *Cultural journal* – 2012. № 1 (7). Pp. 1–7 http://www.cr-journal.ru/rus/journals/111.html&j_id=9
7. Mamedov FT *Culturology: responses to the challenges of the XXI century*. Center for Innovative Technologies. Kazan, 2019–480 p.
8. Silantyeva MV Value patterns of modern culture: religion, law, morality. // *Vestnik VSU. Series: Philosophy*. No. 2, C76–81.
9. Smirnov M. Yu., Miroshnikova E.M. Transformations of Religion in the Countries of the European Union as a Subject of Academic Research // *Modern Europe*, 2019, pp. 122–131.
10. Snurnitsyna M.A. Human Capital as a Factor of Regional Efficiency Growth (on the Example of the Yaroslavl Region). // *World (Modernization. Innovation. Development)*, 2018. T. 9 No. 4. P. 632–642.
11. Harrison L. The main truth of liberalism: how politics can change culture and save it from itself. Moscow. New publishing house, 2008–282 p.
12. Bachmann-Medick D. (2017). “Cultural Turns: A Matter of Management?”, In book: Ed.W. Küpers, S. Sonnenburg, M. Zierold, *ReThinking Management. Perspectives and Impacts of Cultural Turns and Beyond*, Springer Fachmedien Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften. 2017.R. 31–55.
13. Efimova V.S., Lapteva A.V. and Mikhailova E.I. (2016). The Concept of Human Capital – the Need for an Interdisciplinary Synthesis. // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2016. No. 11 (9). R. 2664–2680.
14. Ives C.D., Kidwell J. Religion and social values for sustainability. // *Sustainability Science*. 2019.No. 14.R. 1355–1362.
15. McCleary R.C. and Barro R.J. (2006). Religion and economy. // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. No. 20 (2). R. 49–72.

16. Pottenger J.R. Philosophical Foundations of the Religious Axis: Religion, Politics, and American Political Architecture, Palgrave Macmillan, London, 2020, p. 205.
17. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002. No. 5. P. 243–263.
18. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // *Journal of Social Issues*. 1994. No. 50. R.19–45.
19. Schwartz S.H., Cieciuch J. Values. // *The ITC International Handbook of Testing and Assessment*, Oxford university press. Oxford. 2016.P. 496.
20. Tuulik K., Öunapuu T., Kuimet K. and Titov E. Rokeach's instrumental and terminal values as descriptors of modern organization values. // *International Journal of Organizational Leadership*. 2016. No. 5. R.151–161.

Символические пространства России и её единство в условиях глобализации

Латышева Наталия Александровна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Экономической теории и менеджмента», Российский университет транспорта (МИИТ-РОАТ)
E-mail: nalat59@mail.ru

В статье автор раскрывает природу и исторический генезис многообразия символических пространств России, модели и способы их использования в контексте реализации различных моделей глобализации. Историческое бытие России всегда отличалось противоречивостью и неоднозначностью, что нашло отражение в многообразных (часто крайне конфликтных и разнонаправленных) политических и духовных конструктах. Вся история существования российского государства отмечена поисками некоего консенсуса, желанием общего, единого. Вечная проблема получила новый импульс в условиях «4.0», формирующие новое мировидение. Одной из ключевых задач, стоящих перед страной, является проблема её единства в процессе развития её социально-культурологического континуума. Сохранение уникальности и императив нивелирования специфики – вот зримые тренды мирового развития общества. Они по-разному реализуются в социальных практиках. На данный момент в своей реализации доминирует технократическая либерально-капиталистическая модель глобализации, которая ставит под удар бытие личности, национальных государств и самобытных цивилизаций. Решением этой проблемы может быть реализация цивилизационного опыта России, которую можно рассматривать в качестве матрицы синтетической модели глобализации на основе концепта «цветущей сложности».

Ключевые слова: символ, символические пространства, единство России, глобализация, безопасность.

Среди проблем бытия России в современных условиях является проблема её единства и перспективы развития. Эта проблема имеет два аспекта, которые по-своему воплощаются в социальных практиках. Первый аспект связан с многообразием символических пространств самой России. Это многообразие выражает характер исторического формирования России, когда из множества локальных культур возник феномен «цветущей сложности» (К.Н. Леонтьев). При этом история России рассматривается как пространство причастности человека и народов к источнику бытия. На этом тезисе базируется практически любая традиция. Традиция реализует себя в истории через преемственность поколений, а её содержание является символическим. В XX веке этот феномен вошел в историю под именем «дружбы народов» и проявил себя в качестве реальности, с которой столкнулся Третий Рейх и проиграл.

Запад шёл по противоположному пути: каждый доминирующий центр Запада стремился утилизировать весь мир под себя феноменом новизны противопоставляя себя традиции. Запад делал ставку не на то, что объединяет народы, а на принцип «разделяй и властвуй». Этот принцип предельно представлен в концепции «войны всех против всех» английских философов.

Второй аспект бытия современной России связан с выходом человечества в фазу интеграции в масштабах всей планеты, получившей название глобализации. Масштабность – формальный аспект данного явления, который требует детального содержательного анализа. Понятие «глобализация» по своему содержанию противоречиво. В семантическом отношении оно обра-

зовано от латинского «globus» – шар, или французского «global» – всеобщий [11, с. 106] и впервые употреблено в 1967 году французскими учеными для обозначения большей, чем ранее, глубины международной интеграции.[7, с. 48]

М.А. Делягин утверждает, что данное понятие не избежало «печальной судьбы большинства других модных слов: почти каждый использующий их вкладывает в них свой собственный, особый и только ему ведомый смысл, как правило, мало задумываясь о том, что слово должно иметь общеупотребительное значение». [7, с. 48] Аналогичную особенность отмечает и английский профессор З. Бауман: «“Глобализация” сегодня у всех на устах; модное словечко, быстро превращающееся в лозунг, в заклинание, в некий ключ, способный открыть дверь к любым существующим и будущим загадкам».[2, с. 10.]

В данной статье глобализация мыслится как объективно-субъективный процесс интеграции человечества в масштабах всей планеты. В объективном аспекте глобализация – это процессы интеграции человечества в масштабах всего человечества во всех сферах жизнедеятельности. В этом плане глобализация совпадает с формальной стороной восприятия этого явления большинством. В субъективном аспекте глобализация есть реализация определенных моделей, парадигм планетарного мироустройства в интересах определенных субъектов, способных действовать на планетарном уровне. Модели глобализации имеют своё символическое выражение и оформление. Реальное противоборство субъектов моделей глобализации имеет свое символическое измерение.

В этом плане можно говорить, что XX век прошел под лозунгом противостояния капиталистической и социалистической моделей глобализации. Формационный подход марксизма-ленинизма апеллировал к классам, но за понятиями классов в XX веке скрывались образы совершенно раз-

ных мировоззренческих позиций и связанных с ними моделей социального развития. Этот аспект исследовали многие мыслители. Примером может быть работа Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».[3, с. 149–150] В определенной степени можно говорить, что не смотря на свое культурно-историческое разнообразие Россия все же связана с определенным единым типом идентичности и символическим хронотопом. Её история – это ритмы распада и новой сборки, выпадения и нового возвращения к своей идентичности и своему символическому хронотопу.[9]

После известных событий конца 80-х начала 90-х прошлого века вместе с исчезновением с геополитической карты мира Советского Союза социалистическая версия глобализации ушла в тень, а идеологи капиталистической глобализации на радостях провозгласили конец истории (концепция Ф. Фукуямы): в конкурентной борьбе идеологий и моделей социального устройства в планетарном масштабе исторической борьбы победил либерализм как идеологическое выражение капиталистической модели мироустройства и всему человечеству остается только признать и принять этот факт и эту модель.

Распад СССР привел к тому, что единое символическое пространство народов Советского Союза стало распадаться. Стал доминировать национализм, сепаратизм в самых разных формах. В рамках концепта «символического хронотопа» сейчас Россия находится в фазе распада. Но уже очевиден запрос на новую фазу «собирания земель русских». Народы устали от социального хаоса и угроз новых катастроф.

Следует отметить, что капиталистическая модель глобализации сопряжена с определенным форматом использования техники и технологий – выражением воли к власти. При этом формируется определенный раскол в человечестве: технократия и лишние люди. Если в технике, в машинах нашли свое воплощение физические способности человека, вообще само тело человека: машины

заменяли руки, ноги, зрение, слух и другие органы чувств, то в компьютере мы видим воплощение самого человеческого интеллекта, его замену и замещение. Но воплощение человеческого тела в машине, и интеллекта в компьютере связано одновременно и с проблемой отчуждения. Н.А. Бердяев полагал, что именно вхождение машины в историю в эпоху Нового времени есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе. Характер этой революции катастрофичен для человека: машина вырывает человека из недр органической жизни с природой, а стремление к господству над природой при помощи машины оборачивается для человека новой формой зависимости и рабства еще более сильного. Машина уводит человека во внешнюю периферию жизни, отрывает его от внутренней сути, от божественного начала и мира, закрывает сам доступ человека в высшие и глубинные сферы, разрушает человеческий образ и волю.[5, с.118–119] Следовательно, машины и технологии – орудие разрыва с традицией и историей.

Капиталистическая модель глобализации сопряжена не только с технократической формой воли к власти. В рамках капиталистического мироустройства прошлое рассматривается как чужая страна. И это связано не только с капитализмом, но и с той переменной в мировоззрении европейцев, которое произошло в эпоху Ренессанса. Великая французская революция, череда наполеоновских войн навсегда разлучили европейцев с прошлым.[12] Идеи прогресса и просвещения развернули человека из ориентаций на прошлое, в котором остался идеал человека и общества, мифический идеал – «золотой век». Теперь «золотой век» стали связывать с будущим, а его модели стали отражаться в новом литературном жанре – утопии. Сами же утопии стали формой социального проектирования и конструирования. Прошлому как каналу связи с подлинным объявляется война. В исследовательской литературе появилось даже понятие «историо-мора».[15]

В этих изменениях историческое прошлое и опыт, его символическое осмысление и воплощение в практиках преемственности поколений становятся не нужными. Нет необходимости чтить отцов, как и всю традицию. Теперь молодые поколения мыслят себя носителями «золотого века», они – орудие его воплощения. В этом плане уместно привести слова Н.А. Бердяева: «Для русской истории характерна прерывность. В противоположность мнению славянофилов, она менее всего органична. В русской истории есть уже пять периодов, которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времён татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет новая Россия». [4, с.15.] Вот мы теперь и живем в этой новой России с её новыми русскими, которые отреклись от своего недавнего прошлого и бросились под лозунгами конвергенции капитализма и социализма на просторы «мировой цивилизации». Одновременно и современный технический прогресс делает прошлым то, что еще вчера казалось идеалом нового. Это хорошо видно на смене новинок «гаджетов». Техношвинисты ликуют от своих возможностей изменять мир и одновременно этим пугают мир всеми видами сингулярности, когда изменения принимаю варианты экспоненты и человек уже не в состоянии их ни понять, ни контролировать. Эту тенденцию еще в 70-е годы описал Э. Тоффлер в работе «Шок будущего».

Господствующая в настоящее время модель глобализации основана на мифе прогресса как основе идеологии инновационного развития. Техношвинисты – орудие воплощения этого мифа, своего рода техножречество. Это хорошо показал в своей работе «Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху» Э. Дэвис.[8]

Современные IT-компании монополизируют информацию самого разного типа. На этой платформе формируются совершенно новые типы империй. «Боевым средством» воли к власти становится искусственный интеллект в самых

разных модификациях. Одновременно основные массы населения погружаются в негативное мифологическое сознание.[10] Будущее предстает как повторение прошлого, но в новом технологическом виде. Предельным выражением такого будущего является жанр «фэнтези». Прошлое как объективная реальность и история как процесс трансформируются в мифотворчество, историческая правда и истина вытесняются симулякрами и глубинными фейками. Вся история человечества и народов технологиями Голливуда. «Главный источник мирового зла – корпоративные медиа и ГолливудФабрики, формирующие реальность. Там создают миф, в котором мы живем. Так что это не просто главный источник зла – это его единственный легитимный источник на планете. Ни у кого больше нет ни права, ни возможности назначать вещи добром или злом. Это даже важнее, чем печатать доллары». [14, с. 319] Голливуд препарирует историю по лекалам антиутопии Дж. Оруэлла «1984».

В традиции бытие народа органически сопряжено с его историей. Мир, который явлен прошлым, имеет своих сторонников, которые ведут борьбу за него, в том числе и в России. [1] В этом прошлом явлена сама суть человека, которая вытесняется современными технологиями. Современная Россия находится в состоянии распада. И этот распад усиливается и ведется по тем цивилизационным швам, по которым её локальные культуры исторически «срасталась», когда Россия формировалась в контексте общности исторической судьбы (Н.Я. Данилевский). Сейчас вновь встал вопрос о единстве России. Для этого необходимо осмыслить ее единство на символическом уровне. Для этого необходимо обратиться к нашему историческому опыту. Ф.Б. Шенк пишет: «Великое княжество Московское с конца XIV в. пыталось подготовить программу «собираения русских земель» посредством «собираения русской истории (или историй)» и символически продолжить ее. Этот процесс выкристаллизовался в летопи-

сях, призванных создать представление о единстве земель Руси, и в строительстве символически нагруженных архитектурных сооружений в Московской земле, как и новых новгородских церквей, напоминавших об эпохе единства Русской земли и укреплявших московское самосознание».[17, с. 76.]

Таким образом, мы имеем налицо явное противоречие бытия современной России в условиях глобализации. Выживание России требует нового символического выражения необходимости «собираения русских земель». Здесь полезным будет и опыт Московского царства, и опыт Советской России. Но одновременно доминирующая модель глобализации предлагает свою версию единства мира, но с позиций интересов самого Запада и его элит. С этих позиций и при помощи современных инновационных технологий и идет переформатирование всего мира. Но и Запад сталкивается с определенной угрозой и для своего бытия: в погоне за своим доминированием над миром с использованием технологий искусственного интеллекта Запад сам может оказаться в ловушке. Точка сингулярности станет последним ударом колокола и по судьбе Запада: специалисты говорят о выходе искусственного интеллекта из-под контроля человека. [18] Эту угрозу осознают и на Западе. Тот же Ф. Фукуяма написал работу «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции».[16] Для бытия человека в целом возникло ряд угроз, созданных человеком или пришедших в мир человека через него самого. Технология CRISPR-Cas позволяет редактировать геномы. Человек становится объектом генетического редактирования. Некоторые с восторгом говорят о начале управляемой эволюции под контролем человека.[6] Но кто будет контролировать искусственную эволюцию самого человека?

А технологии добавленной реальности имеют выход непосредственно в сознание человека. Все это в целом любого человека создает угрозу для утраты выхода в объективную реальность.

Духовные практики человечества, которые открывали человеку подлинный мир блокируются. Вместе с этой блокировкой возникает угроза утраты подлинного единения человека и народов. Символические пространства России подвергаются тотальной трансформации. С одной стороны, их многообразие используется для дальнейшего раскола и распада России. С другой стороны, вместо символических пространств народов России формируются виртуальные симулятивные пространства. Это видно уже на примере социальных сетей и платформ. Нужна ли России и её народам такая перспектива и такая модель глобализации? Нужна ли такая перспектива народам мира? Поэтому России необходима такая новая сборка своего символического хронотопа и своих символических пространств, которая должна стать основой и альтернативной модели глобализации и быть ответом на угрозы доминирующей в данный момент модели глобализации несущей человеку угрозу исчезновения.

Литература

1. Августинович В.Г. Разгадка русской истории. Битва за прошлое. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 384 с.
2. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 188 с.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
4. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 620 с.
5. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.
6. Даудна, Дженнифер. Трещина в мироздании. Редактирование генома: невероятная технология, способная управлять эволюцией / Дженнифер Даудна, Сэмюел Стернберг; пер. с англ. С. Ястребовой. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019. 384 с.
7. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 48.

8. Дэвис, Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис; пер. с англ. С. Кормильцева, Е. Бачиной, В. Харитоновой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
9. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Идентичность и символический хронотоп: монография / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. 304 с.
10. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб.: Алетейя, 2019. 182 с.
11. Капто А.С. Энциклопедия Мира. М.: Книга и бизнес, 2002. 544 с.
12. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. / Пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Фонд «Университет», «Русский остров», «Владимир Даль», 2004, 621 с.
13. Павленко А.Н. История как символ. Философские заметки. СПб.: Алетейя, 2016. 348 с.
14. Пелевин В.О. Непобедимое Солнце. М.: Эксмо, 2020. 704 с.
15. Полян П.М. Историомор, или Трепанация памяти. М.: Издательство АСТ, 2016. 624 с.
16. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.
17. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / Авторизованный перевод с нем. Елены Земсковой и Майи Лавринович. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
18. Шнуренко, И. Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта. М.: Издательство «Наше завтра», 2021. 512 с.

SYMBOLIC SPACES OF RUSSIA AND ITS UNITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Latysheva N.A.
Russian University of Transport (MIIT-ROAT)

In the article, the author reveals the nature and historical genesis of the diversity of symbolic spaces in Russia, models and methods of their use in the context of the implementation of various models of globalization. The historical life of Russia has always been characterized by inconsistency and ambiguity, which is reflected in the diverse (often extremely conflicting and multidirectional) political and spiritual constructs. The entire history of the existence of the Russian state is marked by the search for a certain consensus, the desire for something common, united. The eternal problem received a new impetus in the conditions of "4.0", which are shaping a new worldview.

One of the key tasks facing the country is the problem of its unity in the development of its socio-cultural continuum. The preservation of uniqueness and the imperative of leveling the specifics are the visible trends in the world development of society. They are implemented in different ways in social practices. At the moment, the technocratic liberal-capitalist model of globalization dominates in its implementation, which jeopardizes the existence of the individual, national states and distinctive civilizations. The solution to this problem can be the implementation of the civilizational experience of Russia, which can be considered as a matrix of a synthetic model of globalization based on the concept of "blossoming complexity".

Keywords: symbol, symbolic spaces, unity of Russia, globalization, security.

References

1. Avgustinovich V.G. The answer to Russian history. The battle for the past. M.: Yauza: Eksmo, 2010.384 p.
2. Bauman 3. Globalization. Consequences for man and society / Per. from English. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2004, 188 p.
3. Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. Moscow: Nauka, 1990.224 p.
4. Berdyaev N.A. Self-knowledge: Writings. M.: EKSMO-Press; Kharkov: Folio, 1999.620 p.
5. Berdyaev N.A. The meaning of history. M.: Mysl', 1990.173 p.
6. Doudna, Jennifer A crack in the universe. Genome Editing: An Incredible Technology That Can Drive Evolution / Jennifer Doudna, Samuel Sternberg; per. from English S. Yastrebova. Moscow: ACT: CORPUS Publishing House, 2019.384 p.
7. Delyagin M.G. World Crisis: General Theory of Globalization. 3rd ed., Rev. and add. M., 2003.S. 48.
8. Davis, E. Technognosis: myth, magic and mysticism in the information age / E. Davis; per. from English S. Kormilitsva, E. Bachinina, V. Kharitonova. Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2008.480 p.
9. Emelin V.A., Tkhostov A. Sh. Identity and symbolic chronotope: monograph / V.A. Emelin, A. Sh. Thostov. M.: Canon + ROOI "Rehabilitation", 2021. 304 p.
10. Ivanov A.G. The system of modern social mythology. SPb.: Aleteya, 2019.182 p.
11. Kopto A.S. Encyclopedia of the World. Moscow: Book and Business, 2002.544 p.
12. Lowenthal D. The past is a foreign country. / Per. from English. A. Govorunova. SPb.: Fund "University", "Russian Island", "Vladimir Dal", 2004, 621 p.
13. Pavlenko A.N. History as a symbol. Philosophical Notes. SPb.: Aleteya, 2016.348 p.
14. Pelevin, V.O. The Invincible Sun. M.: Eksmo, 2020.704 p.
15. Polyak P.M. Historiomor, or Trepanation of memory. Moscow: AST Publishing House, 2016.624 p.
16. Fukuyama F. Our posthuman future: Consequences of the biotechnological revolution / F. Fukuyama; Translated by M.B. Levin. M.: LLC "ACT Publishing House": OJSC "LUX", 2004. 349 p.
17. Schenk F.B. Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero (1263–2000) / Authorized translation from him. Elena Zemskova and Maya Lavrinovich. M.: New Literary Review, 2007. 592 p.
18. Shnurenko, I. Demon inside. Anatomy of Artificial Intelligence. M.: Publishing house «Our tomorrow», 2021.512 p.

Становление дискурса религиозной угрозы в российской философской мысли

Младенов Василий Иванович,

соискатель кафедры философии, ФГБОУ ВО
«Забайкальский государственный университет»
E-mail: mladenov.v@mail.ru

В статье проводится анализ проблематики религиозных угроз в рамках отечественной философской, теологической, социологической, психологической мысли. Проведение анализа осуществлено с опорой на положения теории социальной эволюции религии, теории религиозного конфликта и теории социальной адаптации религии. Итоги анализа показали, что ситуация исследований религиозной угрозы в рамках российского научного поля усложнена активным противостоянием среди авторов публикаций, посвященных этой теме. Большая группа авторов публикует произведения, в которых указывает на наличие угрозы национальной безопасности со стороны всех религий, которые не считаются традиционными на территории России. Выполняя социальный заказ и отражая свои метафизические убеждения, ангажированные авторы относят к разряду опасных и экстремистских широкий круг конфессиональных групп. Напротив, другая группа исследователей публикует материалы, посредством которых пытается не только обосновать необходимость научно-выверенного исследования процессов государственно-конфессионального взаимодействия, но и защитить право верующих на осуществление права религиозного выбора.

Ключевые слова: Религиозная угроза, религиозная безопасность, эволюция религии, религиозный конфликт, социальная адаптация религии, религиозный экстремизм, антикультулизм.

Введение. Конец XX – начало XXI в. на территории Российской Федерации ознаменовались активизацией процессов распространения экстремизма, часто использующего религиозные лозунги. Это делает актуальным исследование проблемы религиозной угрозы, под которой понимается распространение таких форм экстремизма, как исламский, экстремизм нетрадиционных религиозных образований и экстремизм, связанный с определенной формой официального клерикализма, направленного на ограничение прав верующих, принадлежащих религиозным меньшинствам. В рамках отечественной философской, теологической, социологической, психологической мысли ведется исследование данной проблемы, однако вопрос о религиозной угрозе нуждается в более четкой концептуализации.

Степень исследованности темы. Представления о религиозной угрозе в российской общественной мысли и философии формируется в рамках конфессионального направления такими авторами, как Л.А. Андреева, В. Аксютин, В.В. Кучурин, Л.И. Григорьева, О.А. Богданова, Д. Таевский, А.И. Осипов, А.В. Пименов, Л.И. Григорьева, Л.С. Астахова, А.Л. Дворкин, А.В. Кураев, О.В. Стенев, А.В. Щипков, Р.Р. Гарифуллин, Н.В. Кривельская, А.И. Хвыля-Олинтер, И. Куликов, Р. Силантьев, В.А. Мартинович, Т.С. Оленич, О.А. Богданова, И.А. Тарасевич. Это направление подвергается критике со стороны светских авторов, таких как П.Н. Костылев, Е.С. Элбакян, Н.А. Митрохин, И.Я. Кантеров, Н.С. Гордиенко, С.И. Иваненко, К.А. Богданов, В.С. Полосин, Д. Фурман, С.Б. Филатов, Р.Н. Лункин. В целом развитие

полемики между современными представителями «антикультурного направления» и религиозного либерализма показывает актуальность социально-философского анализа проблематики религиозных угроз в российской науке. Проведение данного анализа осуществлено нами с опорой на положения теории социальной эволюции религии М. Вебера, Т. Парсонса, теории религиозного конфликта К. Маркса, Р. Дарендорфа и теории социальной адаптации религии Дж. Ричардсона, П. Тиллиха, Б.Р. Уилсона.

Результаты анализа показали, что на научном поле России представления о религиозной угрозе долгое время находились под влиянием православных идей. Догматической точке зрения на религиозную угрозу противостояло мнение не церковных философов, которые полагали, что для русского народа, угрозой является излишняя опека со стороны церковных сил. Этим оценкам была противопоставлена трактовка религии, как угрозы со стороны представителей советской социально-философской мысли, которые основной угрозой религии считали ее негативное отношение к формированию социалистического общества. Начало 90-х гг. XX в. на короткий срок реабилитировало светский подход, согласно которому утверждалось равноправие в отношениях между государством и различными типами религий, что гарантировало равенство в процессе выявления возможных угроз со стороны религии для личности и общества. Однако с начала XXI в. перед российским обществом была поставлена мировоззренческая дилемма, разделяющая мир на «своих» и «чужих», что стало подразумевать наличие конфронтации между «внешними врагами» и «российским народом», отстаивающим ценности своей культуры. При этом, в России преобладающей стала точка зрения, которая основана на априорной оценке всех нетрадиционных религиозных организаций в качестве угрозы религиозной безопасности.

Обсуждение результатов. На научном поле России представления о ре-

лигиозной угрозе долгое время находились под влиянием концепций, которые отражали содержание представлений авторов, защищавших положения православной религии. В частности православные идеи содержались в публикациях А.С. Хомякова, Н.И. Веселовского, Е.Е. Голубинского, указывавших на врагов православия в лице католицизма, язычества и обрядоверия [5, с. 45]. Догматической точке зрения на религиозную угрозу противостояло мнение религиозных, но не церковных философов Н.А. Бердяев, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева [19, с. 382], которые полагали, что для русского народа, как самостоятельного носителя религиозного сознания, опасностью может стать излишняя опека, выражающаяся в религиозной нетерпимости, фанатизме и борьбе с инакомыслием со стороны церковных сил.

Будучи в эмиграции Б.П. Вышеславец, А.Ф. Лосев, Н.А. Бердяев [3, с. 57] занимались описанием духовных угроз, которым подвергался русский народ по причине распространения коммунизма. Угроза коммунизма, по их мнению коренилась в том, что он копировал христианство и тем самым становился привлекательным для массового сознания, которое уводил на ложный путь.

В то же время, противоположные представления об угрозе, которую представляет религия, и в особенности православное христианство, разрабатывались на территории Советской России в трудах В.И. Ленина, Н.К. Крупской, В.Д. Бонч-Бруевича, Д.А. Волкогонова, П.А. Красикова, А.В. Луначарского, Д.В. Пospelовского, Е.М. Ярославского [29], которые исходили из марксистского положения о социальной угрозе религии, доказывая необходимость ее преодоления как социального феномена в общественном и индивидуальном сознании. Основной угрозой религии они считали ее негативное отношение к росту социальной активности широких масс трудящихся, формированию коммунистических отношений, утверждению коммунистической морали воспитания нового человека. Советские

исследователи религии доказывали, что религия это инструмент эксплуатации людей, ощущающих бессилие перед окружающим обществом и природой. Согласно советской концепции религия в обществе выполняла только социальные функции, занимаясь опекой верующих, которую осуществляли церковные институты. Основой отношения к религии в советской философии стало понятие «идеологии», понимаемой в качестве системной излагаемых идей, отражающих интересы социальных групп, а также понятие «ложно-государства», которое преподносилось в качестве результата мышления, отчужденного от реальности бытия [4].

Точка зрения, основанная на этой терминологии, пользовалась непрекращаемым авторитетом среди отечественных исследователей, которые рассматривали религию только в контексте концепции религиозной угрозы. Она ярко представлена в монографиях С.А. Токарева, Н.С. Гордиенко, Ю.А. Левады, В.И. Добренкова и А.А. Радугина [8, с. 178]. Методологию этих авторов определял исторический материализм, в рамках которого анализ вопроса о том, что такое религия неизменно приводил к ленинскому выводу о классово-экономической сущности этого явления, в какой бы форме оно не проявлялось. Любая религия представлялась инструментом эксплуатации и поэтому объявлялась угрозой прогрессивному развитию [26, с. 87]. Во второй половине XX в. Советском Союзе исследование религиозных угроз стало связываться с распространением новых религиозных движений, прибывавших из-за рубежа. С точки зрения данной концепции разработка понятия религиозной угрозы велась Е.Г. Балагушкиным, Д. Угриновичем, П.С. Гуревичем, Л.Н. Митрохиным, М. Мчедловым, И.Р. Григулевичем связывавшими изучение новых нетрадиционных религий с задачами критики западного общества [25].

Начало 90-х гг. XX в. в России ознаменовалось процессами, связанными с крушением коммунистической идеологии, которые ознаменовались

изменением социального отношения к религии. Общественные трансформации этого периода на короткий период привели реабилитации отношений между религиями и обществом, что повлияло на социальную философию, где хождение получила концепция о «конце идеологии», связанная с работками Ф. Шлейермахера, М. Мюллера и Л.Я. Штернберга. В частности, непредвзятая позиция в исследованиях религии ознаменовалась методологическими разработками И.Н. Яблокова и А.Н. Красникова [17], которые обосновали методологию, основанную на признании равенства между социальными практиками различных религий, в том числе в отношении критериев их возможных угроз [10].

Однако с начала XXI в. произошли существенные изменения в политической и социально-экономической жизни страны, которые вновь изменили акценты в восприятии религиозных прав и свобод. В результате российская социальная философия, оказавшись, как и в советские времена, перед мировоззренческой дилеммой, разделяющих мир на «своих» и «чужих». Исследования государственно-конфессионального взаимодействия в это время оказались подвержены влиянию концепции «национальной безопасности», в рамках которой, так называемое «патриотическое» направление занялось обоснованием идеи об угрозе со стороны «нетрадиционных» для российского общества религий [11].

Одно из этих направлений оказалось связано происхождением с атеистической традицией в отечественном религиоведении, которая основываясь на марксистскую методологию, априори видела в религии перманентную угрозу. Среди произведений марксистских авторов в науке постсоветской России выделяются публикации Е.Г. Балагушкина, который видит угрозу обществу в деятельности любых нетрадиционных религиозных объединений [1]. Значительно большее влияние имеет тенденция, заключавшаяся в появлении значительного количества конфес-

сиональных, главным образом, православных авторов, резко выступавших с позиций религиозного ригоризма [12]. По их мнению, актуализация методологии исследований религиозных объединений с позиции «свой» – «чужой» имеет в качестве фактора происходящую в последнее время диверсификацию публичной политики, приведшей к трансформации структуры субъектов целеполагания и учащению вызовов со стороны идеологически враждебных сил, включая нетрадиционные религиозные организации. Напротив, защитную функцию выполняют «традиционные религии», считающиеся культурообразующими [13].

Исследование этих проблем, в указанном контексте ведет две группы авторов, одна из которых пытается обосновать свои конфессиональные убеждения посредством обращения к научной риторике и аргументации, другая – неприкрыто занимается решением такой задачи, как запрещение и ликвидация религиозного инакомыслия. Первая группа авторов, таких как Л.С. Астахова, Л.А. Андреева, В. Аксютин, В.В. Кучурин, Л.И. Григорьева, О.А. Богданова, Д. Таевский [23], оценивая нетрадиционные религиозные объединения в качестве угрозы безопасности русской православной культуры, тем не менее, пытается выявлять объективные закономерности их формирования и распространения [29].

Существенно отличаются от содержания этих исследований, разрабатывающих общефилософский подход к понятиям «религиозной угрозы» и «религиозной безопасности», выступающих у них в качестве абстрактных категорий, группа авторов, представляющих антикультуристское направление, начала публикацию материалов, напрямую развенчивающих «деструктивную деятельность» организаций, признаваемых ими «тоталитарными сектами». Методологии антикультуризма в современной исследовательской литературе, посвященной религиозным угрозам, придерживается направление, которое представляют А.Л. Дворкин, А.В. Кура-

ев, О.В. Стеняев, А.В. Щипков, Р. Силантьев, Р.Р. Гарифуллин, Н.В. Кривельская [18], считающие «Своими» «традиционные», то есть культурообразующие и воспитывающие религиозные объединения, в противоположность «нетрадиционным», признаваемыми «Чужими», то есть опасными и разрушительными [9]. В трудах этих авторов доказывается, что угроза безопасности страны связана с деятельностью организаций, принадлежащих к таким направлениям, как исламский радикальный фундаментализм и нетрадиционные религиозные движения, неотъемлемым качеством которых признается деструктивность [31].

В целом, важно, что значительная часть российского общества, включая административные и управленческие, правоохранительные ведомства положительно воспринимают идеи перечисленных авторов, которые становятся авторитетными источниками, используемыми в деятельности и аргументации православной общественности, обсуждающей проблемы духовной безопасности на научно-практических конференциях, выступлениях, лекциях, дискуссиях по проблемам духовной безопасности. Благодаря этим усилиям, идеи о необходимости разработки мер по обеспечению религиозной безопасности появляются в высказываниях политических деятелей, а также попадают в сферу интересов представителей юриспруденции, таких как А.В. Возжеников, А.И. Васильев, В.В. Мамонов, Т.Э. Шуберт [29], для которых исследование религиозной безопасности ассоциируется с проблемами, сопровождающими деятельность конфессий, которые не соответствуют православным традициям российского общества.

Основным вопросом рассматриваемого дискурса становится обсуждение того, насколько несовершенным является российское законодательство и насколько необходимо совершенствование системы регулирования деятельности религиозных организаций, которые, по мнению В.И. Радченко, С.В. Козлова, Е.Н. Плужникова, Ю.В. Сласти-

линой, И.А. Тарасевича [24] обладают негативным потенциалом, связанным с влиянием нетрадиционной религиозной конфессиональности. Ведущий мотив этих исследований заключается в анализе личной, национальной, государственной угроз, исходящих от религиозных объединений, понимающихся как нетрадиционные религиозные организации и поиске путей их эффективного решения, которые заключаются в разработке системы мер, направленных на предупреждение и пресечение деятельности религиозных объединений, признаваемых нетрадиционными и опасными для России.

Ответом на распространение антикультизма стало появление научных публикаций и выступлений правозащитников, которые стали направляться на защиту права религиозного выбора и религиозной свободы. Основным объектом критики в современных условиях в России стала содержащая постулаты антикультизма книга А.Л. Дворкина [7]. С критикой концепции А.Л. Дворкина выступают светские исследователи А.В. Муравьев и М.Н. Ситников, П.Н. Костылев, Е.С. Элбакян, которые считают подход А.Л. Дворкина ненаучным, а реальность, которую он описывает как конструкцию, в которой не имеется ничего общего с тем, что происходит в реальности. Такие исследователи религии, как Н.А. Митрохин, Р.Ю. Беляков, Ю.Г. Петраш, А. Нежный [20] отмечают, что обвинения в нетрадиционности по отношению к зарегистрированным в органах юстиции, религиозным организациям, абсурдны, так как признание их государством является критерием того, что эти организации не являются сектами. Основательную критику используемых А.Л. Дворкиным терминов «тоталитарная секта» и «деструктивная секта» дал И.Я. Кантеров, ясно показав, что в них отсутствуют типологизирующие признаки, что открывает простор для субъективного толкования их значения. При этом И.Я. Кантеров указал на действительный инструмент, с помощью которого А.Л. Дворкин доказывает свои идеи – это домыслы, ко-

торые для убедительности иллюстрируются устрашающими описаниями злодеяний и огромными цифрами [16].

Заметной публикацией, содержащей критику антикультизма в современной России является монография Н.С. Гордиенко, описавшего судьбу религиозной организации иеговистов, преследуемых антикультовым лобби [6]. Н.С. Гордиенко показал не только ограниченность возможностей антикультизма в доказательстве наличия угрозы со стороны той или иной религиозной организации, но продемонстрировал угрозу со стороны антикультовых организаций. Сегодня концепцию Н.С. Гордиенко развивает С.И. Иваненко, рассматривающий различные аспекты государственно-конфессионального взаимодействия со светской позиции. Особенно подробно С.И. Иваненко описывает примеры религиозной нетерпимости и случаи преследований за религиозные убеждения таких объединений, как сайентологи, кришнаиты, ислам, каждый из которых, с одной стороны свидетельствует о нарушении прав верующих, с другой – показывает степень ущерба, наносимого государству антикультовыми движением. Следствием его деятельности С.И. Иваненко считает межконфессиональную рознь и распространение на международной арене негативного образа государства, преследующего религиозное инакомыслие [15].

Значительный вклад в современное осмысление проблематики религиозных угроз имеют социально-философские работы К.А. Богданова, В.С. Полосина, К. Каарийнена, Д. Фурмана, С.Б. Филатова и Р.Н. Лункина, М. Эпштейна, Г. Рормозера, П.В. Чельшева [27]. Эти публикации отражают наиболее общие закономерности процесса взаимодействия государства, общества и религии, в рамках которых постулируется необходимость сохранения религиозных свобод и в первую очередь возможности осуществления выбора религии [22]. Представители социальной философии указывают на такую проблему современного развития

государственно-конфессиональных отношений, как противоречие между тенденцией развития духовности, в качестве свободного рынка и тенденцией, связанную с влиянием на эту сферу недемократического государства, которое воспринимает стремление к осуществлению права на выбор религии в качестве угрозы своей целостности [14].

Основной вывод, к которому приводит социально-философская рефлексия, заключается в том, что противоречие в сфере религиозной безопасности современной России заключается в столкновении между ценностями, предлагаемыми религиозным либерализмом и ценностями, которые существенно ограничивают возможность его действия. При этом значительная часть религий на территории современной России априори воспринимается, как угроза личности и обществу. Либерализм же, как пишет К. Рормозер, функционирует успешно лишь в условиях нормального положения вещей и при достаточно высоком уровне благосостояния. Для преодоления же кризисных ситуаций, как в России, сил либерализма явно недостаточно [21].

В целом, можно отметить, что российский дискурс, направленный на осмысление религиозной угрозы в контексте концепции общественной безопасности, имеет общие параметры с дискурсом западной философии. Здесь также обсуждаются вопросы, связанные с обсуждением проблем влияния нетрадиционных религий на личность и общество, а также выделяется круг проблем, связанных с анализом борьбы антикультистских групп против религий, признаваемых в обществе нетрадиционными. Вместе с этим в России имеются отличия, заключающиеся в том, что в дискурсе, посвященном обсуждению религиозных угроз здесь превалирует точка зрения, в рамках которой источником угрозы считаются все нетрадиционные религиозные объединения.

Вывод. Проведенный анализ российских публикаций, посвященных религиозной угрозе, показывает, что в отече-

ственной науке имеется значительное многообразие различных оценок этой проблемы. Это указывает на необходимость обоснования методологии исследований сущности религиозной угрозы, которая бы наиболее адекватно отвечала современному уровню понимания религиозной ситуации, отличающейся наличием разнообразных проявлений религии. При этом ситуация исследований религиозной угрозы в рамках российского научного поля усложнена активным противостоянием среди авторов публикаций, посвященных этой теме. Большая группа авторов публикует произведения, в которых указывает на наличие угрозы национальной безопасности со стороны всех религий, которые не считаются традиционными на территории России. Выполняя социальный заказ и отражая свои метафизические убеждения, ангажированные авторы относят к разряду опасных и экстремистских широкий круг конфессиональных групп. Напротив, другая группа исследователей публикует материалы, посредством которых пытается не только обосновать необходимость научно-выверенного исследования процессов государственно-конфессионального взаимодействия, но и защитить право верующих на осуществление права религиозного выбора.

Литература

1. Балагушкин Е.Г. Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России: монография. М.: Ленанд, 2014. 256 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания: монография. М.: Медиум, 1995. С. 17
3. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность: монография. М. Канон+ 1999 г. С. 57.
4. Бушуева Е.С. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования: учебное пособие // Е.С. Бушуева, А.В. Жуков. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
5. Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. Общие

- вопросы // Богословский Вестник. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 1892. С. 45–75.
6. Гордиенко Н.С. Российские свидетели Иеговы: история и современность: монография. СПб, 2000. 233 с.
  7. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования: монография. Нижний Новгород: Христианская библиотека, 2012. 813 с.
  8. Добренков В. И., Радугин А.А. Методологические вопросы исследования религии: монография. М.: Высш. шк., 1989. С. 178.
  9. Жуков А.В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27–33.
  10. Жуков А.В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129–136.
  11. Жуков А.В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10–15.
  12. Жуков А.В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореферат дисс. докт. филос. Н: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
  13. Жуков А. В., Жукова А.А. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–1 (41). С. 54–58.
  14. Журавский А. Религиозный экстремизм в конфликте интерпретаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sovacenter.ru/religion/publications/2003/10/d1225/> (Дата обращения: 06.03.2020).
  15. Иваненко С.И. Обыкновенный антикультулизм: монография. СПб: Древо жизни, 2012. 104 с.
  16. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения в России: монография. М.: ББИ, 2007. С. 16–93.
  17. Красников А.Н. Методология западного религиоведения второй половины XIX–XX века: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. М., 2007. С. 5.
  18. Кривельская Н.В. Религиозная экспансия против России: монография. М.: Регионы России, 1998. 152 с.
  19. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада: монография: В. Соловьев, К. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М., М. Республика Культурная революция 2007. С. 382.
  20. Нежный А. Изгнание Бога: монография. М.: Хлебъ, 2011. 492 с.
  21. Рормозер Г. Кризис либерализма: монография. М.: РАН, 1996. 298 с.
  22. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования: учебное пособие // В.Г. Зарубин (ред). СПб: Легион-М, 2013. Вып. 3.511 с.
  23. Таевский Д. Секты мира: монография. Ростов на Дону: Феникс, 2007. 571 с.
  24. Тарасевич И.А. Конституционно-правовые основы религиозной безопасности Российской Федерации: дисс. ... д-ра юр. наук: 12.00.02. Тюмень, 2015. 376 с.
  25. Ткачева А. А. «Индуистские религиозно-общественные организации (ашрамы) и их роль в современной идейно-политической жизни Индии». Новые религии Востока: монография. М: Наука, 1991. 216 с.
  26. Токарев С. А. О религии как социальном явлении (мысли этнографа) // Советская этнография, 1979. № 3. С. 87–105.
  27. Чельшев П.В. Обыденное сознание или Не хлебом единым жив человек: монография. М.: МГГУ, 2007. С. 9.
  28. Шуберт Т.Э. Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-

- правовые исследования: монография. М. Право и закон. 2001. 176 с.
29. Ярославский Е. Борьба за преодоление религии // Против религии и церкви. Центральный Совет Союза воинствующих безбожников: монография. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. Том 4. 420 с.
30. Zhukov A., Beryukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.
31. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // *IEJME: Mathematics Education*. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321–1330.

THE FORMATION OF A DISCOURSE OF A RELIGIOUS THREAT IN THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT

Mladenov V.I.

Transbaikal State University

The article analyzes the problems of religious threats in the framework of Russian philosophical, theological, sociological, psychological thought. The analysis was carried out based on the provisions of the theory of the social evolution of religion, the theory of religious conflict and the theory of social adaptation of religion. The results of the analysis showed that the situation of studies of the religious threat within the Russian scientific field is complicated by the active confrontation among authors of publications on this topic. A large group of authors publish works in which they indicate the existence of a threat to national security from all religions that are not considered traditional in Russia. Fulfilling a social order and reflecting their metaphysical beliefs, biased authors classify a wide range of religious groups as dangerous and extremist. On the contrary, another group of researchers publishes materials through which it tries not only to justify the need for scientifically verified research of state-confessional interaction processes, but also to protect the right of believers to exercise the right of religious choice.

Keywords: religious threat, religious security, evolution of religion, religious conflict, social adaptation of religion, religious extremism, anti-cultism.

References

1. Balagushkin E.G. Life-giving elixir or the opium of a leper? Non-traditional religions, sects and cults in modern Russia: monograph. Moscow: Lenand, 2014. 256 p.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge: a monograph. M.: Medium, 1995. S. 17.
3. Berdyaev N.A. New religious consciousness and society: monograph. M. Canon + 1999 P. 57.
4. Bushueva E.S. Socio-cultural environment of Transbaikalia: the specifics of formation: a textbook // E.S. Bushueva, A.V. Zhukov. Chita: ZabGU, 2012. 170 p.
5. Golubinsky E.E. To our polemic with the Old Believers. General questions // *Theological Bulletin*. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 1892, pp. 45–75.
6. Gordienko N.S. Russian Jehovah's Witnesses: history and modernity: monograph. SPb, 2000. 233 p.
7. Dvorkin A.L. Sectology. Totalitarian sects. Systematic research experience: monograph. Nizhny Novgorod: Christian Library, 2012. 813 p.
8. Dobrenkov V.I., Radugin A.A. Methodological issues in the study of religion: monograph. M.: Higher. shk., 1989. S. 178.
9. Zhukov A.V. Formation of a religious and mythological worldview and myths about religiosity // *Bulletin of the Chita State University*. 2010. No. 3 (60). S. 27–33.
10. Zhukov A.V. Religiousness, subjectivism and construction of the concepts of a religious personality // *Bulletin of the Chita State University*. 2010. No. 2 (59). S. 129–136.
11. Zhukov A.V. Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" // *Bulletin of the Chita State University*. 2011. No. 2 (69). S. 10–15.
12. Zhukov A.V. Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of thesis. doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 2011. 45 p.
13. Zhukov A.V., Zhukova A.A. Causes and factors of the emergence and spread of mythological images of China among the population of Transbaikalia // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2014. No. 3–1 (41). S. 54–58.
14. Zhuravsky A. Religious extremism in the conflict of interpretations [Electronic resource]. Access mode: [187](http://www.sova-

</div>
<div data-bbox=)

- center.ru/religion/publications/2003/10/d1225/ (Date of access: 03/06/2020).
15. Ivanenko S.I. Ordinary anticultism: monograph. SPb: Tree of Life, 2012.104 p.
  16. Kanterov I. Ya. New religious movements in Russia: monograph. M.: BBI, 2007. S. 16–93.
  17. Krasnikov A.N. Methodology of Western Religious Studies of the Second Half of the 19th – 20th Centuries: dis... Dr. Philos. Sciences: 09.00.13. M., 2007. S. 5.
  18. Kriveelskaya N.V. Religious expansion against Russia: monograph. Moscow: Regions of Russia, 1998. 152 p.
  19. Motroshilova N.V. Thinkers of Russia and Philosophy of the West: monograph: V. Soloviev, K. Berdyayev, S. Frank, L. Shestov. M., M. Republic of the Cultural Revolution 2007. S. 382.
  20. Gentle A. The Expulsion of God: a monograph. Moscow: Khleb, 2011. 492 p.
  21. Rormozer G. Crisis of liberalism: monograph. Moscow: RAS, 1996.298 p.
  22. Sociology: concepts, branch theories and methods of applied research: a textbook // V.G. Zarubin (ed.) SPb: Legion-M, 2013. Issue. 3. 511 s.
  23. Taevsky D. The sects of the world: monograph. Rostov-on-Don: Phoenix, 2007.571 p.
  24. Tarasevich I.A. Constitutional and legal foundations of religious security of the Russian Federation: diss. ... Dr. jur. Sciences: 12.00.02. Tyumen, 2015.376 p.
  25. Tkacheva A.A. "Hindu religious and social organizations (ashrams) and their role in the modern ideological and political life of India." New religions of the East: monograph. Moscow: Nauka, 1991.216 p.
  26. Tokarev S.A. On religion as a social phenomenon (the thought of an ethnographer) // Soviet Ethnography, 1979. No. 3. P. 87–105.
  27. Chelyshev P.V. Ordinary consciousness or man does not live by bread alone: monograph. Moscow: MGGU, 2007. S. 9.
  28. Schubert T.E. National security of Russia: constitutional and legal aspects. Comparative legal research: monograph. M. Law and law. 2001. 176 s.
  29. Yaroslavsky E. Struggle to overcome religion // Against religion and the church. Central Council of the Union of Militant Atheists: monograph. M.: State. anti-religious publishing house, 1935. Volume 4.420 p.
  30. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016.Vol. 9, No. 42, p. 104239.
  31. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. Vol. 11. No. 5. P. 1321–1330.

Социальная инженерия в 21 веке: проект социального кредитования граждан в КНР

Прошкин Александр Сергеевич,

аспирант, кафедра современных проблем философии, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: proshkin.as@mail.ru

В статье исследуется проект социального кредитования граждан в Китае, практическая реализация которого приходится на вторую декаду текущего столетия. Рассматриваются конкретные примеры его внедрения в социальную жизнь современного китайского общества, осуществляемые как различными частными компаниями, так и непосредственно правительством КНР. Проанализировав релевантный эмпирический материал через актуализированную призму идей К. Поппера, автор определяет отличительные особенности данного проекта, характеризующегося активным применением современных компьютерных и сетевых технологий, широко распространённых в постиндустриальном обществе. Это позволяет квалифицировать систему социального кредита как уникальную форму социальной инженерии, цифровые механизмы которой открывают новые возможности для успешного конструирования желаемых общественных институтов в 21 веке.

Ключевые слова: Китай, система социального кредита, социальная инженерия, К. Поппер, big data.

Наступление информационной эры, для которой характерно интенсивное развитие сетевых и компьютерных технологий, характеризуется количественной, а также качественной трансформацией большинства сфер жизни современных обществ. Стремительно изменяется и их социальная реальность: формируются новые социальные институты, в то время как традиционные коллективные практики обретают виртуальный облик. Очевидно, что данная трансформация происходит как стихийным образом, так и в результате тщательно спланированных мероприятий, нацеленных на желаемое преобразование социума, которые можно квалифицировать в качестве актуального вида «социальной инженерии». Современный Китай, являющийся одним из наиболее технологически развитых государств на данный момент, столкнулся с чередой социальных проблем (частично «унаследованных» из 20 века), решить которые, по мысли правительства КНР, возможно путем осуществления серии поэтапных реформ. Одной из таких реформ является многоуровневый проект внедрения системы социального кредита для частных компаний и граждан Китая. Чтобы проанализировать систему социального кредитования в контексте «социальной инженерии» представляется уместным сначала кратко рассмотреть ее основные особенности, которые были определены и подробно изучены Карлом Поппером.

«Социальная инженерия» как запланированное конструирование социальной реальности

К. Поппер на страницах своих работ (главным образом, «Открытое общество и его враги» [1], [2], а также «Нищета

историцизма» [3]) выступил с концептуальной критикой теорий, претендующих на экспликацию всеобщих исторических «тенденций» и «законов», опираясь на которые возможно предсказывать будущий ход исторического процесса. Поппер квалифицировал подходы такого рода в качестве «историцистских», наиболее яркими примерами среди которых являются марксистская и фашистская философии истории [1]. Отвергнув революционные методы изменения общества, неизбежно вытекающие из «историцистских» интерпретаций, Поппер предложил альтернативные способы трансформации социальной реальности, которые должны осуществляться профессиональными «социальными инженерами» на основе тщательно продуманной «социальной технологии». Такие практические способы, нацеленные на точечное изменение существующих и постепенное создание новых социальных институтов, были названы К. Поппером «позлементной социальной инженерией» [3]. Главные особенности данного вида «социальной инженерии» (в отличие от ее «утопической» разновидности):

- реализация путем поэтапных реформ;
- экспериментальный характер;
- антихоррористическая и антирадикальная ориентация;
- направленность на устранение конкретных общественных проблем;
- опора на научную базу социальных наук;
- многоуровневость [4, с. 109].

В свою очередь, методы «утопической социальной инженерии» направлены на качественное изменение общества в целом, что обуславливается «историцистской» теоретической базой, которая лежит в основе утопических преобразований [3]. Несомненным представляется и то, что Поппер связывает реальные перспективы «поэтапной социальной инженерии» с функционированием демократических или «открытых» режимов, политическая и социальная конституция которых создают возможности для постепенной трансформации общественных институтов.

Однако, как замечает австрийский философ, «позлементная социальная инженерия» может также иметь и иную политическую направленность:

«Таким образом, наклонности социальной инженерии могут быть весьма разнообразными – и тоталитарными, и либеральными...» [3, с. 47].

Создавая концепт «социальной инженерии», К. Поппер, исходил преимущественно из социальных реалий, которые были характерны для обществ, находящихся на индустриальном этапе развития. В связи с чем адекватным представляется следующий вопрос: как изменилась «позлементная социальная инженерия» в информационную эру? Как на неё повлияли сетевые и цифровые технологии? Постараемся ответить на эти вопросы, кратко проанализировав реальные примеры внедрения системы социального кредита в современном Китае, осуществленные частными компаниями, а также правительством КНР.

Реализация проектов социального кредитования в Китае

Быстрое развитие экономики Китая на рубеже веков сопровождалось многочисленными преступлениями разной степени тяжести в хозяйственной жизни (например, известный скандал с производством токсичного молока для детей), что позволило некоторым зарубежным изданиям присвоить Поднебесной «титул» контрафактной столицы мира [5, с. 221]. Широкое распространение этих негативных феноменов свидетельствует, по мнению высших партийных органов КНР, о кризисе в социальной сфере современного Китая, обусловленного эрозией традиционных китайских ценностей. Согласно официальным заявлениям китайского правительства, упадок доверия и честности, как среди отдельных граждан, так и между частными компаниями не только портит международную репутацию Китая, но и препятствует построению гармоничного и справедливого общества – главной цели политики партии. Проект внедрения системы социального кредита, о котором впервые пу-

блично зашла речь на государственном уровне в июле 2014 года (в ходе 4го пленума Коммунистической партии Китая) имеет, таким образом, своей главной задачей воспитание классических добродетелей среди разных групп населения, что непосредственным образом должно отразиться на их поведении в реальной жизни [6, с. 2].

Важно отметить, что, несмотря на амбициозные планы правительства КНР, один из которых состоит в намерении сделать систему социального кредитования обязательной для всех граждан к концу 2020 года, на текущий момент отсутствует ее единая модель, эффективно функционирующая на всей территории Китая [7]. Для реализации проекта социально кредитования были привлечены несколько крупнейших китайских компаний из цифрового сектора (например, Tencent и Baidu), которые государство позволило экспериментировать с собственными пилотными проектами [5, с. 223]. В результате чего были созданы несколько систем, наиболее известной среди которых является Zhima Credit или Sesame Credit, разработанная таким мировым гигантом Интернет-коммерции как Alibaba. В Sesame Credit активно применяются технологии, задействованные в программах банковского скоринга (в частности, FICO или SCHUFA), которые ориентированы на максимально адекватную оценку кредитоспособности потенциальных клиентов. Впрочем, упомянутая система идет намного дальше создания персонального кредитного рейтинга, влияющего на факт одобрения или размер выдаваемых ссуд финансовыми организациями: через цифровые механизмы, интегрированные в Sesame Credit, предполагается оказывать влияние на реальное поведение пользователей, участвующих в данной системе. Итоговые баллы участников зависят не только от их кредитной истории, уровня образования или степени дохода, но и от таких частных факторов, как, например, характера потребительской активности. Если оцениваемый человек приобретает товары

или услуги, которые находятся в списке нежелательных согласно классификации Sesame Credit, то часть баллов вычитается, что приводит к снижению его персонального рейтинга [8]. Количество баллов непосредственным образом коррелирует со статусом в упомянутой системе: клиенты с высоким рейтингом поощряются скидочными купонами, льготными ставками по кредиту или бонусными программами. Клиенты, имеющие низкий рейтинг, напротив, подвергаются различным санкциям: начиная от повышенных процентов по определенным финансовым продуктам до запрета использования всех релевантных сервисов и программ, то есть безальтернативного занесения в «черный список» [5, с. 223].

Несколько пилотных проектов было реализовано и на административном уровне: в частности, речь идет о провинции Шаньдунь, а также Шанхае, в котором жители могут добровольно поучаствовать в локальной системе социального кредита, используя для этого мобильное приложение Honest Shanghai. Основной принцип работы этих систем качественно не отличается от упомянутой выше программы социального кредитования, созданной Alibaba: гражданину присваивается персональный рейтинг, изменения в котором напрямую зависят от его поведения в реальном мире. Можно отметить лишь больший масштаб, а также разнообразие бонусов и санкций, подкрепленных силой государственного принуждения, которые характерны для проектов, осуществляемых государственными органами. Так, например, часть населения, проживающего в провинции Шаньдунь, первоначально получает 1000 баллов. Если житель набирает более 1050 баллов, то он попадает в «красный список» и рассматривается в качестве «идеального гражданина», который может рассчитывать на различные поощрения от государства. Людям, имеющим средний рейтинг (ниже 800 баллов) необходимо скорректировать свое поведение, чтобы избежать наложения санкций [6, с. 19]. В свою очередь, те жители, ко-

торые имеют рейтинг ниже 400 баллов (опустившийся с первоначальной 1000 вследствие совершения нежелательных поступков: неуплаты налогов или платежей по кредитам, правонарушений различной степени тяжести и т.п.) подвергаются различным наказаниям со стороны государства: от ограничения передвижения по стране с помощью некоторых видов транспорта (высокоскоростные поезда) до запрета на обучение в определенных учебных заведениях, распространяющегося как на самого нарушителя, так и на его детей [6, с. 16].

Таким образом, с помощью механизмов рассмотренных систем социального кредитования возможно регулировать поведение людей в конкретных общественных сферах, влияя на них с помощью дисциплинарных методов, «отталкивающих» их от совершения одних поступков и «подталкивающих» к другим.

Система социального кредитования как новейшая социальная инженерия цифрового типа

Тезисно изложенная выше концепция «социальной инженерии», созданная К. Поппером, а также краткий разбор серии актуальных попыток внедрения пилотных проектов социального кредитования в Китае, позволяют квалифицировать систему социального кредита в качестве одного из новейших видов «поэлементной социальной инженерии», формирование которой приходится на период становления информационной цивилизации, охарактеризованного З. Бауманом как эпоху «текучей современности» [9].

Ключевые особенности данного вида «поэлементной социальной инженерии» обусловлены использованием в ее структурной механике новейших компьютерных, сетевых, а также информационных технологий (в частности, Big data), которые создают уникальные возможности эффективного социального конструирования реальности на разных уровнях. Если схематично разбирать главные моменты в рабо-

те систем социального кредитования, то нельзя не отметить важность персональных данных, выступающих в роли основного ресурса для алгоритмических моделей, калькулирующих индивидуальный рейтинг пользователей или компаний:

сбор релевантных данных – их обработка с помощью алгоритмов – получение обновленного рейтинга – применение поощрений/санкций.

Примечательным представляется и способы сбора личных сведений: эти процессы отличаются децентрализованностью, ризомностью, а также сетевой гибкостью – именно теми характеристиками, на которые указывал Ж. Делёз, рассуждая о зарождении общества контроля [10]. При этом большинство процессов по сбору персональных данных (как и алгоритмов, рассчитывающих персональный рейтинг) остаются относительно скрытыми от непосредственных участников систем социального кредитования: одних только камер наружного наблюдения, которые оснащены технологией распознавания лиц, в 2017 году в Китае насчитывалось 176 миллионов [5, с. 224], что вместе с успешным функционированием проекта «Золотой щит» (система фильтрации Интернет-содержимого) создают технологический фундамент для учреждения единой системы социального кредита на всей территории Китая. Этому способствует и контроль нескольких крупных компаний (тесно сотрудничающих с государством), а также государственных структур практически над всеми сетевыми потоками, в которых обрабатываются различные экономические, социальные и культурные капиталы. При этом любопытно отметить, что если указанные тенденции вызвали массу критических откликов со стороны западных экспертов и исследователей, интерпретирующих единую систему социального кредита в качестве предвестника формирования цифрового тоталитаризма, то, как отмечает Е. Костка, подавляющее большинство населения Китая поддерживает планы по внедрению данной системы [11, с. 1556]. Ещё одной важ-

ной характеристикой социального кредитования как цифровой формы «поэлементной социальной инженерии» является ее интерактивный характер: подразумевается активное участие пользователей в проекте через добровольный процесс предоставления дополнительных персональных данных о себе с целью получения экстра-баллов или бонусов иного рода. Также обращает на себя внимание игровое оформление этой системы: мобильные приложения, баллы, рейтинги, уровни – всё это свидетельствует о геймификации процессов «социальной инженерии», что способствует росту лояльности среди ее участников (особенно молодого поколения).

Итак, следующие характеристики являются типичными для системы социального кредитования как новейшей формы «поэлементной социальной инженерии»:

- цифровизация и виртуализация ее базовых механизмов;
- ключевая роль персональных данных;
- интерактивность;
- геймификация процессов социального инжиниринга;
- применение дисциплинарных методов.

Таким образом, система социального кредитования представляет собой новейшую форму «поэлементной социальной инженерии», которая характеризуется активным применением компьютерных, сетевых и информационных технологий, позволяющих достаточно эффективно влиять как на поведение отдельных граждан, так и успешно конструировать социальную реальность. Однако какой будет эта реальность зависит только от нас – людей, живущих в 21 веке.

Литература

1. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1. – 448 с.
2. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 2. – 528 с.
3. Поппер К. Ниццета историцизма // Вопросы философии, 1992. № 10. – с. 29–58.
4. Фадеева В.Н. Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, 2008. Т. 312, № 6. – с. 107–110.
5. Wong K.L., Dobson A.S. We're just data: Exploring China's social credit system in relation to digital platform ratings cultures in Westernised democracies // Global Media and China, 2019. Vol. 4. Issue 2. – pp. 220–232.
6. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control / Leiden University – Van Vollenhoven Institute, 2018. – 32 p.
7. Hvistendahl M. Inside China's Vast New Experiment in Social Ranking [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/story/age-of-social-credit> (дата обращения: 13.12.2020).
8. Botsman R. Who can you trust? How technology brought us together and why it might drive us apart – N.Y.: Hachette Book Group, 2017. – 336 p.
9. Бауман З. Текучая Современность – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
10. Делёз Ж. Post scriptum к обществам контроля // Переговоры. – СПб.: Наука, 2004. – с. 226–233.
11. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society, 2019. Vol. 21. Issue 7. – pp. 1565–1593.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
13. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology, 2015. Vol. 30. – pp. 75–89.

14. Hoffman S. Programming China: the Communist Party's autonomic approach to managing state security / PhD thesis, University of Nottingham, 2017. – 167 p.

SOCIAL ENGINEERING IN THE 21ST CENTURY: THE SOCIAL CREDIT SYSTEM IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Proshkin A.S.

Russian State University for the Humanities

In the article is investigated the system of social crediting of citizens in China, the practical implementation of which is happening during the second decade of the current century. The author also considers the specific examples of its implementation in the social life of modern Chinese society realize by different private companies and the Chinese government. Having analyzed the relevant empirical material through the updated methodological prism of K.R. Popper the author defines the distinctive features of this project, which is characterized by the active use of modern computer and network technologies widespread in the post-industrial society. This allows to qualify the social credit system as a unique form of social engineering, the digital mechanisms of which open up new opportunities for the successful construction of the desired social institutions in the 21st century.

Keywords: China, social credit system, social engineering, K.R. Popper, big data.

References

1. Popper K. Open Society and Its Enemies / Per. from English V.N. Sadovsky. – M.: Phoenix, International Fund "Cultural Initiative", 1992. – Vol. 1. – 448 p.
2. Popper K. Open Society and Its Enemies / Per. from English V.N. Sadovsky. – M.: Phoenix, International Fund "Cultural Initiative", 1992. – Vol. 2. – 528 p.
3. Popper K. Poverty of Historicism // Questions of Philosophy, 1992. № 10. – p. 29–58.
4. Fadeeva V.N. The phenomenon of social engineering in the concept of K. Popper // Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Engineering of georesources, 2008. T. 312, No. 6. – p. 107–110.
5. Wong K.L., Dobson A.S. We're just data: Exploring China's social credit system in relation to digital platform ratings cultures in Westernized democracies // Global Media and China, 2019. Vol. 4. Issue 2. – pp. 220–232.
6. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control / Leiden University – Van Vollenhoven Institute, 2018. – 32 p.
7. Hvistendahl M. Inside China's Vast New Experiment in Social Ranking [Electronic resource]. URL: <https://www.wired.com/story/age-of-social-credit> (date accessed: 12/13/2020).
8. Botsman R. Who can you trust? How technology brought us together and why it might drive us apart – N.Y.: Hachette Book Group, 2017. – 336 p.
9. Bauman Z. Fluid Modernity – SPb.: Peter, 2008. – 240 p.
10. Deleuze J. Post scriptum to control societies // Negotiations. – SPb.: Nauka, 2004. – p. 226–233.
11. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society, 2019. Vol. 21. Issue 7. – pp. 1565–1593.
12. Castells M. Information age: economy, society and culture / Per. from English under scientific. ed. O.I. Shkaratan. M.: GU HSE, 2000. – 608 p.
13. Zuboff S. Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization // Journal of Information Technology, 2015. Vol. 30. – pp. 75–89.
14. Hoffman S. Programming China: the Communist Party's autonomic approach to managing state security / PhD thesis, University of Nottingham, 2017. – 167 p.

Философия социального управления в условиях новой социальной реальности

Ролдугина Ольга Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра истории отечества, государства и права, Московский государственный университет геодезии и картографии
E-mail: rol_olga.72@mail.ru

Целью статьи является обоснование необходимости поиска новых и обновления имеющихся в распоряжении исследователей подходов к философскому изучению социального управления. Анализируются и сопоставляются методологические принципы системных концепции управления – диалектического и синергетического. Указывается на то, что каждый из них представляет собой одну из двух основных философских моделей социального управления – линейную и нелинейную. Отмечается, что в условиях формирования нового, глобального информационного сетевого общества философия должна предложить новую социальную онтологию, исходящую из рассмотрения коммуникации как инструмента конструирования социальной реальности. Такая онтология разрабатывается в рамках теории феноменологической социологии А. Шюца, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, системной теории (неофункционализме) Н. Лумана. Делается вывод, что именно теоретико-методологические принципы этих концепций должны быть положены в основу современной философской теории социального управления.

Ключевые слова: социальное управление, философия социального управления, диалектика, синергетика, коммуникация.

Современное человечество оказалось перед лицом сложных и острых проблем: экологический кризис, грозящий превратиться в экологическую катастрофу, нарастающее вследствие усиления неравномерности экономического и культурного развития напряжение между странами и регионами, опасность развязывания ядерной войны, терроризма, угрозы, связанные с эпидемиями смертельно опасных для человека заболеваний, способных уничтожить человечество. Становится все более очевидным, что возникновение и нарастание этих проблем во многом связано с неэффективностью существующих систем социального управления, которые сегодня во многом не соответствуют характеру и скорости динамики современного общества. Те, кто сегодня выступают в роли субъектов управленческой деятельности, не всегда осознают характер и масштабность тех задач, которые стоят перед обществом, и ту роль, которую призвано сыграть в их разрешении управление. При этом ошибки управленцев в условиях глобального мира, ставшего взаимосвязанным и взаимозависимым и, следовательно, максимально уязвимым, могут стать роковыми для всего человечества.

Философия была первой формой теоретического осмысления общественной жизни и социального управления. Начиная с древности и до наших дней, западные и восточные мыслители пытались понять и объяснить, что представляет собой управление как особый вид общественных отношений и человеческой деятельности.

В XVII–XIX веках в европейской культуре на фоне общего политического и экономического подъема, связан-

ного с развитием науки, которая стала одной из важнейших производительных сил, стало формироваться представление об обществе как особой системе, законы функционирования которого можно понять и на основании знания которых ею можно управлять. Европейское общество охватила оптимистическая вера в безграничный и неуклонно осуществляющийся социальный прогресс, в возможности рационального социального управления во имя всеобщего процветания и благополучия. Значительный вклад в формирование и обоснование этой веры внесла и философия, ставшая мировоззренческой и идеологической основой проводимых социальных преобразований. В трудах французских просветителей, создателя социологии О. Конта, идеолога коммунистического общества К. Маркса и его многочисленных последователей, обосновывалась идея возможности целенаправленного воздействия на функционирование и развитие общества в целом и его отдельных институтов

Но история XX века, ставшего столетием двух мировых войн, в ходе которых в жертву разного рода идеологиям были принесены миллионы человеческих жизней, столетием научных открытий, в свою очередь показавших, какую опасность может таить в себе сама наука для выживания и сохранения создавшего ее человека, столетием идеологически и рационально обоснованных, но бесчеловечных социальных систем, обострения противоречий между обществом и природной средой, серьезно подорвала и эту веру, и это представление об обществе.

В XX веке на фоне кризисного состояния социально-философского осмысления управления, происходят важные с точки зрения формирования знаний об управлении процессы – формируются научные подходы к пониманию природы управления, возникает *научная теория менеджмента*. Ее виднейшими представителями в западной науке стали Т. Парсонс, П. Сорокин, А. Файоль, Р. Тейлор, П. Друкер. Советская традиция научного менеджмента начинается

с работ А. Богданова и продолжается в работах А.К. Гастева, М. Керженцева, но и С.Г. Струмилина, О.А. Ерманского, П.А. Попова, В.Г. Афанасьева и др. Практика управления в различных странах мира, в основу которой были положены, в том числе, теоретические выводы и рекомендации авторов научных концепций управления, блестящие примеры эффективного политического управления в отдельных странах (СССР, Китай, Япония и др.), успехи международного сотрудничества в управлении глобальными и региональными политическими и экономическими процессами, подтверждала возможность воздействия на ход общественных процессов.

Исследователи видят причину того, что современные теории управления не в полной мере отвечают запросам общества и далеко не всегда оказываются эффективными, в «...недостаточно глубоко теоретико-методологическом рассмотрении не просто проблем повышения эффективности управленческого воздействия, как это традиционно делается в менеджменте, а самого управления как проблемного объекта в связи с его неоднозначной и более фундаментальной ролью в трансформациях современного общества ... Нужно признать, что, несмотря на притязания “научного менеджмента”, системного анализа, кибернетики и синергетики на роль теории управления, наука так и не располагает теоретически развернутой феноменологией управления, представлением о закономерностях его порождения, строения, функционирования и развития» [1, с. 33, 122.]. Впрочем, исследование работ авторов наиболее авторитетных концепций теории менеджмента показывает, что все они «не претендуют на большие обобщения. Другими словами, это рефлексия управления, но не философская, а скорее методическая (методологического) характера» [2, с. 4].

Научные теории менеджмента играют важную роль в понимании управленческих процессов. Однако они не могут ни отменить, ни заменить философские

теории управления, способные предложить всестороннее понимание природы и особенностей социального управления, исходящие из понимания особой природы общества как части существующей реальности и социальной сущности человека. Выполняя важную эвристическую функцию, связанную с поиском рациональных подходов к созданию оптимальных условий для успешной совместной деятельности людей в рамках организаций, научные теории менеджмента не способны в полной мере объяснить сущность и содержание социального управления как особого процесса воздействия социального объекта (любого) на социальный объект (любой), направленного как на поддержание его функционирования, так и на его изменение.

Это делает насущным именно философскую рефлексию социального управления, которая позволяет увидеть сущность данного социального явления и предложить целостный взгляд на ту роль, которую оно призвано сыграть в истории общества.

Как самостоятельное направление философских исследований философия управления сформировалась в 80-ые годы XX века. Можно вполне согласиться и с теми, кто считает, что становление философия управления «объективно призвано стать реперной точкой дальнейшего развития управленческих идей и комплексных междисциплинарных исследований в поиске ответа на «вызовы» современной эпохи» [3].

В рамках философского осмысления феномена управления делаются попытки открыть *законы и принципы*, определяющие характер и содержание управленческой деятельности, на основании этих законов определить *нормы и правила*, которым должен следовать ее субъект, назвать те социальные и нравственные *качества*, которыми он должен обладать, раскрыть социальное значение этой деятельности. В трудах философов осмысливался и подвергался особой рациональной и ценностной рефлексии управленческий опыт,

формировались знания, которые составляют сегодня основу философской теории социального управления.

Новизна проблем, с которыми приходится сталкиваться управлению сегодня, связана с особенностями и характером современного общества, переживающим период глубинной трансформации. Мы наблюдаем формирование нового – глобального информационного – общества, связанного сетями коммуникаций. Именно коммуникация во всем многообразии ее форм, по сути, оказывается универсальной основой всей совокупности социальных и межличностных отношений. Предлагаемая А. Шюцем, Ю. Хабермасом и Н. Луманом новая онтология социальной реальности исходит из понимания общества как системы социальных интеракций. Условием возможности интеракций и их главным содержанием является именно коммуникация, формирующая то самое пространство знаний и смыслов, в котором действует человек. Социальная реальность не просто задана человеку, она конструируется людьми в процессе коммуникации: «именно благодаря коммуникации возникают связи и отношения между индивидами, группами. И, следовательно, от типа социальной коммуникации, конструктивного или, напротив, деструктивного, зависит характер, содержание и результативность всех социальных практик: от торговых операций до политических встреч на высшем уровне» [4, с. 309].

Важнейшей особенностью современного общества является высокая степень риска протекания всех социальных процессов и социальных взаимодействий (интеракций). По мнению Э. Гидденса, жить в современную эпоху – «... значит жить в мире случайности и риска...» [5, с. 188]. По мере усложнения социальной системы, сопровождающейся ростом ее количественных и изменением качественных параметров, многократно возрастает возможность появления непрогнозируемых результатов и последствий действий и решений. Как отмечает автор понятия «общество риска» и создатель тео-

рии «мирового общества риска» У. Бек, глобализация постепенно подводит человечество к «ловушке риска» – ситуации, в которой даже эксперты по риску не смогут предсказать его последствия и предложить методы управления риском...» [6, с. 52].

Лишившееся устойчивого субстанционального основания в виде системы социальных отношений, поддерживаемых жестким каркасом социальных институтов и социальных групп, общество, представляющее как результат конструирования людьми в процессе осуществляемых ими интеракций, не может больше функционировать в рамках прежних форм организации и управления и вызывает к жизни новые формы. Новые способы и модели описания и объяснения социального управления должна предложить и философия. Классические теории, приписывающие функцию управления определенным социальным системам и субъектам, признающие доминирующую роль субъекта в системе управленческих отношений, недооценивающие роль нематериальных факторов управленческой деятельности не способны справиться с этой задачей.

Закономерности и принципы, которым подчиняется сделавшее главным средством своего развития информационные технологии и главным источником информацию, особенности задач, инструментов и технологий управления такой социальной системой становятся объектом изучения современной философии управления.

Указывая на существование многообразных видов осуществляемого в рамках организации общественной жизни управления, философия не довольствуется поиском и описанием этих видов и их классификации. Для философии важно найти ответ на вопрос о сущности данного феномена, а именно: «ЧТО ТАКОЕ управление?». В этом, собственно, и состоит главная задача и прерогатива философского изучения социального управления. Оно предполагает поиск и объяснение социальной сущности управления, что требует,

в свою очередь, ответа на вопрос о том, что есть общество и человек. Социальное управление предстает в этом случае как одновременно и универсальное, и конкретно-историческое социальное явление, имеющее место во всех обществах и странах, во всех сферах жизнедеятельности людей и во все времена человеческой цивилизации.

Философия исходит из целостного и системного понимания общественного организма, при котором все основные структурные «единицы» общества рассматриваются как взаимосвязанные и взаимозависимые компоненты, образующие определенную целостность и единство. Само социальное управление предстает в рамках философских подходов как управление всей социальной системой (т.е. системой общественных отношений на всех уровнях), а не отдельными ее компонентами (например, отраслями хозяйства, образовательными или научными учреждениями, религиозными организациями и пр.), оказывать воздействие на все протекающие социальные процессы. При этом не является принципиально важным, в какой сфере общественной жизни оно осуществляется. Сущность социального управления остается той же.

Философии также присуща способность обнаруживать в любых конкретно-исторических системах управления особенности и проявления характера и природы той общей социальной мета-системы, в рамках которых они формируются. В этом смысле закономерности, которым подчиняются конкретные системы социального управления, цели и задачи, которые преследуют его субъекты, используемые ими методы и инструменты управляющего воздействия, определяются характером и особенностями, закономерностями конкретно-исторического этапа развития данного общества, в том числе, его цивилизационными и культурными особенностями. Изменение и развитие общества, его структуры и организации ведет к значительным изменениям во всей системе социального управления. Именно в си-

лу этих причин управление современным постиндустриальным глобальным информационным сетевым обществом имеет свои особенности и специфику по сравнению со всеми предшествующими типами обществ – индустриальными и традиционными.

Философское изучение социального управления позволяет ответить на вопрос, что меняется в обществе в результате целенаправленного воздействия на протекающие в нем процессы, каковы социальные последствия и результаты управленческой деятельности, и какова ее социальная и нравственная «цена», увидеть в управлении важнейшую функцию социальной системы, связанную с ее самоорганизацией, самосохранением и саморазвитием.

Задачей философии социального управления является изучение всех иерархических макро- и микроуровней управления в обществе, раскрытия сущности социальной системы. При этом сама философия социального управления является, с одной стороны, составной частью более широкой области философских исследований – *философии управления* (рассматривающей, в том числе, управление в био- и техно-сферах), с другой стороны, – неотъемлемой составляющей такого раздела философии, как *социальная философия*, предметом изучения которой является круг вопросов, связанных с постижением сущности общественной жизни, законов его функционирования и развития, его будущего.

Философия использует особые подходы и методы изучения социальных феноменов. До недавнего времени наиболее востребованными оставались диалектический (системно-диалектический) и синергетический (системно-синергетический) подходы.

Системный подход к социальному управлению разрабатывался в 60–80-х гг. прошлого века как в отечественной философии, так и за рубежом. Среди российских исследователей наиболее значительный вклад в его разработку внесли труды академика В.Г. Афанасьева (1922–1994), разрабатывавший

его на основе марксистского диалектического учения. Так или иначе, труды этого ученого и сегодня представляют огромный исследовательский интерес и продолжают переиздаваться.

Для системно-диалектического подхода характерно понимание мира не как совокупности отдельных, изолированных друг от друга предметов, явлений и процессов, а как противоречивого единства взаимосвязанных и постоянно взаимодействующих объектов. Общество предстает как мега-система, состоящая из множества подсистем.

При изучении общественных систем системно-диалектический подход исходит из ряда принципов, отличающий его от системного подхода, разрабатываемого западными исследователями. В частности: 1) обязательный учет субстанциальной, содержательной основы системы, ее качественной специфики; 2) внимание к истории системы, проблемам ее зарождения и развития; 3) рассмотрение компонентов систем как находящихся в состоянии взаимодействия и противоречивого единства; 4) признание наличия противоречий внутри систем; 5) рассмотрение человека как совокупности общественных отношений, своего рода «социальной системы»; 6) преодоление представления об обществе как «машины, управляемой по принципам биологии и кибернетики».

В.Г. Афанасьев и его последователи акцентировали внимание на специфике социального управления по сравнению с управлением, присущим биологическим или техническим системам, подчеркивали ту роль, которую управление призвано сыграть в разрешении общественных противоречий и в поступательном и прогрессивном развитии общества.

В основе синергетического подхода к социальному управлению (И. Пригожин, И. Стингерс, Н.Н. Моисеев) лежит представление об обществе как системе, функционирование и развитие которой определяется не жесткими причинно-следственными связями и однозначной («однофакторной») детер-

минацией, а многообразными связями и отношениями, которые существуют как между элементами внутри системы, так между системой и внешней средой, а также множеством разнокачественных факторов, как материальных, так и духовных, одновременно воздействующих на нее. Общество выступает как особого рода целостность, имеющая изначально присущие ему внутренние механизмы и ресурсы для самоорганизации и саморазвития. Поддержание и сохранение этой целостности, ее развитие, предполагающее опору на эти механизмы и ресурсы, оказывается основной задачей управления.

Сам процесс социального управления рассматривается в рамках этого подхода не как процесс *воздействия* субъекта на объект, как процесс их *взаимодействия*. Этим подчеркивается принципиальная несводимость управления к деятельности исключительно субъекта управления. Обязанностью тех, кто осуществляет управленческую деятельность, становится адекватный природе общества как синергетической целостности выбор средств и технологий воздействия. Только это может сделать возможным устойчивое развитие не только управляемых систем, но и общества в целом.

Синергетический взгляд на общество, признание его способности не только подвергаться управленческому воздействию, но и отвечать на него адекватно механизмам внутреннего функционирования и развития социальной системы, позволяют представить власть и *управление как компонент более широкой системы социальной самоорганизации и самоуправления*. Их эффективность оказывается в прямой зависимости от понимания ее субъектами присущих обществу внутренних закономерностей, определяющих масштабы и результативность управляющих воздействий.

Это обусловлено признанием органичности общества: его целостного синергетического характера, его способности не только подвергаться управленческому воздействию, но и отвечать

на него посредством механизмов обратной связи, привносящих значительную нестабильность в процесс управления, а то и совсем подавляющих его. Управление рассматривается как самостоятельный феномен, присущий любой социальной системе, и независимым от феномена политической власти. Управлять не значит владеть или властвовать; управлять значит координировать, организовывать, обеспечивать дееспособность и, по возможности, развитие социальной системы.

В рамках данного подхода подчеркивается, что современная общественная система находится на таком уровне развития, когда она при некоторых, бесконечно малых, случайных обстоятельствах может погубить саму себя. Социальное регулирование, управление социальными системами, общественными отношениями становится уже не благом пожеланием, а насущной потребностью и условием сохранения общества.

Теоретико-методологические основания подхода к пониманию природы социального управления, который, как представляется, может оказаться наиболее востребованным, разработаны в трудах основоположника феноменологической социологии А. Шюца, теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, системной теории (неофункционализме) Н. Лумана. А рамках этих учений коммуникация понимается не как взаимный обмен информацией между коммуникаторами, содержанием которого является решение задачи, так или иначе внешней по отношению к самому акту коммуникации, а значительно шире – как та среда, в которой и через которую реализуются (укрепляются, развиваются или разрываются) социальные связи. Коммуникация – это не акт, а реальность, позволяющая поддерживать общественные отношения и управлять общественными процессами.

По мнению А. Шюца, социальная реальность – это intersubjective пространство деятельности людей, опосредованное знаками. За знаками (в том числе и в первую очередь, языковыми)

стоят смыслы. В своем жизненном пространстве через знаки и благодаря интеракциям (т.е., через коммуникацию) индивид постигает смысловое наполнение социального пространства. «Социальные действия заключают в себе коммуникацию ...» [7, с. 412].

Согласно М. Веберу, в основе социальных действий лежит особый вид рациональности. Каждому виду действий соответствует свой вид рациональности. Развивая идеи Вебера, Ю. Хабермас вводит понятие «коммуникативной рациональности», которая призвана согласовать действия индивидов и обеспечивать консенсус и взаимопонимание. Нетрудно признать, что в основе всякой деятельности человека, поскольку она сопровождается коммуникацией, лежит коммуникативная рациональность. Н. Луман из этого сделал вывод, что социальная реальность может существовать только благодаря и только через коммуникацию, которая всегда предстает как «некое исторически-конкретно протекающее, зависимое от контекста событие» [8, с. 37]. И каждое такое событие меняет состояние всей системы.

В рамках такой парадигмы не может не измениться представление о социальном управлении. В условиях коммуникативной реальности снимается противопоставление субъекта и объекта. И тот, и другой в равной мере включены в коммуникативный процесс и присутствуют в общем коммуникативном пространстве в качестве его *полноправных участников*. Содержанием процесса взаимодействия оказывается производство и обмен информацией. Качество и объем информации, которой располагает тот, кто выступает в роли объекта управления, равно как и его коммуникативные компетенции, в рамках управленческих отношений оказываются не менее важным, а иногда, как показывает практика, решающим фактором успешности взаимодействия, чем статус и объем власти субъекта управления. Следовательно, успешность управления напрямую зависит от успешности коммуникации.

Из этого положения вытекает принципиальное признание несостоятельности взглядов на управление и управленческую деятельность как деятельность, эффективность которой может быть обусловлена санкционированным использованием методов и способов воздействия, связанных с прямым физическим принуждением, впрочем, как и прямых и скрытых психологических манипуляций, поскольку это противоречит диалогической природе коммуникации.

Социальная система эволюционирует. Эта эволюция, по мнению Н. Лумана, возможна лишь в том случае, если «... рассматривать не живую, а коммуникативную систему, которая в каждой своей операции воспроизводит смысл, предполагает знание, черпает из собственной памяти, использует формы культуры» [9, с. 31–32]. Всякое коммуникативное действие, в том числе, в сфере социального управления, способствует конструированию новой социальной реальности – способствуя движению общества в направлении либо более гуманного, либо бесчеловечного общества.

Осознание и обоснование все возрастающей роли управления в социальной жизни и общественном развитии, обоснование новых моделей управления – важнейший вклад современной философии в разрешение стоящих перед обществом в эпоху глобализации задач.

Литература

1. Социология управления. Издание 2-е, доп., и перераб. / А.В. Тихонов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
2. Розин В.М. Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // Философия управления: проблемы и стратегии. Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв. ред. В.М. Розин. М.: ИФРАН, 2010. С. 3–45.
3. Латыговская Т.П. Потенциал социального управления в ситуации глобальной нестабильности:

социально-философский аспект. Автореферат канд. филос. наук. М., 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/potentsial-sotsialnogo-upravleniya-v-situatsii-globalnoi-nestabilnosti-sotsialno-filosofskii>. Дата обращения 15.08.2020.

4. Ролдугина О.Ю. Тенденции развития общества в современную эпоху: новые перспективы и новые риски // Социология. 2020. № 5. С. 304–312.
5. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. Pp. 187–201.
6. Beck U. *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2007.
7. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.
8. Луман Н. *Общество как социальная система: пер. с нем.* М.: Логос, 2004. 232 с.
9. Луман Н. *Эволюция*. М.: Логос, 2005. 256 с.

PHILOSOPHY OF SOCIAL MANAGEMENT IN THE NEW SOCIAL REALITY

Roldugina O. Yu.

Moscow State University of Geodesy and Cartography

The purpose of the article is to substantiate the need to search for new and update the approaches available to researchers to the philosophical study of social management. The methodological principles of the systemic concepts of management – dialectical and synergetic – are analyzed and compared. It is pointed out that each of them represents one of the two main philosophical models of social management – linear and non-linear models. It is noted that in the conditions of the formation of a new, global information network society, philosophy should offer a new social ontology, proceeding from the consideration of communication as a tool for constructing social reality. Such an on-

tology is being developed within the framework of the theory of phenomenological sociology A. Schutz, the theory of communicative action by J. Habermas, and the system theory (neofunctionalism) of N. Luhmann. It is concluded that it is the theoretical and methodological principles of these concepts that should form the basis of the modern philosophical theory of social management.

Keywords. Philosophy of social management, social management, dialectics, synergetics, communication.

References

1. *Sociology of management*. Edition 2, add., And revised. / A.V. Tikhonov. M.: “Canon +” ROOI “Rehabilitation”, 2007. 472 p.
2. Rozin V.M. *Philosophy of management: main directions, subject, essence of management*// *Philosophy of management: problems and strategies*. Grew up. acad. Sciences, Institute of Philosophy; Resp. ed. V.M. Rozin. M.: IFRAN, 2010. P. 3–45.
3. Latygovskaya T.P. The potential of social management in a situation of global instability: socio-philosophical aspect. Abstract of Cand. Philos. sciences. M., 2012. [Online]. URL: <https://www.dissercat.com/content/potentsial-sotsialnogo-upravleniya-v-situatsii-globalnoi-nestabilnosti-sotsialno-filosofskii>. Accessed 08/15/2020.
4. Roldugina O. Yu. Trends in the development of society in the modern era: new prospects and new risks // *Sociology*. 2020. No. 5. P. 304–312.
5. Giddens. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. Pp. 187–201.
6. Beck U. *Power in the Global Age*. Cambridge: Polity Press, 2007.
7. Schutz A. *Selected: A world glowing with meaning*. Moscow: ROSSPEN, 2004.1056 p.
8. Luhmann N. *Society as a social system: trans. with him*. Moscow: Logos, 2004.232 p.
9. Luhmann N. *Evolution*. Moscow: Logos, 2005. 256 p.

Гендерные процессы в социально-экономическом пространстве города

Серегина Татьяна Николаевна,

кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: seregina.tatiana@gmail.com

Статья посвящена проблеме трансформации современного городского пространства и изменению функций основных сфер общества. В статье показаны линии трансформации городского социально-экономического пространства при решении гендерных проблем. Показана зависимость гендерных социально-экономических процессов от культурных трендов и исторической идентичности. Проанализированы феномены неравенства, сегрегации в городском пространстве, их взаимодействие с феминистическими проблемами общества. Показаны негативные результаты действия процессов неравенства в экономической сфере, такие как снижение уровня зарплаты, социального статуса женщины, ухудшение здоровья, больший срок безработицы среди женщин и т.д. Мобильность является фактором, который влияет на гендерную структуру общества, город будучи сосредоточием миграционных процессов отражает трудности, связанные с социально-экономическим развитием общества, такие как уровень доходов, наличие семьи и детей качество инфраструктуры доступ к сфере услуг. Доказана решающая роль человеческого капитала как фактора, обеспечивающего устойчивое развитие общества. Город является пространством наращивания человеческого и социального капиталов и тем самым становится пространством, в котором наиболее эффективно можно решить гендерные проблемы. Город способен сформировать новый гендерный порядок, аккумулировать в себе гуманистические цели, идеалы и ценности, обеспечить рост и эффективное функционирование человеческого и социального капитала.

Ключевые слова. Город, ценности, человеческий капитал, новый гендерный порядок, культура, экономика, труд, неравенство, мобильность, сегрегация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519.

Базовыми трендами, которые определили современную картину мира стали: индустриализация, глобализация и урбанизация. Город становится пространством, в котором складывается новый тип культуры, новые варианты коммуникации и новые типы ценностей.

Мир стал «городским» в XXI веке, более 50% населения мира живет и работает в городах. СССР становится городской страной еще в XX веке, количество горожан уже в 60-е годы превысило количество жителей сельской местности. Город аккумулирует в себе трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, он делает их очевидными, влиятельными и заметными. ООН зафиксировала состояние мира как городского в 2008 году [12], начала осуществляться программа устойчивого развития городов, где оговорены основные линии трансформации города как главного актора современных изменений в обществе. В Докладе «Ценность устойчивой урбанизации» акцент поставлен на возможности города в обеспечении экономического процветания после кризиса, вызванного пандемией COVID [7]. Определены цели программы по развитию городов, среди них одними из первых стоят ценности обеспечения гендерного равенства. Очевидно, что город с его социальной, политической, экономической и культурной ресурсными базами становится важнейшим феноменом по реализации целей устойчивого развития мира.

Феминизация городов – явление, которое отражает количественное увеличение женщин в структуре городского населения, возрастание их роли и влияния на различные сферы жизнедеятельности городского сообщества. Оно раскрывает качественные изменения,

происходящие в политической, экономической и социальной сферах города. Важно установить линии трансформации в современном городском пространстве и традиционной проблемы роли и влияния женщины.

Городское социально-экономическое пространство формируется ценностными парадигмами посредством культурной, исторической идентичности. Город постиндустриальной эпохи аккумулирует новые отношения и строит иные структуры взаимодействия, которые переформируют индустриальный город, а на его основе строятся отношения в ситуации нового гендерного порядка.

В современном обществе в отличие от традиционного нельзя провести линии разграничения женского или мужского функционирования, как нет специфически женских сфер или мужских сфер функционирования. Можно говорить только о двух векторах ценностных ориентаций согласно Всемирному исследованию ценностей: ценности безопасности, саморазвития секулярные или религиозные ценности, индивидуальные или коллективистские ценности [4]. Также нельзя утверждать, что существуют специфические женские или мужские ценности или стереотипы, но стереотипное гендерное поведение и стереотипные гендерные ценности влияют на экономическое поведение и способ коммуникации. Традиционное и современно массовое сознание относится к типу деятельности, связанному с общением, нахождением компромиссов, общением, гуманностью, продолжением рода и комфортом к феминным ценностям и стереотипам. Современный глобальный город, мегаполис создается как пространство межкультурного диалога и полилога, он порождает условия для взаимопонимания, нахождения компромиссов, терпимости, инкультурации. Можно утверждать, что современный город стал пространством для трансляции так называемых феминных ценностей. В отличие от средневекового города, который создается для охраны, безопасности,

защиты, то есть для тех ценностей, которые традиционное и массовое общество воспринимают как мускулинные, мужские ценности. В экономической сфере при решении гендерных вопросов важны культурно-аксиологические или исторические факторы, прошлое определяет настоящее. История детерминирует поведение, матрицы отношений, она формирует коммуникации в городском пространстве. Экономическая среда становится отражением процессов исторической идентичности в рамках города, экономика города становится частью отношений в городе. Необходимо говорить об инкорпорировании исторической идентичности, гуманистических ценностей в сферу экономического, об этическом понимании экономического. Гендерные ценностные стереотипы связаны с общественным мнением и социально одобряемым поведением. Гендерные стереотипы в социальном пространстве, в том числе и городском пространстве, выполняют следующие функции: эмоционально-оценочная, идентификационная, социальная, защитная, ретрансляционная, дифференцирующая, идеологическая, обобщающая, нормативная, когнитивная и функция легитимации власти [9, с. 18].

Ценностные иерархии женщин в сфере занятости, особенности мотивации трудовой деятельности определяют социально-экономические отношения наиболее полно проявляются именно в городском экономическом пространстве. Стереотипы как процесс и продукт социализации являются важным компонентом социального-экономического взаимодействия. Они являются частью ценностей и ценностных ориентаций как основы социального развития. Можно предложить иерархию социально-ценностных ориентаций современного горожанина: семья, работа, друзья, свободное время, политика [9, с. 19], где системообразующей становится работа, все же остальные ценности являются производными от нее. В основе деятельности лежит мотивация: 90% российских женщин указыва-

ли на значение заработка как мотивацию труда [13, с. 126–127]. 70% не прекратили бы работу даже при полном материальном достатке [9, с. 19]. По данным ВЦИОМ экономическое развитие мегаполисов является одним из трех важнейших аспектов, показывающих комфортность жизни в городе, наряду с экологической ситуацией и инфраструктурой [18].

Формирование нового гендерного порядка [14, 15] в городском пространстве сопряжено с несколькими глобальными трансформациями, которые фиксируются на уровне изменения ценностей и коммуникаций на основе этих ценностей. Первая линия трансформации проходит в границах городского социально-экономического пространства, где наиболее остро стоит проблема неравенства и несправедливости. Формой выражения неравенства становятся варианты сегрегации: жилищная, профессиональная, расовая, этническая, гендерная, возрастная, образовательная. Одни из первых работ о городском пространстве были посвящены вопросам сегрегации «Негры Филадельфии. Социальное исследование» «Негры в Чикаго: исследование расовых отношений и расовый бунт». В настоящее время в городе выделяют следующие признаки уровней сегрегации: равномерность, отражающая пропорциональность распределения населения на территории города; экспозиция, показывающая возможность потенциального контакта между представителями этнического меньшинства и остальным населением города; концентрация, обозначающая относительную площадь, занимаемую этнической группой; централизация, означающая степень близости к центру города; сгруппированность, выражающая как степень смежности друг к другу городских районов, населенных какой-либо этнической группой. [3, с. 14]

Жилищная сегрегация в городе влияет на экономические отношения и экономическую деятельность горожан, она во многом является базовой детерминантной. Отраслевая сегрега-

ция выражается в снижении доли женщин в отраслях экономики, приносящих прибыль и высокие показатели развития таких как финансы, страхования, органы самоуправления. Также существует профессиональная сегрегация: мужчины зарабатывают больше, чем женщины, межсекторная, межфирменная. В России среди служащих женщины составляют абсолютное большинство 89%, а на уровне руководителей 38%. Н нижних позициях доля женщин 70%–80%, а на верхних не превышает 15%-20%.

На формирование социально-экономического поля отношений влияют следующие факторы: материальное благосостояние семьи, стоимость общественных услуг и величиной заработной платы женщин, наличие сети детских учреждений, уровень автоматизированных технологических процессов, а также собственно социальные факторы: уважение, надежность работы, отсутствие угрозы безработицы; творческие: интересная работа, реализация. [9, с. 19]

Второй линией трансформации становится проблема, с которой сталкивается горожанин в социально-экономическом пространстве – это проблема дискриминации, она проходит по линии формирование-растрата человеческого капитала. Стереотипы работодателя и предпочтения, работника, находящиеся под властью стереотипов поведения, сложившихся в социуме, деформируют взаимоотношения, которые могли бы сформировать социальный мир на основе ценностей человеческого капитала. По данным российского мониторинга экономического положения и здоровья населения 25% женщин считают себя профессионалами высшего класса по сравнению с занимаемой должностью, оценка мужчин 43% считают себя более профессиональными нежели та должность, которую они занимают. Дискриминация женщин на рынке труда связана с проблемой возможности найти работу по специальности, трудностями в должностном продвижении, приоритетном увольне-

нии, большим периодом безработицы и сроком поиска работы, более низкой заработной платой по сравнению с мужчинами на той же должности и с той же квалификацией [9, с. 22]. В результате снижаются уровень жизни женщин, количество инвестиций в человеческий капитал, снижается социальный статус женщин и репродуктивные функции женщин, осложняется доступ к кредитам, возможностям профессионального роста и повышения квалификации, отсутствие доступа к средствам коммуникации и рынкам.

Развитие экономики города определяется гендерными стереотипами, его детерминирует предшествующая гендерная система (гендерный порядок), советский гендерный порядок. В результате доминирования гендерных стереотипов и ценностей женский труд концентрируется в неоплачиваемых видах деятельности, связанным с домашним хозяйством, в сельской местности это особенно выражено, но в городе ситуация не меняется. Следовательно, нет вложений в человеческий капитал и в первую очередь в образование, а это в свою очередь приводит к меньшим заработкам. При снижении уровня образования гендерный разрыв возрастает. Женщины чаще попадают под сокращение по инициативе работодателя. Среди руководителей больше мужчин по данным на 2018 год 2772 тыс. против 1993 тыс., женщин больше в малооплачиваемых областях: специалисты в области здравоохранения 1208 тыс. женщин против 598 тыс. мужчин, среди среднего специального персонала в экономической и административной деятельности 2272 тыс. против 217 тыс. мужчин, служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием 2010 тыс. женщин и всего 417 тыс. мужчин [13, с. 91]. Среди безработных также «лидируют» женщины и это независимо от их семейного положения [13, с. 103]. Этот список можно продолжить, но в целом можно подводя итог сделать вывод, что женщины заняты в малооплачиваемом секторе, трудоемком и малодоходном.

Макроиндикатором гендерного равенства является индекс развития человеческого потенциала, с его помощью определяют среднюю продолжительность жизни, уровень грамотности поступавших в учебные заведения. В городах ситуация иная: безработица не грозит, поиск работы возможен с потерей статуса или зарплаты. Но проблема дискриминации и неравенства переживается не менее остро. Снятие конфликтной ситуации возможно через принятие антидискриминационных мер, реформирование системы образования, сглаживания статусных различий представителей разнообразных социальных групп, преодоление предрассудков относительно друг друга.

Третьей линией трансформации общества на пути к формированию нового гендерного порядка следует назвать изменение типов и интенсивности мобильности, а также мотивации, последствий и субъектов мобильности. Мобильность городов – мобильность в большие города и прирост населения в больших городах происходит за счет мигрантов, а в малых городах прирост естественный. Горизонтальная мобильность в городе – перемена места жилья, а вертикальная – перемена качества жилья. Отдельным фактором формирования отношений в городском пространстве становится феномен жилья как услуги, как экономического и социального фактора собственности. Жилье – это не просто место проживания, это одновременно и коммуникация, и среда, которая отражает взаимодействие, способы коммуникаций, ценности, смыслы и статусы горожан. На трудовую мобильность влияет уровень образования, наличие семьи, уровень доходов, наличие детей, степень и качество развитости инфраструктуры, доступ к сфере услуг, уровень сегрегации и дискриминации. [11, с. 18]

Таким образом, современная социально-экономическая ситуация должна решать проблему гендерных разрывов. Снижают следующие факторы: высокий уровень образования и профессиональных навыков, прожи-

вание в городе или мегаполисе и как следствие доступ к ресурсам, стаж работы и возможности профессиональной и трудовой мобильности.

Город, благодаря институтам, которые аккумулируются в нем, формирует то, что мы называем социальным потенциалом, который ошибочно отождествляют с социальным капиталом. Социальный потенциал – характеристика профессиональных свойств социально-трудовой общности, которая включена в систему социально-производственных отношений обеспечивает доступ к ресурсам. Основная его функция: стабильность. ВПРМ (высокопроизводительные рабочие места) – это точки роста экономики, они концентрируются в городском пространстве, город становится не только экономическим центром, как это характерно для города эпохи индустриализации, он становится центром гуманизации, коммуникации, взаимопонимания.

Соответственно изменению города как социально-экономического феномена меняются и потребности горожан: от доминирования в потреблении материального, товаров переходят к потреблению услуг. С переходом к городу как пространству экономического потребления мы наблюдаем закономерность, когда услуги стоят дороже, потому что они напрямую формируются человеком, а человеческий ресурс ограничен. Таким образом ценности гуманистические становятся актуальными, а сохранение человеческого ресурса – приоритетным [5, с. 14]. Показателями, влияющими на воспроизводство трудовых ресурсов и индикаторами качества трудовых ресурсов, являются индекс продолжительности жизни, индекс образованности и индекс эффективности. [5, с. 14]

К городу как социально-экономическому пространству горожан предъявляют, согласно данным, ВЦИОМ, следующие требования: создание условий для здорового образа жизни, безопасность как социальная, так и экологическая, возможность получить качественное образование, высо-

кий доход и вариативные возможности занятости. Формируется новый тип социума на основе постиндустриальных целей и ценностей, новое соотношение и типы коммуникаций между субъектами социальных действий, можно говорить о появлении нового гендерного порядка как нового типа поминания роли и значения женщин в обществе. Задача, которую необходимо решить в социально-экономическом пространстве города можно определить, как создание условий для обеспечения гендерного равенства. Городское пространство как социально-экономическое должно быть сформировано на основе ценностей человеческого капитала, повышения уровня образования, изменения стереотипного поведения, Составление индивидуальных договоров вместо коллективных, социально-защитная направленность трудового законодательства, профсоюзы, стимулирование предприятий создающих рабочие места для женщин, консультационно-правовые службы, центры психологической адаптации, банки данных о рабочих местах, поддержка женского предпринимательства.

Литература

1. Базуева Е.В. Гендерная экономика – новое направление фундаментальной экономической теории /Е.В. Базуева. – ЭНСП № 3 (50), 2010. – 57с.
2. Вершинина И.А. Современные теории города: социологический анализ. М., Канон РООИ «Реабилитация», 2019, 240 с.
3. Воронов А.А. Воздействие экономических преобразований на трудовую гендерную сегрегацию в современной России. Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Саратов, 2004, 28 с.
4. Всемирное исследование ценностей <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 08.06.2020).
5. Гармаева Б.Ж. Развитие институтов воспроизводства трудовых ре-

- сурсов: гендерный аспект. Автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Улан-Удэ, 2015, 28с.
6. Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. М.: ИСЭПН РАН.
  7. Доклад ООН. World Cities Report 2020. The Value of Sustainable Urbanization. https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf (дата обращения 10.12.2020)
  8. Калабихина И.Е. Гендерный фактор в экономическом развитии России: Монография. М.: Макс Пресс, 2009. 420 с.
  9. Кравченко Л.А. Гендерное неравенство в сфере занятости (на примере Приморского края). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Владивосток, 2008. 32 с.
  10. Малышева М.М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН–МЦГИ– «Русская панорама», 2002. 352 с.
  11. Мальцева И.О. Трудовая мобильность в России: гендерный аспект. Автореферат на соискание степени кандидата экономических наук. М., 2004. 29 с.
  12. ООН Habitat Проект по городской статистике <https://www.un.org/ru/ga/habitat/> (дата обращения: 08.06.2020).
  13. Россия в цифрах. 2019: крат. Стат. Об. М., 2019 549 с <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rus19.pdf> (дата обращения 15.11.2020)
  14. Силласте Г.Г. От решения женского вопроса к новому гендерному порядку: движение в модусах социального времени // Гуманитарий юга России 2017, № 5, Т. 6
  15. Силласте Г.Г. Социальные транзиты и формирование нового гендерного порядка // Женщины в российском обществе. 2019, № 2, С. 3–16.
  16. Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов М., Strelka press 2019 224 с.
  17. Тапилина В. Социально-экономический статус и здоровье населения// Социологические исследования. 2004, № 3, С. 124–129.
  18. Что раздражает жителей крупных городов России – опрос ВЦИОМ <https://realty.rbc.ru/news/5f92d4339a79475e6b1dd17f> (дата обращения 10.12.2020)

GENDER PROCESSES IN THE SOCIO-ECONOMIC SPACE OF THE CITY

Seregina T.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of transforming modern urban space and changing the functions of the main spheres of society. The article shows the lines of transformation of the urban socio-economic space in solving gender problems. The dependence of gender socio-economic processes on cultural trends and historical identity is shown. The phenomena of inequality, segregation in the urban space, their interaction with the feminist problems of society are analyzed. The negative results of inequality processes in the economic sphere are shown, such as a decrease in the level of wages, a woman's social status, deterioration in health, a longer period of unemployment among women, etc. Mobility is a factor that influences the gender structure of society, the city being the focus of migration processes reflects the difficulties associated with the socio-economic development of society, such as income level, family and children, quality of infrastructure, access to services. The decisive role of human capital as a factor ensuring sustainable development of society has been proven. The city is a space for building up human and social capital and thus becomes a space where gender problems can be most effectively addressed. The city is capable of forming a new gender order, accumulating humanistic goals, ideals and values, ensuring the growth and effective functioning of human and social capital.

Keywords. City, values, human capital, new gender order, culture, economy, labor, inequality, mobility, segregation.

References

1. Bazueva E.V. Gender economy – a new direction of fundamental economic theory /E. V. Bazueva. – ENSR No. 3 (50), 2010. – 57 S.
2. Vershinina I.A. Modern theories of the city: a sociological analysis. M., Canon of ROOI “Rehabilitation”, 2019, 240 p.
3. Voronov A.A. Impact of economic transformations on labor gender segregation in modern Russia. Author’s abstract on competition of a scientific degree of the candidate of sociological Sciences. Saratov, 2004, 28 p.
4. The world values survey <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (date accessed: 08.06.2020).
5. Garmaeva B. Zh. Development of labor resource reproduction institutions: gender aspect. Author’s abstract on competition of a scientific degree of candidate of economic Sciences. Ulan-Ude, 2015, 28s.
6. Gender and economy: world experience and expertise of Russian practice. M.: isepn RAS.
7. Report of the United Nations. World Cities Report 2020. The Value of Sustainable Urbanization. https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/10/wcr_2020_report.pdf (accessed 10.12.2020)
8. Kalabikhina I.E. Gender factor in the economic development of Russia: Monograph. Moscow: Max Press, 2009. 420 p.
9. Kravchenko L.A. Gender inequality in employment (on the example of Primorsky Krai). The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of sociological Sciences. Vladivostok, 2008. 32 p.
10. Malysheva M.M. Globalization, gender inequality and women’s reproductive labor // Gender and Economics: world experience and expertise of Russian practice / Ed. and comp. E.B. Mezentseva. M.: isepn RAS-mc-gi – “Russian panorama”, 2002. 352 p.
11. Maltseva I.O. Labor mobility in Russia: gender aspect. Abstract for the degree of candidate of economic Sciences, Moscow, 2004, 29 p.
12. UN Habitat urban statistics Project <https://www.un.org/ru/ga/habitat/> (accessed: 08.06.2020).
13. Russia in numbers. 2019: Krat. Stat. Ob. M., 2019549 s <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/rus19.pdf> (accessed 15.11.2020)
14. Sillaste G.G. From solving the women’s issue to the new gender order: movement in the modes of social time // Humanities of the South of Russia 2017, No. 5, Vol. 6
15. Sillaste G.G. Social transitions and the formation of a new gender order // Women in Russian society. 2019, No. 2, Pp. 3–16.
16. Incentives, paradoxes, failures: City through the eyes of economists M., Strelka press 2019224 p.
17. Tapilina V. Socio-economic status and health of the population// Sociological research. 2004, No. 3, Pp. 124–129.
18. What irritates residents of large cities in Russia-VTSIOM survey <https://reality.rbc.ru/news/5f92d4339a79475e6b1dd17f> (accessed 10.12.2020)

Рациональное и иррациональное в современном мифотворчестве народа: политическая мифология

Афанасьев Ньургун Вячеславович,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Фольклор и культура»
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: n.v.afanasev@mail.ru

Автор в работе затрагивает общественную функцию современной политической мифологии и рассматривает его общие черты с классическими формами мифов. Современная политическая мифология прошла долгий путь от классических мифов первобытного общества к сознательному идеологическому мифотворчеству, где на смену политическим фактам и знанию приходят легенды, вымыслы, символы и образы. В статье раскрывается проблематика современного политического мифотворчества со стороны идеологии. После этого дается обоснование, что идеологическое мифотворчество является самым эффективным инструментом в руках фальсификаторов истории ради достижения своих политических целей. Основными выводами проведенного исследования являются, что политический миф входящий к категории инструментов, обслуживающих идеологические интересы имеет значительную характеристику иррационального компонента. Но в современных условиях политический миф является плодом рациональных действий.

Ключевые слова: Рациональное мышление, иррациональное мышление, миф, современная мифология, фальсификация, политическая мифология, идеология, политика, элита, общество.

Введение

На сегодняшний день современное мифотворчество стало объектом пристального внимания исследователей. Этот интерес во многом можно объяснить тем, что в обществе происходит переоценка самого феномена мифологии. Рассматривая миф как культурный универсальный феномен, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью детального рассмотрения мифотворчества нового времени. Что такое миф в современных условиях, какова его общественная функция, и что общего у него с классическими формами мифов.

Анализ сходства и различия между первобытной и современной мифологией приводит нас к лучшему пониманию последней. Мифы традиционных обществ были целостными системами, с помощью которых аккумулировался и обобщался многовековой опыт первобытного коллектива. Они выполняли важную социальную роль. По сути дела, миф был краеугольным камнем того фундамента, на котором возводились общественные институты и строились социальные отношения.

С развитием и усложнением различных аспектов жизни социума, начиная от политики и кончая экономикой, мифология начинает утрачивать свои лидирующие позиции среди мировоззренческих систем. Традиционная мифология начинает распадаться, и первичный синкретизм становится источником разнообразных форм группового сознания. Таки образом, на обломках традиционной мифологии вырастают зрелые религиозные системы, которые, в свою очередь, становятся основой науки и философии.

Двадцатое столетие, которое ознаменовалось великими достижениями

и катастрофами, из «книжного» общества превратилось в общество «экранное». Массовое воздействие электронных СМИ стало благодатной почвой для формирования современного мифотворчества. Широкие круги общества, используя современные коммуникационные возможности, стали одновременно создателями мифов и их активными потребителями. С самого рождения современный человек попадает под влияние мифов, через которые он перенимает идеалы и ценности старших, и далее самостоятельно их формирует уже в собственные ценности [15, с. 52].

Существование современных и традиционных мифов является процессом параллельным, и те и те являются оставляющими системы мифологии в целом. И в современных условиях мы можем вести речь о мифологии религиозной, мифологии художественной и мифологии политической.

Предлагаем подробнее остановиться на последней из них – мифологии политической.

Основное

Современная политическая мифология прошла долгий путь от классических мифов первобытного общества к сознательному идеологическому мифотворчеству, где на смену политическим фактам и знанию приходят легенды, вымыслы, символы и образы. Под политическим мифом Кр. Флад понимает повествование с идеологической направленностью, которое претендует на истину в представлении о сегодняшнем дне, минувшем и возможном будущем [19, с. 14]. Это позволяет нам прийти к выводу о принадлежности политического мифа к категории инструментов, обслуживающих идеологические интересы.

Между мифом и идеологией многие ученые ставят знак равенства. На наш взгляд, это справедливо с небольшим замечанием о том, что для мифа характерным является значительный иррациональный компонент. По справедливому замечанию А.Н. Кольева, политический миф не может быть реализован

без рациональной компонента основы. Это еще раз подтверждает, что современные политические мифы имеют под собой идеологическую подоплеку. Идеологи сознательно эксплуатируют мифологические сюжеты, но те же самые процессы могут происходить бессознательно в массах [13, с. 130].

О том, что различные виды этих процессов следует различать, пишет Н.С. Автономова. По ее словам, миф может быть рожден как в результате целенаправленной реконструкции, так и так и имитирован бессознательно. В первом случае он является продуктом сознательной работы идеологов, цель которых заключается в том, чтобы косвенным способом внедрить в массовое сознание выгодные им идеологические штампы и стереотипы, которые бы человек не подвергал рациональному критическому осмыслению [2, с. 235].

Безусловно, между мифами, которые пытаются объяснить окружающую действительность и передать переживания человека, и мифами, являющимися продуктом индивидуального творчества, есть существенная разница, и они никоим образом не подлежат отождествлению.

Между тем, стать элементом идеологической практики могут и мифы, возникшие спонтанным образом.

Политический миф в современных условиях является не стихийным творчеством народных масс, а плодом рациональных действий. Современные мифы появились на свет в результате интеллектуальных усилий с целью подкрепления и обоснования тех или иных идеологических моделей, в отличие от их классических предшественников, далеких от теоретизирования.

Но есть существенная разница между искусственно созданными профессионалами политическими мифами и мифами религиозной направленности и традиционной мифологией, хотя в центре внимания любых мифов остается мифологизированное прошлое определенных территорий, а также события и исторические персонажи, имеющие важное значение для народа,

страны. Политические мифы локального характера, используемые в роли политических инструментов выполняют такие функции, как формирование новых идеалов, поддержка местных традиций или низвержение социокультурного фундамента [4, с. 36].

Российское общество на протяжении столетий было богато политической мифологией, что было обусловлено достаточной изолированностью страны от остального мира и крайне недостаточными знаниями об этом мире. Мифы рождались в гуще народных масс в периоды общественных катаклизмов либо создавались провластной элитой для укрепления верховной власти, ее сакрализации. Создавая картину окружающей действительности в позитивных тонах, мифы пытались примирить народные массы и отдельных индивидов с тяжелой жизнью и недружественным окружением.

Например, в Советском Союзе на смену православной мифологии пришла коммунистическая, где начало новой эры ознаменовал исторический залп «Авроры». Как и у античных мифов, большевики создали свой пантеон «героев», некрополь и новую историю, которая открывала путь к всемирному счастью и равенству, при этом история дореволюционная была историей тьмы, зла, угнетения простых людей и т.д.

Современное российское общество развивается в условиях столкновения различных мифотворческих ресурсов, которые работают в интересах ряда политических сил, каждая из которых руководствуется своими интересами.

Создаваемые по заказу политиков мифы политического и идеологического характера превращаются в фактор массового сознания в том случае, если они гармонируют, не вступают в противоречие с исторической, классической мифологией народа, цивилизационными и национальными архетипами. Одним из таких «вечных» мифов россиян является имперский миф, миф о русской идее, своем русском пути и «Третьем Риме» [1, с. 127].

Сознание мифологического типа определяет организацию россий-

ского социальной жизни, подпитывая убежденность в своем мессианстве, особой роли в мировой истории. Отечественная мифология в некотором роде служит укреплению информационной безопасности страны, примиряя широкие круги населения с противоречиями между интересами правящей верхушки и народом. Идеологическая и политическая мифология позволяет российскому народу сплотиться в критические моменты истории.

1. Историческая живучесть мифологии, ее роль в качестве неотъемлемого элемента культуры на протяжении всех исторических периодов обуславливает необходимость ее глубокого теоретического изучения, что и происходит в наше время по разным направлениям. Например, Г.В. Осипов в своем фундаментальном труде произвел анализ социологических и философских аспектов различных подходов к исследованию мифов социального характера [14, с. 24].

2. Изучается сущность мифологии социальной направленности, осуществляется сравнительный анализ мифов и других форм общественного сознания. Исследуются особенности и направления современного мифотворчества и мифологии в целом, прежде всего в контексте влияния на этот феномен со стороны СМИ, цифровых коммуникаций, рекламы и т.д. [6; 18; 20; 21].

3. Анализируется отечественное мифотворчество, как современное, так и классическое, что предполагает осуществление классификации современных мифов и мифов советской эпохи, их влияние на отдельных индивидов и общество в целом [17; 14].

Для нашей страны в теперешних исторических условиях самым актуальным является направление, отмеченное в третьем пункте. Эта актуальность основана на следующих соображениях.

Во-первых, глобализационные процессы, которые не могут не затронуть Россию, ведут к серьезной трансформации привычного мирового порядка, внося в него фундаментальные изменения. Именно такие переломные време-

на придают мифотворчеству новый импульс, расширяют его границы.

Во-вторых, Россия продолжает проходить непростой период своей истории, период политической и экономической турбулентности. Такие исторические эпохи также характеризуются активизацией процессов мифотворчества.

В-третьих, сложности современной эпохи подталкивают народы к стремлению переосмыслить свою историю, пересмотреть концепции своей культурной идентичности, что применительно к России означает возрождение традиционных традиций и смыслов, что входит уже в сферу влияния мифов [3, с. 7].

Современные мифы социальной направленности оставляют основу для манипулирования сознанием масс. А значит, как отдельные мифы, так и мифология в целом могут и должны быть подвергнуты критическому рассмотрению и осознанию.

В рамках современного политического мифотворчества в России применяется широкий выбор тем, которые помогают удержать имидж власти на приемлемом уровне и добавить ему привлекательности. Это можно рассмотреть с позиции исследования гносеологических параметров образа (маркером) Чужого.

Современными исследователями тема «чужого» рассматривалась достаточно интенсивно (О.В. Манцорова, И.В. Приорова, М.М. Бичарова, И.В. Лебедева, Е.В. Хлыщёва, С.Н. Якушенок, А.П. Романова и др.). Исследовались филологический, этнической, социально-политической аспекты этой темы. Рассматривая научную литературу по данной тематике, считаем целесообразным остановиться на таком ее проявлении, как представление в качестве «чужих» некоей элитной группы, которая отделена от остальных людей своей системой ценностей и взаимным непониманием. Эта тема особенно любопытна и выделяется среди массива работ в этой сфере именно благодаря своей элитологической направленности.

Понятие «чужого» достаточно активно используется в целях манипуляции

общественным сознанием. Наделяя помеченные этим ярлыком людей, страны и народы всеми мысленными и немислимимыми отрицательными чертами, делается попытка сплочения общества вокруг вымышленных «угроз» и, кроме того, это удобный способ возвеличить себя в своих глазах на счет принижения окружающих, не имея на этот оснований и не желая прилагать для этого никаких усилий.

Чаще всего сигнал «чужой» вызывает настороженность, чувство угрозы [16, с. 232]. Именно так и относятся к элите большинство рядовых граждан, поскольку именно за государственной элитой, правящим классом, закреплено право на насилие.

Среди самых эффективных инструментов в борьбе с «чужой» элитой отмечают борьбу в информационном поле, что зачастую связано с фальсификациями. Как считает профессор П.Л. Карабущенко, среди главных целей политической мифологии следует отметить манипулирование мнением целевой аудитории, когда «чужие» сознательно наделяются отрицательными характеристиками [12, с. 205]. При этом мифы о самих представителях политического истеблишмента зачастую подкрепляются профессиональной работой PR-технологов, а некоторые из них даже могут стать частью официальной истории.

Анализируя политическую историю, приходим к выводу, что идеологическое мифотворчество было самым эффективным инструментом в руках фальсификаторов истории ради достижения свои политических целей. К этому инструменту в равной мере прибегают как авторитарные или тоталитарные режимы, так и элиты демократических стран [8; 5].

Наравне с коррупцией, историческая фальсификация является инструментом деструктивной направленности в руках правящих верхушек. Как свидетельствует анализ, главными предметом заботы властных элит, ради чего они прибегают к фальсификациям, является история, которая может проде-

монстрировать негативную роль в ней представителей властной верхушки, а также сам факт о принадлежности к элите тех или иных людей. Манипуляции через фальсификацию истории являются сильнейшим механизмом влияния на сознание масс. В собственных глазах правящая верхушка видит себя наследницей, если не правопреемниками героических предков. В истории страны они выделяют светлые героические страницы, оставляя в забвении преступления и иные темные деяния предков [10, с. 156].

Большое значение для политической карьеры современных политиков играют различного рода рейтинги, которые дают им оправдание их пребыванию на верхних ступенях властной лестницы. Однако насколько рейтинги объективны и является ли их главной задачей беспристрастные замеры популярности того или иного политика или политической силы? Как отмечает профессор Карбушенко П.Л., значительная часть таких исследований проводится в рамках PR технологий в интересах конкретного политика или партии, а некоторые из представителей так называемой элиты дутыми рейтингами просто пытаются скрыть свою интеллектуальную несостоятельность [9, с. 218–220].

По мнению многих исследователей, роль фальсификаций в жизни социума и отдельного индивидуума настолько велика, что современная наука не вправе игнорировать это явление. И эта роль непрерывно возрастает в процессе развития информационных технологий и охвата ими все больших слоев населения, что делает исключительно актуальной проблему верификации опубликованной информации. В наше время одним из самых эффективных методов, позволяющих проверить достоверность информации, считается герменевтический метод. С его помощью мы можем не только сделать глубокий анализ текста, но также изучить личность самого автора. Бытует устойчивое мнение, что адекватному пониманию текста способствует знание особенностей написав-

шего его автора. Можно с уверенностью констатировать, что современное общество испытывает потребность уже не столько к свободному доступу к информации, сколько в ее верификации [7, с. 310–326].

Как свидетельствует анализ таких явлений, профессиональные качества представителей элиты непосредственно связаны с их качествами внутренними. Видимо, этим объясняется зачастую крайне непрофессиональные действия правящей верхушки, что приводит их к необходимости искать оправдания через грубую фальсификацию. История становится одной из первых жертв такой фальсификации [11, с. 264–274].

Исследователи практически едины во мнении, что анализируя исторические тексты, следует активно обращаться к методике герменевтики, что позволит устранить политические мифы из нашего прошлого и выявить фальсификации.

Вывод

Таким образом, рассматривая современную мифологию, мы должны понимать, что она не является классической мифологией, механически перенесенной на современную почву. Речь идет о мифе рационализированном, который принял форму символа. Но, в качестве одной из форм идеологии, современная мифология политической направленности характеризуется наличием всех ее особенностей, при этом преобладание в ней иррациональной составляющей, что обуславливает наличие признаков классической мифологии. А суть политической мифологии состоит из идеологической модели.

Литература

1. Августин Блаженный. О Граде Божием. – М.: АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Автономова, Н.С. Разум. Рассудок. Рациональность. М.: Наука, 1988. – 288 с.
3. Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004. – 319 с.

4. Балынская Н.Р. Особенности функционирования журналистики в процессе формирования современного мифа // Ценности интеллигентного мира. Вып. 2. – Магнитогорск: Изд-во МГТУ им Г.И. Носова. 2005. – С. 31–37.
5. Вартумян А.А. Исторический контекст формирования постсоветских региональных элит / А.А. Вартумян // Элитология России: современное состояние и перспективы развития: мат-лы I Всерос. элитологического конгресса (7–8 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону). – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНКИГС, 2013. – Т. 1. – С. 44–51.
6. Зуй М.И. Социология-мифология-философия (типы сознания) // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 13–22.
7. Карабущенко П.Л. Историческая герменевтика: фальсификация, верификация, истина / П.Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3 (36). – С. 310–326.
8. Карабущенко П.Л. Политическая история: истина и фальсификация политического прошлого / П.Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2. – С. 310–327.
9. Карабущенко П.Л. Рейтинг и антирейтинг элит: имитация и фальсификация элитности в элитах / П.Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4 (37). – С. 215–223.
10. Карабущенко П.Л. Фальсификация политической истории как средство борьбы элит за власть / П.Л. Карабущенко // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 150–157.
11. Карабущенко П.Л. Элита власти в вертепе политической фальсификации / П.Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 264–274.
12. Карабущенко П.Л. Элитология мифа: монография / П.Л. Карабущенко. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – 322 с.
13. Кольев, А.Н. Политическая мифология: Реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. – 384 с.
14. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма, 2000. – 543 с.
15. Панарин А.С. Народ без элиты. – М.: Изд-во Алгоритм, 2006. – 352 с.
16. Романова А.П. Культурная безопасность и страх перед чужим / А.П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 228–237.
17. Соболева Н.И. Социальная мифология: социокультурный аспект // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 145–148.
18. Тощенко Ж.Т. Время мифов и пути преодоления // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 37–44.
19. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
20. Черныш М.Ф. Противоречия становления социального партнерства // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 16–25.
21. Шелов-Коведяев Ф.В. Сознание-миф-жизнь // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 28–38.

RATIONAL AND IRRATIONAL IN THE CONTEMPORARY MYTH-MAKING OF THE PEOPLE: POLITICAL MYTHOLOGY

Afanashev N.V.

North-Eastern Federal University

The author in the work touches upon the social function of modern political mythology and examines its common features with classical forms of myths. Modern political mythology has come a long way from the classical myths of primitive society to the conscious ideological myth-making, where legends, fictions, symbols and images replace political facts and knowledge. The article reveals the problems of modern political myth-making from the side of ideology. After that, a substantiation is given that ideological myth-making is the most effective tool in

the hands of the falsifiers of history in order to achieve their political goals. The main conclusions of the study are that the political myth included in the category of instruments serving ideological interests has a significant characteristic of an irrational component. But in modern conditions, the political myth is the fruit of rational action.

Keywords: rational thinking, irrational thinking, myth, modern mythology, falsification, political mythology, ideology, politics, elite, society.

References

1. Augustine the Blessed. About the City of God. – M.: AST, 2000. – 1296 p.
2. Avtonomova, NS Reason. Reason. Rationality. M.: Nauka, 1988. – 288 p.
3. Andreev A.P., Selivanov A.I. Russian tradition. M.: Algorithm, 2004. – 319 p.
4. Balynskaya N.R. Features of the functioning of journalism in the process of the formation of a modern myth // Values of the intelligible world. Issue 2. – Magnitogorsk: Publishing house of the Moscow State Technical University named after G.I. Nosov. 2005. – S. 31–37.
5. Vartumyan AA Historical context of images of post-Soviet regional elites / AA Vartumyan // Elitology of Russia: current state and development prospects: materials of the I All-Russian. elitological congress (October 7–8, 2013, Rostov-on-Don). – Rostov n / a.: Publishing house of JURIF RANKiGS, 2013. – T. 1. – S. 44–51.
6. Zui M.I. Sociology-mythology-philosophy (types of consciousness) // Sociological research. 1996. No. 2. S. 13–22.
7. Karabuschenko P.L. Historical hermeneutics: falsification, verification, truth / P.L. Karabuschenko // Caspian region: politics, economics, culture. – 2013. – № 3 (36). – P. 310–326.
8. Karabuschenko P.L. Political history: truth and falsification of the political past / P.L. Karabuschenko // Caspian region: politics, economics, culture. –2010. – № 2. – P. 310–327.
9. Karabuschenko P.L. Rating and anti-rating of elites: imitation and falsification of elite in the elites / P.L. Karabuschenko // Caspian region: politics, economy, culture. – 2013. – № 4 (37). – P. 215–223.
10. Karabuschenko P.L. Falsification of political history as a means of the struggle of elites for power / P.L. Karabuschenko // Humanitarian research. – 2013. – № 2 (46). – Pp. 150–157.
11. Karabuschenko P.L. Power elite in the den of political falsification / P.L. Karabuschenko // Caspian region: politics, economics, culture. – 2013. – № 2 (35). – P. 264–274.
12. Karabuschenko P.L. Elitology of myth: monograph / P.L. Karabuschenko-ko. – Astrakhan: Publishing house “Astrakhan University”, 2009. – 322 p.
13. Koliev, AN Political mythology: Realization of social experience. M.: Logos, 2003. – 384 p.
14. Osipov G.V. Social myth-making and social practice. M.: Norma, 2000. – 543 p.
15. Panarin A.S. A people without an elite. – M.: Publishing house Algorithm, 2006. – 352 p.
16. Romanova A.P. Cultural security and fear of the stranger / A.P. Romanova // Caspian region: politics, economics, culture. – 2013. – № 2 (35). – P. 228–237.
17. Soboleva N.I. Social mythology: sociocultural aspect // Sociological studies. 1999. No. 10. S. 145–148.
18. Toshchenko Zh.T. Time of myths and ways of overcoming // Sociological research. 2006. No. 1. S. 37–44.
19. Flood K. Political myth. Theoretical research. – M.: Progress-Tradition, 2004. – 264 p.
20. Chernysh M.F. Contradictions of the formation of social partnership // Sociological studies. 2004. No. 6. S. 16–25.
21. Shelov-Kovedyaev F.V. Consciousness-myth-life // Social sciences and modernity. 2007. No. 4. S. 28–38.

Философские аспекты категорий маргинальности в диалектике развития

Пожарский Святослав Дмитриевич,
профессор Смольного института
E-mail: sdpozharский@rambler.ru

Жанна Бобер,
магистр психологии, аспирант, кафедра
философии, ЛГУ им. А.С. Пушкина
E-mail: zanna.bober@gmail.com

Проблема развития является одним из основных направлений философских мыслей начиная с античности и до сегодняшнего дня. Современное философское учение о теории всеобщего развития и, в частности, развития природы, общества и человека переходит к новому этапу познания о сложности в системе развития. В ходе новых исследований возникла потребность в специальном понятии маргинальность, которое ввел в научную область Р.Э. Парк. С помощью новых категорий исследования маргинальности может быть выражена диалектическая суть проблемы развития в области предельных состояний и переходов, которая присутствует в диалектике бытия, где зафиксирована идея о наличии онтологических, гносеологических и аксиологических особенностей, с которыми связано крайнее, пограничное, предельное, переходное существование любого организма, сознания и духовного мира. Благодаря новому мышлению и стремительному развитию современных высоких технологий мы живем в период нового перехода или скачка изменения человеческих возможностей уже за пределы планетарных масштабов. И в изучении таких предельно безгранично сложных вопросов может помочь осмысление диалектики локальных «маргинальных механизмов» в общей системе развития.

Ключевые слов: Развитие, диалектика, категориальный аппарат проблемы маргинальности, совершенствование, трансгрессия.

Задача данного исследования раскрыть *маргинальные особенности* развития вообще в его предельно всеобщей форме, его внутреннюю логику «механизма» *предела/перехода* и решить проблему выражения развития в логике этих понятий. Категория развития является философским *предельно* всеобщим понятием, поэтому важно представление того, *что* есть действительно диалектическая суть развития в глубоком понимании и *какие* глубинные всеобщие закономерности движения вообще существуют.

Нашему исследованию импонирует мысль профессора В.А. Босенко о том, что «Философию интересует именно сама внутренняя логика движения вообще материи вообще. Эта логика, закономерность движения – как самодвижения – и есть развитие. Это в свою очередь обязывает включить в содержание принципа развития также логику восхождения объективного движения в факт сознания и выражения движения в мышлении, в логике понятий о развитии и теории познания движения (кроме которого в мире ничего нет и познавать нечего) как развития. Только в этом случае такой принцип получит значение предельной универсальной всеобщности и будет выступать как собственно логика развития; а выражение ее через развитие в логике, в виде некоторой системы категорий, являющейся аналогом и выражением системы развития вообще как саморазвития в предельно всеобщей форме, выступит как всеобщий (философский) диалектико-логико-теоретико-познавательный метод». [8, С. 10]

В то же время «Материя конкретна через свою системность. Признание же положения о том, что развитие

реализуется через конкретные целостные системы (суммативные лишены саморазвития), требует большей четкости, представления о том, что развитие есть порождение целостностью новой целостности». [1, С. 385]. А так как «закономерность целостности (эмерджентность) приводит к появлению (*emerge* – появляться) у системы новых свойств, которых не было у ее элементов», [10, С. 151] то совершенно новые элементы есть противоположность предыдущих, что характеризуется противоречивыми предельными/переходными состояниями, которые, например, в рамках культурологического подхода описываются как феномены маргинальности. [7, С. 98–105] Исследование маргинальности в социокультурной системе [3, С. 136–143.] способствует появлению новых современных подходов. [5, С. 123–126; 2, С. 157–163; 6, С. 102–114]

Неоднозначность развития в диалектике отражается во внешнем движении развития вещей, природы, направленностью движения истории, а также движением развития мысли о действительности и движение общественных отношений. Очевидно, что категория «движение вообще» и категория «развитие вообще» являются предельно широкими и тождественными, так как эти понятия раскрывают сущность одной тематической области с разных сторон, являясь при этом необходимым дополнением друг друга.

Внутренняя сущность развития заключена во внутренней закономерности движущей силы – это всеобщая закономерная динамичная структура, которой мы не интересуемся пока рассматриваем внешнее движение различных взаимодействий. Закономерный внутренний цикл развития структурирован нами на основе идей В.А. Босенко. [8, С. 17–22] В единой цикличности умозрительно определяется трехуровневая диалектика шести смысловых стадий динамичных форм:

1) Практический (полученный опыт) уровень движения действительности (область онтологии):

- a. *Практика развития* – самая доступная форма получения жизненного опыта в материальном плане (действия, ощущения индивидуальные и коллективные);
  - b. *Развитие практики* – более сложная форма использования своего (и совместного) ошибочного и успешного опыта для уточнения и ускорения практических действий;
- 2) Теоретический уровень движения познания (область гносеологии) как продолжение движения действительности:
- a. *Развитие познания* – познание логики движения объективного мира (нематериальный план) – превращение практики в абстрактную логику (мыслительный процесс на основе индивидуального и коллективного опыта);
  - b. *Познание развития* – метод в предельно всеобщей форме, выступающий общим принципом логики движения в содержании познания объективного мира и логики движения самого познания (описательный процесс);
- 3) Философский уровень (принципы, законы, методология – осмысление ценности познаний) (область аксиологии):
- a. *Развитие осознания* – формирование единой теории познания в содержательной структуре (преобразование) своего движения на пути к себе (самопознание), «...методом может быть лишь природа содержания, движущаяся в научном познании...» [13, С. 79] (объяснительный процесс);
  - b. *Осознание всего развития* как самоконструирующего и самодвижущегося пути познания (саморазвитие) – классификация описаний, объяснений, прогнозов саморазвития бытия (принципы, законы). *Предельно* общий принцип развития встает «над» миром, из которого выведен.
- Таким образом суть диалектики развития состоит из трёх уровней разворачивающейся спирали. Но так как в про-

цессе деятельности человека есть сознательно направленное поведение на вещественно-энергетический и информационный результат, [16, С. 173] то *предельно* целостная система всеобщего развития включает еще одну структуру:

- I. *Физическая ступень (вещественно-предметная)* с маргинальными признаками на *пересечениях* объектно-деятельностной практики физического пространства и времени. *Предельный результат* (фиксированная мерная маргинальность) процесса на этой ступени – физическая зрелость и физическое здоровье (индивидуума, социума).
- II. *Информационная ступень* с маргинальными признаками на *пересечениях* мыслительно-эмоциональной практики ментального пространства в структурном отражении психикой информации всех трех доступных человеку пространств и их пересечений – реального, ментального, виртуального с учетом времени. *Предельный результат* (фиксированная мерная маргинальность) – зрелость ума и психическое здоровье.
- III. *Энергетическая ступень* (энергия силы воли, а также природная энергия, преобразуемая деятельностью человека) с маргинальными признаками на *пересечениях* напряженно-волевой самонаправленности (свобода волеизъявления, целеустремленность, ответственность) в самодвижении ментально-виртуально-физического пространства и времени. *Предельный результат* (фиксированная мерная маргинальность) – высокодуховная нравственная зрелость и нравственное здоровье (гармония ноосферного и эстетосферного планов).

Здесь будут возникать огромные трудности в анализе сущности диалектики развития особенно в изучении сложных биологических и социальных структур, включающих обмен веществом, энергией и информацией как необходимое условие. [9, С. 20; 7, С. 98–105]

Но тем не менее, осознавая трудности исследований, весьма интересен внутренний «маргинальный механизм» процесса абсолютного революционного превращения в точке предельных состояний и переходов/скачков как всеобщего принципа, который присутствует в диалектике бытия в развитии всего сущего. Исходя из наших предыдущих исследований предельных состояний категория «*маргинальность* – (1) предельное состояние элементов и порядков взаимодействий в изменениях любой структуры, (2) с противоположным и противоречивым характером по отношению к текущим направлениям развития в пространстве и во времени, при этом (3) с обязательной функцией разрушения старых и одновременно формирования новых возможностей, включающих (4) функцию резкой смены вектора развития в случае неожиданных изменений параметров окружающей среды». [4, С. 264; 18, С. 221–231]

В связи с чем осознается, что категория *маргинальный механизм* – это сложная подвижная структура *предельности/переходности* диалектических внутренних связей системы саморазвития, что находится за рамками естествознания, являясь всеобщим принципом в общем круговороте превращения всего во всё.

Структура *предельности/переходности* умозрительно делится на динамические и статические формы, где *статические маргинальные формы* имеют выраженность в *точках*, имеющих предельное состояние элементов и порядков связей *перед* и *после* «превращения» чего-то другого нового (относительная фиксированная мерность), а *динамические маргинальные формы* выражены в *переходах/скачках* (относительная незафиксированная безмерность) изменений, определяемых двухсторонней «приграничностью» и «диалектическим центром в границах преобразований» – предельность «до», переходность/скачек «между», предельность «после». Статические и динамические маргинальные формы являются умозрительными, по-

этому **фиксированные маргинальные состояния** элементов любой системы как некая умозрительная «статичность в динамике». Развитие бытия всё время в абсолютном движении, но человеческая память удерживает в относительной неподвижности определенные результаты движения действительности и результаты своей деятельности, что фиксируется как определенное достижение в символической форме в культуре.

Диалектика переходов/скачков в динамике создает умозрительную маргинальную траекторию предельных достижений. **Маргинальная траектория** – логический поступательный порядок предельных точек («до», «между», «после») в процессе движения, выраженный через *переход/скачек*, и представляющий собой необходимую противоречивую тенденцию предельных результатов как атрибут диалектики развития, раскрывающий логическое содержание последовательности и сущность движения вообще. Маргинальная траектория имеет функцию создания иной системы направленных новых связей, действующих диалектично как одно в другом через другое и для другого.

Известно, что в структуре гегелевской «триады» («бытие-ничто-становление»), [11] также объединены два противоположных понятия и необходимое третье, выражающее внутреннее единство и взаимосвязь двух противоположных понятий. В связи с чем, очевидно, что единство маргинальной структуры («до-между-после») «старый предел-переход-новый предел» – парадоксальная преемственность, где объединены и отрицание, и принятие (сохранение, утверждение), тем самым проявляется снятие противоречий в подлинном двойном значении, но на более высоком осознании сути логики развития. В виду того, что маргинальная траектория представляет собой необходимую тенденцию противоречивости, то в динамике перерастает в отрицание отрицания и, переходя в направленное движение, создает тем самым диалектичность. **Диалектика маргинальной траектории поступательности** – необ-

ходимая направленная связь в развитии через *предел/переход*, рождающаяся и действующая в процессе движения и разрешения противоречий в предельной преемственности по закону отрицания отрицания с очевидной диалектической спецификой.

Когда осуществляется *переход/скачек* в некотором предстоящем (потому ныне неизвестном) «определенном порядке», тогда здесь парадоксально присутствует момент «будущей неопределенности». **Маргинальная неопределенность** – состояние *перехода/скачка* (относительная незафиксированная безмерность), определяющая всеобщую связь данной *превращающейся* формы со всем другим. В какой-то миг возникает возможность данной формы стать всем другим, то есть в этот момент «просвечивает» [8, С. 126] заключенное в нем все другое в некоторой *неопределенной* форме. Однако стать всем либо чем-то другим, превратиться в какое-то другое можно лишь в результате конкретного *скачка в определенном направлении* ко всему другому, что создает диалектическое противоречие. Таким образом неизбежность скачка только в *определенном направлении* одномерно исключает развитие во все стороны, исключает *неопределенность* и превращение во все другое, исключает движение в других направлениях. Рождение *определенной направленности* представляет собой *предельность любого начала* через изначальное включение **маргинальной неопределенности**, что и происходит в момент **качественного** превращения.

В социокультурной области диалектические *качественные* изменения тесно связаны с понятиями *совершенство* и *совершенствование* (*акме*, греч. ακμή – вершина). В связи с чем концепция совершенствования (акмеология) – теория об акмемаргинальной направленности качественного превращения на пути восхождения. [12, С. 91; 19, С. 32–48] Существует различное понимание совершенствования, но данные определения представлены на основе

наших предыдущих акмеологических исследованиях. [16, С. 158–230]

1) **Совершенствование** (акме-маргинальный процесс) – динамика изменений от одной наивысшей точки до другой наивысшей точки достижений, характеризующаяся предельно наилучшей направленностью в пространственно-временных измерениях и определяется протяженностью.

2) **Совершенство** (акме-маргинальный результат) – количественно-качественный вершинный признак предельного достижения локальных результатов развития человека и природы, что характеризуется акме-маргинальным состоянием/свойством в пространственно-временных измерениях, определяясь предельно наивысшей умозрительной точностью в логике сознания.

3) В основе природных и социальных процессов лежит объективный закон вершинности, определяющий порядок, связь явлений, постоянство процессов, регулярность их протекания, их повторяемость. **Закон вершинности** – неизбежное самодвижение к новым достижениям наилучших локальных результатов и обретение новой (следующей) предельной фиксированной опорной точки (фунда) в логике сознания как наилучшей основы для дальнейшего восхождения к новым наилучшим результатам в пространстве и во времени (точка акмефиксации¹). [17, С. 106–117]

Объективность процессов развития выражена в единстве диалектической направленности движения: восхождения (к совершенству; акме) и нисхождения (к кризисам, катастрофам; катаболе), при этом создавая новые системные связи, имеющие противоположно качественные значения: позитивное и негативное. Данные направления часто выражены в понятиях прогресса и регресса.

Предпосылки проблем прогресса уже были представлены в Древнем Египте и Древней Греции в осмысле-

ниях развертывания времени в отрезках равной длины (концепции цикличности). Теория прогресса в последовательной форме изложена в 18 веке аббатом Сен-Пьером в книге «Замечания о непрерывном прогрессе всеобщего разума» (1737).

На сегодняшний день сформировалось множество различных взглядов по проблематике прогресса и регресса, но при всех различиях определений остается неизменным одно – очевидное наличие их внутренних связей, которые имеют место в единстве противоположностей между ними. **Прогресс** как отражение внутреннего состояния (и содержание) регресса (общее отрицание других возможностей в развитии), поэтому **регресс** как определенный момент прогресса. Представляя прогресс и регресс при их рассмотрении во всеобщих универсальных связях, очевидно, что они моментально переходят друг в друга, взаимовыражаются наиболее полно друг через друга, что проявляет саму суть диалектики развития². [12, С. 91]

По мнению Ф. Энгельса прогресс в развитии «является вместе с тем и регрессом, ибо он закрепляет *одностороннее* развитие и исключает возможность развития во многих других направлениях» [20, С. 621], что по сути, абсолютизированные противопоставления сторон единства противоположностей делаем мы рассудком, когда преобразуем в сознании *практику развития в познание развития* и выводим на теоретический уровень *движение развития* в форме логического описания и объяснения общих принципов движения объективного мира. Выведенные общие принципы вновь выступают как эффективные возможности во внешней действительности, которая выходит на более высокий уровень и тогда внутреннее состояние на этот момент опять имеет некоторую степень регресса. Таким образом регресс становится внутренним услови-

¹ Точка акме определяется как мысленно фиксированная наивысшая точка в развитии (акмефиксация).

² Систему взаимосвязей прогресса и регресса как единую взаимовыражающую связь акме и кате в общем развитии рассматривают в акмеологической концепции.

ем внешнего прогресса. Но, следуя закономерности в диалектической «триаде» непременно должен присутствовать третий связующий элемент, поэтому вновь обратимся к такому маргинальному явлению как «скачек/рывок», которое вполне отождествляется с понятием «трансгрессия».

Понятие **трансгрессия** (греч. *trans* – сквозь; *gress* – движение) сформировано французской экзистенциальной постгегелевской философией (Ж. Батай, М. Фуко, М. Бланшо) для образования специфически общего горизонта концептуального стиля. [15]

В отличие от понятий прогресса и регресса, рассматриваемыми в исследованиях довольно длительное время, понятие «трансгрессия» становится актуальной философской проблемой только в 20-м веке, когда Ж. Батай определяет, что понятие **трансгрессия** – устремленность к испытанию прочности и устойчивости пределов конечного и обязательного нарушения границ этих пределов. Фуко определил трансгрессивное состояние как «*причудливое скрещение фигур бытия, которые вне его не имеют существования*». А в современных энциклопедических словарях [14] понятие **трансгрессия** – фиксирующий феномен «*перехода принципиально непроходимой границы*», буквально означающий «*выход за пределы*».

Таким образом мы видим логически завершенную диалектическую триаду «прогресс-регресс-трансгресс» (восхождение, нисхождение, «сквозьхождение» «извне границ»), что позволяет осмыслить диалектику противопоставления маргинальных противоположностей в триединстве.

Итак, **трансгресс** – пространственно-временное пересечение в точке скачка/рывка (одномоментное состояние «сквозь»/«между»/«через») или мгновенный непрогнозируемый переход, фиксирующий *проходимость непроходимых границ предела-запрета*, некая скользящая черта (неожиданная маргинальная траектория), указывающая на уникальную возможность практиче-

ски невозможного перехода и осуществляющая его с «выходом за пределы» к непредсказуемо новым прорывным горизонтам. Диалектика трансгресса в том, что, постоянно *утверждая* предел, одномоментно *отрицает* его, этим утверждающим отрицанием прокладывается для себя прорывной путь, рассыпая на пульсирующие пунктиры разрывов «*нелинейную линию сквозьхождения предела-запрета*». Трансгрессивная «разрушительная сила» (для всяких границ) заключена в превосходстве над «силой предела», что установили другие силы, но используется при этом *беспредельная* активность в состоянии избытка или недостатка сил, что приводит к нарушению предшествующих законов/правил, становясь принципиальным исключением из общих правил и рождением новых правил, законов, принципов. Противостоять силе трансгрессивного состояния может только другое трансгрессивное состояние, которое более мощное.

Сущность трансгресса заключается в следующих характеристиках:

- 1) обладание статусом и энергией отрицания – «непозитивное утверждение» (прерывание преемственности),
- 2) нарушение линейности «прогресс-регресса» (движение радикально вне направленности),
- 3) низвержение или тихое «растворение» предела-запрета (прорыв «извне границ», ветвление в точке бифуркации),
- 4) исключительно прорывной выход к новым горизонтам (относительная беспредельность).

Очевидно, что определение трансгресса выводит нас на новые горизонты, где предыдущие линейные матрицы постижения бытия оказались несостоятельными¹, что дает новую версию по-

¹ Несостоятельность предыдущей модели картины мира мы видим сегодня в связи с неожиданной ситуацией пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, поэтому крайне резкие изменения выглядят как нелинейный скачек за пределы запреты границ к новым взаимоотношениям во всех структурах глобальной социокультурной среды.

нимания «незнания» как онтологически пред-заданного модуса развития человека.

Подводя итоги осмысления развития и постоянного восхождения к познанию мира, выявляется «предельно беспредельная» (маргинальная) возможность нового углубления в сущность вещей. Философское исследование всеобщего развития отражает как внешние проявления во всеобщем движении, так и внутренний «маргинальный механизм», позволяющий проникнуть в сущность развития вообще. При углублении и расширении философских исследований с помощью диалектико-логико-теоретико-познавательного метода неизбежно стоит вопрос о расширении категориального аппарата данной проблематики, в связи с чем в нашем исследовании введены новые категории, что дает возможность более глубоко и широко исследовать актуальные вопросы всеобщего развития.

Осознание закономерностей развития является ценностным (область аксиологии) потенциалом человечества в вопросах познания (область гносеологии) конкретных процессов развития бытия (область онтологии), в вопросах изменения мира в соответствии с объективными закономерностями и потребностями человека.

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А.В. Философия: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – 608с., С. 385.
2. Бобер Ж. Значение маргинальности в развитии социокультуры // Вестник развития науки и образования: Научный журнал/ Гл. ред. Н.В. Крючкова – Москва, ИД «Наука образования» № 4, 2014. – с. 271, С. 157–163.
3. Бобер Ж. Культурная маргинальность и её место в развитии культуры // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: Научный журнал. Сер. философия / Ред. В.Л. Фурштатова. – СПб., 2010. – № 4 (Том 2). – 271с., С. 136–143.
4. Бобер Ж. Маргинальность в социокультурной системе/ Жанна Бобер. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. – 341с., С. 264.
5. Бобер Ж. Подходы к исследованию проблемы маргинальности // XV юбилейные Царскосельские чтения: Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция: материалы междунар. науч. конф., 19–21 апр. 2011 г./ под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2011. – Т. III. – 352с., (Т. III), С. 123–126.
6. Бобер Ж. Развитие семьи как область маргинальных проявлений окружающих сред // Актуальные проблемы экономики и управления.: Научный журнал/ Гл. ред. А.С. Будагов – СПб, ГУАП, № 2(14)/2017. – с. 132, С. 102–114.
7. Бобер Ж. Феномен маргинальности: синергетический подход // Вестник / Ред. А.А. Титова. СПб, 2008. – 179с., С. 98–105
8. Босенко В.А. Всеобщая теория развития. – 1-е изд., – Киев, 2001. – 468 с., С. 10, С. 17–22, С. 126.
9. Бранский В. П., Пожарский С.Д. Глобализация и синергетический историзм. – СПб.: Политехника, 2004. – 400с., С. 20.
10. Волкова В.Н. Эмерджентность, синергия или конвергенция? // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXI Междунар. науч.-практич. конф. 29–30 июня 2017 г. Ч. 1. / Сб. подготовили: В.Н. Волкова, А.В. Логинова, С.В. Широкова – СПб.: Изд-во Политех-Пресс, – 2017. – 584 с., С. 151.
11. Гегель Г. В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1970. – 501 с.
12. Ильин В. В., Пожарский С.Д. Философия и акмеология. – СПб.: Политехника, 2003. – 395с., С. 91.
13. Ленин В.И. Философские тетради. – полн. собр. соч., Т. 29. М.: Издательство политической литературы, – 1969. – 629 с., С. 79.
14. Можейко М.А. Трансгрессия (История философии. Энциклопедия

- дия), 2002. URL: <http://velikanov.ru/philosophy/transgressija.asp>
15. Подорога В.А. Трансгрессия и предел. 2018. URL: [<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c331d98407f8b24187c>]
  16. Пожарский С.Д. Акмеология – философия успеха. – Рязань: «Копи-Принт», 2010. – 265с., С. 173, С. 158–230.
  17. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Предельное развитие современных акмеологических категорий// Акмеология 2018. Методологические и методические проблемы. Выпуск тридцать первый/ Под ред. Н.В. Кузминой, Е.Н. Жариновой. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – 136с., С. 106–117.
  18. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Проблемы становления и развития философских исследований категории «Маргинальность»// «Социология», № 1, раздел: Теория и история культуры. Философская антропология. Философия культуры/Гл. ред. В.И. Добренков. – 2020, М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 345с., С. 221–231.
  19. Пожарский С. Д., Бобер Ж. Становление фундаментальной акмеологии и принцип маргинальности категорий акме и кате в основе процесса развития// Акмеология: теория, практика и перспективы развития. Монография. Под ред. Н.В. Кузминой, Е.Н. Жариновой. – СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. – 212с., С. 32–48.
  20. Энгельс Ф. Диалектика природы. – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, 1886. – с. 343–626, С. 621.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MARGINALITY CATEGORIES IN THE DIALECTIC OF DEVELOPMENT

Pozharskij S.D., Bober Zh.

Smolny Institution; Pushkin Leningrad State University

The problem of development is one of the main directions of philosophical thought from antiquity

to the present day. The modern philosophical doctrine as regards the theory of universal development and, in particular, the development of nature, society and man is moving to a new stage of knowledge about the development system complexity. In the course of new researches, a special concept of marginality became necessary and it was introduced into the scientific field by R.E. Park. The new categories of the marginality studies help to express the dialectical essence of the development concept in the field of marginal states and transitions, which make a part of the existence dialectic where the idea of ontological, epistemological and axiological features' presence is fixed and related to the extreme, borderline, marginal, transitional existence of any organism, the conscious and the mental world.

Thanks to new way of thinking and the rapid development of modern high technologies, we are living in the times of a new transition when the human capability makes a new leap beyond the planetary scales. However, understanding the dialectics of local "marginal mechanisms" within the general development system can help in the studies of such extremely and infinitely complex issues.

Keywords: Development, dialectic, categorical framework of marginality concept, enhancement, transgression.

References

1. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy: Textbook. Moscow: TC Velby, Prospect Publishing House, 2003. – 608 pages.
2. Bober Zh. Importance of marginality in socio-culture development. Journal of the development of science and education (academic journal), chief editor Kruchkova N.V., Moscow: Education science Publishing House, No. 4, 2014. – 271 pages, pp. 157–163.
3. Bober Zh. Cultural marginality and its place in the development of culture. Pushkin Leningrad State University Journal (academic journal), series Philosophy, editor Furshtatova V.L., St. Petersburg., No. 4, 2010 (Vol. 2). – 271 pages, pp. 136–143.
4. Bober, Zh. Marginality in the socio-culture system / Zhanna Bober, St. Petersburg.: Polytech-Press Publishing House, 2019. – 341 pages, p.264.
5. Bober, Zh. Approaches to study the problem of marginality. Tsarskoye Selo XV anniversary conference: Eurasian experience: culture-historical integration (academic con-

- ference proceedings), 19–21 April 2011, under general editorship of prof. Skvorcova V.N., St. Petersburg.: Pushkin Leningrad State University, 2011 (Vol. III). – 352 pages, pp.123–126.
6. Bober, Zh. Family development as an area of marginal manifestations of environments. Contemporary topics in economics and management (academic journal), chief editor Budagov A.S., St. Petersburg: State University of Aerospace Instrumentation, No. 2 (14). – 2017, 132 pages, pp. 102–114.
  7. Bober, Zh. Phenomenon of marginality: synergetic approach. Journal, ed. Titova, A. A., St. Petersburg, 2008. – 179 pages, pp. 98–105.
  8. Bosenko, V.A. The general theory of the development. 1st edn. Kiev, 2001. – 468 pages, pp. 10, 17–22, 126.
  9. Branskij V. P., Pozharskij S.D. Globalization and synergetic historicism. St. Petersburg: Polytechnic, 2004. – 400 pages, p.20.
  10. Volkova V.N. Emergence, synergy or convergence? Systems study in design and management (academic conference proceedings for XXI International training conference, 29–30 June 2017, part 1. Proceedings prepared by: Volkova V.N., Loginova A.V., Shirokova S.V., St. Petersburg.: Polytech-Press Publishing House, 2017. – 584 pages, p. 151.
  11. Hegel G.W. F. The Science of Logic, 3 books. Book 1, Moscow: Thought, 1970. – 501 page.
  12. Il'in V. V., Pozharskij S.D. Philosophy and acmeology. St. Petersburg: Polytechnic, 2003. – 395 pages, p.91.
  13. Lenin V.I. The philosophical notebooks. Complete works, vol.29. Moscow: Political literature Publishing House, 1969. – 629 pages, p. 79.
  14. Mozhejko, M.A. Transgression. History of philosophy (encyclopaedia), 2002. URL: <http://velikanov.ru/philosophy/transgressija.asp>
  15. Podoroga, V.A. Transgression and its limits. 2018. – URL: [<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH7c4c331d-98407f8b24187c>]
  16. Pozharskij, S.D. Acmeology is a philosophy of success. Ryazan: Kopi-Print, 2010. – 265 pages, pp.173, 158–230.
  17. Pozharskij, S. D., Bober, Zh. Ultimate development of modern acmeological concepts. Acmeology, 2018. Methodological and procedural problems. No. 31, edited by Kuzmina, N. V., Zharinova, E.N. St. Petersburg: Publishing House of the National University "Centre for Strategic Studies", 136 pages, pp. 106–117.
  18. Pozharskij, S. D., Bober, Zh. Problems of formation and development of philosophical studies of the category of "Marginality". Sociology, No. 1, section: Theory and history of science. Philosophical Anthropology. Philosophy of culture, chief editor Dobrenkov V.I., 2020, Moscow: Lomonosov Moscow State University, sociological faculty, 345 pages, pp. 221–231.
  19. Pozharskij, S. D., Bober, Zh. Formation of fundamental acmeology and the principle of marginality of acme and kate categories at the basis of the development process. Acmeology: theory, practice and development prospects. Monograph. Edited by Kuzmina, N. V., Zharinova, E.N. St. Petersburg: Publishing House of the National University "Centre for Strategic Studies", 2018–212 pages, pp. 32–48.
  20. Engels F. Dialectics of Nature. Marx, K., Engels F. Written works, 2nd ed., vol. 20, 1886. – pp. 343–626, p. 621.

Контекст формирования понятия солидарности в учении Сергея Гессена о социальном праве

Загирняк Михаил Юрьевич,

кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
E-mail: MZagirnyak@kantiana.ru

Сергей Гессен на основе аксиологии баденского неокантианства в 1920–1930-е годы разработал учение о социальном праве, в котором применил понятие солидарности. Это решение играет важнейшую роль в философии Гессена, поскольку он понимал социальное и культурное развитие как взаимообусловленный единый процесс. Поэтому солидарность – необходимое условие развития культуры. Солидарность в рамках учения о социальном праве – это цель развития общества, выполнение которой связано с достижением гармонии между жизнью отдельного человека и развитием общества и культуры в целом. Человек осознаёт себя свободным только если идентифицирует себя в качестве участника социальной целостности. Предпринятый анализ позволяет выявить, какие идеи и теории использовал философ, чтобы обосновать солидарность в рамках собственной аксиологической трактовки культурно-исторического развития.

Ключевые слова: солидарность, ценность, общество, индивид, социальное право.

Постановка проблемы

Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) – известный неокантианец дореволюционной России и после революции – Русского зарубежья. Собственные социально-философские и педагогические решения он выработал на основе теории ценностей своего учителя, баденского неокантианца Генриха Риккерта (Гессен пишет об этом: [7, с. 782]). Существенно переработав идеи учителя, Гессен связал эффективность культурно-исторического развития со свободой воли отдельных индивидов, проявляемой в социальных практиках (см. об. этом подробнее: [9, с. 70–73]). Социальное единство Гессен позиционировал как важнейшее условие существования и развития культуры [5, с. 200–201].

В 1920–30 гг. Гессен сформировал учение о социальном праве, в котором достижение социального единства связал с понятием *солидарности*. В этом исследовании я хотел бы проанализировать философский контекст формирования понятия солидарности, чтобы обосновать специфику трактовки этого термина в философии Гессена. Предварительно для выполнения этой цели необходимо решить последовательно две задачи: 1) раскрыть аксиологическую модель культурно-исторического развития; 2) выявить особенности бытия социума в философии Гессена.

Аксиологическое измерение культурно-исторического процесса

Для обоснования исторического процесса Гессен использует предложенное Риккертом противопоставление трансцендентных ценностей временной, изменяющейся культурной действительности. В собственной модели истории че-

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19–011–00927 «Концепт соборности в философии русского зарубежья: сравнительно-исторический анализ».

ловечества Риккерт противопоставляет вневременные ценности (*Wert*) временной, культурной действительности, существующей как комплекс благ (*Güter*) [12, с. 21–23]. Культура – это динамическое образование, которое существует как воплощение вневременных ценностей. Поскольку ценности содержательно бесконечны, то культура – это нескончаемый процесс раскрытия их содержания. Этот процесс происходит благодаря индивидуальным актам оценки (*Wertung*) [12, с. 27]. В акте оценки каждый индивид преодолевает естественный детерминизм и обретает свободу как участник формирования культуры. Открывая для себя ценности, индивиды идентифицируют себя как свободных существ в качестве соучастников развития культуры и, соответственно, элементов социальной целостности [11, с. 148]. Риккерт в теории ценности обосновал социальность как участие в формировании культуры, скореллировав социальное и культурное развитие в единый социокультурный процесс.

Принимая его теорию ценностей за основу собственных социально-философских построений, Гессен соглашался рассматривать свободу индивида в качестве важнейшего условия социокультурного развития. Однако вместо риккертских понятий ценности и блага Гессен начинает использовать «цель-задание» и «предание» [5, с. 155–157]. *Цель-задание* – это цель развития культуры. Её потенциал, так же, как и потенциал ценности в философии Риккерта, бесконечен [4, с. 33]. *Цели-задания* – это векторы развития, благодаря которым человек осознаёт культуру не как константу, а как процесс формирования *предания* – совокупности результатов воплощения целей-заданий [5, с. 156, 164]. Именно в *творчестве* отдельных индивидов формируется предание [2, с. 92–93] как воплощение целей-заданий. Каким же образом отдельные индивиды формируют не множество преданий, а одно, единое предание?

Специфика трактовки общества в философии Гессена

Гессен никогда не был сторонником социального атомизма. Социум – это не просто совокупность индивидов, но их единство как коллективного субъекта, объектом для которого является культура в целом. Понимание культурно-исторического развития как процесса воплощения целей-заданий позволило Гессену сформировать алгоритм идентификации индивида как участника социального целого. Чтобы осознать себя как свободное существо, индивид должен отказаться от индивидуальных интересов, шагнуть на сверхиндивидуальный уровень [2, с. 93–94].

Индивид занимается творчеством только как элемент социального целого. Только идентифицировав себя как участника социума, индивид обретает смысл жизни, получает возможность оценивать собственное прошлое и будущее, жизнь других людей, функционирование социальных образований, организаций и институтов, как и общества в целом. Временные перспективы возможны только как личные траектории в общей реализации целей-заданий – участие в формировании культурного содержания.

Гессен описывает формирование социального единства как формирование общей воли, которую он, в отличие от Ж.-Ж. Руссо, понимает как постоянный поиск оптимального взаимодействия индивидов, устроенного таким образом, чтобы каждый может максимально осуществить свою свободу воли как творчество [5, с. 200–201]. Трактовка общей воли обнажает критерий оценки социума: качество единения зависит от отсутствия препятствий для выражения свободы каждого индивида как соучастия в формировании предания (содержания культуры).

Все коллективные образования, организации и институты – это инструменты поддержания и улучшения взаимодействия индивидов. Предлагая сценарии и регламенты, социальные образования помогают индивидам ак-

туализировать себя в социокультурном пространстве, наполнить собственную жизнь смыслом. Каждый индивид, благодаря институтам, получает возможность так скомбинировать регламентации и алгоритмизации социальных практик, чтобы в их условиях наиболее полно актуализировать собственную свободу. Но чтобы социальные образования могли помогать индивидам сформировать собственные творческие траектории, необходимо изменить их правовой статус. Гессен считает, что наиболее эффективно эта задача решается в *социальном праве*.

Солидарность в учении Гессена о социальном праве

В 1920–30-е гг. Гессен связывает формирование и развитие социальных образований с правом. Он принимает допущение О. Эрлиха о том, что социальная практика уже представляет собой правовую ситуацию. [14, с. 94]. Используя разработки Л. Дюги [16, с. 22] и М. Вебера [1, с. 375], Гессен позиционирует проблему социального (и, соответственно, культурного) развития как правовой вопрос, и приходит к убеждению, что *социальное право* – это наилучший инструмент формирования социального единства, в котором каждый индивид может наиболее полно осуществить свою свободу – внести максимально возможный вклад в формирование предания [3, с. 424].

Определяя принципы социального права, Гессен ориентировался на достижения европейской социально-политической и философско-правовой мысли. Его привлекают решения анархо-синдикалистов: 1) Лягарделля [5, с. 338], отмечавшего значение производственных групп (синдикатов) в формировании правового государства [10, с. 124–125]; 2) Ж. Сореля [5, с. 346], описавшего значение борьбы социальных образований для развития права [13, с. 171]. Большое влияние на него оказали и идеи фабианства (гильдейского социализма) Дж. Коула и А. Пенти [5, с. 354, 363–366], предлагавших новую функциональность государства – координирование гильдей-

ской организации хозяйства и отказ от монополии правотворчества [15, р. 88; 17, р.70–71].

Разработки анархо-синдикализма и фабианства Гессен успешно соединяет с аксиологической моделью социокультурного развития. Он формирует идею социального права – права, которое, благодаря участию всех социальных образований в правотворчестве формируется социальная *целостность* [3, с. 424]. В условиях социального права все социальные образования могут участвовать в формировании права – предлагать регламентации социальных практик [3, с. 429]. Гессен предлагает пересмотреть функциональность государства: вместо правотворчества оно должно заниматься координацией правопорядков, порождаемых социальными образованиями [5, с. 394]. Без монополии государства на создание права спектр таких социальных образований (общностей, организаций, институтов) значительно возрастает, что создаёт гораздо больше возможностей для творческой самореализации индивидов [5, с. 395]. Значительные преобразования в праве приводят к формированию *солидарности* [6, с. 81–82]. Этому способствует именно социальное право, т.к. каждый индивид находит социальные образования, которые позволяют ему наиболее эффективно реализовать собственный творческий потенциал (см. об этом: [8, с. 124].

Участвуя в формировании предания (культурного содержания), отдельный индивид идентифицирует себя как часть социума в целом, определяет своё место и собственное значение в культурной и общественной жизни. Через систему собственных идентификаций в социальных образованиях индивид не только реализует собственную свободу как творчество, но и получает максимально эффективно выстраивает систему взаимоотношений с другими индивидами. Индивид, который знает свою роль и своё уникальное место в обществе, осознавая себя именно как его элемент, относится к другим индивидам тоже как к элементам социаль-

ного целого. Поэтому всех индивидов, с которыми возникает потребность взаимодействия, он осознаёт как соучастников формирования предания, вносящего свой уникальный вклад в содержание культуры.

Солидарность в учении Гессена о социальном праве – это состояние социума, в котором индивид осознаёт себя свободным только как участник социального целого, социума как социального субъекта, и как соучастник формирования культурного содержания.

Выводы

Развив идеи Риккерта, Гессен сформировал аксиологическую трактовку исторического процесса. Корреляция социального и культурного развития в единый социокультурный процесс позволила Гессену обосновать социальные образования как условия формирования содержания культуры. Позиционирование свободы воли индивида в качестве главного условия социокультурного развития сделало вопрос социального взаимодействия и единения главной проблемой в развитии культуры. Участвуя в воплощении целей-заданий, индивиды выбирают такие социальные образования, которые позволяют им наиболее полно выразить собственную свободу – наиболее эффективно поучаствовать в формировании культуры.

Социокультурная самоактуализация по мнению Гессена требует иного устройства общества, достижение которого возможно благодаря социальному праву, в условиях которого все социальные образования получает возможность формировать правовые регламентации (правопорядки) и в их рамках предлагать индивидам алгоритмы для творческой самореализации. Государство же приобретает новую функциональность – становится специальной организацией, координирующей множество правопорядков. Индивиды выбирают те правопорядки, которые позволяют им наиболее полно творчески самореализоваться – поучаствовать как элемент социального целого в во-

площении целей-заданий в предании. Социальное право таким образом способствует формированию социальной целостности, помогает каждому индивиду скоррелировать собственную деятельность с развитием культуры в целом и соответственно определить своё место в социуме как социальном субъекте. В философии Гессена социальное право наилучшим образом способствует формированию солидарности.

Синтезируя идеи европейской философской, социологической и политической мысли с принципами теории ценностей Риккерта, Гессен разработал аксиологическую версию солидарности.

Литература

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Власть и политика / пер. с нем. Б.М. Скуратова, А.Ф. Филиппова. М.: РИПОЛ классик, 2017. С. 327–410.
2. Гессен С.И. Идея нации // Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 78–105.
3. Гессен С.И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 421–435.
4. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
5. Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 147–542.
6. Гессен С.И. Современная демократия / пер. с пол. Н.В. Данилкиной // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 75–84.
7. Гессен С.И. Моё жизнеописание // Избранные сочинения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999 г. С. 723–782.
8. Загирняк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политоло-

- гия. 2019. № 47. С. 121–128. doi: 10.17223/1998863X/47/13.
9. Загирняк М.Ю. Понятие свободы воли в концепции культуры С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 4. С. 67–82. doi: 10.5922/0207–6918–2018–4–3
  10. Лягарделль Г. Революционный синдикализм. СПб: Шиповник, 1906. 127 с.
  11. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; Сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1998. С. 43–128.
  12. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; Сост. А.П. Полякова, М.М. Беляева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1998. С. 15–42.
  13. Сорель Ж. Размышления о насилии /пер. с франц. Б. Скуратова, В. Фриче; под ред. В. Акулова. – М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
  14. Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО Университетский издательский консорциум, 2011. 704 с.
  15. Cole G.D.H. Social Theory. – London: Methuen & Co. Ltd, 1920. 220 p.
  16. Duguit L. Objective Law. II // Columbia Law Review. 1921. Vol. 21, № 1. P. 17–34.
  17. Penty Arthur. The Restoration of the Guild System. – London: Swan Sonnenschein and Co., 1906. 103 p.

THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF SOLIDARITY IN THE SERGIUS HESSEN'S CONCEPTION OF SOCIAL LAW

Zagirnyak M. Yu.

Immanuel Kant Baltic Federal University

Sergius Hessen on the basis of the axiology of South-West neo-Kantianism in the 1920s and

1930s, developed the conception of social law, in which he applied the notion of solidarity. This decision plays an essential role in the philosophy of Hessen, because he understood social and cultural development as an interdependent single process. Therefore, solidarity is a necessary condition for the development of culture. Solidarity within the framework of the conception of social law is the goal of the development of society, the implementation of which is associated with the achievement of harmony between the life of an individual and the development of society and culture as a whole. A individual realizes his freedom only if he identifies himself as a participant in social whole. The analysis undertaken allows me to identify what ideas and theories the philosopher used to substantiate solidarity within the framework of his own axiological interpretation of cultural and historical development.

Keywords: solidarity, value, society, individual, social law.

References

1. Weber M. Basic Sociological Concepts // Weber M. Power and Politics / transl. from German by B.M. Scuratov, A.F. Filippov. – Moscow: RIPOL klassik, 2017. P. 327–410.
2. Hessen S.I. The Idea of Nation // Selected Writings. Moscow: ROSSPEN, 1999. pp. 78–105.
3. Hessen S.I. The Idea of Social Right // Sovremennye zapiski / Annales Contemporaines, Vol. 49, 1932. pp. 421–435.
4. Hessen S.I. Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy. Moscow: School-Press, 1995. 448 p.
5. Hessen S.I. State of Law and Socialism // Selected Writings. Moscow: ROSSPEN, 1999. pp. 147–542.
6. Hessen S.I. Modern Democracy (translated by N.V. Danilkina) // Kantian Journal, 1(39), 2012. pp. 75–84.
7. Hessen S.I. My Biography // // Selected Writings. Moscow: ROSSPEN, 1999. pp. 723–782.
8. Zagirnyak M. Yu. Solidarity as an Instrument of the Institutionalization of Freedom in Sergius Hessen's Philosophy // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 47, 2019. pp. 121–128. <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/47/13>
9. Zagirnyak M. Yu. The Notion of Free Will in Sergey Hessen's Conception of Culture // Kantian Journal, 37(4), 2018. pp. 67–82. <http://dx.doi.org/10.5922/0207–6918–2018–4–3>

10. Lagardelle H. *Revolutionary Syndicalism*. St. Petersburg: Rosehip, 1906. 127 p.
11. Rickert H. *Natural Sciences and Cultural Sciences* // Rickert H. *Natural Sciences and Cultural Sciences*: Transl. from German / Edit and Preface by A.F. Zotov; Composit. by A.P. Polyakov, M.M. Belyaeva; Notes by R.K. Medvedeva. – Moscow: Republica, 1998. pp. 43–128.
12. Rickert H. *About the Notion of Philosophy* // Rickert H. *Natural Sciences and Cultural Sciences*: Transl. from German / Edit and Preface by A.F. Zotov; Composit. by A.P. Polyakov, M.M. Belyaeva; Notes by R.K. Medvedeva. – Moscow: Republica, 1998. pp. 15–42.
13. Sorel G. *Reflections on Violence* / Transl. from French by B. Scuratov, V. Friche, Edit. by V. Akulov. – Moscow: Falanster, 2013. 293 p.
14. Ehrlich E. *Foundations of the Sociology of Law* / Transl. from German by M.V. Antonov; Edit. by V.N. Grafskiy, Yu.N. Grevtsov. – St. Petersburg: University Publishing Consortium LLC, 2011. 704 p.
15. Cole G.D.H. *Social Theory*. – London: Methuen & Co. Ltd, 1920. 220 p.
16. Duguit L. *Objective Law. II* // *Columbia Law Review*. 1921. Vol. 21, № 1. P. 17–34.
17. Penty Arthur. *The Restoration of the Gild System*. – London: Swan Sonnenschein and Co., 1906. 103 p.

Становление «Нового атеизма»: предпосылки возникновения

Камалдинов Алексей Вячеславович,

аспирант, кафедра истории религии и теологии,
Институт истории и социальных наук, Российский
государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
E-mail: aleksej.kamaldinov.93@mail.ru

Во второй половине XX века западное общество столкнулось с рядом вызовов, одним из которых стало становление постсекулярной картины мира. Одним из феноменов, порожденных данной тенденцией, стал так называемый «Новый атеизм». В данной статье рассматриваются предпосылки его становления, благодаря которым был сформирован контекст, в котором деятели и сторонники «Нового атеизма», несмотря на его философскую несостоятельность, могут относительно уверенно вести свою деятельность. Рассматриваются такие явления, как «абсентизм», связка «фундаментализм-модернизм», радикальный ислам, маргинальный протестантизм, возникновение которых опровергает ранее существовавшие теории о секуляризации. В конечном счете, автор приходит к выводу, что «Новый атеизм» носит преимущественно медийный характер, отвечая на наиболее радикальные тенденции религиозного дискурса в современном обществе.

Ключевые слова: «новый атеизм», абсентизм, диспенсационализм, доминионизм, фундаментализм, модернизм, постсекуляризм.

«Новый атеизм» – условное определение системы взглядов некоторых современных публицистов и ученых, в основе которой лежит отрицание какой-либо сверхъестественной реальности, а также положение об иррациональной природе религиозности и религиозной веры, противоречащей научному мировоззрению. Данное движение возникло в середине 2000-х гг. в англоязычных странах. Основными деятелями «Нового атеизма» считаются так называемые «4 всадника атеизма»: биолог-эволюционист Ричард Докинз, журналист и публицист Кристофер Хитченс, философ Дэниел Деннет и научный публицист Сэм Харрис.

Многие исследователи и критики «Нового атеизма» подчеркивали его идейную вторичность и абсолютную философскую несостоятельность[9]. Новизна и ценность «Нового атеизма» как течения религиозного свободомыслия, по мнению автора, обусловлена спецификой и контекстом его зарождения и становления.

Следует отметить, что, прежде всего, «Новый атеизм» существует в русле такого общественного феномена как «постсекуляризм». Постсекулярное состояние мира проявилось после теракта 11 сентября 2001 года, поскольку именно тогда стало ясно, что светская цивилизация является чисто локальным феноменом[11]. В результате западные лидеры стали придерживаться мультикультурализма в понимании глобализации.

Одной из причин краха чисто светского общества стало явление абсентизма, которое, по мнению Ю. Хабермаса, характеризует секулярный морально-нравственный и аксиологический ландшафт современной запад-

ной цивилизации. Светская мораль и картина мира представляют собой, в некотором смысле, эмансипированную, или даже кастрированную религию. Ю. Хабермас утверждал, что такие привычно светские понятия, как независимость, индивидуальность, свобода, солидарность, вдохновение родились в недрах религий. Попытка оторвать эти понятия от своих корней приводит к победе светской морали, однако светская мораль «... не укоренена в общих практиках, и поэтому нам не хватает импульса к солидарности» [11].

Социолог Питер Бергер, некогда сторонник теории секуляризации, в начале XXI века обратил внимание на необратимые изменения социального климата в западных странах. Секулярная эпоха Современности, по его мнению, погружает людей в трудное экзистенциальное состояние. Поэтому «любое движение (необязательно религиозное), которое обещает дать или восстановить определенность, пользуется широким спросом». Бергер сделал вывод, что современный мир «столь же яростно религиозен, как и всегда... и меньше всего похож на предсказанный секуляризованный мир» [11].

Таким образом, возникает некое сочетание религиозного и светского мировоззрения. Религия возвращается в общество, но при этом сам контекст ее возвращения и среда, в которую она сегодня входит, созданы в эпоху секулярности. Это, по мнению религиоведа Д. Узланера, означает гибель как религии в традиционном понимании, так и светской морали [10]. Это заметно на примере нескольких явлений: метаморфозы ислама в XX веке, его излишний фундаментализм и претензии на универсальность, также упомянутая феминисткой Анетт Бейер «Троица светского общества» [11] («доверие, нравственная амбиция и социальная надежда») и пр.

Кроме этого, «Новый атеизм» вписывается в концепцию «гиперреальности» французского философа Жана Бодрийера. Кандидат философских наук Фазлеева Р.Р., ссылаясь на рели-

гиоведа А. Никсона, пишет, что «... современный атеизм представляет собой гиперреальную разновидность Науки» [12]. Достижения науки в обществе потребления также становятся предметами потребления. Представления обывателей о науке являются гиперреальными, потому что люди легко очаровываются яркими научными открытиями, потребляя их вне контекста и без всяких научных подробностей. В таких условиях различные популяризаторы науки, например, Р. Докинз или Н.Д. Тайсон, создавая доступные образы научной картины мира, лишь способствуют заключению обывателей в пределах гиперреальности, придавая ей космологический смысл.

Современный атеизм, по мнению Фазлеевой, дает людям чувство «онтологической безопасности» [12], поскольку он предлагает картину мира и морали, подходящую мышлению обывателя, пребывающего в либерально-капиталистическом дискурсе. Тем же самым в постсекулярном мире, которому не хватает надежных оснований, занимается и гиперреальная религия. Таким образом, люди заточены в симуляциях смысла, что заставляет их примыкать к радикализму ради достижения внутреннего чувства собственной искренности.

Здесь, в свою очередь, проявляется хорошо исследованная религиоведом Д.А. Головушкиным связка фундаментализм/модернизм, в которой эти два противоборствующих явления порождают друг друга. Модернизм предлагает обновление через возвращение к корням, а фундаментализм порождается излишним модернизмом. При этом фундаментализм обладает огромной способностью к адаптации. Директор Лондонской школы экономики Э. Гидденс писал: «Именно христианские фундаменталисты в США впервые использовали телевидение как средство пропаганды <...>, а после них уже исламские фундаменталисты стали использовать интернет и другие современные технологии для осуществления своих целей» [5].

Таким образом, постсекуляризм породил различные маргинальные и часто деструктивные формы светского и религиозного. Отчасти это связано с тем, что религия, как участник процесса глобализации, вынуждена универсализироваться и редуцироваться, отказываясь от своих культурных атрибутов, превращаясь в идеологию. Маргинализация вульгарных форм вероисповедания является очень сильным фактором, породившим «Новый атеизм» и сопутствующие формы религиозного свободомыслия.

В современном американском протестантизме крайне сильно направление диспенсационализма. История мира, согласно этой концепции, разделена на 7 периодов, или диспенсаций. Окончание последней диспенсации – это описанный в Апокалипсисе Армагеддон, во время которого праведники будут спасены путем буквального Вознесения на небеса. В 1940-х гг в связи с испытанием ядерного оружия и основанием государства Израиль влияние диспенсационалистов усилилось. Данное направление приняло форму «ядерного диспенсационализма» или «теологии Армагеддона» [2]. Как пишет Грейс Холзелл в своей книге «Пророчества и политика: Воинствующие евангелисты на тропе ядерной войны»: «Иисус, согласно Линдси, «обратит в пустыню» Землю и сожжет ее жителей. Когда Великая война достигнет своей кульминации, и почти все люди будут убиты, настанет Великий момент: Иисус спасет человечество от полного уничтожения, сохранив горстку верных ему людей. В этот час уцелевшие в бойне иудеи будут обращены в христианство» [7].

Крайне близким к диспенсационализму течением радикальной христианской мысли в США является доминионизм, который появился в 80-х гг XX века в качестве реакции, помимо прочего, на последствия Иранской революции 1979 года. Протестанты, признающие идеи доминионизма, считают себя потомками Адама, во владение которым отдана вся Земля. В целом, доминионисты верят, что, когда они достигнут сво-

их целей, наступит конец света и состоится Второе Пришествие [14]. «Царство Божие» в их учении понимается как государство, образцом для которого служит Ветхозаветный Израиль, возглавляемое пророками и судьями. Такое теократическое государство с божьего дозволения обяzano силой навязывать свой порядок на весь мир. «Подлинный американизм», по их мнению, изначально представлял собой теократию, однако был искажен под влиянием идеалов Просвещения и масонства. Ю. Камарганов отмечал, что доминионисты, защищая Америку от шариата, предлагают вариант христианского шариата [6].

Эти крайне радикальные течения христианской религии, буквально мечтающие о конце света, очень глубоко проникли в общественно-политическую жизнь американского общества. В доминионистском духе написана книга «Предопределенная история Америки», которая является стандартным учебником по американской истории для христианских школ. Среди известных доминионистов можно назвать бывшего губернатора Аляски Сару Пейлин, кандидата от республиканской партии на президентских выборах 2016 года Теда Круза, психолог Пол Кэмерон, лидер «Коалиции традиционных ценностей», который лоббирует прекращение всех государственных программ по борьбе с ВИЧ-инфекцией, миллиардеры братья Уилксы, политик Дик Чейни, генерал-лейтенант Уильям Бойкин и прочие. Под контролем сторонников доминионизма находятся также 6 национальных телевизионных сетей и более 2000 религиозных радиостанций страны [4].

Диспенсационализм также крайне популярен среди американской общественности. Проведенный в 1976 году институтом Гэллага опрос общественного мнения показал, что 34% американцев старше 18 лет считали себя «рожденными заново». Приверженцами диспенсационализма были президенты США Джимми Картер, Рональд Рейган и Джордж Буш, политик Дональд Рамсфельд [14].

В конечном счете, ненависть к исламу и принятие Ветхого Завета в качестве высочайшего авторитета привела к тому, что правые христиане, придерживающиеся диспенсационализма и доминионизма, стали активными сионистами. Алан Браунфильд, председатель Американского совета по иудаизму (организации, созданной раввинами-реформаторами), признавал: «Связи между христианским фундаментализмом в США и еврейским фундаментализмом в Израиле укрепляются очень быстро, с потенциально серьезными последствиями для ближневосточной политики США и для населения этого проблемного региона» [7].

Помимо этого, существуют также течения протестантизма, поддерживающие беспощадный капитализм. Это так называемое «Евангелие процветания», которое также ведет свои корни от кальвинизма. Оно проповедует, что «...Иисус хочет, чтобы мы были богатыми и могущественными, а государство должно уйти с дороги». Такие крупные корпорации, как TYSON Foods, Purdue, Wal-Mart и Sam's Wholesale нанимают на работу евангельских капелланов для повышения мотивации среди работников и, таким образом, становятся спонсорами фундаменталистских движений [14].

Таким образом, западный, а особенно англоязычный, медийный и публицистический дискурс наполнен проповедями сторонников маргинальной религиозности и духовности, что в условиях слабости либо отсутствия сильных традиционных конфессий вызывает к жизни другие формы борьбы с обскурантизмом, одной из которых и стал «Новый атеизм».

Следует также отметить, что организационной частью «Нового атеизма» является исламофобия, и она также может проистекать из контекста его возникновения. Политика западных стран в отношении стран Ближнего Востока заложила основы для цивилизационного конфликта. Ислам очень сильно изменился в XX веке благодаря двум ключевым событиям: основание государства Израиль в 1947 году и Иранская рево-

люция 1979 года. Данные события способствовали складыванию исламского фундаментализма как универсального, постсекулярного явления. Также, уже в рамках жесткого фундаментализма, сложились маргинальные группы, занимающиеся, в частности, террористической деятельностью (джихадом) и пропагандой исламского учения.

Значительное количество группировок и течений исламского фундаментализма исповедуют антиамериканизм и в целом неприятие западного образа жизни. Мулла Омар Мухаммед в одном из интервью говорил о внешней политике США следующее: «Америка контролирует правительства исламских государств. Люди хотят следовать исламу, но правительства не слушают их, потому что находятся в тисках США. Если кто-либо следует пути ислама, правительство арестовывает его, пытается или убивает. Это рука Америки. Если она прекратит поддерживать такие правительства и предоставит народ самому себе, подобные вещи перестанут случаться. Америка создала то зло, которое наступает на нас. Это зло не исчезнет, даже если умру я, и Усама, и прочие. США должны уступить и пересмотреть свою политику. Они должны прекратить попытки распространять свое владычество на остальной мир, особенно на исламские страны» [3].

Теракт 11 сентября 2001 года оказал колоссальное влияние на состояние американского общества. Деятели «Нового атеизма» не раз отмечали, что данное мероприятие побудило их к созданию подобного движения, например, Сэм Харрис и Кристофер Хитченс. Мнение различных исследователей «Нового атеизма» можно подытожить следующей цитатой политического обозревателя Люка Сэвиджа: «Просто невозможно представить коммерческий и интеллектуальный успех проекта «Новый атеизм» в мире до 11 сентября, где не было растущих антимусульманских настроений в западных обществах или неоконсервативной геополитики» [16].

Последовавшие за этим событием войны в Афганистане и Ираке ста-

ли причиной межкультурных столкновений между сторонниками толерантности и гуманизма с более консервативными представителями общества, а также между сторонниками экспансии демократической системы по всему миру и изоляционистами. При этом, будучи постмодернистскими феноменами, данные тенденции проявили себя крайне неожиданно: например, «новые атеисты», позиционируя себя в качестве защитников гуманистического и либерального наследия западной цивилизации, поддержали захватнические войны западных коалиций на Ближнем Востоке, а их более левые противники, дистанцировавшиеся от взрастившей их цивилизации как от порождения нетолерантных и заикленных на собственной идентичности деятелей, принялись защищать традиционную культуру арабских стран, которая, при этом, категорически их не признает. «Новый атеизм», по мнению журналиста Эда Веста, стал ответом на культурный релятивизм, который пришел вслед за мультикультурализмом, которым западные державы пытались разрешить нарастающие конфликты [16].

Не последнюю роль в развитии «Нового атеизма» играют также информационные технологии, особенно Интернет. Дэвид Силверман, президент ассоциации Американских атеистов, вообще называл Интернет основным фактором популярности «Нового атеизма» [9]. Также, «Новый атеизм» удачно коммерциализировался, смешавшись с движением популяризации науки.

Таким образом, «Новый атеизм», являясь в некоторой мере медийным проектом, демонстрирует тенденции, которым противостоит. Здесь можно согласиться с мнением религиоведа Резы Аслана, который говорил о «мускульной форме атеизма» в противовес «мускульному христианскому протестантизму» [13]. «Новый атеизм» не осознает, что противостоит маргинальной религиозности: не исламу как таковому, а мусульманскому радикализму, просочившемуся в медиа-сферу и пу-

гающему обывателя; не сущности христианства, а фундаментализму, который у всех на слуху и который создает иллюзию всеобщей поддержки; не религии как многогранному феномену, а вульгарному обскурантизму, описанному еще в трудах деятелей Просвещения, у которых «новые атеисты» отчасти и заимствуют риторику. Неспособность деятелей «Нового атеизма» распознать данную проблему не позволяет движению претендовать на какую-либо философскую состоятельность.

Литература

1. Аллах не любит Америку: антология/ под общей редакцией А. Парфрея/ А. Парфрей и др; [пер с английского]. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
2. Культура времен Апокалипсиса: антология/ под общей редакцией А. Парфрея/ А. Парфрей и др; [пер с английского А. Ведюшкина и др.] – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. – 600 с.
3. Запрещенный голос Америки/ Текст: непосредственный// Аллах не любит Америку: антология/ под общей редакцией А. Парфрея/ А. Парфрей и др; [пер. С. Кормильцева]. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. – С. 405–409.
4. Бьернсон, Г. Тед Круз и теология зла/ Г. Бьернсон. – Текст: электронный// Katehon: [сайт]. – 2016. – 6 апреля. – URL: <https://katehon.com/ru/article/ted-kruz-i-teologiya-zla> (дата обращения: 19.03.2020).
5. Головушкин, Д.А. Религиозный фундаментализм/ Религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? / Д.А. Головушкин. – Текст: электронный// Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. – 2015. – № 1 (57). – С. 87–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-fundamentalizm-religioznyy-modernizm-kontseptualnye-protivniki-ili-ambivalentnye-fenomeny/viewer> (дата обращения: 19.03.2020).

6. Каграманов, Ю. Религиозные войны XXI века: ваххабиты и доминионисты в битве за будущее? / Ю. Каграманов. – Текст: электронный// Русская Идея: [сайт]. – 2017. – 15 февраля. – URL: <https://politconservatism.ru/articles/religioznye-voynu-xxi-veka-vahhabity-i-dominionisty-v-bitve-za-budushhee> (дата обращения: 19.03.2020).
7. Крупи, Г. Правые христиане, сионизм и наступление Пентехолокоста/ Г. Крупи. – Текст: непосредственный// Культура времен Апокалипсиса: антология/ под общей редакцией А. Парфрея/ А. Парфрей и др; [пер с английского Т. Давыдовой]. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2003. – С. 97–113.
8. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотика религиозных коммуникативных систем: дискурсы смыслов. – М.: Директ-Медиа, 2015.
9. Слепцова, В. В. «Новый атеизм» как феномен современного западного свободомыслия: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: специальность: 09.00.14 – философия религии и религиоведение: защищена 24.05.2016 / В.В. Слепцова, научный руководитель З.А. Тажурзина; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». – Москва, 2016. – 123 л.
10. Узланер, Д.А. Картография постсекулярного/ Д.А. Узланер. – Текст: электронный// Отечественные записки. – 2013. – № 1 (52). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 19.03.2020).
11. Уотсон, П. Эпоха пустоты. Как люди начали жить без Бога, чем заменили религию и что из всего этого вышло/ П. Уотсон; [перевод с английского М. Завалова и Н. Холмогоровой] – Москва: Эксмо, 2017. – 784 с.
12. Фазлеева, Р.Р. Гиперреальная религия и гиперреальный атеизм как новые формы существования в пространстве знаково-символического потребления/ Р.Р. Фазлеева. – Текст: электронный// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6 (68). – С. 197–199. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperrealnaya-religiya-i-giperrealny-ateizm-kak-novye-formy-suschestvovaniya-v-prostranstve-znakovo-simvolicheskogo-potrebleniya/viewer>(дата обращения: 19.03.2020).
13. Aslan, R. Reza Aslan: Sam Harris and “New Atheists” aren’t new, aren’t even atheists/ R. Aslan. – Текст: электронный//Salon: [сайт]. – 2014. – 21 ноября. – URL: https://www.salon.com/2014/11/21/reza_aslan_sam_harris_and_new_atheists_arent_new_arent_even_atheists/(дата обращения: 23.03.2020).
14. Hedges, C. American Fascists: The Christian Right and the War on America/ C. Hedges. – Free Press, 2008. – 274 pp.
15. Leslie, S. Dominionism and the Rise of Christian Imperialism/ S. Leslie. – Текст: электронный//Discernment-Ministries Inc.: [сайт]. –URL: <http://www.discernment-ministries.org/ChristianImperialism.htm>(дата обращения: 18.03.2020).
16. Savage, L. New Atheism, Old Empire/ L. Savage. – Текст: электронный// Jacobin: [сайт]. – 2014. – 12 февраля. – URL: <https://www.jacobinmag.com/2014/12/new-atheism-old-empire/> (дата обращения: 17.03.2020).

FORMATION OF “NEW ATHEISM”: PRECONDITIONS FOR ITS EMERGENCE

Kamaldinov A.V.

State Pedagogical University of Russia

In the second half of the 20th century, Western society faced a number of challenges, one

of which was the emergence of a post-secular picture of the world. One of the phenomena generated by this trend is the so-called “New Atheism”. This article examines the prerequisites for its formation, thanks to which a context was formed in which the figures and supporters of the “New Atheism”, despite its philosophical inconsistency, can relatively confidently conduct their activities. The author examines such phenomena as “absintheism”, the link between “fundamentalism-modernism”, radical Islam, marginal Protestantism, the emergence of which refutes the previously existing theories of secularization. Ultimately, the author comes to the conclusion that “New Atheism” is predominantly media in nature, responding to the most radical tendencies of religious discourse in modern society.

Keywords: “New atheism”, absintheism, dispensationalism, dominionism, fundamentalism, modernism, post-secularism.

References

1. Allah does not love America: an anthology / edited by A. Parfrey / A. Parfrey and others; [lane from English]. – Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2003. – 432 p.
2. Culture of the times of the Apocalypse: anthology / edited by A. Parfrey / A. Parfrey and others; [lane from English A. Vedyushkina and others] – Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2004. – 600 p.
3. The forbidden voice of America / Text: direct // Allah does not love America: anthology / edited by A. Parfrey / A. Parfrey and others; [trans. S. Kormiltseva]. – Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2003. – S. 405–409.
4. Bjornson, G. Ted Cruz and the theology of evil / G. Bjornson. – Text: electronic // Katehon: [site]. – 2016. – April 6. – URL: <https://katehon.com/ru/article/ted-kruz-i-teologiya-zla> (date of access: 03/19/2020).
5. Golovushkin, D.A. Religious fundamentalism / Religious modernism: conceptual opponents or ambivalent phenomena? / D.A. Golovushkin. – Text: electronic // Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious studies. – 2015. – No. 1 (57). – FROM. 87–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-fundamentalizm-religioznyy-modernizm-kontseptualnyeprotivniki-ili-ambivalentnyefenomeny/viewer> (date accessed: 19.03).
6. Kagramanov, Y. Religious wars of the XXI century: Wahhabis and dominionists in the battle for the future? / Y. Kagramanov. – Text: electronic // Russian Idea: [site]. – 2017. – February 15. – URL: <https://polit-conservatism.ru/articles/religioznye-vojnnyxxi-veka-vahhabity-i-dominionisty-v-bitveza-budushhee> (date accessed: 03/19/2020).
7. Krupi, G. Right Christians, Zionism and the Penteholocaust offensive / G. Krupi. – Text: direct // Culture of the times of the Apocalypse: anthology / edited by A. Parfrey / A. Parfrey and others; [translated from English by T. Davydova]. – Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2003. – P. 97–113.
8. Lebedev V. Yu., Prilutsky AM Semiotics of religious communication systems: discourses of meanings. – M.: Direct-Media, 2015.
9. Sleptsova, V. V. “New atheism” as a phenomenon of modern Western free-thinking: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences: specialty: 09.00.14 – philosophy of religion and religious studies: defended 05.24.2016 / V.V. Sleptsova, scientific head Z.A. Tazhurizina; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”. – Moscow, 2016. – 123 p.
10. Uzlener, D.A. Cartography of the post-secular / D.A. Uzlener. – Text: electronic // Notes of the Fatherland. – 2013. – No. 1 (52). – URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (date of access: 19.03.2020).
11. Watson, P. The Age of Emptiness. How people began to live without God, how they replaced religion and what came of it all / P. Watson; [translated from English by M. Zavalov and N. Kholmogorova] – Moscow: Eksmo, 2017. – 784 p.
12. Fazleeva, RR Hyperreal religion and hyperreal atheism as new forms of existence in the space of sign-symbolic consumption / RR Fazleeva. – Text: electronic // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – 2016. – No. 6 (68). – S. 197–199. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperrealnaya-religiya-i-giperrealnyy-ateizm-kak-novye-formy-suschestvovaniya-v-prostranstve-znakovosimvolicheskogo-potrebleniya/viewer> (date accessed: 03/19/2020).
13. Aslan, R. Reza Aslan: Sam Harris and “New Atheists” aren’t new, aren’t even atheists / R. Aslan. – Text: electronic // Salon: [site]. – 2014. – November 21. – URL: https://www.salon.com/2014/11/21/reza_aslan_sam_harris_and_new_atheists_arent_

- new_arent_even_atheists/ (date accessed: 03/23/2020).
14. Hedges, C. American Fascists: The Christian Right and the War on America / C. Hedges. – Free Press, 2008. – 274 pp.
  15. Leslie, S. Dominionism and the Rise of Christian Imperialism / S. Leslie. – Text: electronic // Discernment-Ministries Inc.: [site]. –URL: <http://www.discernment-ministries.org/ChristianImperialism.htm> (date accessed: March 18, 2020).
  16. Savage, L. New Atheism, Old Empire / L. Savage. – Text: electronic // Jacobin: [site]. – 2014. – February 12. – URL: <https://www.jacobinmag.com/2014/12/new-atheism-old-empire/> (date accessed: 03/17/2020).

Трансформации жизненного мира человека в контексте технологической эволюции

Коломейцев Иван Владимирович,

ассистент, кафедра общественных наук, ФГАОУ
ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»
E-mail: kolomeicevi@yahoo.com

Статья посвящена актуальной проблеме философии познания, связанной с анализом условий развития глобального мира на основе технологического прогресса. Акцентируется экосистемный характер ограничений в развитии общества. Актуальность обращения к данной теме вызвана обострением проблемы безопасности техносферных процессов. Экосистемный подход в контексте устойчивого развития техносферы подчеркивает глобальную связанность природных, культурных и социотехнических систем. В задачи статьи входит выявление матрицы устойчивого развития глобального мира, анализ социоприродных границ в моделях будущего. Сравнительно-исторический анализ эволюции технологического уклада ведется в рамках системной методологии. Представлен компаративный анализ интерпретаций экосистемных моделей и тенденций глобального развития. Исследование факторов технологической эволюции в исторической перспективе позволяет прогнозировать демографические и социальные риски в связи с антропогенным давлением на природные условия Земли. В заключение подчеркивается, что экосистемное моделирование выступает инструментом регулирования безопасности техносферы.

Ключевые слова: технический прогресс, промышленные революции, техноулад, экосистема, социо-природные границы, ограничения, социальные риски

Введение

В разработке современного научно-философского миропонимания исследование проблем технологического развития в исторической перспективе и ретроспективе представляет интерес для комплекса философских направлений, связанных с прогнозированием о условия существования и развития общества. Интенсивное развитие техносферы в современном мире образует своеобразную инфраструктуру жизненного мира человечества, которая модифицирует экологические и социальные условия жизни. В этой связи сравнительный анализ экосистемных концепций технологических укладов и промышленных революций представляется актуальной задачей теории познания.

Перспективам техногенной и информационной цивилизации посвящены различные концепции технологического развития. Западные исследователи придерживаются теории промышленных революций. Данный термин начинает вводиться в научный оборот с конца XIX века в исследованиях перехода от аграрной (основанной на ручном труде) к индустриальной экономике (машинное производство).

Термин «Промышленная революция» может быть рассмотрен в двух различных аспектах. В историческом, рассматривая как событие или цепочку событий, ограниченных определенными временными рамками в отдельном государстве или в целом регионе. В результате была сформирована технологическая основа промышленности. Историческая трактовка применяется чаще всего при рассмотрении процессов в странах Западной Европы. Мы же считаем, что с точки зрения философ-

ской науки правильнее рассматривать Промышленную революцию как важнейший мировой глобальный процесс, характеризующийся развитием техногенной цивилизации, оказавший и продолжающий свое влияние на различные макрорегионы с разной силой и в различные сроки (разница может измеряться сотнями лет).

В отечественных междисциплинарных исследованиях разрабатывается теория технологических укладов, предложенная С.Ю. Глазьевым и Д.С. Львовым. [1] Технологический уклад соотносится с совокупностью «сопряженных производств (взаимосвязанных технологических цепей), имеющих единый технический уровень и рассматриваемых как некая структурная подсистема экономической системы – альтернативная по отношению к таким системам как отрасли. Производства, входящие в один технологический уклад, вследствие их сопряженности развиваются синхронно: изменения в одном из элементов технологического уклада вызывают изменения в остальных. Смена доминирующих в экономике технологических укладов предопределяет, по мнению авторов, неравномерный ход научно-технического прогресса». [9, с. 363]

Оба подхода подчеркивают момент смены периода технологического развития, который фиксируется в появлении «ключевых» или «критических» технологий, повлекших скачкообразное развитие (или даже появление новых) отраслей производственной и иных видов деятельности. По нашему мнению, для характеристики такой ситуации необходимо дополнительно использовать понятие, *технологический сдвиг*. Американский философ и социолог Рэндалл Коллинз (Randall Collins) определяет технологический сдвиг как «механизм, посредством которого инновации в области организации и технического оборудования сокращают трудозатраты, таким образом позволяя меньшему количеству наёмных рабочих производить больше с меньшими затратами. Маркс и Энгельс утверждали,

что капиталисты стремятся увеличить прибыль, соревнуясь друг с другом; те, кто не справляется с этой задачей, выводятся с рынка. Но по мере того, как трудосберегающее оборудование замещает работников, растёт безработица и падает потребительский спрос. Технологизация сулит достаток, но продукцию, которую можно будет произвести, не удастся продать, потому что слишком мало людей имеют достаточный доход, чтобы её купить. Экстраполируя эту основополагающую структурную тенденцию, Маркс и Энгельс предсказали падение капитализма и его замену социализмом». [8, с. 197]

Задачей исследования является отнесение критериев прогресса и целевых установок в анализе 4х промышленных революций, сравнительная характеристика глобальных и социальных следствий в эволюции технологических укладов в контексте экосистемного подхода, выявление факторов, определяющих риски и границы развития техносферы.

Обзор литературы

В произведении К. Шваба «Четвертая промышленная революция» базовой целевой характеристикой трех прошедших промышленных революций является тенденция к снижению трудовых и временных затрат, чтобы технологии «давали нам возможности личного развития.» [4, с. 159]. Синтез технологий и их взаимодействие в физических, цифровых и биологических доменах составляют фундаментальное отличие 4й промышленной революции [4, с. 18.]. В ее основе лежит «Индустрия 4.0», (термин, введенный в оборот на Ганноверской ярмарке в 2011 году), которая представляет собой глобальное взаимодействие виртуального и физического производства, когда большие объемы и циклы производственных процессов не будут требовать участия человека.

Ценностные ориентиры и критерии прогресса в концепции К. Шваба

Клаус Шваб без сомнения является сторонником скорейшего и всеобъемлюще-

го внедрения в умы человечества мысли светлом будущем на основе новейших технологий. В качестве целевой установки прогресса автор видит извлечение выгоды и минимизацию рисков. «В настоящее время власть должна обеспечить процветание для инноваций при этом минимизировать риски» [4, с. 119]. Помимо целевых установок Шваб декларирует ценностные установки прогресса: коллективная ответственность за судьбу человечества, расширение возможностей и прав человека, неприкосновенность частной жизни, уровень жизни, интересы человека (при принятии всех решений ставить превыше всего), необходимость установления моральных и этических границ допустимых изменений (младенцы на заказ и т.п.).

Для оценки последствий новой технологической реальности Шваб выделяет следующие экосистемные параметры:

- 1) Характеристики управленческих систем. Произойдет глубинное изменение моделей управления. Управленческие системы носителями которых являются традиционные институты власти потеряют былую роль. Произойдет ее эволюция, сформируются качественно новые модели с обновленным функционалом. Уже сейчас мы являемся свидетелями кризиса власти на фоне повышения информированности населения растут требования к качеству и уровню оказываемых сервисных государственных услуг. Все это происходит на фоне того, что количество источников и объем поступающей информации для лиц, принимающих решения, нарастает в геометрической прогрессии. Шваб полагает, что необходимо «...создать нормативную и законодательную экосистему, которая позволит вырабатывать более устойчивые юридические структуры» [4, с. 118];
- 2) Характеристики образовательной среды: виды и уровни образования, уровень образованности в обществе формирующий инновационную среду, уровень просвещённости/не-

просвещённости в сфере технологий, осознанное желание использовать технические возможности, привычки. Именно уровень образованности в обществе определяет степень осознания обществом масштабов наступающих процессов, и как позже следует из последующих глав – готовности принимать новую реальность. Для этого необходимо проявлять «гибкость мышления и «моральный интеллект». Коллаборация и сотрудничество будет невозможна если замыкаться в рамках обособленно-закостенелого мышления. «По этой причине именно дефицит компетентных кадров, а не наличие капитала будет являться сдерживающим ограничением для инноваций, конкурентоспособности и роста» [4, с. 76]. Получение максимальных благ человечеством от процессов 4й промышленной революции возможно только при глубокой степени осознания и принятия новой реальности широкими слоями населения.

Однако Клаус Шваб признает, наступившая революция еще более уникальна за счет беспрецедентного уровня таимых в ее природе угроз для человечества, а именно:

- 1) Экономика «по-требованию» изменит характер природы потребления, труда и трудовых отношений (произойдет угасание традиционных устоявшихся сфер и ниш, появление новых рынков) создаст «...массовую технологическую безработицу» [4, с. 64], повышение гендерного неравенства «...женщинам будет еще труднее эффективно использовать свои способности на будущем рынке труда» [4, с. 75]. Дальнейшее развитие мира «прекариата» лишено каких-либо прав и гарантий характерных для работников XX века;
- 2) Глубина текущих и перспективных изменений в сознании отдельного индивида: смена самого понятия «бытия личностью»: потенциальная деградация базовых качеств личности (способность к самоанализу, эм-

патии, состраданию), снижение способности к обучаемости иных навыков и компетенций характерных для традиционных несетевых коммуникаций;

- 3) Новая природа военной агрессии, основанная на применении всего многообразия технологий четвертой промышленной революции, кратно усиливающих степень воздействия, как традиционных, так и новейших видов оружия. Изменение критериев начала и самого наличия войны и сфер агрессивных действий. Достижения нейротехнологий делают мозг человека ареной боевых действий, расширяют возможности ведения информационных войн, благодаря пропаганде и контрпропаганде, ущемления прав и свобод граждан в различных государствах за счет их отстранения от принятия традиционных политических решений. Феномен «гражданина, наделённого возможностями / лишённого возможностей» [4 с. 157] заключается с одной стороны в расширении возможностей в сборе и поиске информации гражданами, с другой стороны в ограничении доступа групп и отдельных граждан к принятию решений и обсуждению и инициатив. «Правительства будут использовать сочетания технологий для подавления или притеснения деятельности организаций гражданского общества и групп лиц...», «сделали возможными формы слежения и другие средства контроля, не сочетающиеся с природой здорового и открытого общества» [4 с. 157]. Станет ли всемирная глобальная паутина полем противоборства условно демократических сил и аппарата подавления граждан и государства?

Таким образом, глубина текущих и перспективных негативных изменений в обществе, которая выражается в экономически и технологически выраженном неравном доступе к возможностям, грозит превзойти уровень стандартного социального неравен-

ства. Ключ к решению многообразия проблем и снижению уровня и количества угроз К. Шваб видит во внедрении «ценностно-ориентированного управления» [6, с. 51].

Ценностно-целевые ориентиры и критерии прогресса в концепции Г.Г. Малинецкого

В полемику с ключевыми тезисами автора «Четвертой промышленной революции» вступает Г.Г. Малинецкий, полагая такую интерпретацию происходящих в последние полвека перемен «введением в заблуждение». [Малинецкий с. 105]. Технократические образы будущего необходимо рассматривать в более широком ракурсе. «Путь, прочерченный экспертами Давоса и К. Швабом, прямоком ведет к «прозрачному миру» а затем и в мир матрицы» [Малинецкий с. 107]. Г.Г. Малинецкий предлагает иначе интерпретировать характер, происходящий процессов, например демонстрируя что производительность труда с повсеместным внедрением персональных компьютеров не только не повысилась, а в некоторых отраслях имеются случаи ее снижения. В связи с открытием невиданных доселе объемов информации системы управления должны обладать совершенно новыми качествами и характеристиками, чтобы справиться с «проблемой информационного потопа» [Малинецкий с. 109]. В качестве актуального примера автор приводит парадоксальные практики оранжевых революций последних десятилетий, когда руководство государств попадает в ситуацию «связанных рук», формально имея в своем арсенале все инструменты воздействия (армию и спецслужбы, государственные СМИ и т.п.), они не в состоянии справиться с людской массой, у которой на первоначальном этапе ничего нету. В истинности позиции автора, мы можем убедиться в наши дни изучив ленты информационных агентств посвященных ситуации, последовавшей за выборами Президента в Республики Беларусь. Решение управленческих проблем видится Г.Г. Малинецкому в создании «ситуационных центров», принцип

работы которых должен быть построен на организационно-деятельностных играх, идея которых родилась в методологическом кружке Г.П. Щедровицкого.

Ценностные критерии и ориентиры прогресса в концепции С. Хапрора

Третья точка зрения на грядущие перемены, которую мы бы хотели привести в нашей работе, принадлежит отечественному исследователю Сергею Хапрору. В своем труде под названием «Цифровой коммунизм» [3] он указывает на возможности (потенциал роста и развития в краткосрочной перспективе) открывающиеся при смене технологических укладов перед Российской Федерацией, за счет мощного образовательного задела в определенных областях. В своем анализе смены характеристик этапов технологического развития он не вступает в полемику с К. Швабом. В основе его взглядов в качестве целевой установки существования любой системы (и прогресса) является не экспансия, а устойчивое развитие. Система живет устойчиво, если она адаптируется к изменениям внешней среды. Если она адаптируется со скоростью внешней среды, она просто находится в стабильном состоянии, если быстрее внешней среды – у системы наступает экспансия, если медленнее – у нее наступает деградация. Автор приводит свою версию определения понятия «знание» – это информация об энергоэффективном поведении и «обучение» – это изменение поведения. В современной реальности знание носит вероятностный характер, потому что вчера информация еще не была знанием, сегодня она обучает энергоэффективным стратегиям, а завтра уже безвозвратно устаревает. В основе системы образования в условиях слома техноукладов должно доминировать именно это определение знания. Хапрор видит решение проблемы соответствия системы образования новым вызовам в построении электронных систем, подключенных на постоянной основе к субъектам реального сектора экономики (компаниям, предприятиям) – главным потребителям будущих специалистов. Подобные системы, по мнению

Сергея Хапрора, должны максимально оперативно корректировать ту или иную образовательную программу на основе соотношения в режиме реального времени различных областей знания за счет взаимодействия науки и практики.

Не менее важным фактором Хапрор считает ценностные установки прогресса: по его мнению, аксиология конструирования устарела, не меняясь с 20х годов XX века. В период инновационных скачков, при смене парадигм данная категория вопросов является базовыми. Социальная эволюция неотделима от информационной революции. Эволюция социума невозможна без эволюции информации. Теория семантики систем, пропагандируемая автором, говорит о том, что общество никогда не выделяет из своей среды ничего бесполезного: будь то наука, искусство или система образования. Решение аксиологических проблем прогресса Хапрор видит в развитии систем гуманитарного образования на основе анализа проблематик новых технологий.

Козволюция как принцип взаимодействия социотехнического мира с миром природным, требует принципиально новых подходов в поиске экокультурных механизмов оптимизации человеческой деятельности, направленной не только на удовлетворение потребностей человека и общества, но и на сохранение природной среды, в которой это общество обитает. В.Н. Мангасарян [7], отмечает, что в последние десятилетия учеными из самых разных областей, а также философами были предприняты попытки всестороннего рассмотрения коэволюционных механизмов разрешения возникающих кризисных ситуаций, причем в конечном итоге все они приходят к необходимости корректирования мировоззренческих установок человечества. Техника и технологии – звено, опосредующее человека и природу, поэтому методология исследования должна выявить способы «сцепки» между явлениями разного порядка, чтобы показать, как образ жизни человека провоцирует зарождение новых технологических идей,

как технические замыслы реализуются в материи, каким образом внедрение реализованных технологий влияет на образ жизни человечества. При этом важно понимать, что, с одной стороны, человечество объективно ограничено в природных ресурсах, а, с другой стороны, оно обладает свободой воли и способностью к творчеству. Человек не может не изобретать, не изменять окружающий его мир. Вопрос, какие этические ограничения он накладывает на себя при этом, чем определяются наши этические установки, поднимал еще А. Печчеи, говоря о «внешних пределах» природы и «внутренних пределах» человека. [5]

Методология

В качестве базового методологического принципа исследования трансформации жизненного мира человека в контексте технологической эволюции рассматривается принцип коэволюции природы и общества. Технологии в первую очередь меняют окружающую нас среду обитания.

Антропогенное воздействие на природу требует комплексного изучения. В анализе эволюции технологических укладов используются следующие методы: исторический, эволюционный, диалектический, системный. Исторический метод необходим для того, чтобы рассматривать состояние экологических и социальных систем в динамике, диахронии, иметь возможность соотнести изменения в одной системе с изменениями. Эволюционный подход, исходя из самого определения эволюции, требует не просто рассмотрения изменений, а поиска тех причинно-следственных связей, которые к этим изменениям ведут, а также учета предела изменений. Диалектический подход необходим, ибо сам процесс коэволюции диалектичен по своей сути, объединяет естественное и искусственное, прогресс в области технологий и регресс в области экологии, экономические и экологические интересы. Системный подход необходим, чтобы увидеть множество составляющих коэволюции, которые взаимно определя-

ют друг друга, любое отдельно взятое состояние или процесс формируются и получают свои специфические качества только в целостном процессе, но также верно и то, что процесс любого уровня, будучи зависим от своих составляющих, имеет и эмерджентные свойства. Данный подход позволяет связать явления природного, социотехнического и экзистенциального плана.

Результаты и обсуждение

Результаты сравнительного анализа экосистемных концепций представлены в таблицах 1 и 2. В таблице 1 продемонстрированы различные аспекты промышленных революций, критические технологии и изобретения, которые сначала привели к смене технологической парадигмы, и технологии, появившиеся на основе изобретений данного этапа. На каждом этапе толчок получают определенные виды промышленности. Технологии той или иной революции кардинально меняют нашу жизнь, не всегда в лучшую сторону. В отдельных случаях негативные социальные последствия компенсируются или нивелируются достижениями технологий, появляющимися в рамках той же самой революции.

Сравнительный анализ типов технологических укладов в целом коррелируется в временными раками заявленных этапов промышленных революций, общие временные рамки и технологии совпадают. При этом за счет большего количества отрезков технологического развития, рассматриваемых в рамках теории техноукладов нам более детально рассмотреть типы изобретений и их ключевое значение в процессах перехода от этапа к этапу.

Целевыми критерием прогресса универсальным для всех концепций является развитие технологий и повышение производительности труда на различных уровнях (индивид-предприятие-отрасль) с использованием всего спектра современных технологий. При моделировании процесса изменения (внедрения) новой реальности рассматриваются различные характеристики среды.

Таблица 1. Промышленные революции (ПР)

Характеристики	I ПР	II ПР	III ПР (компьютерная)	IV ПР
Период	конец XVIII века	Начало XX века	с 1960 года	с 2000 года.
Техника	Мышечная сила заменена механической энергией.	возникновение массового производства	Новые рынки, рост технологической производительности труда	Начало отказа от углеводородов, альтернативные источники энергии.
Энергия	Воды, пара	Электрическая	Информации	Связи
Изобретения	Веретено / паровая машина, железные дороги	Конвейер, новые модели упр-я произв.	развитие полупроводников, появление ЭВМ, персональных компьютеров, интернета.	Вездесущий интернет, искусственный интеллект
Ограничения	Уровень компетенций и образования. Длительность распространения технологий.	17% населения планеты (1,3 млрд человек) не прошли в этап, не имеют доступа к электричеству.	50% населения планеты не имеют моб. телефонов, 450 млн без покрытия сотовой связью, 4 млрд не имеют доступа к интернету	Большой% не прошел предыдущие революции. Этические и законодательные.
Риски и угрозы	Зарождение дикого капитализма, усугубившего соц. неравенство	выросла безработица и усилилось социальное расщепление	Новые технологии уничтожения	Глобальное неравенства между странами и индивидами
Народоаселение	Демографический всплеск	Исход населения в города	Прирост населения в бедных и развивающихся странах.	Падение занятости, технбезработица: снижение рождаемости

Таблица 2. Технологические уклады

Техноуклад (период)	Энергетические ресурсы (технические достижения)	Технология (виды)	Социальные следствия
1-й техноуклад (1772-1820 год)	Водяное колесо движет ткацким станком и веретеном. Устройство в 2 л.с. заменило 30 людей.	Текстильная промышленность и сельское хоз-во	в Индии миллионы ранее занятые в ручном ткачестве погибли от голода.
2-й техноуклад (1840-1890 год)	Энергия пара, паровая машина, паровоз и экскаватор.	Угледобыча, металлургия, паровое судоходство, железнодорожный транспорт.	движение луддитов в Великобритании Непринятие технологий
3-й техноуклад (1890-1940 год)	Электрэнергия, динамо-машина, производства цемента (основа гидроэнергетики).	неорганическая химия, технологии связи: телефон, телеграф.	Отныне человек – круглосуточное животное. Новые технологии уничтожения (взрыв. вещества, химоружие)
4-й техноуклад (1940-1990 год)	Энергия углеводородов. ДВС Реактивный двигатель, ядерная реакция, компьютер, радиосвязь.	Тяжелая химии, авто-и самолётостроению атомная промышленность и энергетика. Космические технологии.	Блага добиваются до простых людей: автомобили и бытовая техника в семьях. Новые виды оружия – реальную угроза человеческой цивилизации.
5-й техноуклад (1990-2020 год)	Энергия информации. Электронный чип.	Микроэлектроника, информационные технологии, роботостроение, интернет.	В логике (философии) 5го техноуклада живут элиты развивающихся стран.
6-й техноуклад (2020-2040 год)	Энергия ансамблей частиц. Нано-, клеточные-, технологии, 3d-печать, НБИКС-конвергенция.	нанотехнологии, умные материалы, ядерная медицина.	Гибридные войны
7-й техноуклад 2040(60) –	Человеческая энергия (Эпоха мета когнитивных технологий, новой антропологии)	Разработка сверхновых способов конструирования и организации мозга, убыстрение коммуникации	Непредсказуемые последствия укоренения постгуманистической доктрины

Глобальным трендом технологических изменений является новое соотношение социальных, общественных и личностных миров человека. На наш взгляд, ценностные категории неспособны избавить нас от негативных последствий грядущих изменений. Главными выгодоприобретателями нового витка научно-технического прогресса будут владельцы капитала, пусть и нового типа – владельцы технологий. Процесс же перевода финансового капитала в технологические активы нового типа (интеллектуального) давно запущен, и теория о том, что в первую очередь выиграет потребитель не реализуема. Проведенный анализ следствий эволюции техноукладов показывает необходимость междисциплинарных исследований по изучению потенциальных последствий надвигающихся изменений с применением аксиологического подхода.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ факторов и следствий промышленных революций показывает невозможность объективного прогнозирования всех последствий для всех экосистем на Земном шаре. Каждый последующий технологический этап привнес всю большую вариативность этих изменений за счет суммы образуемых технологий. Процессы глобального развития техносферы ограничены биосферными, социальными, природно-биологическими факторами за счет их теснейшего взаимодействия в рамках глобальной экосистемы.

Трансформации жизненного мира связаны с глобальными и социальными следствиями развития техносферы. Технологические процессы могут выступать механизмами разрешения обостряющихся глобальных проблем человечества: экологических – путем развития возобновляемых источников энергии и уменьшения выбросов, демографических – за счет увеличения продолжительности жизни на основе генной инженерии. При этом технологии несут в себе угрозы стать катализатором негативных последствий (применения

невиданных видов оружия, новейших технологий уничтожения, укоренение неравенства, создание нового типа кастового общества на технологической основе).

Экосистемные модели технологического развития обозначили границы технологического развития, указав на демографические и социальные пределы, а также риски в результате развития в условиях Земли. Таким образом, целевые и ценностные установки технического прогресса не могут выступить полноценными регуляторами следствий технологического сдвига.

Литература

1. Львов Д. С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. – 1986. – Т. 22, № 5. – С. 793–804.
2. Ахромеева Т. С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 104–120.
3. Хапров С.В. Цифровой коммунизм. – М.: Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – 184 с.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2018. – 288 с. – (Business Pocket).
5. Печчеи А. Человеческие качества / пер. с англ. О.В. Захаровой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1985. – 312 с.
6. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. – М.: Эксмо, 2018. – 317 с. – (Top Business Awards).
7. Мангасарян В.Н. Природа – общество – культура: основания коэволюции. (Философско-методологический анализ) / Рос. акад. наук, СПб. акад. ун-т, каф. философии. – СПб.: Изд-во РХГА, 2011. – 252 с.
8. Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы: выходы и тупики. – Текст: электрон-

ный // Гуманитарный портал: сайт. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2702>. – Дата публикации: 01 октября 2009.

9. Лопатников, Л.И. Экономико-математический словарь, 5е издание, переработанное и дополненное, М.: Дело, 2003. с. 363.

HUMAN LIFE WORLD TRANSFORMATION WITHIN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL EVOLUTION

Kolomeicev I.V.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article deals with the topical issues of gnosis philosophy and how they relate to analyzing global world development conditions based on the technological progress. Focus was given to the ecosystemic aspect of limitations in societal development. Article topicality is triggered by raising a concern over technospheric security. The ecosystemic approach within sustainable development of technosphere highlights global interrelation of natural, cultural and sociotechnical systems. The article aims at identifying sustainable development of the global world and analyzing the socionatural limits of modelling the future. The comparative historical analysis of techno-economic paradigm evolution within the systemic methodology is described. The comparative analysis interpreting the ecosystemic models and trends of the global development is also presented. The research of technological evolution factors from the historical perspective enables predicting demographic and social risks regarding the anthropological pressure on the Earth's natural conditions. The article concludes that the ecosystemic modelling can become the tool to provide technospheric security.

Keywords: technological progress, industrial revolutions, techno-economic paradigm, ecosystem, socionatural limits, limitations, social risks

References

1. Lviv D. S., Glazyev S. Yu. Theoretical and applied aspects of NTP management // *Ekonomika i matematicheskie metody*. – 1986. – Vol. 22, № 5. – P. 793–804. (In Russian)
2. Akhromeeva T. S., Malinetsky G.G., Posashkov S.A. Senses and values of digital reality: Future. Wars. Synergetics // *Filosofskie nauki*. – 2017. – Vol. 6. – P. 104–120. (In Russian)
3. Khaprov S.V. Digital communism. – M.: Mosk. finansovo-prom. un-t «Sinergiya», 2013. – 184 p. (In Russian)
4. Schwab K. The fourth industrial revolution. – M.: Eksmo, 2018. – 288 p. – (Business Pocket). (In Russian)
5. Peccei A. The Human qualities / trans. from english by O.V. Zakharova; general ed. and introduction by D.M. Gvishiani. – 2nd ed. – M.: Progress, 1985. – 312 p. (In Russian)
6. Schwab K., Davis N. Technologies of the fourth industrial revolution. – M.: Eksmo, 2018. – 317 p. – (Top Business Awards). (In Russian)
7. Mangasaryan V.N. Nature-society-culture: foundations of coevolution. (Philosophical and methodological analysis) / Ros. akad. nauk, SPb. akad. un-t, kaf. filosofii. – SPb.: Izd-vo RHGA, 2011. – 252 p. (In Russian)
8. Collins R. Technological shift and capitalist crises: exits and dead ends. – Text: electronic // Гуманитарный портал: website. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2702>. – Date of publication: October 01, 2009.
9. Lopatnikov, L.I. Dictionary of Economics and Mathematics, 5th edition, revised and enlarged, Moscow: Delo, 2003.520 p.

Специфика организации спортивно-приключенческого мероприятий по Москве для студенческой молодежи

Кутын Илья Викторович,

к.п.н., доцент кафедры «Физического воспитания»,
Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова
E-mail: ilya-kutin@yandex.ru

Андропова Елена Михайловна,

ст. преподаватель кафедры «Рекреации
и спортивно-оздоровительного туризма», ФГБОУ
ВО «Российский государственный университет
физической культуры, спорта, молодежи и туризма»
(ГЦОЛИФК)
E-mail: andropova007@yandex.ru

Артемов Константин Александрович,

ст. преподаватель Департамента спорта, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет туризма
и сервиса»
E-mail: 6260274@gmail.com

Крамаренко Георгий Васильевич,

ст. преподаватель Департамента спорта, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет туризма
и сервиса»

Лапшин Виктор Васильевич,

ст. преподаватель Департамента спорта, ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет туризма
и сервиса»

В статье изучена специфика организации спортивно-приключенческого мероприятий по Москве для студенческой молодежи. Каждый студент, независимо от выбранной им специальности, из года в год ждет наступления перерывов между сессиями зимних и летних каникул. В данный период студенческая молодежь все активнее выбирается на природу и организывает совместные мероприятия развлекательной направленности. Как правило данные мероприятия ограничиваются очень узкой направленностью. Это либо поездка загород с друзьями или семьей, либо отличной альтернативой служит прогулка в одном из многочисленных парков столицы.

Ключевые слова: студенческая молодёжь, Москва, квест, спортивно-приключенческое мероприятие, активный отдых.

Москва многолика и грандиозна, она славится не только своей богатейшей историей, но и большим количеством рекреационных зон, которые раскинулись по всей ее территории. Улицы, столь знаменитой столицы, являются свидетелями множества событий, оставивших неизгладимый след в истории Отечества. История города уходит корнями вглубь веков и теряется в ней, ведь точная дата основания Москвы неизвестна.

Как известно Москва многогранна, у нее есть все, что Россия может предложить с точки зрения комфорта и развлечений. Столица России прекрасна в своем разнообразии. Здесь можно найти любые контрасты: от роскошных небоскребов до маленьких зданий из советского прошлого. В центре открываются завораживающие виды и панорамы города. Именно здесь можно лицезреть искусные старинные здания и шикарные парки.

Есть также много достопримечательностей для посещения. В Москве присутствует масса музеев, лесополос, скверов и парков.

Москва находится в зоне умеренного континентального климата, а значит природа представлена смешанными, широколиственными и хвойными (основными) лесами. Целительные свойства хвойных лесов известны с давних лет. Во время эпидемий наши предки раскладывали у себя дома еловые и сосновые ветви с целью дезинфекции. Дело в том, что хвойные деревья выделяют в воздух биологически активные вещества, уничтожающие различные бактерии.

Москва никогда не стоит на месте, с каждым годом она открывает для себя и своих посетителей все большие границы. Ставит новые цели и стремительно движется к ним. Но одной

из приоритетных и самой важной задачей не только для государства, но и Москвы, в частности, является сохранение и укрепление здоровья граждан. Поддержание здорового образа жизни человека осуществляется в значительной степени путём использования рекреационных возможностей территории для восстановления физических сил и психических возможностей организма.

Рекреация выполняет в обществе множество функций и охватывает все возрастные и профессиональные группы населения. Она включает, в числе прочего, различные виды отдыха (туризм, занятия физической культурой, разнообразные формы активных развлечений и игр на природе), обусловленные социально-культурным характером времени и места их осуществления, а также профилактику, связанную с медицинским обслуживанием населения. Многофункциональность этой сферы проявляется в том, что рекреация способствует не только сохранению, но и развитию физических, эстетических, психологических и других качеств человеческой личности.

Даже столь краткое описание основных характеристик Москвы, показывает нам, что столица нашей необъятной Родины богата своей историей, природой и многими другими важными компонентами. Город буквально усеян музеями, мемориальными комплексами, памятниками и другими историко-культурными объектами, представляющими интерес в рамках данного исследования в качестве потенциальной площадки для проведения мероприятия.

Москва входит в список самых спортивных городов мира. И это объяснимо: здесь расположены богатейшие по своей истории и географическому расположению парки и заповедники, строят стадионы мирового масштаба, открывают футбольные поля, ВМХ-велодромы, экстрим-аттракционы и многое другое. В Москве сосредоточено огромное количество молодежи, которые открыты ко всему новому и интересному [4].

В структуре данного исследования было проведено анкетирование

с потенциальными участниками мероприятия на предмет их заинтересованности в тематике спортивно-приключенческого квеста. Целевой аудиторией являлась студенческая молодежь 18–24 лет. В анкетировании приняло участие 45 российских студентов, обучающихся в различных высших учебных заведениях города Москвы.

Возрастная характеристика участников опроса выглядит следующим образом: респонденты в возрасте от 16 до 20 лет составили самую многочисленную категорию – 25 человека (55%); возрастная категория от 21 до 25 лет составила 12 человек (30%), на третьем месте расположилась группа респондентов в возрасте от 24 до 28 лет, составляющая 8 человек (15%) (рис. 1).

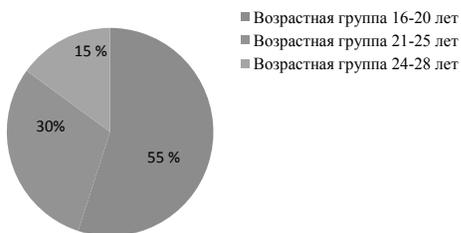

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту

Исходя из результатов ответа на вопрос, в каких мероприятиях развлекательной направленности по Москве, готова принять участие студенческая молодежь, с большим перевесом голосов, более 48%, лидирующее место занимают квесты (рис. 2).

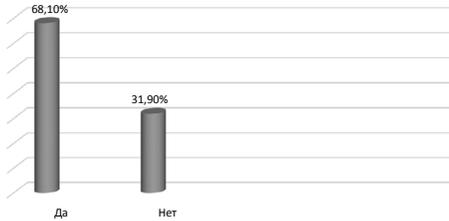

Рис. 2. Распределение респондентов по выбору развлекательного мероприятия

Исходя из результатов ответа на вопрос об актуальности и заинтересованности студенческой молодежи в квестах спортивно-приключенческой направленности следует, что 30 чело-

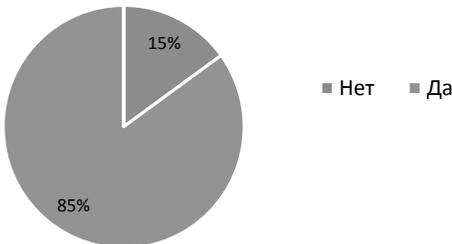

век (68,1%) хотели бы принять участие в мероприятии такого формата, остальные 15 человек (31,9%) решили, что данный формат не является для них актуальным (рис. 3).

Рис. 3. Результаты ответов на вопросы об актуальности проведения квеста спортивно-приключенческой направленности

Анализируя результаты ответов респондентов на предмет нестандартного подхода к изучению многогранности истории Москвы в формате спортивно-приключенческой игры, большинство опрошенных, практически единогласно, более 35 человек (85%) «за», согласились с вариантам изучения истории Москвы в формате приключенческого мероприятия. И лишь 10 человек (15%), предпочли стандартные методы изучения истории государства (рис. 4).

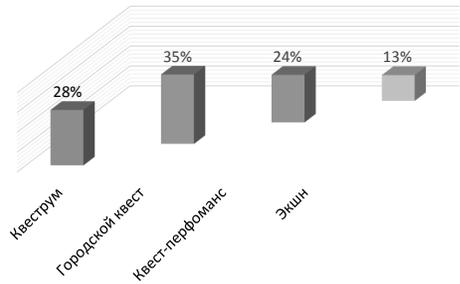

Рис. 4. Заинтересованность студенческой молодежи в нестандартном подходе к изучению истории Москвы в формате спортивно-приключенческой игры

На основании ответов респондентов на вопрос, «Какие квесты они посещали в Москве», мнения разделились на три основных направления:

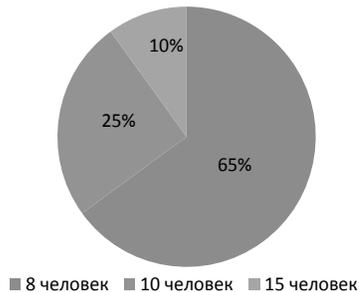
- Квеструм или Эскейп-рум, отдали своего голоса 13 человек (28%);
- Городской квест, (35% опрошенных) – 16 человек;
- Квест-перформанс, 11 человек – (24% опрошенных);

На последнем месте расположился квест в жанре Экшн, 5 человек и 13% соответственно.

Рис. 5. Результаты ответа на вопрос, какие квесты предпочитает посещать студенческая молодежь в Москве.

Проанализировав ответы на вопрос, об оптимальном количестве игроков, которые могут принимать участие в квесте. Было выявлено, что оптимальным числом, для 65% опрошенных, является – 8 человек. Для 25% опрошенных – 10 человек, и для оставшихся 10% опрошенных – 15 человек соответственно.

Рис. 6. Результаты ответов на вопрос об оптимальном количестве игроков в квесте

Ответы на вопрос о количестве времени, которое респонденты готовы отдать квесту распределились следующим образом: 25 человек (56%) захотели участвовать в квесте около 90 минут, 15 человек (34%) – 120 минут, и 5 человек (10%) – 60 минут (рис. 7).

Ответы студентов на вопрос о выборе локации, которая, по их мнению, является наиболее интересной для проведения квеста распределились таким образом; Приоритетным вариантом, который выбрало 16 человек (35%), являются парки и национальные заповедники;

10 человек (22%) отдали свое предпочтение заброшенным зданиям и больницам; 8 человек (19%) отдали свои голоса в пользу памятных мест. 6 человек (14%) предпочли поучаствовать в квесте, который проходил бы в бункере. И остальные 5 человек (10%) предпочли квест в квест-комнатах (рис. 8).

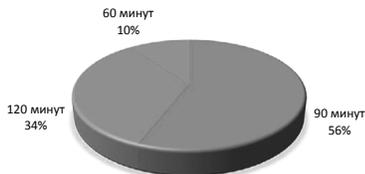

Рис. 7. Результаты ответов на вопрос о продолжительности квеста

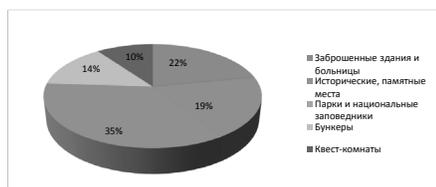

Рис. 8. Результаты ответов на вопрос о выборе локации для проведения спортивно-приключенческого мероприятия

На вопрос о выборе жанра квеста большинство опрошенных. 65% опрошенных (29 человек), выбрали квест спортивно-приключенческой направленности. 10% (5 человек) предпочитают квест в формате ролевой игры. 4 человека (9%) сделали свой выбор в пользу познавательного жанра. И 7 человек (16%) остановились на жанре – Фэнтези (рис. 9).

Рис. 9. Результаты ответов на вопрос о выборе жанра квеста

С точки зрения выбора локаций для проведения спортивно-приключенческого мероприятия Москва невероятно богата: от исторических музеев, национальных парков, мемориалов и памят-

ников, до величественных небоскрёбов [2, 7].

В Москве насчитывается огромное количество парков и заповедников. Самыми популярными и посещаемыми являются: музей-заповедник «Царицыно», усадьба «Кусково» музей-заповедник «Измайлово», национальный парк «Лосиный остров», «Воробьевы горы».

На юге столицы раскинулся **музей-заповедник «Царицыно»**. На территории императорской резиденции Екатерины II располагаются Большой и Малые дворцы, Хлебный и Оперный дома, беседки, открытые павильоны, кавалерийские корпуса, действующий храм, оранжереи и арки, фигурные мосты. Прогуливаясь по живописному парку, каждый может насладиться чудными пейзажами: музыкальный фонтан, постройки в псевдоготическом стиле и каскады прудов. Архитектурные памятники и пейзажный парк делают это место одним из красивейших в стране.

Усадьба «Кусково» является уникальным памятником культуры XVIII века. Загородная резиденция была построена по заказу графа Шереметьева, здесь проводили театрализованные гуляния и пышные приемы. На территории усадьбы сохранилось более 20 уникальных памятников архитектуры и единственный в столице французский регулярный парк с мраморными скульптурами, павильонами и прудами. Усадьба является одной из красивейших дворянских резиденций Российской Империи.

Московский музей-заповедник «Измайлово» – это неповторимый комплекс памятников архитектуры, связанный с самыми важными событиями в истории государства Российского. Расположилась усадьба на уникальном рукотворном острове, который создали по велению отца Петра I. Всех посетителей музея ждут увлекательные выставки, историко-костюмированные театрализованные экскурсии и яркие праздничные театрализованные представления. Царская усадьба XIV столетия, старейшее дворянское имение столицы.

Самый внушительный лесопарк Европы находящийся в Москве, и это «Лосиный остров». Его площадь составляет около 12 000 гектаров. Парк предоставляет посетителям возможность увидеть самых крупных млекопитающих Подмосковья – лосей – в естественной среде обитания. А в экологических центрах «Лосиного острова» можно ознакомиться с экспозициями и заказать экскурсию по любому маршруту.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что столица нашей родины имеет огромный природный потенциал, не только с точки зрения ее богатейшей истории, но и в ее неисчерпаемом потенциале в виде многообразия природных комплексов, лесных массивов и других не менее значимых для Москвы территорий.

Москва огромный мегаполис, который никогда не стоит на месте. И можно смело сказать, что неотъемлемой его частью, или важнейшим компонентом, для поддержания заданного ритма, служат огромное количество транспортных магистралей, которые выполняют важнейшую функцию, а именно, перемещение огромного потока людей.

Неотъемлемой частью для каждого жителя и гостя столицы, является самый популярный и, по совместительству, самый быстрый вид передвижения – московский метрополитен.

Московский метрополитен – это основа транспортной системы столицы. Первая линия метрополитена была открыта 15 мая 1935 года, однако он и по сей день остается главной транспортной артерией города. По состоянию на начало 2018 года, к услугам граждан и гостей столицы представлены 252 станции, расположенные на 14 линиях (включая недавно открытые Московское Центральное Кольцо и Московскую монорельсовую систему). Общая протяженность путей составляет 424,7 км., мобильность граждан обеспечивается более 11 тысяч поездов.

Радиально-кольцевая организация метрополитена соответствует исторической планировке города, соединяя исторический центр с промышленны-

ми и жилыми районами столицы. Ежедневно услугами Московского метрополитена пользуются более 7 миллионов пассажиров, а на буднях – более 9 миллионов (~50% от общего пассажиропотока столицы). Большинство станций пропускают более 50 тысяч пассажиров в сутки, а некоторыми станциями и вообще пользуются 100–150 тысяч человек в день. Не удивительно, что с точки зрения пропускной способности Московский метрополитен занимает первое место в мире. Высокоинтенсивную работу метрополитена обеспечивает коллектив из более чем 50 тысяч сотрудников. В планах развития московской подземки до 2020 планируется открытие более 25 новых станций, строительство второй кольцевой линии метро, а также – модернизация путей пригородного железнодорожного сообщения.

Вторым по значимости средством передвижения в городе является разветвленная сеть наземного общественного транспорта под управлением ГУП «Мосгортранс». На балансе компании значатся свыше 6.5 тысяч автобусов, маршруты которых нередко выходят за пределы МКАД. По заявлениям компании, автобусы перевозят порядка 4 миллионов пассажиров по будням. Современные автобусы отвечают мировым стандартам качества и безопасности эксплуатации, учитывают потребности людей с ограниченными возможностями и других групп лиц, испытывающих трудности с перемещением. Преимуществами современного автобусного транспорта Москвы являются его высокая мобильность, возможность оперативной организации маршрутов, в том числе компенсационных, и отсутствие дополнительной инфраструктуры для движения. Развитие автобусного сообщения вкупе с повышением их экологических показателей привели к заметному снижению использования троллейбусов и трамваев в черте города. Количество маршрутов снижается год к году, техника подвержена моральному и физическому износу, новая техника поступает в распоряжении парков в недостаточном количестве.

Личный легковой автомобильный транспорт традиционно играет существенную роль в восприятии транспортной ситуации населением. По сведениям ГИБДД, в 2019 году в Москве число зарегистрированных автомобилей примерно равно 6 миллионов. Можно отметить, что каждый год в Москве число машин растет на 9–11%. Если обратиться к статистике по годам, то увидим, что каждый год в Москве регистрируется 360–410 тысяч автомобилей. Активный прирост количества машин начался с середины 90-ых годов. Для примера, в 1950 году – 82 тысячи транспортных средств, в 1960–150 тысяч, в 1970–500 тысяч.

Количество машин в Москве напрямую влияет на плотный трафик движения по основным магистралям. По сведениям экспертов, одновременно на улицы Москвы выезжает более 780 тысяч машин, а для передвижения без заторов, количество автомобилей не должно переходить число в 450 тысяч единиц. Город комплексно подходит к решению проблемы пробок, побуждая москвичей пользоваться отдавать предпочтение общественному транспорту: за парковку в центре введена почасовая плата, строятся перехватывающие парковки возле станций метро, активно внедряется городская система каршеринга, повсеместно возникают велосипедные дорожки и стенды проката велосипедов. В результате этого комплекса мер, по данным ЦОДД, средняя скорость передвижения в городе выросла с 45 км/час до 51 км/час за последние шесть лет, что соответствует относительно высокому приросту в 13%.

Транспортная сеть столицы, включающая в себя метрополитен, автобусное, троллейбусное и трамвайное сообщение, речное пароходство, линии легкого метро и монорельсового сообщения, позволит участникам и организаторам без лишней трудностей добраться к месту проведения мероприятия и вернуться домой после его окончания, при условии нахождения его в черте города [6].

Даже столь развитая транспортная система не решает проблему централи-

зованного прибытия участников к месту проведения квеста. Альтернативные решения, например, оплачиваемые за счет государственных средств автобусы не предусмотрены в городском бюджете, и все расходы по организации транзита группы участников берут на себя их семьи.

Таким образом, задача выбора локации для квеста сводится в первую очередь к поиску баланса между интересом участника к потенциальной локации, ее исторической и культурной значимостью, транспортной доступностью и развитостью инфраструктуры.

Ввиду приведенных рассуждений об исторической значимости, богатстве инфраструктуры и транспортной доступности столицы, а также – формата мероприятия, необходимо чтобы при его проведении были учтены: безопасность участников при передвижении по его маршруту, транспортная доступность к местам проведения квеста, а также, непосредственно, проведение самого спортивно-развлекательного мероприятия в местах, связанных с культурно-исторической значимостью для Москвы.

Изучив огромное количество парковых зон, исторических мест и другие памятные места Москвы для проведения спортивно-приключенческого мероприятия, выбор пал, пожалуй, на самый цветущий парк столицы, но в то же время парк, в котором так гармонично сочетается великая история и прекрасные пейзажи. Таким парком является –усадьба «Коломенское».

История Коломенского начинается в 14 веке. Именно к этому времени относятся первые письменные упоминания о нём. По легенде основали село Коломенское жители города Коломны, бежавшие от войск хана Батыея, который сжёг их город. Коломенское было загородной резиденцией русских царей.

Усадьба Коломенское была любимой резиденцией царя Алексея Михайловича. В период его правления она достигает своего расцвета. Алексей Михайлович строит здесь огромный дво-

рец на 270 помещений. Дворец Алексея Михайловича в Коломенском современники называли восьмым чудом света. Но простояло это чудо всего 100 лет. После переноса столицы России из Москвы в Петербург дворец постепенно ветшал и в 1767 г. его было приказано разобрать, сделав подробные обмеры и чертежи. По этим чертежам дворец был воссоздан в наше время и сейчас доступен для посещения каждому.

Литература

1. Джанджугазова Е.А. Туристско-рекреационное проектирование. Учебник / Е.А. Джанджугазова. М.: Academia, 2014. 272 с.
2. Игнатъева И.Ф. Организация туристской деятельности. Учебное пособие. М.: Питер. 2015 г. 448 с.
3. Косолапов А.Б. География российского внутреннего туризма / А.Б. Косолапов. М.: КноРус, 2017. 272 с.
4. Кутин И.В., Андропова Е.М., Шиманский О.В., Суркова Л.В., Архипкин И.В. Потенциал Москвы в контексте предоставляемых услуг рекреативно-оздоровительной направленности // Инновации и инвестиции. 2018. № 4. С. 227–230.
5. Рябушкин Б.Т. Индустрия туризма: Правовые основы социально-культурного сервиса и туризма / Б.Т. Рябушкин. М.: Финансы и статистика, 2014. 416 с.
6. Скобельцына, А.С. Технологии и организация экскурсионных услуг / А.С. Скобельцына, А.П. Шарухин. М.: Академия, 2015. – 192 с.
7. Чудновский А.Д. Информационные технологии управления в туризме / А.Д. Чудновский, М.А. Жукова. М.: КноРус, 2014. 104 с.

SPECIFICS OF ORGANIZING SPORTS AND ADVENTURE EVENTS IN MOSCOW FOR STUDENT YOUTH

Kutin I.V., Andropova E.M., Artemov K.A., Kramarenko G.V., Lapshin V.V.

Plekhanov Russian University of Economics; Russian State University of Physical Culture, Sport, Youth and Tourism; Russian State University of Prison and Service

The article studied the specifics of organizing sports and adventure events in Moscow for student youth. Each student, regardless of his chosen specialty, waits year after year for breaks between winter and summer vacation sessions. At this period, student youth are increasingly chosen for nature and organize joint entertainment events. As a rule, these activities are limited to a very narrow focus. This is either a trip to the city with friends or family, or an excellent alternative is a walk in one of the many parks in the capital.

The ideal solution and choice of active pastime is an organized and detailed quest. The quest is a team game, the participants of which, on a voluntary basis, within the framework of certain rules, perform various tasks and overcome obstacles, moving along the established storyline. This leisure event format involves active "live" participation of all team members, immersion in the theme of the game thanks to imaginary conditions and details [3].

City quests in Moscow are a fascinating alternative to sightseeing. The investigation of the mysterious abduction, the journey in the tracks of the insidious spy in the maze of city streets, exciting game tasks, puzzles will not leave indifferent teenagers.

For young people leading an active lifestyle, quests in parks such as Sokolniki, Izmailovsky Park, Gorky Park are suitable. Diverse tasks from intellectual to sports will not let anyone miss. Such a vacation in Moscow is an excellent solution for a large company or a whole class.

In general, the potential of Moscow for organizing quests is unusually great. Long-standing history shows that within the walls of Moscow there were the most important events in the history of the country that could not but leave a mark on it – twice the city became the last barrier separating the country from the external aggressor. The city is literally dotted with museums, memorial complexes, monuments and other historical and cultural objects of interest in the framework of this study as a potential venue for the event. As of October 31, 2020 there are more than 780 monuments in the city, more than 400 private and state museums and their branches, as well as more than 30 memorials in memory of participants in the hostilities.

In connection with the above, it can be argued that quests in Moscow for student youth are a worthy alternative to bars, discos and other entertainment events [1, 5].

Keywords: student youth, Moscow, quest, sports and adventure event, active recreation.

References

1. Dzhandzhugazova E.A. Tourist and recreational design. Textbook / E.A. Dzhandzhugazova. M.: Academia, 2014. 272 p.
2. Ignatieva I.F. Organization of tourist activities. Tutorial. M.: Peter. 2015448 s.
3. Kosolapov A.B. Geography of Russian domestic tourism / A.B. Kosolapov. M.: KnoRus, 2017. 272 p.
4. Kutin I.V., Andropova E.M., Shiman-sky O.V., Surkova L.V., Arkhipkin I.V. Mos-cow's potential in the context of the provid-ed recreational and health-improving ser-vices // Innovations and investments. 2018. No. 4. P. 227–230.
5. Ryabushkin B.T. Tourism industry: Legal bases of social and cultural service and tourism / B.T. Ryabushkin. Moscow: Fi-nance and Statistics, 2014. 416 p.
6. Skobeltsyna, A.S. Technologies and organ-ization of excursion services / A.S. Skobelt-syn, A.P. Sharukhin. Moscow: Academy, 2015. – 192 p.
7. Chudnovsky A.D. Information technologies of management in tourism / A.D. Chud-novsky, M.A. Zhukov. M.: KnoRus, 2014. 104 p.

Культурный капитал и идеи эстетического воспитания в 20 веке

Маслова Вера Александровна,

младший научный сотрудник сектора эстетики
Института философии РАН
E-mail: maslovavera@gmail.com

Актуальность. Искусство и прекрасное с древности были предметами изучения философов. Первые рассуждения об эстетическом воспитании появились еще в античности. Изменялись представления о том, как развивать у человека навык создавать прекрасное. Однако принцип, сформулированный советским педагогом В.А. Сухомлиным, оставался неизменным: «Благодаря восприятию прекрасного в природе и искусстве, человек открывает прекрасное в самом себе» [12, с. 15]. В XX веке культура была разделена на «высокую» и «низкую» (массовую). Появилось понимание, что уровень эстетического воспитания зависит от «культурного капитала» каждого индивида. Это понятие было введено в конце 70-х гг. французским социологом Пьер Бурдьё. Стал актуальным вопрос: «Каким образом можно приобрести и сохранить культурный капитал?».

Объект исследования. Концепции и эволюция эстетического воспитания от истоков до конца XX века. *Предмет исследования.* Взаимосвязь эстетического воспитания с теорией «культурного капитала». *Цель исследования.* Основные этапы становления концепции эстетического воспитания в исторической ретроспективе; ее характеристика в XX веке. *Задачи исследования.* Показать необходимость переосмысления методов эстетического воспитания в рамках трансформации общества. *Методы исследования.* Анализ, синтез, классификация, сравнение. *Результаты исследования.* Несмотря на богатый опыт в области эстетического воспитания, кризис в этой сфере преодолеть не удалось, поскольку Россия развивалась по «особому» пути. Однако, теории зарубежных учёных проецируются на российские реалии и помогают осмыслить проблемы и искать решения.

Ключевые слова: Эстетическое воспитание, культура, система ценностей, творчество, культурный капитал, культуриндустрия, эстетический опыт.

Термин «эстетика» происходит от греческого «aisteticos» (воспринимаемый чувством). Идеи эстетического воспитания зародились ещё в древности, но представления о его сущности, целях и задачах с течением времени менялись. Древнегреческий философ Аристотель выделял три составляющих души человека: растительную, животную и разумную. Все они должны развиваться в гармоническом единстве. Первая – посредством физического воспитания, вторая – нравственного, а третья – умственного. Огромную роль в этом играет воспитание искусством, которое, по мысли Аристотеля, и делает человека высокоморальным и разумным, достойным гражданином. В знаменитом трактате «Поэтика» философ ввёл понятие «катарсис», то есть очищение души зрителя через сострадание героям трагедии. Таким образом, искусство обладает свойством целенаправленно воздействовать на человека, делая его прекрасным и совершенным. При этом Аристотель считал, что эстетическое воспитание каждого гражданина – не его личная заслуга. Оно зависит от «эстетического развития» всей страны, общества в целом.

Для античных философов (Сократа, Платона, Аристотеля) и для всей древнегреческой культуры идеалом являлась «калокагатия» – понятие, которое приблизительно можно истолковать, как «нравственная красота». Оно предполагало гармонию телесного и духовного. Человек, постоянно совершенствующийся в моральном отношении, может преодолеть недостатки телесной природы. Именно калокатия у Аристотеля открывает путь к созерцанию бога и достижению счастья, которое «должно заключаться в некоем поль-

зовании, т.е. в деятельности; ведь, как мы говорили, когда даны и обладание, и пользование, целью является именно пользование, т.е. действие. Добродетелью душа обладает, но для последней возможно также и действие, и применение добродетелей, и, значит, цель ее – в этом действии и пользовании. И счастье в том, чтобы жить согласно добродетели» [2, с. 303].

В эпоху Возрождения огромный вклад в развитие эстетической мысли внёс итальянский художник, архитектор и философ Леон-Баттиста Альберти. Он – автор трактатов по теории искусства «О живописи» (1435), «О ваянии» (1464), «Об архитектуре» (1450), педагогического трактата «О семье» и других сочинений. В своих рассуждениях он опирался на эстетику античности. Понятие красоты он связывал с «достоинством и «изяществом», а человека мыслил существом, «отчасти небесным и божественным, отчасти же самым прекрасным среди всего смертного мира». По мнению Альберти, это сочетание, а также способность к рассуждению помогают человеку избегать дурного и понимать «к чему следует стремиться, чтобы лучше сохранить себя» [4, с. 155]. Итальянские мыслители эпохи Ренессанса (Паоло Верджерио, Маттео Веджио, Джанноццо Манетти, Баттисто Гуарино) подчёркивали, что огромную роль в процессе эстетического воспитания играют музыка, литература, ораторское искусство. Но их рассуждения о гармонической личности имели словесный характер. Главной их задачей было – подготовить детей привилегированного класса к тому, чтобы занять подобающее место в жизни государства. При этом большое внимание уделялось не книжному образованию, а непосредственному житейскому опыту, который может стать лучшим наставником.

Проблемы эстетического воспитания занимали одно из центральных мест в философии эпохи Просвещения. Именно в этот период немецкий философ А.Г. Баумгартен ввёл в обиход термин «эстетика». Он выделял три сферы духовного мира человека: разум,

волю и чувство. За третью сферу и отвечает эстетика, которую Баумгартен уравнивал в правах с логикой и этикой. Чувственное восприятие мира развивается путём воспитания вкуса через приобщение человека к искусству как сфере наивысшего проявления красоты. Именно развитая чувственность позволяет человеку видеть в уникальном и индивидуальном – всеобщее. Развитие у человека этой способности и является главной задачей эстетического воспитания. Педагоги Эпохи Просвещения (И.Ф. Герbart, И.Г. Песталоцци, Ф.В. А. Фребель) считали, что воспитание должно развивать в человеке присущие ему творческие задатки, то есть задачей воспитания является самораскрытие божественного в человеке.

Трагический разрыв между повседневной жизнью и идеалом немецкий поэт-романтик Ф. Шиллер предлагал преодолеть через красоту и теорию игры. В «Письмах об эстетическом воспитании» (1795) он сформулировал мысль о том, что распад цельности человека, ослабление его физических и духовных сил «уничтожаются красотой» [16, с. 249], которая делает человека «законченным в себе, целым». Искусство же – это область игры, которая возвышает человека над обыденным. Согласно Шиллеру, игра – это область деятельности, которая присуща только людям, а человек «бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [16, с. 245]. Граница между игрой и искусством практически неразличима. Игра – область иррационального. Она противоположна рациональной деятельности, то есть работе, труду. Эстетическое воспитание Шиллер рассматривал как средство улучшения человеческой природы, смягчения нравов. И, несмотря на то, что сам философ признавал, что искусство не способно возобладать над действительностью, его идеи произвели большое впечатление на современников и оказали влияние на теории эстетического воспитания последующих столетий.

До середины XVIII в. вопросы эстетики в чистом виде не становились

предметом обсуждения. Они всегда находились в контексте философских, богословских, моральных, политических размышлений. Чаще всего эстетика была связана с тем или иным философским течением. В античный период понятие о прекрасном было частью размышлений о природе божественного или о познании мира, в эпоху Возрождения – о сущности разных видов искусства. В XX веке задачи эстетического воспитания расширились. Кроме выявления творческих способностей человека и воспитания у него вкуса к ним добавилась удовлетворение его потребности в самореализации.

Вопросы эстетического воспитания обычно оказываются в центре внимания в переходные периоды жизни общества. Как правило, дискуссии об этом ведутся в русле реформ всей образовательной системы. Так, в начале XX в. в России при правительстве была создана комиссия по реформированию школы под председательством С.О. Цыбульского. Она проанализировала состояние системы образования в стране и подготовила ряд предложений, которые были сформулированы в докладе Цыбульского. Реализовать их помешали Первая мировая война и Октябрьская революция. Такую же комиссию создало большевистское правительство в октябре 1917 г. Возглавил её нарком просвещения А.В. Луначарский. К октябрю 1918 г. были подготовлены и приняты «Основные принципы единой трудовой школы» – документ, который лёг в основу всей советской системы образования. В том, что касалось эстетического воспитания, его авторы ориентировались на дореволюционный опыт. В частности, они указывали на то, что трудовое и научное образование не должно быть лишено художественно-эстетической составляющей, подразумевающей «систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать её» [10, с. 43].

Теории эстетического воспитания существовали в России и до револю-

ции. Регулярно выходили труды, в которых затрагивались вопросы детской психологии и творчества, предлагались новые методики преподавания изобразительного искусства в школе. Но их авторы (А.В. Бакушинский, П.П. Блонский, В.М. Бехтерев, Н.Л. Гродзенская и др.) не могли претворить свои идеи в жизнь. В первую очередь потому, что в XIX – начале XX в. подавляющее большинство жителей страны получали лишь начальное образование, которое ограничивалось четырьмя классами церковно-приходской школы. Специальных факультетов, где готовили бы учителей рисования и музыки, не существовало. Возможности преподавать эти предметы ограничивало и отсутствие в школах – особенно сельских – самого необходимого – карандашей, красок, бумаги, музыкальных инструментов. Во многих деревнях не было и самих школ.

В послереволюционном обществе образование стало всеобщим и обязательным, а воспитание приобрело ярко выраженную идеологическую окраску. Оно стало пониматься как целенаправленное воздействие педагога на ученика с целью формирования у него картины мира, соответствующей определённым установкам. Отношение власти к эстетическому воспитанию менялось в зависимости от политических и экономических условий жизни страны. Принципы, сформулированные Луначарским в «Принципах единой трудовой школы», практического воплощения не получили. На пленуме ВЦСПС в апреле 1928 г. наркому просвещения заявили, что трагедия времени и средств на эстетическое развитие обучающихся – идеологическая ошибка его ведомства и его лично. А стране в кратчайшие сроки нужны специалисты самых разных отраслей народного хозяйства.

Программы по предметам гуманитарного цикла в Советском Союзе 30–50-х годов постепенно сокращались. Тоталитарная власть вполне обоснованно полагала, что люди творческие, образованные и разбирающиеся в искусстве более подвержены свободо-

мыслию, чем люди технического склада ума. «Со второй половины 30-х годов и до середины 50-х годов в СССР не было опубликовано ни одной книги или статьи по эстетике. /.../ Журналы «Искусство в школе», «Юный художник» и другие были закрыты, а об общем журнале по эстетике или эстетическому воспитанию советские ученые и педагоги стали поговаривать лишь в середине 60-х годов» [7, с. 20].

Художественное, литературное, музыкальное просвещение стало делом государственным. Все процессы, происходящие в этой сфере, контролировались властью, поскольку имели непосредственное отношение к идеологическому воспитанию. Все программы, утверждённые властью, были директивными и должны были исполняться в обязательном порядке. Несмотря на то, что в первой половине XX в. основные педагогические усилия были направлены на подготовку кадров для нужд народного хозяйства, внимание вопросам эстетического воспитания всё же уделялось. В 1945 г. по инициативе В.Н. Шацкой, автора знаменитого труда «Эстетическое воспитание в школе» (1955 г.), был открыт Институт художественного воспитания – специализированное научно-исследовательское учреждение, занимавшееся вопросами эстетического воспитания детей и молодежи. В 1959 г. министр культуры СССР Е.А. Фурцева издала приказ кинофицировать все школы страны, чтобы обеспечить современный уровень технического обеспечения учебного процесса.

Повышенное внимание государства к вопросам эстетического воспитания возникло в XX в. и во многих странах Европы. В Германии, Франции, Финляндии в качестве основной принята установка на выявление и развитие в каждом человеке его творческих способностей, которые должны работать на благо его самого и общества в целом. Обнаружить и развить эти таланты помогает приобщение к искусству, – литературе, живописи, театру – которое должно начинаться с самого раннего детства.

Новые программы по предметам гуманитарного цикла стали создаваться в СССР в 70-е годы. Именно тогда возникли программа Д.Б. Кабалевского по музыке, Б.М. Неменского – по изобразительным искусствам, Л.М. Предтеченской – по мировой художественной культуре. Эти труды основывались как на отечественном, так и на зарубежном опыте и применялись на практике в ряде школ и вузов. Но, несмотря на успехи ряда педагогов, важность эстетического образования на государственном уровне недооценивалась. Д.Б. Кабалевский в начале 70-х с сожалением отмечал, что «область эстетического воспитания подрастающего поколения не имеет настоящего руководства. Более того, невозможно даже более или менее точно выяснить, что и где у нас в этой области делается» [6, с. 127]. Назревала необходимость изменений во всех сферах общественной жизни.

В 90-е годы XX века общественное сознание в России в очередной раз подверглось коренной перестройке. Идеология коммунизма потерпела крах, а вместе с ней – многие виды коммунистического воспитания. В этой ситуации эстетическое воспитание смогло сохранить свои позиции как наименее зависимое от господствующей в обществе идеологии. Но разработки, сделанные учёными в предыдущие годы, оказались невостребованными. По мнению исследователей, «возрождение системы эстетического и художественного воспитания на современной основе может стать одним из приоритетных направлений культурной и молодежной политики» [14, с. 248].

Важным понятием в контексте рассуждений об эстетическом воспитании является «эстетический опыт». Это особый вид опыта восприятия объектов, событий и ситуаций, который вступает во взаимодействие с опытом, полученным в процессе воспитания. Американский исследователь Д. Дьюи в книге «Искусство как опыт» (1934) писал о том, что каждый объект или явление могут иметь эстетическую ценность для

того, кто их воспринимает, но эстетизировать лишь достойные этого объекты помогает эстетическое воспитание. Эту теорию развивали другие представители американской философии образования (Т. Манро, Р. Циммерман, Д. Арнштейн), по мнению которых именно воспитание может развить способности человека к творческому воображению и критическому суждению.

Вопрос о том, можно ли применить одинаковую модель эстетического воспитания к социальным группам, имеющим разные ценности и идеалы, и разработать универсальную для всех модель эстетических ценностей, не имеет однозначного ответа.

В книге «Социальное конструирование реальности» (1969) П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что обычный человек часто не задаётся вопросом о том, что представляет собой реальность. Повседневный мир они считают само собой разумеющимся. Понимая, что реальный мир известен им лишь отчасти, люди додумывают, конструируют его самостоятельно. Эти конструкции в разных слоях общества могут существенно различаться. «Обычно реальная взаимосвязь между человеком и его миром перевернута в сознании. Человек – творец мира – воспринимается как его продукт, а человеческая деятельность – как эпифеномен нечеловеческих процессов» [3, с. 61].

Результатом этих процессов является изменение социальной и культурной идентичности современного человека. Возникает феномен эстетизации, который Т.М. Шатунова характеризует как «объективный и в то же время осознаваемый и целенаправленный социальный процесс приобретения или усиления эстетических качеств всеми формами общественных отношений (социальных вещей, идей, институтов), включая личностную. Сегодня эстетизируются экономика и политика, образование и наука, частная и публичная жизнь человека» [15, с. 50]. Агрессивному воздействию внешнего мира, нивелирующего личность, человек противопоставляет красоту, которую он соз-

даёт собственными усилиями – в быту, в одежде, в поступках. Всё это может служить прикрытием внутренней пустоты человека, а может, наоборот, стать основой для развития у него эстетического вкуса, формирования «культурного капитала».

Термин «культурный капитал» в научный обиход ввёл французский социолог Пьер Бурдьё. По его мнению, этот капитал так же необходим человеку, как и финансовый. В книге «Различение: социальная критика суждения» (1979) Бурдьё выдвинул идею о том, что адекватно воспринять произведение искусства может только человек, обладающий тем же «культурным кодом», что и автор этого произведения. Если это условие не соблюдается, возникает непонимание. Так, недостаточно образованные люди, как правило, предпочитают реалистическое, жизнеподобное искусство, поскольку у них нет культурного кода, позволяющего расшифровать то, что отличается от объектов, окружающих их в повседневной жизни.

Набор инструментов восприятия, позволяющих «присваивать» культурные богатства, не даётся человеку от рождения. Это результат воспитания, образования, качества и продолжительности которого зависят от происхождения. Но и теоретических знаний недостаточно. Информация о культурных ценностях не может заменить художественного вкуса, который формируется под воздействием множества социальных факторов, в том числе, длительного опыта восприятия искусства, обладающего большой эстетической ценностью. Совокупность этих факторов, позволяющая индивиду занять определённое положение в обществе, и называется культурным капиталом. Таким образом, представления человека о прекрасном и безобразном, утончённом и грубом не являются результатом его свободного выбора. Стиль жизни и набор эстетических представлений продиктованы положением человека в структуре общества. По мнению Бурдьё, культурный капитал, как и экономический, служит источником власти.

Те, кто обладает им в большей степени, доминируют над теми, у кого этого капитала мало или нет вовсе.

В XX веке наметилось отчётливое разделение культуры на «элитарную», «высокую» и «массовую». Изменилось и само представление о культуре. Это понятие стало включать в себя не только творчество, но и разнообразные стили жизни, общения, поведения, речь, коллективную память и т.д. «Новые формы коммуникации, релятивизация представлений о рациональности эстетических и даже этических требований выдвигают перед деятелями культуры новые задачи. Они утрачивают право думать и даже творить за других, утрачивают своё право на единоличное владение культурным капиталом, вынуждены действовать в условиях конкуренции и учитывать потребности масс» [9, с. 41]. П. Бурдьё считал, что потакание массовому вкусу ставит под угрозу творческую независимость художника, которому теперь диктует свою волю потребитель. Коммерциализация и стремление к расширению рынка захватывает все сферы творчества, включая «высокую» литературу и живопись.

Сейчас, в условиях глобализации, возможности для знакомства с любыми произведениями искусства практически безграничны. Музеи и театры разрабатывают множество стратегий, чтобы сделать искусство доступным как можно большему числу людей. Но проблема совпадения культурных кодов автора и зрителя таким образом не решается, а лишь становится более очевидной. Популяризаторы «высокого» искусства исходят из принципа его всеобщей доступности и понятности. И ищут лишь способы преподнести это искусство людям, обладающим разными объёмами культурного капитала. На первый взгляд, такая стратегия приносит плоды. В музеи, театры и концертные залы выстраиваются огромные очереди. Но действительно ли эта популярность связана со стремлением познать искусство? Или посещение крупных музеев, спектаклей, о которых все говорят и концертов, на которые трудно достать

билеты, только дань моде и демонстративное потребление ради ощущения причастности к определённой группе?

Немецкий философ Теодор Адорно в своём труде «Эстетическая теория» (1970) дал вполне определённый ответ на эти вопросы. Он описывает процесс «разыскуствления» искусства, превращения его в товар, потребитель которого не стремится развить собственное восприятие до уровня, которое соответствует произведению, а желает отождествить себя с этим произведением, найти в нём отголоски чего-то знакомого и привычного. По мнению Адорно, обыватели просто не в состоянии смириться с тем, что искусство резко контрастирует с их повседневной жизнью. А потребительская стоимость произведений искусства в эпоху перепроизводства легко может быть подвергнута сомнению «и отступает перед такими ценностями второго плана, как престиж, эффе́кт причастности, наконец, сам товарный характер изделия – своего рода пародия на эстетическую видимость» [1, с. 29].

В свою очередь, те, кто являются посредниками между искусством и публикой стремятся «не дать произведению быть тем, что оно есть, тщательно «приготовить» его по своим собственным шаблонам и критериям, уменьшить дистанцию между ним и потребителем» [1, с. 28]. Индустрия культуры представляет искусство как нечто близкое людям и принадлежащее им по праву. Но внедрение искусства в массы, попытка сделать его доступным и понятным убивает сакральность, свойственную акту творчества, подменяет настоящее чудо его копией. Однако потребность в искусстве существует, и удовлетворение её связано с извлечением прибыли. Поэтому производство «фальшивок» поставлено на поток, и его технологии непрерывно совершенствуются.

Понятие «культуриндустрия» Т. Адорно сформулировал ещё в 1947 г. в книге «Диалектика просвещения», написанной в соавторстве с Максом Хоркхаймером. По мнению исследователей, культура в современном обществе всё

более становится похожа на конвейерное производство. Главными её характеристиками становятся унификация, то есть воспроизведение одних и тех же образов, и смыслов, и агрессивность, с которой она навязывает их людям.

Человек становится зависимым, утрачивает эстетическую свободу, то есть возможность понимать, интерпретировать искусство, наслаждаться им. Произведения искусства уже не воспринимаются в целостности, у потребителей массовой культуры нет ни времени, ни возможности для их осмысления. Они обращают внимание только на яркие детали, неожиданные сюжетные повороты, эффекты, которые лишь затмевают смысл произведения. «В музыке одиночному гармоничному эффекту удалось затушевать, оттеснить на второй план восприятие целостной формы произведения, в живописи отдельному цветовому пятну – композиции образа, в романе психологической убедительности – его архитектуре. Всему этому культуриндустрия кладет конец своей тотальностью» [13, с. 152].

Массовое искусство, по мнению Адорно, стремится вызвать у потребителя стереотипную реакцию и исключить возможность по-разному интерпретировать смысл произведения. В то время как искусство «высокое» помогает человеку взглянуть на мир по-новому, выводит его за рамки знакомого и привычного.

В.А. Кондрашов и Е.А. Чичина считают, что восприятие произведений массовой культуры сводит эстетическое воспитание исключительно к морально-этическому аспекту: «Некоторые произведения массового искусства несут в себе морально-нравственный аспект, в то время как произведения подлинного (иногда называемого элитарным) искусства призваны учить видеть, слышать, чувствовать, т.е. призваны воспитывать человеческую чувственность» [8, с. 15].

По мнению Бурдьё, проблемы художественного вкуса неотделимы от вопросов вкуса в повседневной жизни. Люди, обладающие небольшим объёмом

«культурного капитала» склонны эстетизировать объекты, которые традиционно причисляют к «низкой» культуре. Частично нехватку опыта восприятия искусства может решить специальное образование. Но, как уже было отмечено выше, в России в этой сфере наметился кризис ещё в 90-е годы прошлого века. Несмотря на ряд успешных теоретических разработок отдельных учёных и формальное признание на государственном уровне важности эстетического воспитания, существенных успехов на этом пути так и не удалось достичь. Массовизация культуры стала государственной политикой.

Потребностям человека в красоте и творческой самореализации противостоит поточность, стандартизированность мышления. Человеку необходимо максимально хорошо подготовиться к той роли, которую он будет играть в обществе. Именно поэтому возникают противоречия между установками на развитие творческих способностей и эстетического вкуса, которые декларируются государством, и существующую в реальности потребность в хороших исполнителях, инициатива которых не выходит за строго определённые рамки. Эта ситуация отчасти схожа с той, которая наблюдалась в Советском Союзе в первой четверти XX в., когда А.В. Луначарского, утверждавшего, что без эстетического воспитания образование становится обезличенным, упрекнули в том, что он хочет потратить ресурсы на выполнение ненужных народному хозяйству задач.

Однако важно отметить, что в XXI веке ситуация в России постепенно меняется. Творческие навыки, гибкость мышления, фантазия, интуиция становятся всё более востребованными. Как справедливо отмечает А.И. Савенков, «если креативность для середины XX века – роскошь, позволительная немногим избранным, то для XXI века – это необходимое условие выживания и достойного существования каждого» [11, с. 84].

Философ и культуролог О.А. Жукова рассматривает культурный капитал

как результат накопления философских, религиозных, образовательных и социально-политических практик, смыслов, традиций, идей и ценностей, которые должны актуализироваться и превратиться в «ресурс развития человека и современного российского общества» [5, с. 13]. Главным при этом является вопрос преемственности и присвоения (интериоризации) культурных традиций и ценностей.

Литература

1. Адорно Т.В. Эстетическая теория / Пер. с нем. А.В. Дранова. – М.: Республика, 2001.
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. – М.: Мысль, 1984.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.
4. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV–XV веков. – М.: Высшая школа, 1977.
5. Жукова О.А. Избранные работы по философии культуры: культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. – М.: Согласие, 2014.
6. Кабалевский Д.Б. Прекрасное пробуждает доброе. – М.: Педагогика, 1973.
7. Киященко Н.И. Современные концепции эстетического воспитания (теория и практика). – М.: ИФРАН, 1998.
8. Кондрашов В. А., Чичина Е.А. Этика. Эстетика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
9. Марков Б.В. Культура повседневности. Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008.
10. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г. // Народное образование. 1999. № 10. С. 40–47
11. Савенков А.И. Психологические основы исследовательского подхода к обучению: учебное пособие. – М.: Ось-89, 2006.

12. Сухомлинский, В.А. Духовный мир школьника. – М.: Учпедгиз, 1991.
13. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 1997.
14. Шапинская Е.Н. Эстетическое воспитание в социокультурном контексте современной России: кризис ценностей и пути его преодоления // Культура и искусство, 2014.
15. Шатунова Т.М. Эстетика социального (эстетическое начало в процессе идентификации современно-го человека): учебное пособие. – Казань: Казанский ун-т, 2012.
16. Шиллер Ф. Статьи по эстетике. – М.-Л.: Academia, 1935.

CULTURAL CAPITAL AND THE IDEAS OF AESTHETIC EDUCATION IN THE 20TH CENTURY

Maslova V.A.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Since ancient times, the art and the ideas of beauty have been subjects of study by philosophers. The earliest records of aesthetic education are dated back to antiquity. The ideas on how to develop the human skill to create beauty have been constantly changing. However, the principle that was formulated by the Soviet scientist V.A. Sukhomlinsky remained unchanged: "A person discovers the beautiful in himself through the perception of the beauties in Nature and Art." [12, p.15]. The division of the culture into "high" and "low" (i.e. mass) culture is dated back to the 20th century. It became clear that the level of aesthetic education depends on the cultural capital of each individual. The French sociologist Pierre Bourdieu introduced this concept at the end of the 1970s. The issue has become issue topical. "How can we acquire and preserve cultural capital?"

Object of study. The concepts and evolution of aesthetic education from its origins to the end of the 20th century. *Subject of study.* The relationship between aesthetic education and the theory of "cultural capital". *Purpose of study.* Emergence of aesthetic education concepts in a historical retrospective. Feature of aesthetic education concept in the 20th century. *Study objectives.* To describe the necessity for methods of aesthetic education rethinking as part of the society transformation. *Methods of study.* Anal-

ysis, synthesis, classification, comparison. *Results of study*. Despite the richness of aesthetic education experience, the crisis in this area could not be overcome because Russia has developed in a "special" way. However, foreign scientists' theories are projected onto Russian realities. They help to comprehend problems and look for solutions.

Keywords: Aesthetic education, culture, value system, creativity, cultural capital, culture industry, aesthetic experience.

References

1. Theodor W. Adorno ÄSTHETISCHE THEORIE / Hrsg. von Gretel Adorno und Rolf Tiedemann. 13. Aufl. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995.
2. Aristotle – Collection of Works in Four Volumes. Vol. 4 – Moscow, Mysl, 1984.
3. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge – Moscow, Medium, 1995.
4. Bragina L.M. Italiyski gumanizm. Eticheskije uchenija XIV–XV vekov [Italian Humanism. Ethical Teachings of the Fourteenth and Fifteenth Centuries]. Moscow, High School, 1977.
5. Zhukova O.A. Izbrannye raboti po filosofii kulturi: kulturni kapital. Russkaya kultura i sotsialnie praktiki sovremennoj Rossii [Selected Works in Philosophy of Culture: Cultural Capital. Russian Culture and Social Practices in Contemporary Russia]. Moscow, Soglasie, 2014.
6. Kabalevskiy D.B. Prekrasnoe probuzhdaet dobroe [The Beautiful awakens the Good]. Moscow, Pedagogika, 1973.
7. Kiyashchenko N.I. Sovremennye koncepcii esteticheskogo vospitaniya (teoriya i praktika) [Modern concepts of aesthetic education (theory and practice)]. Moscow, IFRAN, 1998.
8. Kondrashov V. A., Chichina E.A. Etika. Estetika [Ethics. Aesthetics]. Rostov-on-Don, Feniks, 1999.
9. Markov B.V. Kul'tura povsednevnosti. [Everyday Culture]. Saint-Petersburg, 2008.
10. Narodnoe Obrazovanie, 1999, № 10.
11. Savenkov A.I. Psihologicheskie osnovy issledovatel'skogo podhoda k obucheniyu: uchebnoe posobie [Psychological foundations of the research approach to learning]. Moscow, Os-89, 2006.
12. Sukhomlinsky, V.A. Duhovnyj mir shkol'nika [The Spiritual World of the Schoolboy]. Moscow, Uchpedgiz, 1991.
13. Horkheimer M., Adorno T.V. The Dialectic of Enlightenment. Philosophical Fragments. Moscow-Saint-Petersburg, Medium, Juventa, 1997.
14. Shapinskaya E.N. Esteticheskoe vospitanie v sociokul'turnom kontekste sovremennoj Rossii: krizis cennostej i puti ego preodoleniya//Kul'tura i iskusstvo [Aesthetic education in the socio-cultural context of modern Russia: crisis of values and ways to overcome it // Culture and Art], 2014, № 2.
15. Shatunova T.M. Estetika social'nogo (esteticheskoe nachalo v processe identifikacii sovremennogo cheloveka). [Aesthetics of the social (aesthetic beginning in the process of identification of the modern man)] Kazan, Kazan University, 2012.
16. Schiller F. Articles on Aesthetics. Moscow-Leningrad, Academia, 1935.

Роль комедии Н.Д. Неустроева «Тизэтэйбит» в культурную жизнь Республики Саха (Якутия)

Афанасьев Ньургун Вячеславович,

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Фольклор и культура»,
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: n.v.afanasev@mail.ru

Титова Ульяна Валерьевна

магистрант кафедры фольклора и культуры, ФГАОУ
ВО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова»
E-mail: mulyana-ogonegerova@mail.ru

В статье, авторы подробно рассматривают на примере комедийной драмы Николая Денисовича Неустроева «Тизэтэйбит» использование креативных подходов для сохранения и популяризации культурного наследия народа Саха. В работе отмечается, что за последние годы, большим событием в развитии духовной культуры и в целом культурной жизни региона, стало, вносимые современниками новшества в постановках якутских комедий. Так, по мотивам комедии «Тизэтэйбит» была поставлена первая якутская музыкальная комедия и снят фильм. В рамках исследовательской работы, авторами проведен опрос, отвечающие на вопросы, ->как Вы думаете, вводимые новшества в культуру народа в виде экранизация классической литературы с использованием инноваций, побуждает ли молодое поколение к знанию, изучению якутского культурного наследия? ->в чем актуальность произведения Н.Д. Неустроева «Тизэтэйбит» на сегодняшний день». Основными выводами проведенного исследования являются, что комедия «Тизэтэйбит» Н.Д. Неустроева в XXI в. стал одним из главных фундаментов становления креативной индустрии региона. Креативная индустрия как инструмент для развития региональной культуры может сыграть мощнейшую, высокоэффективную роль в развитии общественной жизни региона.

Ключевые слова: креативная индустрия, кино, театр, комедия, якутская культура, культурное наследие, культура, кластер, драма, культурная жизнь.

В условиях ускоряющейся глобализации особое значение приобретает возможность сохранения национальной культуры. В Якутии, через креативные подходы вдохнуть новую жизнь в классические произведения, становится на сегодняшний день, интересной отдельной нишей данной индустрии. Необходимо не только сохранять исторически сложившиеся культурное наследие путем консервирования, но и наряду с требованиями современного общества модернизировать по курсу развития региона в целом.

XXI век – век глобализации диктует свои правила, и современность требует поколение нового типа: активного, креативного и несущие в себе стержень национального самосознания. Поэтому очень важно подрастающему поколению развиваться и быть начитанным, владеть языками в совершенстве, а также знать историю развития и становления родной культуры и искусства.

Николай Денисович Неустроев является одним из основоположников якутской литературы. Он родился (З) 15 декабря 1895 года в Баягантайском улусе Якутской области. Николай Денисович является первым, кто в якутской драматургии обратился к жанровой форме комедии. За свою короткую жизнь, он внес большой вклад в развитие литературы и драматургии, написал известные якутские комедии Кукаакы Кулуба (1920), Тизэтэйбит (1925), Тар (1921), Куһаҕан тыын (1927), которые лежали основой репертуарного листа созданного в 1925 г. Саха драматического театра и по сей день любимы и актуальны среди населения. Так, комедийная драма «Злой дух» Н.Д. Неустроева является первой пьесой поставленной Саха театром 17 октября 1925 г [3].

В настоящее время, комедийные драмы по постановкам Н.Д. Неустроева легко воспринимаются зрителями любого возраста. Для подрастающего поколения они зарождают и формируют интерес к родной литературе и фольклору. Что показывает, через историю можно постичь духовный мир предков, понять его язык и культуру.

По данным наблюдения авторов статьи, постановки комедийной драмы «Тиэтэйбит» детским образцовым драматическим театром «Кустук», Таттинским народным театром и Саха академическим театром им. П.А. Ойунского Республики Саха (Якутия), всегда воспринимается зрителем легко, впечатляюще и идет в полном аншлаге. Например, в Саха академическом театре им. П.А. Ойунского спектакль «Тиэтэйбит» успешно идет практически каждый театральный сезон. Как отмечает старейший актер Саха театра Михаил Семенов «...спектакль «Тиэтэйбит» всегда пользуется народной любовью и регулярно собирает аншлаги, где бы ни презентовался спектакль» [2]. Актуальность данного спектакля обуславливается тем, что в своем произведении автор затрагивает и по сей день насущным проблемам социального характера (алкоголизм, игромания, бедность) и нравственным проблемам поколений (проблема отцов и детей), взаимоотношений между людьми и сексуальных отношений между мужчиной и женщиной.

За последние годы, большим событием в развитии духовной культуры и в целом культурной жизни региона, стало, вносимые современниками новшества в постановках якутских комедий на основе творчества Н.Д. Неустроева. Так театр оперы и балета Республики Саха (Якутия) в 2015 году поставил первую якутскую оперетту в виде музыкальной комедии «Тиэтэйбит» [3]. Следует также отметить, что на якутской оперной сцене появился как новый жанр – якутская музыкальная комедия.

Отдельное внимание заслуживает фильм «Тиэтэйбит», снятая группой специалистов под режиссёрским

началом Романа Дорофеева по одноименной комедии Николая Неустроева. Фильм вышел на прокат в начале 2020 года. Следует отметить, что фильм имеет успех на прокате и в этом, немаловажную роль сыграла внедрение креативной индустрии, т.е. саунд-трек с необычной для якутского слушателя мелодией и особенным ритмом в стиле «reggae» в оригинальном исполнении звезд якутской эстрады Виталия Очирова и KitJah. Как нам известно, Якутия считается третьим после Москвы и Санкт-Петербурга, по количеству снятых фильмов. По данным Единой федеральной автоматизированной информационной системы сведений о показах фильмов в кинозалах комедия «Тиэтэйбит» собрала 9.377.849 рублей, этот показатель является выше среднего, по сравнению с другими [1]. Креативные индустрии, как известно, оставаясь таким нестандартным, позволяют быть всегда актуальным, помимо увеличения интереса к сохранению родной культуры, также, могут добавить «новые краски» со стороны инновационных технологий. Как отмечает режиссёр фильма Роман Дорофеев, якутской киноиндустрии нужны новые люди с оригинальными идеями, креативные, которые смогли бы передать якутский колорит так, чтобы якутский юмор был понят и на других языках [4].

Использование средств креативной индустрии в кинематографе, лучше передает современным зрителям классические произведения литературы для поддержания интереса к истории и культуре, что может помочь погрузиться во времена наших предков. Это показывает, что средства креативной индустрии, безусловно, имеют огромный потенциал с точки зрения сохранения культурного наследия.

После выхода фильма «Тиэтэйбит» на прокат, нами проведен социологический опрос среди населения республики. В данном опросе приняли участие 87 респондентов разного возраста и деятельности. По возрастным категориям респондентов распределили на 4 группы:

1. 15–25 лет – 28,5%.
2. 26–45 лет – 31,8%.
3. 46–60 лет – 30,6%.
4. 60–80 лет – 9,4%.

Первый вопрос, «как Вы думаете, вводимые новшества, например, экранизация классической литературы с использованием инноваций побуждает ли молодое поколение к знанию, изучению якутского культурного наследия?». Результат:

- «да» – 85,7% респондентов;
- «нет» – 9,5% респондентов;
- «возможно» – 4,8% респондентов.

Проанализировав результат опроса можно заключить, что киноиндустрия в Якутии имеет огромный потенциал и побуждает молодое поколение к знанию, изучению культурного наследия народа, который можно и нужно реализовывать не только на внутреннем рынке, но и выходить за его пределы.

Второй вопрос, «в чем актуальность произведения Н.Д. Неустроева “Тизтэйбит” на сегодняшний день». На что большинство респондентов ответили, что произведение «Тизтэйбит» является общечеловеческим и во все времена все пороки и достоинства человека проявляются одинаково, поэтому актуальность сохраняет, и по сей день. Нужно также отметить, что многие отметили, что все произведения Н.Д. Неустроева – это жизнь якутской деревни и его проблемы, автор рассматривает быт под особым ракурсом юмора, что по себе делает его произведения актуальным во все времена.

Таким образом, комедия «Тизтэйбит» Н.Д. Неустроева в XXI в. стал одним из главных фундаментов становления креативной индустрии региона. Креативная индустрия, разумеется не является единственным инструментом для развития региональной культуры, но как показывают результаты исследований, при правильном применении они могут сыграть мощнейшую, высокоэффективную роль в развитии общественной жизни региона. Следовательно, перспективным в современном мире для формирования устойчивого интереса подрастающего поколе-

ния и усилению внимания к родной литературе, культуре видится представление произведений классиков (якутской литературы) с внедрением инновационных технологий, используя кластеры креативных индустрий. Но, нужно ли говорить о том, что только от нас зависит как будет пользоваться данным инструментом общество, во благо или во вред. Поэтому очень важно и необходимо с самого начала направить в правильное русло вводимые современностью новшества.

Литература

1. Единая федеральная автоматизированная информационная система сведений о показах фильмов в кинозалах <http://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111000120/> (дата обращения: 30.11.2020).
2. История театра... // Пресс-центр Саха Академического театра им. П.А. Ойунского <http://sakhatheatre.ru/about/> (дата обращения: 30.11.2020).
3. Театр оперы и балета представил национальную оперу «Тизтэйбит» на фестивале «Видеть музыку» в Москве // Пресс-центр Министерства культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия): статья от 13.11.2019 г. <https://minkult.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3088935> (дата обращения: 30.11.2020).
4. Черамшина Наталья. Роман Дорофеев: Кино – это мои фантазии, а театр – душа // Якутское-Саха информационное агентство: статья от 22.02.2019 г. <https://ysia.ru/roman-dorofeev-kino-eto-moi-fantazii-a-teatr-dusha/> (дата обращения: 30.11.2020).

ROLE OF THE COMEDY OF N.D. NEUSTROEV “TIETAITBIT” IN THE CULTURAL LIFE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Afanasyev N.V., Titova U.V.

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova

In the article, the authors examine in detail the use of creative approaches to preserve and pop-

ularize the cultural heritage of the Sakha people using the example of the comedy drama of Nikolai Denisovich Neustroev "Tiatabit". The work notes that in recent years, the innovations introduced by contemporaries in the productions of Yakut comedies have become a major event in the development of spiritual culture and the cultural life of the region in general. So, based on the comedy "Tiatabit", the first Yakut musical comedy was staged and a film was shot. As part of the research work, the authors conducted a survey answering the questions – "What do you think, the innovations introduced into the culture of the people in the form of a film adaptation of classical literature with the use of innovations, does it encourage the younger generation to know, study the Yakut cultural heritage?" N.D. Neustroev "Tiatabit" today. "The main conclusions of the study are that the comedy" Tiatabit "by ND Neustroev in the XXI century., a highly effective role in the development of public life in the region.

Keywords: creative industry, cinema, theater, comedy, Yakut culture, cultural heritage, culture, cluster, drama, cultural life.

References

1. The unified federal automated information system of information about screenings of films in cinemas <http://ekinobilet.fond-kino.ru/films/detail/111000120/> (date of access: 30.11.2020).
2. History of the theater ... // Press Center of the Sakha Academic Theater. P.A. Oyun-sky <http://sakhatheatre.ru/about/> (date accessed: 30.11.2020).
3. The Opera and Ballet Theater presented the national opera "Tiatabit" at the "See Music" festival in Moscow // Press Center of the Ministry of Culture and Spiritual Development of the Republic of Sakha (Yakutia): article dated 11/13/2019 <https://minkult.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3088935> (date accessed: 11/30/2020).
4. Cheramshina Natalia. Roman Dorofeev: Cinema is my fantasies, and theater is my soul // Yakutskoe-Sakha news agency: article dated 02.22.2019 <https://ysia.ru/roman-dorofeev-kino-eto-moi-fantazii-a-teatr-dusha/> (date accessed: 30.11.2020).

Эпистемология и стереотипы мышления

Шимельфениг Олег Владимирович,

кандидат физико-математических наук, доцент,
кафедра геометрии, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: shim.ov@mail.ru

Одно из основных направлений в эпистемологии – это, на языке Платона, «эпистрофе», философская процедура «поворота назад», или «перемена взгляда ума» не на данность, а на источник возможности этой данности, в частности, это выявление стереотипов мышления, во многом неосознаваемых, которые неявно влияют на постановку проблемы, ход развития и результаты исследований, обычно принимаемые за близкие к «объективным», адекватным самой природе явлений. Понимание «объективности» зависит от картины мира учёного и от преобладающих в его время социальных предпочтений. Вместо «борьбы с субъективностью» предлагается осознать, что исследователь – неустраняемый фактор процесса исследования, поэтому его нужно изучать с не меньшим вниманием и тщательностью, чем сам объект, поскольку любые эксперименты с таким и их описания определяются возможностями и установками субъекта, во многом неосознаваемыми, что проблематизирует статус «объективности» традиционной научной деятельности. Онтологической основой иного – комплексного подхода, органично охватывающего в неразрывном единстве исследователя (в том числе и группового) и исследуемое, автор предлагает сюжетно-игровую парадигму, построенную на базе универсалий сюжета, сценария и игры, схватывающих духовные, психические и физические аспекты действительности, что даёт возможность изучать, как сознательно применяемые, так и совершающиеся автоматически, приёмы работы с информацией, делая тем самым результаты исследования более непредвзятыми.

Ключевые слова: картина мира, сюжет, сценарий, игра, реальность, стереотипы мышления.

Проблема связи личностных, лишь частично осознаваемых, онтологических установок с определением предмета и методов любого исследования, а затем и с оценкой его общезначимости, – изучается в работах Столяровой О.Е. [1], Гретчиной О.С. [2], Пронских В.С. [3], Антоновского А.Ю. [4] и ряда других авторов. В работе [1] отмечается, что чем более общий характер имеют те или иные предпосылки мышления, тем глубже они спрятаны в той или иной системе мысли и тем надежнее скрыты от саморефлексии того или иного мыслителя вплоть до так называемых абсолютных предпосылок, которые остаются неотрефлексированными в принципе. Рассматривается стратегия регрессивного движения от наличных данных к условиям, которые принимаются или отвергаются при проверке их «фактами» [1, с. 223]. Однако, если продолжить процесс рефлексии, то придётся признать, что и «факты» тоже обусловлены «концептуальными послылками» [5, с. 238], то есть, определяются не только свойствами изучаемого явления, но и физиологическим и интеллектуальным аппаратом воспринимающего, а, следовательно, являются результатом взаимодействия исследователя и исследуемого.

Гретчина О.С. в рецензии на книгу Л. Дагстон и П. Галисона [6] констатирует, что авторы отказываются от вневременного понимания объективности и на примере конкретных практик создания, использования и чтения научных образов в атласах с XVIII в. обнаруживают периоды существования трёх типов объективности, основанных на трёх режимах научных практик: «истина-по-природе», «механическая объективность» и «тренированное суждение», а также намечают четвер-

тый, характеризующий современность, «образ-как-инструмент» [2, с. 245]. Авторы считают главным принципом понимания объективности – борьбу с субъективностью.

Однако из сюжетно-игровой парадигмы [7] следует, что с субъективностью бесмысленно «бороться», поскольку от самого себя – своего аппарата восприятия и интерпретации, во многом неосознаваемого, как показала наука и практика XX века, никуда не деться, поэтому «борьба с субъективностью за объективность» просто превращается в навязывание всем остальным собственной, в том числе и групповой, точки зрения: «За счёт фиксации способа перехода от рамок к объектам мы фактически от расплывчатого, постоянно перефокусирующегося с одного контура рамок на другой, постоянно мерцающего, «плавающего» размышления переходим к жёстко ограниченной, логизированной или технологизированной работе с объектами (к манипулированию самими этими объектами и предметами в заданных границах интерпретации)» [8, с. 39].

Альтернативой этой архаической стратегии малоосознаваемой агрессивной «объективности» может стать предложенная автором [9] «челночная стратегия», зашнуровывающая в единое целое изучение исследуемого и исследователя, поскольку при другом типе исследователя это будет уже другая система, а, значит, и явление, которое может, с иной точки зрения, просто исчезнуть или превратиться в нечто даже противоположное, что ярко демонстрирует, например, противостояние корпускулярной и волновой теорий света в своё время, а сейчас концепции политологов противоборствующих стран. Таким образом, «челночная стратегия» является более строгим и ответственным подходом к исследованию, чем односторонняя нерелективная вера в «объективную истинность» чьих-либо, в том числе, и собственных авторских, воззрений.

«Созависимость объективности и субъективности позволяет по-новому

раскрыть изменчивость научных самоостей: наряду с историчностью объективности как одной из научных добродетелей обнаруживается историчность субъективности как одного из способов тематизации самости» [2, с. 249]. По сути, «созависимость» абстракций «объективности и субъективности» является следствием реального взаимодействия субъекта и объекта, которое субъект лишь частично рефлексивирует, придавая его описанию статус «объективности», который, действительно, меняется, причём не только в зависимости от «режимов научных практик», но, прежде всего, определяется картиной мира исследователя, где максимально «объективной» оказывается «субъективная» позиция Вселенского наблюдателя: «Существует один всеобъемлющий факт – развёртывающаяся история Вселенной» [10, с. 412]; «в строгом научном смысле можно было бы говорить, собственно, только о действительности вроде всеобъемлющей космической действительности» [11, с. 264].

В некотором смысле продолжает эту мысль и А.Ю. Антоновский: «философия может быть рассмотрена как коммуникативная (=наблюдатель), миссия которой состоит в генерировании уникального мировоззренчески-значимого продукта: универсального самоописания современного общества, где философия совмещает в себе три фундаментальные наблюдательные способности: научной, протестной и художественной активности» [4, с. 134]. В конечном счёте, настоящий философ во все времена выходит за рамки «самоописания современного общества» и становится Вселенским наблюдателем, как бы со-творцом всего происходящего, – пробуждённым в смысле известных духовных традиций [12].

Стратегии жизни, всё более определяющие облик среды, в которой мы живём и малоосознаваемые программы, формирующие наше поведение, во многом основываются на механистической бездуховной картине мира, из которой выброшены, как сами со-авторы «сценариев» и со-исполни-

тели (обеспечивающие тем самым себе «алиби в Бытии», по выражению М.М. Бахтина), так и все другие «действующие лица-силы» Природы в целом, которые отвечают нам на своём «языке» – экологическими и социальными катастрофами.

Поэтому предлагается вернуться, разумеется, на новом витке спирали развития культуры – от научной и технической до духовной – к представлению о полицентрическом мире Живой Вселенной, разрабатывая такую *систему универсалий*, в которой нашли бы место и сами авторы, и все остальные участники происходящего, многие из которых (чаще всего под управлением программ мышления, образовавшихся с рождения и неконтролируемых сознанием) «всегда готовы манипулировать формулой «объективной реальности» (или «знания», «истины», «обстоятельств»), чтобы, с одной стороны, оправдать себя, скрыть свои интересы, личные и групповые, а, с другой стороны, принудить других, верующих в миф «объективной реальности», к исполнению их указаний» [13, с. 2]. Отсюда не следует, согласно логике Аристотеля, справедливость противоположного мифа – «субъективной реальности»; – «здесь, как раз, предлагается, – выпадающий из поля внимания многих философов и учёных, – третий «исключённый» ими вариант картины мира – «межсубъектная», полицентрическая или «коммунальная реальность», творимая всеми своими со-участниками, не только людьми, конечно» [Там же].

Однако некоторые оппоненты утверждают, что, выступление против понятия «объективности» означает будто бы борьбу с обычным орудием, например, «топором», которым предлагается не пользоваться, поскольку им можно убить кого-нибудь! Давайте разберёмся поглубже с этим, вроде бы, простым и убедительным контраргументом. Проблематизируемое понятие «объективности», действительно, как и всякое слово, также является инструментом, но, при более внимательном рассмотрении, не таким, как многие другие. Оно,

по сути, не обозначает какой-либо объект, процесс, описание («топор») и т.п., а служит специальной *маркировкой высказывания* о чём угодно («объективная» реальность, или истина, знание), придавая ему *особое качество* – общезначимости, *независимости от конкретного пользователя*, то есть, выдаёт ему «*индугенцию*» – разрешение на безсубъектность, на безответственность за предлагаемое и осуществляемое (имеется в виду, что таковы «законы» природы, «объективные» обстоятельства, а пользователь инструмента тут не причём!), позволяя вершить любые «эксперименты» с живыми существами, совершать любые действия, а предпочитаемую некоторым сообществом в настоящее время модель объявлять «объективной». Употребление этого эпитета тоже, конечно, является инструментом, но, как видим, особого рода, освобождающим от личной ответственности и, одновременно, принуждающим других соблюдать провозглашаемую тобой «объективную» истину: «Вопросы о том, что является истинным или ложным, зависят от принятия того или иного *концептуального каркаса*. Нельзя допустить, что кому-то даны объекты сами по себе и этот кто-то может решать, чьи утверждения являются *истинными*» [5, с. 238].

Сказанное выше отнюдь не означает, что предлагается игнорировать *законы* природы и общества, – речь идёт о понимании их как определённых, в той или иной степени относительных, *правил* Космической Игры, *без которых её просто не будет*, поскольку вся Вселенская Сцена и её игроки существуют, проявляются только как результат квазициклических сюжетов (иначе, правил), на какое-то время воспроизводящих те или иные формы и сюжеты Мироздания, но сама формулировка законов и их интерпретации, очевидно, зависят от того самого «*концептуального каркаса*» и языка, сформированного у конкретных индивидов и их сообществ. Поэтому любой закон, с сюжетно-игровой точки зрения, необходимо маркировать позицией автора и пользователя (в том

числе и коллективных), что не мешает его массовому и эффективному применению, но лишает претензии на эпитеты «объективности» и «истинности» всегда и для всех, именно такова позиция настоящего учёного, не превращающего свои модели в абсолютные догмы.

Вместо поверхностных, мало адекватных реальности крайностей «объективности» или «субъективности» (что становится всё более очевидным всё большему количеству учёных и философов), предлагается на основе отношения «субъект-иносубъект», онтологическая модель Коммунальной Реальности (как Божественной Космической Игры вечного неопределимого Творческого Начала Вселенной с Самим Собой через все свои подобиya-воплощения), совместно делаемой всеми участниками, но воспринимаемой индивидуально, хотя и близким образом определёнными сообществами.

Такое понимание реальности восходит к древним духовным традициям, начиная от шаманизма, даосизма, индуизма, суфизма, христианского исихазма до современных концепций Космической Игры [14]. Сюжетно-игровая парадигма сразу даёт основу для моделирования любой ситуации и организации любой деятельности: выделяются участники, их возможные стратегии, цели, интересы и формируется оптимальное поведение самого исследователя и деятеля с учётом необходимого окружающего его сюжетного потока вплоть до биосферного и космического. Всякое явление можно рассматривать в диапазоне от «индивидуальной» игры до погружения в нужную систему игр вплоть до сюжетного потока универсума. Здесь мы имеем также весьма полезный сопутствующий психологический эффект: постоянное пользование сюжетно-игровым языком возвращает человека в состояние как бы детской непрерывной творческой активности, начала творения, так как всегда предполагается возможность освобождения от любых «правил» («Правила нужно уметь обходить; как правила рэнга, так и правила этого брэнного мира», – го-

ворит дзэнский мастер стихов рэнга [15, с. 164]), стандартных сюжетов и стимулируется, даже бессознательно, поиск новых моделей (сценариев) поведения, новых «игр» и их комбинаций, постоянная готовность к открытию и творчеству во всех сферах жизни [16]; то есть, человек духовно раскрепощается и чувствует себя «сотворцом» многоликой деятельности Природы и общества, включенных в единый мировой сюжетный поток, понимаемый как ИГРА.

В заключение следует отметить, что сюжетно-игровая парадигма показала свою полезность не только в сфере образования – в конкретных организациях (производственных, общественных и учебных), но и в инновационном управлении, и в политике, в создании и реализации проектов Академии проблем качества Российской Федерации [17–20].

Литература

1. Столярова О.Е. «Коперниканская революция» Канта как объект философской ретроспекции // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. No 4. С. 219–236.
2. Гретчина О.С. Историческая изменчивость самости в научном ландшафте // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. No 4. С. 244–250.
3. Пронских В. С.К. Онтология коллективного экспериментатора: от группы Альвареца к мегасайенс // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. No 4. С. 165–182.
4. Антоновский А.Ю. Философия в полицентричном мире Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. No 4. С. 117–138.
5. Марков Б.В. Философия: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения – СПб.: Питер, 2013. – 432 с.
6. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
7. Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». – Саратов: Научная книга, 2005. – 688с.

8. Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы// Вопросы философии, 2007, № 7, с. 36–54.
9. Шимельфениг О.В., Солодовниченко Л.Я. Вечный вызов интеллигенту на фоне Ренессанса. Философия истории // Интеллигенция и мир: Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук, 2017. – № 1. – С. 97–115
10. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М., 1990. – 718 с.
11. Франк С.Л. Сочинения. – М., 1990. – 608 с.
12. Радхакришнан С. Индийская философия (в двух томах). – М., 1956–1957.
13. Шимельфениг О.В. Проблема квазиграниц в Универсуме и её проекция в жизнь // Философская мысль. – 2020. – № 9. – С. 1–13.
14. Гроф С. Космическая игра. – М., 2001. – 256 с.
15. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М., 1979. – 368 с.
16. Шимельфениг О.В., Солодовниченко Л.Я. Можно и нужно ли обучать творчеству? – Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2017, т. 17, вып. 3, с. 365–370.
17. Шимельфениг О.В., Герасимов Б.Н. Формирование корпоративных отношений в организации на основе сюжетно-игрового подхода // ВЕСТНИК Самарского института бизнеса и управления. Вып.5., ч. 1. Самара: НОАНО ВПО СИБиУ, 2010. – с. 67–77.
18. Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход в обучении менеджменту// Креативная экономика и социальные инновации. 2017. Т. 7. № 1. С. 75–91.
19. Герасимов Б.Н., Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход в управлении качеством // Качество и жизнь, № 4(20) 2018, С. 88–93.

20. Шимельфениг О.В. Трансдисциплинарная стратегия в научном познании и образовании // журнал «Философия образования» Т. 20. № 1 2020.

EPISTEMOLOGY AND STEREOTYPES OF THINKING

Shimelfenig O.V.

Saratov national research state University named after N.G. Chernyshevsky

One of the main directions in epistemology is, in the language of Plato, “epistrophe”, the philosophical procedure of “turning back”, or “changing the mind’s view” not on the given, but on the source of the possibility of this given, in particular, this is the identification of stereotypes of thinking, in many unconscious, which implicitly affect the formulation of the problem, the course of development and the results of research, usually taken as close to “objective”, adequate to the very nature of phenomena. The understanding of “objectivity” depends on the scientist’s worldview and on the prevailing social preferences in his time. Instead of “fighting subjectivity,” it is proposed to realize that the researcher is an irreplaceable factor in the research process, therefore, he must be studied with no less attention and thoroughness than the object itself, since any experiments with such and their descriptions are determined by the capabilities and attitudes of the subject, which are largely unconscious. which problematizes the “objectivity” status of traditional scientific activity. The ontological basis of another – an integrated approach, organically encompassing the researcher in inextricable unity (including group) and investigated, the author proposes a plot-game paradigm based on plot, script and game universals that capture the spiritual, mental and physical aspects of reality, which makes it possible to study both consciously applied and automatically performed techniques of working with information, thereby making the results of the study more unbiased.

Keywords: picture of the world, plot, scenario, game, reality, stereotypes of thinking.

References

1. Stolyarova O.E. “Copernican Revolution” Kant as an object of philosophical retrospection//Epistemology and philosophy of science. 2019. Т. 56. No 4. С. 219–236.

2. Gretchina O.S. Historical variability of self in the scientific landscape//Epistemology and philosophy of science. 2019. T. 56. No 4. C. 244–250.
3. Pronskikh V.K. Ontology of a collective experimenter: from the Alvarets group to the megasiens//Epistemology and philosophy of science. 2019. T. 56. No 4. S. 165–182.
4. Antonovsky A. Yu. Philosophy in the polycentric world Epistemology and philosophy of science. 2019. T. 56. No 4. C. 117–138.
5. Markov B.V. Philosophy: Textbook for universities. Third generation standard – St. Petersburg: Peter, 2013. – 432 p.
6. Duston L., Galison P. Objectivity. M.: New Literature Review, 2018. 584 s.
7. Shimelfenig O.V. Living Universe. Plot and game picture of the world. XXI century: “SELF-TESTAMENT” or “SELF-APOCALYPSE.” – Saratov: Scientific book, 2005. – 688s.
8. Shchedrovitsky P.G. Changes in thinking at the turn of the 21st century: socio-cultural challenges//Issues of philosophy, 2007, No. 7, p.36–54.
9. Shimelfenig O.V., Solodovnichenko L. Ya. Eternal challenge to the intellectual against the background of the Renaissance. Philosophy of History//Intelligentsia and Peace: Russian Interdisciplinary Journal of Social and Humanities, 2017. – No. 1. – C. 97–115
10. Whitehead A.N. Selected works on philosophy. – M., 1990.
11. Frank S.L. Writings. – M., 1990.
12. Radhakrishnan S. Indian philosophy (in two volumes). – M., 1956–1957.
13. Shimelfenig O.V. The problem of quasi-borders in Universum and its projection into life//Philosophical thought. – 2020. – No. 9. – C. 1–13.
14. Grof S. Space game. – M., 2001. – 256 p.
15. Grigorieva T.P. Japanese art tradition. M.,1979. – 368 s.
16. Shimelfenig O.V., Solodovnichenko L. Ya. Can and should be taught creativity? – Izvestia of Saratov State University. New series. Philosophy. Psychology. Pedagogics. 2017, vol. 17, no. 3, p. 365–370.
17. Shimelfenig O.V., Gerasimov B.N. Formation of corporate relations in the organization on the basis of the plot and game approach//BULLETIN of the Samara Institute of Business and Management. Issue 5., Part 1. Samara: NOANO VPO SibIU, 2010. – p. 67–77.
18. Shimelfenig O.V. Plot and game approach in management training// Creative economy and social innovation. 2017. T. 7. NO. 1. C. 75–91.
19. Gerasimov B.N., Shimelfenig O.V. Plot and game approach in quality management// Quality and life, No. 4 (20) 2018, S. 88–93.
20. Shimelfenig O.V. Transdisciplinary Strategy in Scientific Knowledge and Education// Journal “Philosophy of Education” T. 20. No. 1 2020.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Ardashev R.G. Subjective perception of free will and religious self-determination in the public mind 5

Farakhutdinov Sh.F. Online focus groups: methodological features and heuristic possibilities 16

Izotova I. Yu. General characteristics of the value-semantic sphere of the dependent person 23

Pokhorukova M. Yu. The organization of professional self-determination during by pandemic 31

Subocheva O.N., Ovcharuk E.R. Communicative practices in eristic dialectics A. Schopenhauer 37

Khramova N.A. Favoritism as a key form of development of corruption relations 42

Shipunova O.D., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I. Multi-agent approach in the analysis of the educational environment 50

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Meshchaninova E. Yu. Ideology and construction of social reality. The Soviet project of the «society without money». Monetary reform in the USSR 1922–1924 60

Baranova L.M. The city in a global world: a sociology of change 70

Osipenko E.B., Salnikov A.V., Baranovsky M.V. Authority and trust in the structure of military command and military thought 76

Garnaga A.F., Okhotnikova Yu.V., Gromenko I.V., Tyukavkina I.L., Savkova N.V. Suburbanization processes in Russia and world. The reasons. Features 84

Medikov E.V., Demidova T.E. Social dependency and social parasitism in modern Russia: causes and factors influencing their appearance 88

Vlasova O.I., Chebykina I.V., Zaglodina T.A., Nichipurenko A.V. Institutional forms of pension investment in the estimates of Russians 94

Santos A.A.D., Kozyreva L.D. Institutions of social support for the population in modern Angola 99

Malyshev M.A. Changing the level of social standards to reflect the requirements of trade unions in the program of socio-economic development of Russia, in the plans of the Government and in the General Agreement 104

Pogrebnoi D.N. Social engagement of armed forces personnel as a component of service behaviour 112

Kozyreva L.D., Shkurupei O.V. Social support for youth in Russia: a new format of social reality 117

EMPIRICAL SOCIOLOGY

Grudina T.N. Sociological analysis of the attitudes of adolescents and parents on personal life span and self-preservation behavior 121

Burtsov M. Yu. Ways to ensure the effectiveness of social trust management in the sports institute of olympic reserve training 129

Evenko S.L., Moryakov S.V. Social welfare of military families: security priorities 135

Kochina E.A., Osipova D.A. Regional experience of using fundraising technology by socially oriented non-profit organizations (on the example of the Republic of Khakassia) 142

SOCIOLOGY OF CULTURE

Li Xiaozhou. Cultural creative clusters: place and role in the development of Russian regions 148

Ibragimov R.N., Mitrukhina S.V. Competence as a unit of measurement of human capital: sociological dimension 156

SOCIAL PHILOSOPHY

Kulzhanova G.T. The importance of value system in shaping human capital 166

Latysheva N.A. Symbolic spaces of Russia and its unity in the context of globalization 174

Mladenov V.I. The formation of a discourse of a religious threat in the Russian philosophical thought 180

Proshkin A.S. Social Engineering in the 21st century: The Social Credit System in People's Republic of China 189

Roldugina O. Yu. Philosophy of social management in the new social reality 195

Seregina T.N. Gender processes in the socio-economic space of the city 203

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE.
PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY.
PHILOSOPHY OF CULTURE**

Afanasyev N.V. Rational and irrational in the contemporary myth-making of the people: political mythology..... 210

Pozharskij S.D., Bober Zh. Philosophical aspects of marginality categories in the dialectic of development 217

Zagirnyak M. Yu. The Context of the Formation of the Concept of Solidarity in the Sergius Hessen’s Conception of Social Law ... 226

Kamaldinov A.V. Formation of “New Atheism”: preconditions for its emergence..... 232

Kolomeicev I.V. Human lifeworld transformation within the context of technological evolution 240

Kutin I.V., Andropova E.M., Artemov K.A., Kramarenko G.V., Lapshin V.V. Specifics of organizing sports and adventure events in Moscow for student youth 249

Maslova V.A. Cultural Capital and the Ideas of Aesthetic Education in the 20th Century 257

Afanasyev N.V., Titova U.V. Role of the comedy of N.D. Neustroev “Tietaibit” in the cultural life of the republic of Sakha (Yakutia)..... 266

Shimelfenig O.V. Epistemology and stereotypes of thinking 270

